

АДРИАН ТОПОРОВ

КРЕСТЬЯНЕ
О
ПИСАТЕЛЯХ

А. Топоров, рис. С. Титова, отца космонавта

АДРИАН ТОПОРОВ

**КРЕСТЬЯНЕ
О
ПИСАТЕЛЯХ**

Издание шестое.

Переработанное и дополненное

КОНСТАНТА

Белгород, 2015

ББК 63.3(2Рос-4Бел)6
Т58

Топоров, Адриан Митрофанович.
Т58 Крестьяне о писателях / А.М. Топоров. 6-е изд. – Белгород :
КОНСТАНТА, 2015. –300 с.

Староосколец Адриан Топоров более 20 лет жизни посвятил пропаганде литературы в деревне. Плодом этой интереснейшей работы, до сих пор не имеющей аналогов в мире, явилась публикация в 1930 году его книги «Крестьяне о писателях».

В настоящее издание включены не публиковавшиеся ранее главы о произведениях С.А. Есенина, М.М. Зощенко и др. Книга также дополнена материалами, имевшимися в первом издании и по причинам цензурного характера исключёнными из неё позже (обсуждение крестьянами произведений Б.Л. Пастернака, Ю.К. Олеси, И.Э. Бабея и т.д.).

Книга предназначена широкому кругу читателей, современным пропагандистам художественного слова и учащейся молодёжи.

ISBN 978-5-9786-0388-0

© Топоров А.М., 2015
© Издательство «КОНСТАНТА», 2015

ЛЕГЕНДАРНАЯ КНИГА

Адриан Митрофанович Топоров (1891 – 1984) – просветитель, педагог, писатель, общественный деятель, языковед, тонкий знаток практически всех видов искусств. Родом из беднейшей крестьянской семьи на Старооскольщине. В тех же краях окончил Каплинскую второклассную учительскую школу. Работал на Курщине, Алтае, в Подмосковье.

А.М. Топоров считал, что у него сразу три родины: Белгородчина, где он появился на свет Божий; Алтай, где к нему впервые пришла всесоюзная слава; и Николаевщина, что на юге Украины, где он прожил последние 35 лет жизни.

Имя А.М. Топорова можно встретить в различных энциклопедиях. Его личные фонды имеются в Институте мировой литературы (г. Москва), питерском Пушкинском доме, в государственных архивах Новосибирска, Барнаула, Белгорода, Курска, Старого Оскола, Ставрополя, Николаева, в музеях Москвы, Белгорода, Старого Оскола, Тулы, Николаева; Алтайского и Пермского краёв. Оно упомянуто в фундаментальном издании Истории СССР (Т. VIII. – М.: Наука, 1967. – С. 353). О Топорове до сих пор пишут книги, научные работы, снимают фильмы, говорят на литературно-общественных чтениях и т.д.

Ещё при жизни «дед», как его называли друзья и знакомые, стал одной из легенд литературного сообщества. Ну скажите, кто ещё, например, становился членом Союза писателей страны в 88 лет?! Кто ещё написал книгу, не имеющую в мире аналогов до наших дней?!

Однако для любого литератора – живущего ныне или уже ушедшего в мир иной – самой большой ценностью является не бытовая популярность, а издание его трудов. И с этой точки зрения невозможно переоценить значение выхода в свет в Белгороде 6-го исправленного и дополненного издания легендарной книги «Крестьяне о писателях», главной в жизни А.М. Топорова. Ведь предыдущее вышло в далёком 1982 году.

История этой книги такова. Учитель Адриан Топоров в им же созданной алтайской коммуне «Майское утро» с 1920 по 1932 годы проводил с неграмотными и полуграмотными крестьянами чтение мировой классической и советской литературы. Стенографически записывал всё, что говорилось затем при обсуждении прочитанного.

В 1927 году он начал публикацию своих записей в бийской газете «Звезда Алтая» и в новосибирском «толстом» журнале «Сибирские огни», далее выступил с книгой «Крестьяне о писателях» (М.: Госиздат, 1930). Это – первый и единственный в мире опыт крестьянской критики художественной литературы. Книга получила громкий резонанс в СССР и за его пределами (США, Австралия, Швейцария, Польша и т.д.). Её выход в разные годы положительно отметили литераторы и общественные деятели: А.М. Горький, В.В. Вересаев, Г.А. Вяткин, А.В. Луначарский, Н.А. Рубакин, А.Т. Твардовский, М.В. Исаковский, С.П. Залыгин, Н.С. Игрунов, В.А. Сухомлинский и другие.

Не сказать, что положительная оценка произведения была единодушной. Многие писатели и литературные критики (М. Беккер, Ф. Панфёров, Г. Павлов, А. Высоцкий и др.) её по разным причинам не приняли. В Сибирской советской энциклопедии в 1932 году писали: «Книга Топорова „Крестьяне о писателях“ – образец беспринципной, антимарксистской критики литер. произведений»*.

В 1937 году А.М. Топоров был незаконно репрессирован и до 1943 года отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛага, а сама книга на суде фигурировала среди вещественных доказательств вины автора. В публикации 2-го и 3-го томов книги автору было отказано Госиздатом, а её рукопись уничтожена. Последний полный экземпляр «Крестьян» был утерян во время фашистской оккупации Старого Оскола. Позднее произведение было включено Главлитом в «Аннотированные списки политически вредных книг, подлежащих изъятию из библиотек и книготорговой сети» по следующим причинам: «Книга засорена положительными упоминаниями врагов народа: Аросева, Пильняка, Кольцова. На с. 264–266 приведены положительные отзывы об Орешине и его творчестве»**.

Интерес к книге со стороны общественности и читающей публики возобновился в 1961 году, когда в космос полетел Г.С. Титов, который называл Топорова своим «духовным дедом», поскольку родители космонавта-2 были любимыми учениками и близкими друзьями Топорова в упомянутой выше коммуне «Майское утро».

«Крестьяне о писателях» в дальнейшем выдержали ещё 4 издания: 1963, 1967, 1979, 1982 годы.

Ныне в книгу вновь включены главы, в которых коммунары обсуждают произведения Б.Л. Пастернака, И.Э. Бабеля, П.В. Орешина, Ю.К. Олеси и др. Они не печатались с 1930 года. Рукописи ещё четырёх глав (о книгах В.Я. Шишкова, С.А. Есенина, А.Л. Курса и М.М. Зощенко) недавно обнаружены автором настоящих строк в Государственном архиве Николаевской области (Украина).

Выражаю также глубокую благодарность за неоценимую помощь в издании книги «Крестьяне о писателях» губернатору Белгородской области г-ну Е.С. Савченко.

Игорь Топоров

* Литература сибирская // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – Т. 3.

** Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17, оп.132, д.319, л.135.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЙ КНИГИ*

Это удивительная книга. Держишь её в руках как драгоценность, как кладёшь человеческих ценностей, как памятник. Вся её история – совершенно реальные факты и приметы нашей жизни переплелись здесь так, словно кто-то задался целью удивить и поразить вас.

Учитель Адриан Митрофанович Топоров в коммуне «Майское утро» близ Барнаула многие годы проводил с крестьянами чтение художественной литературы и записывал всё, что говорилось затем при обсуждении прочитанного. В конце двадцатых годов он начал публикацию своих записей, а в тридцатые годы выступил с отдельной книгой «Крестьяне о писателях».

Она получила горячую поддержку Максима Горького, В.В. Вересаева, Б.Л. Горбатова, Н.А. Рубакина и многих-многих других писателей и учёных, она вызвала живейший интерес в США, Германии, Польше, Швейцарии, вокруг неё шли споры. Потом книга и её автор были как-то забыты. Нельзя себе представить, чтобы она была забыта навсегда – рано или поздно о ней, конечно, вспомнили бы. Однако одно событие сразу же вызвало к новой жизни эту книгу, послужило поводом для второго её рождения. Это событие – полёт в космос Германа Титова.

Лишь только биографы космонавта-2 коснулись своего «материала», они сразу же отметили необыкновенную начитанность Германа, его любовь к поэзии, к художественной литературе в целом. Эта любовь у него – от отца, Степана Павловича Титова, сельского учителя. А у отца – от другого учителя – Адриана Митрофановича Топорова.

Топоров уже давно жил в Николаеве, на Украине. Возраст не помешал ему сохранить энергию, замыслы, старые привязанности к Сибири, к своим ученикам, новые надежды. Одной из этих надежд, конечно же, было переиздание книги «Крестьяне о писателях».

Хорошо, когда надежды совпадают с требованиями самой жизни, с духом нового времени. Новосибирское издательство выпустило эту книгу. «Второе, дополненное и переработанное издание, – читаем мы на титульном листе. – 1963 год». Я бы сказал ещё – творчески дополненное и тоже творчески, с большой любовью, с глубоким пониманием всего значения дела переработанное издание!

В основе книги, разумеется, остался тот же материал: высказывания крестьян о произведениях художественной советской прозы и поэзии двадцатых годов (из классиков включён только Пушкин). Затем следуют необычайно меткие, точные и очень краткие характеристики участников этих чтений, сделанные Топоровым.

Кроме этого, главного материала, издатели ввели в книгу ещё целый ряд новых и не менее интересных: предисловие журналиста П. Стырова,

* Известия, 7 марта 1964. – №57.

опубликованную в газете «Известия ЦИК» 7 ноября 1928 года корреспонденцию широко известного в то время журналиста А. Аграновского, посетившего коммуну «Майское утро», статью С.П. Титова о своём учителе Топорове, рассказ самого Топорова «О первом опыте крестьянской критики художественных произведений», письма писателей к Топорову, преимущественно тех, чьи произведения обсуждались в «Майском утре»...

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что книга эта интересна не только сама по себе – она расширяет наши представления о том, как вообще может делаться настоящая книга. Об этом нельзя не подумать, держа книгу в руках, любясь её замыслом и исполнением.

Раскроем книгу, к примеру, на 124-й странице:

А. НЕВЕРОВ. «Ташкент – город хлебный». (Читано с 20 по 22 марта 1927 года).

КОММУНАР ЗУБКОВ П.С.: «Придаться тут не к чему. Нужно человеку быть без сердца, чтобы не почувствовать всего, что написано в этой книге. Проще и лучше этого не напишешь».

БЛИНОВ И.Е.: «Напиши ты, пожалуйста, чтобы все писатели так для деревни писали. Тогда их интереснее будет и читать. Так и скажи: мужики говорят, что, может быть, многие нынешние писатели хороши, но ни к чему они. Скажи, что непонятны они, резону в них мало. Не по вкусу они деревне. Вот Лидин и Катаев – хорошие. Ну, а уж лучше Неверова, поди, и не сыскай. Этот «Ташкент» узлом перекрутит хоть какого упорного человека.

ТИТОВА А.И.: «Сколько муки Мишка принял... Малой он был шибко. Я думаю, эта книга и старого, и малого проткнёт наскрозь. Малому трехлетнему ребёнку расскажи её, и тот поймёт, куда что гласит. Который ребёнок только что начнёт говорить, и тот, расскажи ему, поймёт».

И вот таких, пусть иногда чересчур категоричных, но умных, самобытных суждений о творчестве писателей не счесть в этой замечательной книге.

А теперь узнаем, кто же они, эти «Белинские в лаптях», как назвал их в двадцать восьмом году журналист Аграновский. Характеристики дал им А.М. Топоров – предельно краткие, выразительные, какие можно дать человеку не по первому впечатлению, а только после того, как съешь с ним пуд соли, годы проведёшь вместе за работой. Вот только две из них:

«ЗУБКОВ П.С. 35 лет. Сын крестьянина-середняка. Окончил церковно-приходскую школу. В 1920 году – один из организаторов «Майского утра». До 1929 года – почти бессменный её руководитель. Член партии. Редкий самородок. Талантлив во всех отношениях. Незаурядный организатор.

«ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф. 31 год. До вступления в коммуну много странствовала по свету – жила на заводах, в батрачках. В «Майском утре» с 1923 года. Здесь же обучена грамоте. Доярка. Правдива, до щепе-

тильности честна. Режет правду в глаза. Бесстрашный обличитель всех коммунальных беспорядков. Остра на глаз и на язык».

Из этой необычной, любовно составленной книги можно узнать и о том, как писатели отнеслись к критике своих произведений крестьянами, к начинаниям Топорова, и о том, как нелегко было замечательному учителю вызвать крестьян на откровенность: «Не нам судить о книгах. Мы не учёные... над нашими словами будут смеяться...»

Можно почувствовать жизнь коммуны «Майское утро» тех лет. Можно обратиться к портрету Германа Титова. В дни работы XXII съезда КПСС Герман Титов встретился со своим «духовным дедушкой» А.М. Топоровым. Позже в честь этой встречи, которая произошла в редакции газеты «Известия», космонавт-2 написал на памятной фотографии: «Дорогой Адриан Митрофанович! Встречу в «Известиях» я запомню на всю жизнь потому, что всю свою сознательную жизнь я о Вас слышал, а вот свидеться довелось впервые. Примите низкий поклон».

Да, эта книга – явление в советской литературе. Уже не те крестьяне в Сибири, на родине космонавта, не те у них суждения о литературе, что были в двадцатых годах, – а книга о них не только не умирает, а обновляется, рождается вновь.

*Сергей Залыгин**

* Залыгин С.П. (1913 – 2000) – советский писатель, общественный деятель, главный редактор популярного журнала «Новый мир».

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ И ГЛАФИРА*

Была сильная вьюга.

Помещение, в которое я попал, оказалось квартирой ночного сторожа. Старик долго кряхтел, помогая мне стащить заиндевевшую шубу, и, отчаявшись справиться, кликнул дочурку лет четырнадцати.

– Глафира!

Девочка вскочила с полатей и кинулась на помощь. В одной руке книжка, другой тянет рукав шубы.

– Что вы читаете? – спрашиваю, чтобы как-нибудь войти в разговор.

Девочка краснеет и говорит:

– Генриха Гейне... Ах, нет, простите! Генриха Ибсена...

Я потрясён обмолвкой и, не находя слов, только покачал головой.

– Поживи у нас, голубчик, не то узнаешь, – вмешивается старик. – Тут старые бабы – и те Ибсена знают.

Я в пяти тысячах километров от Москвы, в глухом сибирском хуторе, и вдруг такой сюрприз! Четырнадцатилетняя дочь ночного сторожа коммуны «Майское утро» знает обоих великих Генрихов... Даже семидесятилетний старик правильно выговорил имя Ибсена.

Но вот я обогрелся немного и знакомлюсь ближе с Глафирой. Она достала свои учебники, она окружила меня арсеналом тетрадей и демонстрирует школьные успехи.

Перелистываю общую тетрадь и читаю:

«Кто за мир и кто за войну?» (Сочинение.)

– Хотя заголовок у меня с вопросом, – подсказывает Глафира, – на вопрос этот можно сразу ответить, кто знает хоть немножко политграмоту.

– Правильно, товарищ Глафира.

«Не по-советски».

– Это фельетон, – продолжает ориентировать меня Глафира, – как в селе Лосиха милиционер, товарищ Сиглов, напился восьмого ноября и чуть не убил мальчика.

«Отношение русской буржуазии к Октябрю». По роману Н. Ляшко «В разлом». (Сочинение.)

«Когда Гришка уходил на фронт к белым, – начинается сочинение, – то я в это время думала: чтобы Гришку где-нибудь придушило!»

«Курсы животноводства прошли успешно». (Отчёт.)

«Разводите английских свиней». «Почему у нас затруднения с хлебом?»

– Глафира, в какой вы группе?

– У нас школа... – запнулась, – трехгрупповая...

* Из юбилейного октябрьского номера «Известия ЦИК», 7 ноября 1928 г., №260.

Представьте посёлок, в котором ежедневно, начиная с шести часов вечера и кончая одиннадцатью часами, нельзя застать в домах ни одной живой души, даже грудных детей. Представьте далее клуб, в котором на заставленных столах, выстланных мохнатыми сибирскими шубами, спят рядышком десять-двенадцать детишек...

Тишина. Мерно тикают часы. На сцене при свете лампы читают... «Виринею»...

Но вот зачитана последняя страница, и книга тихо закрывается. В полутёмном клубе шевелятся седые бороды, мохнатые шапки, платки...

– Та-а-к... – вздыхает ситцевый платок. – Ничего она не стремилась для общего дела. Ломалась, ковылялась, а всё для своего положения.

– То-то, – замечает сосед, – ей, главное дело, нужен был самец и ребёнок. За Павлом она шла так, попросту, по-бабьи. Пойди Павел за белыми, и она бы за ним.

– Верно, верно! – вмешивается третий. – Не случись греха с приходом казаков, она бы жила себе да жила с Павлом. Наметала бы ему с полдюжины ребят, сделалась бы такой же, как все, мамехой – и ша! И вся её героизма ханула бы.

– Дивлюсь, за что эту «Виринею» прославили? Ничего в ней ятного нет. Не довёл писатель до конца, до большого дела Виринею. Запутался. Что делать с Виринеей? Взял – да трахнул её об скребушку...

Вы приходите в клуб через день-два.

Те же столы с ребятишками, та же дисциплина, те же блестящие глаза слушателей.

Судят «Правонарушителей».

– Не знаю, с какого края начать разговор, потому что везде у ней тут комар носу не подточит. Написано на отделку! Мартынов – настоящий грузило. Вот это молодец! Этот любую стенку лбом прошибёт. Всякую бюрократию развоюет. Самый нужный по жизни человек.

– Этот рассказ, – замечает другой, – совсем не родня «Виринее». Вот и возьми: с одной головы, да не одни мысли. Изменилась она, когда писала это. Если этот рассказ писан после «Виринеи», то авторша поумнела, а если прежде – она рехнулась.

– Позволь мне сказать, – вскакивает следующий. – Я считаю равносильным смерти, что рядом с «Правонарушителями» она написала «Виринею». Так и хочется сказать: «Да, товарищ Сейфуллина, у тебя есть талант, но ты обращаешься с ним бессовестно. Не топчи, чёрт тебя возьми, свой талант по тротуарам Москвы, а поезжай туда, где ты писала о Григории Пескове и о Мартынове. Они у тебя хороши, народ их любит. Подобных Мартынову и Пескову людей в СССР непочатые углы, и твоя обязанность...»

Всё это я видел и переживал в Сибири, в коммуне «Майское утро» в пятнадцати километрах от села Косихи Барнаульского округа, в пяти тысячах километров от Москвы.

– Поживи у нас, голубчик, не то увидишь...

Живу, смотрю, вижу, но объять всё видимое и переживаемое не могу. Не вяжется это с тем, что я знал до сих пор о нашей деревне!

Вот и сейчас. Человек пятнадцать – коммунаров и коммунарок – сидят в конторе коммуны. Мы беседуем на литературные темы.

– Конечно, паря, конечно! – горячился столяр Шитиков. – Была наша Русь тёмная, молилась за этих сукиных сынов всю жизнь, а теперь амба! Тоже хотим попробовать учёной ухи.

И они начинают называть перечитанных авторов, подробно перечисляя все разобранные коммуной произведения.

Лев Толстой: «Воскресение», «Отец Сергий», «Дьявол», «Власть тьмы», «Живой труп», «Исповедь», «Плоды просвещения», «От неё все качества».

Тургенев: «Накануне», «Отцы и дети», «Записки охотника», «Безденежье», «Месяц в деревне».

Лесков, Горький, Щедрин, Лермонтов, Гоголь...

– Весь Гоголь! – кричит кто-то. – Так и пиши – весь Гоголь, весь Пушкин, весь Чехов, весь Островский!

Я не успеваю записывать. Не потому, что диктуют быстро, а потому, что трудно примириться с тем, что называют эти фамилии «тёмные» сибирские партизаны, о которых я не могу даже сказать, когда они научились читать по-русски.

– Короленко, Некрасов, Успенский, Бунин, Писемский, Чириков, Помяловский, Муйжель, Леонид Андреев, Григорович...

Чтобы как-нибудь собраться с духом, я пытаюсь перейти на абстрактные темы: о классиках, о старой русской литературе, о народниках...

– Зачем? – обижается кто-то, не поняв меня. – Мы и на новую пишем.

И снова дождь фамилий:

– Всеволод Иванов, Сейфуллина, Завадовский, Лидин, Катаев, Джон Рид, Бабель, Демьян Бедный, Безыменский, Есенин, Шишков, Леонов, Новиков-Прибой, Уткин...

– Когда вы всё это успели? – вскрикиваю я.

– Восемь лет, паря! Восемь лет изо дня в день, каждый вечер в клубе.

И я снова пишу, Они обступили меня со всех сторон. Они тычут мозолистыми крестьянскими пальцами в мою тетрадь, они диктуют, а я, «московский писарь» со всеми моими гимназиями и университетами, чувствую себя в этой нахлынувшей волне щепкой...

– Мольер, Ибсен, Гюго, Гейне, Гауптман, Мопассан, Метерлинк.

– Пиши, пиши ещё!

Белинские в лаптях!

Невероятно, но факт. В сибирской глуши есть хуторок, жители которого прочли огромную часть иностранной и русской классической и новейшей литературы. Не только прочли, а имеют о каждой книге суждение, разбираются в литературных направлениях, зло ругают одних авторов, одни книги, отмечая их, как ненужный вредный сор, и горячо хвалят и превозносят других авторов, словом, являются не только активными читателями, но строгими критиками и ценителями.

Мне рассказывали любопытный случай, характеризующий самостоятельность этих суждений и литературных вкусов. Не понравился как-то в коммуне писатель М. Пришвин: ему вынесли суровый приговор. Когда крестьянам указали, что сам Горький хвалит Пришвина, они ответили:

– Ну, пушай ему Пришвин нравится. А вот нам сам Горький нравится, а Пришвин – нет...

Элементарная справедливость требует, чтобы было сказано хотя бы несколько слов о руководителе культурной жизни коммуны, о человеке, которому мы обязаны за этот изумительный сюрприз.

Это – учитель. Работает он в коммуне непрерывно восемь лет и так же непрерывно уделяет всё свободное от занятий в школе время читкам газет и книг в клубе. До коммуны он учительствовал много лет в той деревне, из которой вышли коммунары. Вместе с деревней он участвовал в партизанских отрядах против Колчака, вместе с коммунарами он оставил насиженное место, чтобы, перейдя в «Майское утро», продолжать двигать культуру дальше. Вначале за шестнадцать рублей в месяц, затем за девятнадцать, двадцать четыре, двадцать восемь и, наконец, начиная с 1927 года, за тридцать два рубля в месяц.

Происходит учитель из крестьян Курской губернии; образование – церковно-учительская приходская школа.

Впрочем, чтобы не затруднять читателя подробностями из биографии учителя, несколько слов о нем из местной газеты.

«Барин, который не может забыть старого. Хитрый классовый враг, умело окопавшийся и неустанно подтачивающий нашу работу. Одиночка-реакционер. Ожёгся на открытой борьбе, теперь ведёт её исподтишка...» И в этом духе – полполосы, пятьсот ядовитых строк!

За что? В чём дело? Почему низвергли в бездну грязи на редкость заслуженного сельского интеллигента, вместо того чтобы поставить его в пример остальной нашей интеллигенции?! Почему?

Потому что творить революцию в окружении головоотяпов чертовски трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, революционного, живого. Вот и все. Разве этого недостаточно, чтобы был задушен заброшенный в тайгу одинокий революционер-культурник?

Статья совпала как раз с моим приездом в «Майское утро». Коммуна нервничала, возмущалась, болела. Трогали изумлённые детские лица школьников-воспитанников обруганного учителя, волновали комму-

нары своими бесконечными вопросами: «За что?» Но что больше всего трогало, так это поведение самого учителя. Он был спокоен как никто.

– Кто травит? – говорил он коммунарам. – Мёртвые души! За что травят? За живую советскую работу! Значит, никакой паники.

И только в редкие минуты, когда мы оставались одни, он открывал всю свою душу и давал волю жалобам.

– Восемь лет... Понимаете? Восемь лет они учиняют самое жуткое головотяпство, восемь лет они отбивают меня от любимого дела, восемь лет извращённо толкуют мою деятельность... Ведь это, как хотите, хоть кого может привести к убеждению, что надо меньше работать, и тогда жизнь будет спокойнее. Отвратительное убеждение! Не правда ли? И я всё время отбрасываю его. Неужели мне не удастся взять себя в руки на этот раз?

Учитель реабилитирован. К сожалению, на это понадобилось слишком много месяцев слишком больших трудов. Но в той же газете появились иные пятьсот строк, иная статья, в которой партия вернула учителю его честное, незапятнанное имя, а заодно всенародно разоблачила головотяпов и преследователей.

Корни издевательства оказались – в зависти, невежестве и в боязни перед учителем, ибо выяснилось, что он – один из лучших и старейших сибирских селькоров! Учитель получил в 1925 году на конкурсе селькоров первую премию за «наибольшее число наиболее хороших и имевших наибольшие практические результаты корреспонденций». Как это ни странно, в невольном блоке с обиженными жертвами учителя-селькора оказалась сама краевая газета.

Но кто старое вспомянет... Давайте лучше начнём сначала. В те дни, когда партией и советской общественностью объявлен культурный поход в рабочие и крестьянские жилища, в те дни, когда центральной задачей становится внедрение азбуки в цехи и клубы, – в это время в пяти тысячах километров от Москвы, в Сибири, в небольшом хуторке расцветает подлинная культурная революция. И творится она – волей нашей партии – руками скромного, незаметного, никому не известного беспартийного сельского учителя. Он оказался сильнее десятков бюрократов, головотяпов, он победил их, и коммуна «Майское утро» входит в первую фалангу бойцов на социалистическом культурном фронте!

Давайте же запомним имя учителя:

Адриан Митрофанович

Т О П О Р О В.

*А. Аграновский**

* Аграновский А.Д. (1896 – 1951) – советский журналист и писатель.

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Осенью 1961 года случайно пришлось мне встретить моего первого учителя Адриана Митрофановича Топорова. Тридцать лет прошло с тех пор, когда я видел его в последний раз в коммуне «Майское утро». В моей памяти остался полный замыслов, боевого духа, рьяный селькор, человек, которому в коммуне было до всего дело. Теперь я полагал, что он давно успокоился, нелегко сложившаяся жизнь остудила кипиток в его крови, да и семьдесят уже... А встретил человека с завидной ещё энергией и не угасшим интересом к жизни.

– Пора бы и уgomониться, Митрофанович, – заметил я ему в шутку, – размеренно надо расходовать теперь силы.

– Все пробки открыты, а выдохнуться не могу, – ответил он шуткой мне.

И вспомнилась мне осень сорок лет назад, когда я в первый раз сел за парту у него в классе.

В эту осень я пошёл в открывшуюся в коммуне «Майское утро» школу. В приготовленном классе мы гадали, кто будет нашим учителем, захватывали парты, делились впечатлениями лета. Всех девчонок оттеснили на задние парты, только Лизка – дочь председателя коммуны – не уступила облюбованной парты в первом ряду.

– Потронь только! Как гвоздану – не прочихаешься, – воинственно заявила Лизка, которую позднее мы прозвали амазонкой, когда узнали, что это такое. После категоричного заявления вытащить её из-за парты за косу никто не посмел.

Учитель вошёл в класс, когда мы деятельно переставляли парты и спорили, кому первому дежурить, так как хотелось каждому ударить в шабалу, подвешенную к перилам крыльца, созывая учеников в класс.

– Это что такое? Откуда печенег?

Обвёл всех строгими глазами, пошёл вперёд, далеко отбрасывая правую руку. О печенегах мы ничего не знали, думали, что они действительно неожиданно появились среди нас, поэтому оглядывались и переглядывались, но кругом были только знакомые лица.

Учитель дошёл до стола, быстро повернулся к нам, скосил голову набок, поколол острыми иголочками глаз поверх очков.

– Детям коммунаров нельзя устраивать потасовки. Жить надо дружно. Гришка и Манька, Сенька и Танька – все равны, все нужны. Садитесь.

Учитель прошёл по классу, посмотрел на наши руки, положенные на парты.

– Завтра буду выдавать книжки только в чистые руки.

Мы получили первое домашнее задание: разместить у крыльца своего дома, постричь волосы, отмыть руки и обрезать ногти. Расходясь по домам, поняли, что спуску нам не будет, что учитель в своих очках,

наверное, может даже сквозь стены всё увидеть. Его непреклонная требовательность подчиняла себе сразу.

Дома я отмывал руки с мылом, старательно шоркал их песком и вспомнил вдруг черноволосого скрипача на деревенской сцене. Он тогда поразил меня певучими звуками скрипки, и не думал я, что он же займётся моей шеей и ногтями.

Размашистая походка учителя напомнила мне ещё одну встречу с ним в Журавлихе.

Увидел я его на сельской улице. Человек среднего роста, с чёрными волосами, плотный на вид и весьма живой в движениях шёл по заснеженной улице впереди немногочисленной группы людей рядом с развевающимся красным знаменем. Временами поворачивался к идущим за ним людям, поднимал в руке тынину, и по его взмаху взлетала песня «Смело, товарищи, в ногу». По сторонам этой праздничной процессии гарцевали на бойких лошадях два человека в солдатских шинелях с карабинами, и боевая песня сопровождалась гулками выстрелами всадников. Всё село было взбудоражено, привлечено пением, выстрелами. Шествие постепенно обрастало людьми, преимущественно ребятами и молодёжью, проходило мимо изб и оград, за которыми стояли пожилые и старики.

Такая праздничная демонстрация устраивалась в Журавлихе впервые в ознаменование Октябрьской революции и была для жителей села необычна. Поэтому люди стояли у ворот, не решаясь примкнуть к шествию, предпочитая рассматривать его из-за своей городьбы.

А маленькая демонстрация двигалась всё дальше по селу, громче звучала под красным знаменем новая песня, всё резче гремели выстрелы конников, будя тишину и нерешительность Журавлихи.

Теперь дирижёр с тыниной стал первым учителем в коммуне «Майское утро».

Школьное помещение состояло из двух небольших комнат-классов и маленькой боковушки, где было нечто вроде учительской. Когда из неё выходил Адриан (так коммунары звали учителя), нашим любопытным взорам открывалась этажерка, полная книг, а на стене – портреты Добролюбова, Пушкина, Белинского.

Квартиры учитель ещё не имел, поэтому ночевать ездил в Журавлиху за четыре километра. Коммунары выделили ему самую смирную лошадь, и мы после уроков по строжайшей очереди ходили за конём, седлали его, подвели к школе. Мерина ставили впритирку к наружной лестнице на второй этаж. Адриан с лестницы усаживался в седло, а мы подавали повод и отходили в сторону. Пока учитель отъезжал, стояли в молчании, потому что строго было заказано в это время шуметь, свистеть или следовать за конём.

На следующий день он так же неторопливо въезжал в коммуну и сразу раздавался звон шабалы, означавший, что учитель приехал и надо собираться в школу.

Звонка с уроков нам никто не подавал, учитель отпускал нас на перемену (тогда в ходу было выражение «на двор») то оба класса, то по очереди. Уборщиц в школе не было, поэтому чистоту соблюдали мы сами, сами топили печи, ночуя на классной доске, положенной на парте.

Сколько в этих ночёвках было заманчивого, сколько романтического!

Шло время. Мы росли и собирали знания по крупицам. Подобно молодым растениям, копили в себе запас жизненных впечатлений, питались добытым опытом людей, и никто не знал, каким цветом мы зацветем в жизни. Только яркий цветок среди множества других бледных и непривлекательных заметён каждому. Какие терпение и глаз нужны тому, кто по слабым знакам угадает, на что способен молодой побег, какой цветок может он раскрыть. Таким человеком мне представляется мой первый учитель, Адриан Митрофанович Топоров.

Первый учитель... У каждого человека он – как начало пути, как первый оттиск в детской душе. Пусть время одарит тебя другими, более интересными и значительными учителями, но он навсегда останется тем маленьким далёким огоньком, что посветил тебе в начале пути.

Для одних учитель – светлый образ заботливой, ласковой матери, прощающей детские проказы в надежде, что вырастет ребёнок – сменится и наряд; другим он был путеводителем по удивительному миру – читай его и узнаешь о далёких землях и людях; третьим он помнится скромным тружеником, проводящим время над детскими тетрадками, чтоб научить нас читать, писать и думать.

Сложна работа учителя, в его труде нужно горячее сердце. Он руководитель без претензии на власть, друг – без панибратства, советчик – без нотаций, вышка, куда поднимает он своего питомца, чтоб вместе оглядеть мир детскими глазами, рассудить по-взрослому. Какого уважения достоин человек, вмещающий в себя душу ребёнка, подростка и юноши!

Я не знаю, подолгу ли сидел Адриан Митрофанович над нашими тетрадками, но над нами, учениками, особенно почему-то над некоторыми, он засиживался.

Он, казалось, не укладывался в обычное представление об учителе, не остывал, ограниченный рамками форм. Временами, когда приходилось выполнять что-либо под наблюдением его острого глаза, становилось страшновато от мысли: ну-ка пробьёт где-нибудь тонкую стенку формы расплавленный металл, брызнет в тебя стреляющей струёй – загорись ты или превратишься в пепел...

На похвалу в глаза был скуп, к проступкам – строг. Нельзя было знать заранее, какие молнии есть у него в запасе, чтоб поразить лень, неряшливость, высокоглядство, тугодумие, слабоволие. Он подчинял ученика своей воле и горел вместе с ним до усталости.

Время его работы в школе не определялось никаким расписанием – до обеда и после с учениками, вечером со взрослыми. Вся культурная

работа в посёлке велась им – постановки, хор взрослых коммунаров, оркестр школьников, стенная газета, ликбез, санитарный надзор, вечернее чтение газет для взрослых в школе, чтение художественной литературы.

Никогда я не видел его праздным.

– Ничего нет противнее, чем безделье. Лоботряс во мне вызывает ярость. Если ты увидишь его, то знай, что это самое страшное наказание природы, когда человек заживо гниёт.

Любитель меткого народного слова, он и в беседе с коммунарами вылавливал образные выражения. Речь его была проста, эмоциональна, образна, доказательна, остра. Газетный материал излагал языком, доступным каждому коммунару. Художественную литературу читал артистически (как говорили коммунары, «на разные голоса»), литературный образ подавал выпукло, и казалось, слушатель после чтения уводил к себе ночевать запомнившегося героя.

Позднее, когда со мной можно было серьёзно рассуждать по некоторым вопросам, он зазывал меня к себе, говорил с увлечением. Я понимал, что ему нужен был слушатель, перед которым можно развить свои доказательства, проверить впечатления, «объездить норовистую» мысль. Такие беседы для меня явились второй школой.

Случалось, он приглашал меня в свою баню. Мылись мы подолгу, с перерывами, которые использовали для рассуждений о литературе.

– Давай пореем, – предлагал Адриан Митрофанович, – и потолкуем.

Сидят два голых человека на полке в чёрной бане, обсуждают литературные новинки из журнала «Сибирские огни». Потолкуем, помоемся – и опять преть на полке и беседовать.

– А ты знаешь, что Оскар Уайльд ставил ноги в холодную воду, когда садился писать, а Бунин клал в письменный стол гнилые яблоки? К чему это он так? Я думаю – импульс к творчеству, внешний толчок для мозга. Чудно? Можно и поверить. У меня интересные мысли иногда рождаются в бане. Кровь, видно, расходится. В прошлую баню у меня мелькнула недурная мысль. Что если собрать отзывы крестьян по прочитанным книгам? Пусть скажет своё слово рядовой читатель, для которого книга пишется! Мы слышим критиков, они хвалят и хают писателя. А попробовать бы узнать у народа, как он воспримет расхваленное и охаянное. А? Книга идёт к народу, а его голоса не слышно. Я верю, что у него своё мнение и толкование, оно на пользу писателю пойдёт. Недавно прочёл коммунарам стихотворение Бунина, высокое по мастерству и тонкое по лирике – поняли! У каждого родилось своё отношение к нему, возникли образы, заговорили мужики!

В это время в предбаннике послышался голос:

– Адриан, ты не угорел? Какой чёрт гнёт в бане уже третий час? Время-то позднее.

– Мария, Мария, ты не шуми, – отвечает Адриан Митрофанович жене, – у нас, видишь ли какое дело, только до главного дошло.

– Подопру вот дверь – сидите до утра!

– Придётся, видно, сдаваться – осада серьёзная. Пойдем-ка ко мне сейчас на чай, там я доскажу тебе мысль, ты увидишь, что дело стоящее...

Прошли годы, многие детали из жизни первых коммунаров унесло время, и только напряжением памяти вызываются они из далёкого за приспущенной дымкой ушедшего. Встают образы людей, перенёсших трудности удивительных по своему значению лет, людей, сделавших первый шаг в новое из обжитого, привычного мира. Коммунары 20-х годов! Вашему труду, вере в новую жизнь, вашей заботе о нас, детях, получивших в коммуне первые навыки коллективной жизни и работы, обязаны мы! Спасибо вам и за то, что пригласили учителем такого беспокойного человека, оставившего в памяти нашего поколения незабываемый след.

Помимо прочих сторон деятельности нашего первого учителя хочется выделить одну, на мой взгляд, примечательную. Мне думается, он был ещё и следопытом детских душ. Хотелось узнать ему: к кому природа оказалась благосклонна, кому забросила в душу излишек своих даров, какими делами зажечь ученика, чтоб затеплился в его сердце огонёк интереса? Ради этого он делал, казалось, невозможное.

Это он собрал расхищенную при пожаре церкви библиотеку и перевёз её в посёлок; он добыл в трудные годы музыкальные инструменты, костюмы для самодеятельного театра, краски ученикам. Сам учитель с азартом рисовал и лепил вместе с нами.

Послеобеденные чтения переносили нас в мир героев, имена которых жили среди нас и переходили в клички животных. Всю греческую мифологию прошли мы с многострадальным и хитроумным Одиссеем по размеренным гомеровским строкам. Читая Пушкина, постигали мы искусство стихосложения, делали первые литературные шаги. Музыку Глинки пропела нам скрипка учителя, имена Паганини, Карузо, Листа, Сарасате, Сибелиуса, Чайковского, Собинова и Шляпина услышали мы из его рассказов. Репина, Сурикова, Левитана и Перова открыл нам Третьяков, чья стопочка-галерея постоянно находилась на этажерке учителя.

Увлекательно было слушать зимними вечерами читки для взрослых, когда пьесы Гауптмана, Ибсена, Мольера и Шекспира открывали мир больших мыслей и страстей. Забавно выглядели взрослые коммунары в непривычной одежде мольеровских героев. Кабаниха Островского вызывала такую ненависть, что в ходе действия у женщин вырывалось:

– Чтоб ты сдохла, собака такая!

Горький считался ходовым писателем, захватил слушателей, волновал со сцены. Его Клещ громовым голосом Ивана Бочарова разносил стены народного дома: «Правда, будь ты проклята!» Счетовод коммуны

Михаил Крюков с котомкой Луки-странника разворошил ночлежку, заставил Филю Бочарова сказать притихшему дому волнующие слова: «Человек! Это звучит гордо. Уважать надо Человека!»

В те годы не было ни кино, ни радио, только газета да книга связывали коммунаров с жизнью страны, поэтому учитель возможными средствами удовлетворял культурные запросы.

Строилась культура руками тех, кто днём держал кувалду в кузнице, шёл за плугом на пашне, а вечером спешил на огонёк в школу, чтобы узнать, за кого писатель «стоит горой», а кого «проверяет».

Забродили в головах слушателей мысли, запросились на язык. Слушай, автор, простое слово крестьянина!

– Этот писатель накидает тебе в сапоги мелких гвоздиков, только знай и переобувайся – ну никакого терпёжу нет!

Разглядели горьковских босяков, разобрались в гуманных намерениях писателя:

– Жизнь, она такая: какой человек и затускнет может, вроде самовара. Писатель, как догадливая хозяйка, отквасит завяляющего человека в квасной гуще, оботрёт да тебе же и покажет – гляди, любуйся, вещь-то деловая, рано выбрасывать её!

В дни неурядиц в жизни коммуны учитель оказывал коммунарам посильную моральную поддержку, поднимал настроение людей.

Сидят озабоченные коммунары в зале народного дома (который служил и первой общественной столовой) перед самодельными тазами из чёрной жести, едят без охоты. Ходит по рядам в поварском фартуке из мешковины Иван Бочаров, сокрушается:

– Худо убывает из посуды. Не подбросить ли кому тазик кондеру?

– Не до кондеру.

А за занавесом сцены мы уже наострили смычки скрипок, зажали в коленях балалайки, примостили виолончель, над сыромютной кожей самодельного барабана наготове колотушка. Смахнуло по проволоке занавес, слушай коммунары, не падай духом!

Эй, вы, ну ли,
Что заснули,
Шевелись, беги!
Воронье, удалые,
Гривачи мои!

Заулыбались люди, слышались шутки:

– Вывел своё племя Адриан. Эк дерут лучками чертенята! Как в городе: еда с музыкой.

Зимними вечерами оставался с любителями художественной литературы, дочитывал заинтересовавшее нас произведение, вызывал на обсуждение, а то и на спор. Сам сидит в сторонке, хитро поглядывает на спорщиков, а у нас целая потасовка из-за бедного рыцаря печального

образа: смеёмся над его нелепыми выходками, жалеем за неудачи, которые немилосердно преследуют его всюду, ищем доказательства, морщим лбы и всё-таки путаемся, чувствуем, что где-то близко его человеческое сердце, а не сразу найдёшь. Учитель останавливает наши поиски:

– Хватит, турнир окончен. Идите, «рыцари», спать. Прибавится сил – разберём его по суставам.

В тёплые дни водил нас по весенней дороге к перелескам, ложкам, недвижным рощам, где солнце приглядывалось к синеватым теням стволов на снегу, будило лес. Учитель обращал наше внимание на отдельные предметы, далёкие и близкие планы местности, на тёмное изваяние соснового борка – колчан с золотыми стрелами в зелёном оперении, – заставлял наблюдать, сравнивать, находить образы.

– Скажи так, чтоб я с закрытыми глазами увидел тень, лес, поле, дорогу – как на картине хорошего художника.

Усердно работают наши головы, ищут сравнения, краски, полутени, наострённые уши ловят скудные звуки в молчаливом лесу. Готовые предложения обсуждаем, учитель выносит приговор:

– Начинаю видеть, но ещё мутновато. Проясни сравнением, тронь цветом. А у тебя удачно, зажило, хорошо вижу. Запиши.

С какой гордостью счастливец записывает предложение-картинку в свою копилку – самодельный блокнот для метких слов и выражений!

Это были азы нашего творчества.

В летние свободные дни с азартом гоняешь по поляне мяч, садишь его в вершину разлапистой сосны – весь во власти движения и полёта мяча, но раскрывается окно, учитель подзывает к себе, строго внушает:

– Довольно пинаться. Это не для тебя, ты лучше можешь. Бери скрипку, иди в лес учить дуэта, потом поиграем вместе.

Пристраиваю на обломках сухих сучков тетрадь с нотами, разбираю партию.

Оторвётся учитель от работы, выйдет на бугорок, определит по звуку скрипки моё местонахождение и усердие, и опять застучит его пишущая машинка.

Спокоен лес, залитый смолевым запахом, скользят тени по лесенкам нот, поют наши скрипки, иволга вовремя вставляет свои размеренные пассажи в музыку дуэта.

– Хорошо, – говорит учитель, опуская скрипку. – Какой гений вместили в такую чудную форму столько красоты и чувства! Такой маленькой вещицей когда-то потрясал мир Паганини, ею же очаровывали людей Сарасате и Крейслер... Любит она труд и на всякое усердие обязательно отзывается чистым звуком и мелодией. Удивительный инструмент, умный. На радость себе сделали его люди.

Лишь позднее мне стало ясно, что сам учитель, работая над нами, хотел и для себя эстетического удовлетворения. Понимая нас и понуж-

дая к искусству, иногда сердился, ругал, неистовствовал, сетовал, словно мы были виноваты, что не могли так быстро расти, слишком долго оставались детьми, не в силах были пока составить ему духовную среду.

Таким остался он в моей памяти при последней встрече тридцать лет назад, и теперь встретил я человека с тем же тонусом жизни. Как и в прежние годы, постукивает его старая пишущая машинка, стреляет буквами, из которых складываются слова и мысли человека, не утратившего интереса к жизни.

Есть на берегах рек маленькие роднички, которые постоянно живут в труде, выбрасывая из земли свою живую струйку, разметывая донные песчинки, мешающие бойкому току выходить к свету. Мне думается, что таким человеком-родничком был и остаётся мой первый учитель, Адриан Митрофанович Топоров, не знавший праздного досуга, учивший и нас по мере сил своих использовать его разумно для себя и других.

*С. Титов**

* Титов С.П. (1910 – 1993) – известный советский педагог, литератор, эсперантист, отец космонавта Г.С. Титова.

КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ

* * *

Памяти тех, кто простым чистым сердцем понял величие коммунизма и своими трудовыми руками положил первые камни в строительство его светлого здания в Сибири, – благоговейно посвящая.

АВТОР

О ПУШКИНЕ

**Произведения Пушкина –
источник большой радости
для слушателя и читателя**

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф. Пушкин шибко радует меня... Как ребёнок радуюсь на читке. Слушаю – и радуюсь и радуюсь. И хоть где печальное у него написано, а после на душе всё-таки приятность. И даже где непонятное для меня немного – и то я чуяла уболагодворение. Как ровно вокруг меня был праздник, люди, цветы и музыка. Так гластилось.

СУСЛИКОВ Т.И. Стихами Пушкина не налюбуеться!

БАЕВ О.М. (по прочтении первой половины «Дубровского» неотступно приставал ко мне. – А.Т.). Расскажи ты мне, пожалуйста, что дальше-то будет! А то, понимаешь, завтра меня назначают работать на мельнице. Вернусь не скоро, а охота шибко узнать, как дело-то кончится.

ХОРОХОРДИН М.Ф. (обращаясь ко мне. – А.Т.). Я был на хлебозаготовках. В школе в эти дни не был, а тут, говорят, без меня прочитали какую-то «Пиковую даму». Все хвалят. Нельзя ли мне сейчас достать эту книжку на дом? Я бы догнал тех, кто слышал её на общей читке...

Я ни разу не мог утолить жадности крестьян на пушкинские читки, а читал каждый раз до изнеможения. Тем не менее, закрывая книгу, я всегда слышал умоляющие голоса:

- Читайте, читайте, пожалуйста, ещё!
- Товарищ Топоров, ну хоть главку ещё!
- Эх, только до сласти дошли – и бросили!
- Порвали на самом интересном месте.
- Жалко, что кончилась книга!
- Не шёл бы домой!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Для меня была беда при чтении Пушкина. Шут её знает, как быть! Старухе моей надо слушать Пушкина, Ваське с Нюркой тоже надо и мне надо! А дома некому за маленькими глядеть. Никто не хочет домоседить. Оставить маленьких одних нельзя: чего-нибудь напрокудят. В прошлом году оставили Динку одну, она проснулась да на двор. И обморозилась. Так уж я нынче так делаю: усыплю маленьких, хату на замок – и в школу.

ПУШКИНА А.Т. Желаете на чтении, чтобы книжка Пушкина дольше протянулась.

БЛИНОВ Е.С. (по прочтении «Дубровского»). Смотрите: не уходит публика. Все от интересу обалдели – и не идут из школы.

БОЧАРОВА А.П. Как только скажут, бывало, что книгу Пушкина будут читать, так и сумлеваешься: ох, пойти бы! Ведь знаешь, что у Пушкина пусяков не будет. И до чего ж чтение Пушкина помнится! Неохота уходить с этого чтенья. Моя Марина намедни бросила ужинать и побежала на чтенье. Да ещё что было! Лидочка, внучка, плачет, а Марина ей говорит: «Дочка милая, да побудь ты без меня, а то я пропушу Пушкина чтенье».

В своём опыте я заметил крайне любопытное явление: ни один из современных советских писателей не накаляет так классовую ярость крестьян против всех и всяческих деспотов, как это делает Пушкин. Он для моих слушателей – глашатай свободы, неистовый, неуёмный и бесстрашный обличитель произвола и гнёта.

БОЧАРОВА А.П. Эх, посмотрели бы, какое дроженье в народе было, когда читали «Дубровского»! Я как пришла домой с чтенья, так сама не в себе была. Досадно мне сделалось, рвала и метала вокруг себя. Ровно потеряла что. Не усидела дома, к сватье Алёне

в полночь ушла. Попадись мне этот проклятый баринишка (говорит про князя Верейского. – А.Т.), так я бы его вот тут раздернула! Вот как!

ТУБОЛЬЦЕВ И.Т. (о «Вольности»). Как же царь это пускал в печать?!

ТИТОВ Н.И. Ведь тут Пушкин клеймит царей и буржуев всего мира.

НОСОВ И.А. (о стихотв. «Деревня», «К Чаадаеву», «Лицинию», «В Сибирь»). Теперь уж так жарко никто не пишет. Ничего не боится Пушкин. Режет напрямик!

ПРОНКИН И.П. (о стихотв. «Послание к цензору»). Одновременно Пушкин ножами цензора режет, и в то же время приходится смеяться над жалкой фигурой цензора... Таких революционеров (как Пушкин. – А.Т.) история выковывает веками, из миллионов, по одному. Как Ленин для наших времён, так Пушкин для своего времени... Если бы я был на месте мужика времён Пушкина, то, несомненно, неоднократно организовал бы выступления против тогдашнего строя...

КОРЛЯКОВ И.Ф. Острее этих стихов к цензорам нельзя написать!

ШИТИКОВ Д.С. Эх, наверное, и много же у Пушкина было зла против цензоров!

ГОЛОСА:

– Теперь уж так никто не пишет!

– Только один Демьян Бедный!

– Это потому что он за Пушкина держится!

– Оттого у него все ловко выходит!

НОСОВ И.А. Тут язык у Пушкина – огонь и бритва!

СУСЛИКОВ Т.И. Ну и жиганул Пушкин цензора!

ЭДУАРД К.К. Этот цензор был механической куклой!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Весь царский строй срамил тут Пушкин!

ЛОМАКИН Т.Н. Верёвки вил Пушкин из дурака цензора!

БОЧАРОВ Ф.З. (о «Деревне»). И как эту «Деревню» цари не исхитили! Кто пропускал тогда этот стих, тот ни черта не понимал. Думал, что «так, ничего». Или: «раб не поймёт». Для нашей молодёжи это особенно полезно знать. Она увидит, как раньше крестьянину жилось. Ленин – и тот, поди, этот стих несколько раз читал.

БОЧАРОВА А.И. Зажигает он всего человека!

БОЧАРОВ Ф.З. Пушкин вон какие мысли открывал! Взойдёт ли, говорит, наконец, свободная заря?! А «по манию царя» – это ни черта! Это он маскировался, подделывался. В «Деревне» два слова про «манию», а сто против «мании». В этом вся и штука!

ЗАЙЦЕВ А.А. Пушкин не сказал «восстание», а собрал шайку «разбойников». Но это убеждает: идите, ребята, берите колья и лупите барскую сволочь! Прочитал я как-то давно «Деревню» и стал высоко ценить Пушкина за его смелые революционные выражения. В «Деревне» Пушкин хотел сказать: пора обуздать бездельников и негодяев. Но в то время ему нельзя было говорить яснее.

ШИТИКОВ Д.С. В «Дубровском» чёрт знает сколько революционных мыслей! Ленин брал эти мысли.

ПРОНКИН И.П. А где отрывка этих мыслей?

ШИТИКОВ Д.С. В Октябрьской революции... И везде Пушкин против неволи.

ПРОНКИН И.П. (о «Дубровском»). Роман революционен, как «Железный поток».

ШИТИКОВ Д.С. Нет, тот не годится против «Дубровского». Серафимович шёл по готовому пути.

ПРОНКИН И.П. (возражая Шитикову). Когда ты слушал Серафимовича, у тебя тоже поджилки тряслись...

ЛОМАКИН Т.Н. Не затирай, Дмитрий Сергеевич, и Серафимовича!

БОЧАРОВ Ф.З. (говорит о стихотворении «К Чаадаеву»). Первая революционная мысль произошла от Пушкина. Пушкин предусматривал.

СУСЛИКОВ Т.И. И не трусил.

ЗАЙЦЕВ А.А. Пушкин желал описать Дубровского не как разбойника, а как революционера, делавшего попытки восстания, чтобы своим примером поднять за собой остальных крестьян. Пушкин делал намёк крестьянам: смотрите, ребята, что делают крепостные Дубровского, а вы чего зеваете?

ЛОМАКИН Т.Н. Когда я ближе узнал Пушкина, меня стало поражать: какой же это был великий человек! В то время никто не мог сказать против власти, а Пушкин уже предчувствовал освобождение народа. Он – самый политический писатель. По прослушании сочинений Пушкина барский быт видишь как живую картину... У Пушкина натура – такая громада, что кажется, он мыслью своей, грудью мог бы поразить всю буржуазию. Каждый стих Пушкина горит несгораемым кустом. Сто лет горит! И никогда ему не потухнуть, потому что он заряжен таким огнём, которого ничем нельзя залить. Слова Пушкина гремят сто лет и нигде своего голоса не теряют... Уж очень занятны сочинения Пушкина! У него – и любовь, и революция, и космическое – все вместе. А внутри у тебя остаётся ненависть от чтенья к тому, кого сам Пушкин ненавидел. По-моему, чем дальше, тем больше будут считать Пушкина револю-

ционным. Сейчас мы его считаем революционным, а через двести лет он будет ещё пуще удивлять людей своими революционными книгами. И конца им не будет, пока свет стоит. Мы ценим великую политическую идею Ленина, а Пушкина ценим так же, как великого писателя.

ЗАЙЦЕВ А.А. Смело писал Пушкин. Кто бы мог тогда проявить революционность больше Пушкина! Говорят, царь приказал Пушкину написать о пугачёвщине в таком виде, чтобы Пугачёва считали грабителем и разбойником. Но Пушкин сделал так, что желание царя исполнил, а пугачёвщину описал так, что это не бунт, а великое народное восстание. У него просто, без всякой канители солдаты отворили ворота крепости и добровольно присоединились к повстанцам. Выходит, что ни один солдат не хотел проливать ни капли крови за «царицу-матушку Екатерину». Здесь Пушкин даёт понять, что гарнизон давно ждал Пугачёва как избавителя. И вместо того чтобы вступить в бой с пугачёвскими ребятами, пошёл вместе с ними глушить дворян.

ШИТИКОВ Д.С. По Тимофеевым словам про несгораемый куст мне вспомнилась сказка из Библии о неопалимой купине. А дальше мозга мои шибануло на другую умную сказку из Библии – об огненном столбе. Та ещё лучше подходит к Пушкину. Когда Моисей вывел евреев из египетского царства, то повёл их по страшным местам. Надо было утекать шибко, а то фараоны настигнут. Ночью было худо бежать людям. Тогда бог послал им огненный столб. И шёл этот столб впереди массы и освещал ей путь во тьме. А масса шла из рабства к свободе... Так и Пушкин. При царской тьме он, как огненный столб, освещал угнетённому народу путь к свободе. Теперь у нас полная свобода, и мы говорим душевное спасибо Александру Сергеевичу Пушкину!

Но есть ещё за границей рабы. Он и для них есть тот же огненный столб. И мы, советские люди, гордимся, что вместе с Лениным и наш народный поэт ведёт к свободе угнетённых всех стран. Вот я как понимаю теперь Пушкина... А ещё скажу вот что. Пушкин и всем писателям – и советским и заграничным – тоже служит огненным столбом. Только уж по другому делу: указывает, как надо писать, чтобы писание было для народа и умное, и картинное, и политическое, и душезаношливое. Чтобы и бородатый, и безусый, и бабка, и внучка поняли литературу без всякой памороки в головах.

Пушкин настроил читателя против рабства. Всех бар Пушкин изобразил уродами. Ты видишь одних уродов. То они какие-то губатые, то крючконосые, то как тумбы, то психопаты. Ну, негодие люди! Каждый стих Пушкина гласит к вере правильной, к револю-

ционной. В «Станционном смотрителе» показано, как насаждалось распутство и безответственность. Возьмём «Бахчисарайский фонтан». В нём сказано так много, что уму непостижимо! Что из себя изображает гарем Гирей? Это – самое наихудшее порабощение женщин. Если прочесть «Бахчисарайский фонтан» даже самой отсталой деревенской женщине, и та скажет: «Чтоб ты провалился, этот Гирей, со всею своей властью и религией!!» Когда будешь читать лекцию по женскому вопросу, то невольно вспомнишь «Бахчисарайский фонтан». И люди сразу поймут, какое было отвратительное положение женщины, сразу отвратятся от религии и буржуазии... Во всех своих произведениях Пушкин дал читателю понять, что действительно вся царская Россия загнила, и нет у неё ничего, чтобы продолжить своё существование. Читателю сразу бросается в глаза, что надо было перевёртывать всё вверх тормашками.

ПУШКИНА А.Т. Пушкин в своих стихотворениях ровно изгнал старую жизнь, опровергал её. Чувствовал он, что будет впереди. Хоть урвет-урвет, а всё подкапывается под помещиков. Жалил он разных князей и помещиков.

СУСЛИКОВ Т.И. Простота, сила и ясность – всё это затрагивает. Ума в Пушкине – это редкость! Острота речи – бритва! Кто хочет быть настоящим писателем, тот должен учиться у Пушкина. Правда, чтобы понять всего «Евгения Онегина», надо знать много философов и французских писателей, но и при чудных именах (имеет в виду иностранные слова. – А.Т.) главное в «Евгении Онегине» понятно.

БОЧАРОВА А.П. Стрелой жёг Пушкин господ!

БЛИНОВА Т.П. Я и то понимаю, что он дворян, попов и царей осекал.

БОЧАРОВА А.П. Он – первый подстрекатель к революции, как Ленин. Пушкин только потихоньку, урывком делал революцию, подвид сбору разбойников. Его и в ссылку ссылали, а он всё своего добивался. Смотрите: за сто лет до нас как он жизнь понял! Как же не ценить такого писателя?!

КРЮКОВ М.Ф. У нас теперь иные глаза. Мы видим у Пушкина революцию, потому что обтёрлись в классовой борьбе. А раньше у крестьян туск на глазах лежал, потому они и не видели у Пушкина революционного настроения, а только видели одно художество. А теперь от всякой художественной книги давай нам и революцию и красоту всякую. Мы теперь не те, потому что культура по народу разлилась и туск спал с глаз.

ПРОНКИН И.П. Мы, современная масса, далеко ушли от людей ста лет тому назад. В тот момент и многие интеллигенты искали у Пушкина не революцию, а отдыха. Искали красивую книгу

с перевитыми узорами слов. Теперь масса выросла всесторонне в умственном развитии. Сейчас мы требуем от произведения художества драматических переживаний и классовой борьбы. Требуем и сильного, красивого слога. Это потому, что мы культурно выросли. Классовая борьба отшлифовала человека.

Произведения Пушкина дали коммунарам «Майского утра» полную и живописную картину современной поэту России.

СТЕКАЧЁВ И.А. Прочти Пушкина – и всё будешь знать, как жилось в то время. Без истории будешь знать.

БЛИНОВ И.С. Прочти Пушкина – вот тебе и вся наглядная история старой жизни. Всех людей и все их дела тогдашние будешь видеть и знать, дурные и хорошие.

ЭДУАРД К.К. Пушкин дал всё видимое прохождение жизни. Он предвидел все.

ЛОСЕВА П.В. Хотя я и не видела бар, но теперь знаю их из сочинений Пушкина.

БОЧАРОВ Ф.З. Когда наша молодёжь будет читать такие книги, её будет за душу тянуть, что в такое-то время была такая-то гадость и что если мы сейчас упустим власть, опять то же будет.

БАЕВ О.М. Был у нас такой пример. В деревне Королевой хорошо было всё пошло в 1917 году, когда фронтовики власть забрали. А потом эсеры пришли и старосту назначили. А потом Колчак. И пошли порки, выгрузка хлеба и всё такое! До самой партизанщины это шло, пока не свергнули Колчака.

Образ Пушкина-гуманиста, защитника всех обездоленных людей, до слёз трогал крестьян.

ШУЛЬГИНА А.Г. И везде Пушкин держит обиженных людей под своим крылышком. Не даёт их в обиду, заботится о них. Вот какой приветливый он человек. (Вспоминает «Станционного смотрителя». – А.Т.). Кого он жалеет? Отца Дуни или офицера? Ну, видимое дело, отца. А этого стервятника-офицера он утопить желает. И я того желаю.

ШИТИКОВ Д.С. Интересны песни Пушкина. Например, «Зимняя дорога». В своё время она чётко знает как осмеивала старье

порядки. В то время, если человек сидел на облучке, его уныние брало. Ему хотелось петь, а как и что – не знал. А Пушкин сразу нашёл эту песню. И она вошла в душу рабочего человека, как заморская пташечка! И этой песней Пушкин срамил правительство. Из песни Пушкин раздул политику. Раздолье у нас было, но буржуазия не умела построить на нём жизнь.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Про Ленского Пушкин писал большие мысли. И эти мысли – о нём. Сам Пушкин пошёл по дорожке Ленского. Я читал у Вересаева про дуэль и смерть Пушкина. И мне было до того жаль Пушкина, что я даже останавливался читать и не выдерживал, бросал книгу. И дивился: какая у Пушкина была мягкая душа! Он жалел жену, страдал, но не показывал виду. Всё ей говорил: я оздоровею...

Измудляли коммунаров и широта тематики Пушкина и проницательность его художественного взора, умеющего в малом найти важное, интересное, типичное.

БОЧАРОВА А.П. У Пушкина вся картина собрана по маковому зёрнышку.

ЛОМАКИН Т.Н. К книгам Пушкина из жизни много примеров подходят. А если он начнёт описывать леса, луга, поля и реки или что другое, то никто не найдёт у него ни одной дыры. Всё он подчёртил! Ну всё видно! А «Деревня»? В маленьком стихе Пушкин сумел показать всё рабство, и чем оно должно закончиться. «Здесь девы юные цветут для прихоти развратного злодея». Вот какая трогательность! «Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря?»

СТЕКАЧЁВ Т.В. На что Пушкин не глянет, всё это берёт и в одно сливает. И все как-то у него к делу идёт. Ни с того, ни с сего. Речка, луга, роща – и все приходится! Как у хорошего плотника: из плохого дерева хорошее выходит. Хороший Пушкин мастер! С малым инструментом многое может.

БОЧАРОВ И.И. И ровно как ни за что Пушкин уловится, за маленький крючок уловится, а уж глядишь – через минуту за канат ухватится, и такая мысль выворачивается!

ПРОНКИН И.П. У Пушкина можно найти сочинения по любому вопросу. Идеи у него крупнейшие!

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Пушкин пишет так, как будто видел в жизни все.

Из всех писателей, прочитанных мною в аудитории «Майского утра», ни один не возбудил в головах коммунаров столько мыслей, сколько зажёт их Пушкин.

ШИТИКОВ Д.С. А картины «Дубровского» и веселье и кругозор дают. Есть мысли напряжённые, есть и лёгкие, приятные. То радуют, то завлекают (к публике. – А.Т.). Помните, как вы все заволновались, затолклись, когда Маша не пошла за Дубровского? Мы все начали искать корень зла. Где враг? Буржуй, поп, религия. Если бы Пушкин при последе сказал нам, что Дубровский сошёлся с Машей, – барин наверху бы остался. Буржуи были бы довольны, а мы по классовому чувству должны быть недовольны буржуем. Пушкин так и сделал, а это и надо. Мы теперь религию в корне разочаровываем!

БОЧАРОВА А.П. Слушаю я ушами, а оно своим чередом у меня в нутре перерабатывается. На каждое слово Пушкина десять слов своих нарастает. Ох, и разворочало у меня котелок! Ни в каком случае никто не годится супротив Пушкина. От Пушкина у меня большая голова стала. Пушкин – настоящий бог! Раньше говорили, бог на небеси, но мы его не видели там (смеётся). А этот на земле был. А ежели бы ещё Пушкина подновить (т.е. прочесть снова. – А.Т.) да разжевать бы каждое слово, тогда далеко оно полезет! А то у нас чтение трубой шло, как радио: ту скорей ловишь, а ту упустишь.

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Сперва на чтении Пушкина как будто халатно сидишь, а потом голова вроде как затуманится от думы. Думает, значит, человек. Люблю я эдак.

ПУШКИНА А.Т. Уж шибко много разговоров о Пушкине между нашими людьми. Уходишь с чтения Пушкина домой и долго вдумываешься и даже на работе думаешь. Бабы зачнут о чем-нибудь рассуждать – нет-нет да и придернут Пушкина. Вот, скажут, как у Пушкина сказано. У Пушкина подробностей мало, а ты сам дальше обдумываешь.

БЛИНОВА Т.П. Ко всему писанью Пушкин серьёзно относится. А на душе вертит от чтения, и не перестаёт всё время. Слова-то уж шибко хорошо имаются! В голове всё время один смысл к другому ладишь. И этта все развязывается! Загадывает он нам мысли наперёд. Вот и мыслишь эти мысли беспрерывно...

СТЕКАЧЁВ И.А. Умные мысли рассыпал Пушкин по всем своим произведениям.

ПУШКИНА А.Т. Настойчиво хотелось мне слушать Пушкина. В голове от чтенья скопляется всё кругом-рядом. И ты всю картину себе в голове ясно описываешь, и сама мыслишь.

НОСОВА А.С. Начинают читать Пушкина – и у тебя в голове сразу мысли заходят...

Героев, созданных Пушкиным, коммунары принимали не за поэтический вымысел, а за подлинную явь. Во многих случаях яркость изображения была настолько сильна, что описываемое физически ощущалось слушателями.

СУСЛИКОВ Т.И. (при чтении сцены издевательства Троекурова над Машей срывается со скамьи, обращается к аудитории и тоном полного отчаяния вопрошает её). Но как?! Как спасти Машу?! (Аудитория бурлит. Чтение прервано. Предлагаются варианты спасения Маши. Разгорается спор).

ШИТИКОВА М.Т. (обозлившись на спорящих за разрыв нити повествования, раздражённо кричит на них). Да заткнитесь вы! Мешаете слушать! Ну вас!!

ТИТОВА А.С. (по прочтении «Дубровского» горестно вздохнула). Жалко ж мне Машу! Вот бы я посмотрела, как-то она, бедная, теперь живёт!

НОСОВА А.С. А как русалки-то купались! Брызги летят, серебрятся! И у меня тут были летние ощущения. Передо мной была река, трава... Читали мы «Русалку» зимой, у меня ноги замёрзли, а я всё воображала, что купаюсь вместе с русалками. И про ноги свои забыла. Это значит, что Пушкин шибко завладевает человеком. Живёшь с тем народом, который Пушкиным описывается. И так везде. А типов-то как даёт Пушкин! Например, рыжий мальчишка в «Дубровском» прямо ну Ераски Легалова мальчишка!!! Ноги грязные! А Маша сидит у окна, и мне всё это представляется. А отец Маши чувствуется как Иван Васильевич Забурдаев, бывший старшина. У него дочь задавилась оттого, что насильно выдал замуж... Берёшь пушкинского типа и начинаешь с ним в уме шнырять по своим знакомым, нет ли где такого. Вот они и даются тебе.

ТИТОВ Н.И. (к описанию красоты дочери Кочубея). Я таких красивых не видывал. От такой с ума сойдёшь!

ЛОМАКИН Т.Н. Мазепа – супостат!. Недохваток у Пушкина в описании какого-нибудь типа не бывает. Как статуя слепит! И уши, и глаза, и нос, и всё у него тут будет. И сапоги он ему подберёт какие надо.

ЗАЙЦЕВ А.А. Герои описаны как настоящие, живые. Прочитаешь про какое-нибудь лицо – и кажется, что ты с ним давно познакомился. Пушкин описал крепость в «Капитанской дочке» так, как будто я там сам был, и недавно был.

ПУШКИНА А.Т. (мечтательно и грустно, вспоминая Машу Троеурову). Вижу вот Машу: вся в брильянтах, сряжена, а отдают за старика!

БОЧАРОВА М.Т. (о «Русалке»). А как князь разговаривал-то с сумасшедшим мельником. (Вздрагивает.) Ох, меня и сейчас страх и жуть одолевают! Я, говорит, ворон...

ТИТОВА А.С. (О «Пиковой даме»). Не посадили, говорит, старую графиню в карету, просунули в дверцы. Это писатель смеётся над ней. А гости кланялись графине, как монашки игуменье.

БОЧАРОВ Ф.З. (хохочет). Графиня-то, как бабка Варениха перед смертью бритая!

Во время чтения «Евгения Онегина», «Дубровского», «Полтавы», «Русалки», «Цыган», «Капитанской дочки» и др. произведений аудитория то затаивала дыхание, то взрывалась в негодовании, восторге, изумлении, сожалении и т.д.

БЛИНОВА Т.П. (при описании блужданий Владимира в «Метели»). Эх, не найдёт дорогу!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Пропал-пропал!!

БОЧАРОВА М.Т. Не дождётся его Маша!

БОЧАРОВА А.П. (после прочтения слов Бурмина «Я женат» ликующе кричит). А, этот воскрес, прежний жених!!

ГОЛОСА:

– Не этот!

– Ничо ещё понять нельзя!

– Да кто же это такой?!

ЭДУАРД М.А. (после слов из «Пиковой дамы»: «...Лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу», смачно плюёт и кричит). Когда же тебя черти возьмут!!

(Продолжительный хохот всей аудитории. Голоса возмущения. При чтении фразы: «Часы пробили первый и второй час утра, – и он услышал стук кареты» – аудитория сначала замерла. Потом послышались в ней пугливые перешёптывания.)

КОРЛЯКОВА Н.В. (О Германе). Захватят его!

БОЧАРОВА А.П. Ах!!

СТЕКАЧЁВА М.Е. Чо же он стоял-то до сих пор?!

ТИТОВА А.С. Весь, поди, истомился!

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. (о графине). Ведьма!

ЭДУАРД М.А. Одной ей хорошо было, а миллиону народу – плохо!

ГОЛОСА (при чтении сцены появления Германа перед графией). Ой!!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Убьёт он её!

ТУБОЛЬЦЕВ И.Т. (при чтении сцены появления перед Германом призрака графини). Во! Пошло! Спятил!!

ЗУБКОВА В.Ф. Чудится ему!

СОХАРЕВ И.А. (о Троекурове). Подь ты к чёрту, собашник!

СТЕКАЧЁВ И.А. (об отряде повстанцев в «Дубровском»). «Красные пики», как в Китае.

ШИТИКОВ Д.С. «Голодные желудки» против мандаринов.

БОЧАРОВА А.П. (о выстреле Дубровского в медведя). Уметил!

(В аудитории ликование).

ЭДУАРД М.А. (при словах, сказанных Дубровским Спицыну: «Тише, молчать или вы пропали. Я – Дубровский», вскрикивает на всю школу, крутит головой и бьёт себя руками по бёдрам). Ох-ох-ох!!!

БОЧАРОВА А.И. Спасся Спицын!

ЗАУГАРОВ Н.В. Выбрал себе спасителя!

(В аудитории длительный общий хохот.)

ТИТОВА А.С. (о Верейском). Деточка-то постарше отца.

СОШИНА Е.И. Эх, не мог же Троекуров раньше отдать дочь!

БЛИНОВА Т.П. Сразу мне на сердце камень пал.

ТИТОВА А.С. Ну и закон же был про женщин! Ишь, страшный чёрт, чо управлял! До молодой добирался!!

ШИТИКОВ Д.С. Бары были просто скоты безрассудные!

ТИТОВ В.А. Отнимали век у молодого человека.

ШИТИКОВ Д.С. Эх, как слово «Дубровский» колонуло в живот Троекурова!

БОЧАРОВА А.П. (после описания сборов Маши к венцу). Ох, тошно мне!!

ГОЛОСА:

– Пропало дело!

– Скрутили!

– Вот сволочь старая!

БЛИНОВА Т.П. (при чтении описания нападения Дубровского на свадебный поезд). Старый чёрт! Ещё стрелять!

ГОЛОСА:

– Гад!

– Окаянный!

– Самого бы его пристрелить!

– Эх, Маша, Маша!!

ПУШКИНА А.Т. Ох, горе, ох, горе! Горе-то, горе!!

ШИТИКОВА М.Т. Везде Дубровский вывёртывался, а тут не поспел до венца.

(Как только было закончено чтение картины Полтавского боя, вся аудитория задвигалась и в единый дух произнесла: «Ух!!»)

ШИТИКОВА Д.С. Картина! Конкретно пишет!!

БЛИНОВА Т.П. Немного всего обсказано, а всего человека рас-тревожило.

КОРЛЯКОВА Н.В. (после чтения «Русалки»). Аж сердце обре-зает!

БАЕВ А.М. (после чтения «Анчара»). Это прямо смертоубий-ство!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Прямо сердце заходится и высказать невоз-можно как.

БОРИСОВ М.К. (о Белогорской крепости и её обитателях). Вот где старобытность-то!

ЛОМАКИН Т.Н. Насадил царь какое-то дерьмо в крепости. Сорок кривых.

(Чтение сцены предъявления Савельичем «реестра» Пугачёву то и дело прерывалось безудержными раскатами хохота.)

ШИТИКОВ Д.С. Вот где репарация-то!

БОЧАРОВА А.П. Рот разинувши сию и слушаю. Сцеплено – не растащишь слова!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Слушаешь стихи и сказы Пушкина и настораживаешься. Весь как струна!

ПУШКИНА А.Т. Чувствуешь себя на чтении, ровно лежишь. Уставеришься и не мигнёшь глазами. Ничего мы интереснее Пушкина не читали.

ПРОНКИН И.П. И во всех драматических произведениях чувствуется такое положение: сидишь, и тебя всё время поднимает, поднимает. И когда дело к развязке, аж тебя затрясёт всего!

БОЧАРОВА А.П. На чтение Пушкина не сидишь на месте, а тебя ровно всего подымает от земли кверху. Сидишь, вся трусишься, как рыба на удочке, а то как замёрзнешь вся. Ты от одного слова изумишься, тут на тебя другое налетает. Пушкин – это как вулкан (мой Ванюша читал про вулканы). Всю тебя заливают и обжигают...

БОЧАРОВ А.И. Как белая графиня появилась Герману, я аж обмер! Ровно ножом мою шкуру полосовали, а не больно.

БОЧАРОВА М.Т. Когда в «Русалке» дочь мельника запела песню на свадьбе, то песня эта изменила меня всю! Мне стало страшно...

Причудливая, ежеминутно интригующая и неизменно правдоподобная фабула Пушкина приводила в восхищение всю аудиторию.

БОЧАРОВ Ф.З. Пушкин в рассказах путаницу заводит, но эта путаница интересует, затягивает слушать, заставляет напряжённо ждать конца. А многие нынешние писатели путают плохо.

НОСОВ И.А. У Пушкина и приятная и неожиданная путаница. Вот возьми сегодняшнее чтение. Зашёл Герман к Лизе. Думаешь, он с нею тут будет, а он вот что проделал: к графине затесался!

ТИТОВА А.С. (о других авторах). А есть путаница досадная!

НОСОВ И.А. Ну, куда же ещё запутаннее вчерашней «Метели»! Или сегодняшней «Пиковой дамы»! Стали венчаться. Думаешь, офицер – жених, а оказывается – нет! Тю, чёрт тебя возьми! И сегодня так же. Но в этих рассказах загадочность близится к практической жизни.

ШИТИКОВА М.Т. Современные писатели как-то всё подробно пишут, всё открывают наперёд. Всё у них знаешь, что дальше будет. А старые писатели ведут-ведут, завязывают-завязывают, а потом сразу узел с тайнами и развязывают!

ТИТОВА А.С. Даже и не подумаешь того, что напоследке рассказа случится.

СОШИНА Е.И. Конца нету интересного в этой «Русалке».

СТЕКАЧЁВ И.А. Если бы Пушкин продолжил, то потерялось бы интересное.

ТИТОВА А.И. Сростить бы нельзя было: посредине была сказка, а потом должна бы быть правда.

БОЧАРОВ Ф.З. У Пушкина никогда конца не узнаешь. Не узнаешь, куда он повернёт.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Вот читают, думаешь: хорошо все обойдётся, а потом как повернёт – и тебя всего затревожит.

ЛОМАКИН Т.Н. Мы уж теперь применились к Пушкину: не узнаешь, чем у него рассказ закончится. Так что необходимо дослушать произведение до конца. Ну, кто ж бы подумал, что Евгений не возьмёт Татьяну?! Или – что она откажет ему?! А когда она отказала – верно всё! Совершенно правильно! С ним Татьяне плохо стало бы жить. Конец рассказов у Пушкина короткий, отрубистый, неожиданный. И Пушкин так последнюю лычку подоткнёт, что и кончика не найдёшь!

СТЕКАЧЁВ Т.В. С краю в рассказах Пушкина не разберёшь, куда же это он ведёт. А потом – рраз! – и всё раскрывается. И тебе большое удовольствие от этого. Потому что одним словом Пушкин сразу всё раскрывает. Про Пушкина не скажешь: на что это он писал, это да это? У него всё отшлифовано, как у хорошего оратора.

ЗАЙЦЕВ А.А. Пушкин не комический писатель, а смеху у него не огребёшься. Как будто бы и неоткуда в «Капитанской дочке» смеху взять, а смех и смех.

НОСОВА А.С. Как слово «крепость» скажут, так и смех берёт.

ЛОМАКИН Т.Н. (хохочет). Какой-то Иван Игнатьич?! Хромой, кривой... Ну в глазах стоит! И эта ихняя там пушка... Аж живот до болезни надорвёшь от смеху на них!

Коммунары отлично поняли и почувствовали, что гений Пушкина одинаково велик во всех литературных жанрах.

СТЕКАЧЁВ И.А. У Пушкина – всё первый сорт. Разные маленькие стишки большой мысли нам хоть и не дают, но они складом своим дороги. А Пушкина каждый человек должен знать полняком. Обязательно. Его стихи не тем, так другим хороши. И лучше их нет. Пушкин во всех видах хорош. Роман у него – так роман, стих – так стих, острота – так острота! Во веки веков Пушкин не устареет...

**Пушкин – наш современник,
только теперь он раскрывается
во всём своём величии.**

БОЧАРОВА А.П. Говорят, он старый писатель. Ну нет! Пушкин только что родился! Только что теперь он воскрес! Каждое его слово золотить надо. Ты смотри, как от него у народа вертело и кипело! Только теперь разрослась та привидная картина, об которой Пушкин наперёд угадал. Какая голова была у Пушкина, сколько она смыслила!

БОЧАРОВА М.Т. «Памятник»-то? Как тут не почувствуешь?! В теперешнее время Пушкин был бы неоценимый поэт. Это – про-рок!

БЛИНОВ Е.С. Теперь началось второе пришествие Пушкина на землю.

Язык, стихи, композиция про-изведений Пушкина заклю-чает в себе какую-то непо-нятную, но неотразимую силу обаяния.

ЗУБКОВА В.Ф. Много я читала допрежь Пушкина, а и теперь он у меня на памяти. Но только я его фамилии не глядела. В коммуне надоумили. Стала глядеть. И теперь вижу, что самые лучшие стихи и рассказы – все Пушкина и Пушкина.

СТЕКАЧЁВ И.А. А насчёт складу про Пушкина и говорить нечего. Весь Пушкин удивляет, весь поражает. Лет девяти я читал «Капитанскую дочку» – и до сих пор сохранил её в памяти. Сказки его тоже все читал в детстве. Ребятишкам они незаменимы... А как у нас-то слушали Пушкина! Кончат читать – и все разомлеют, не знают, что и делать. Сила, секрет какой-то в словах Пушкина! У него и то и другое – всё аккуратно. Сравнения Пушкина – не «месяц в оглоблях». У него на художественных сравнениях не запи-наешься. У нынешних писателей больше образов и сравнений, но они надоедают. У Пушкина их меньше, они между делом, а выходят лучше.

БЛИНОВА Т.П. Шибко хорошее у него уклоненье в речи.

ПРОНКИН И.П. Как на лёгких рысях несёт тебя Пушкин. Это – какое-то сладкое вино! В части описания природы Пушкин не имеет себе равных. И, вероятно, их долго не будет. И лирика, и всё, что угодно, льётся у Пушкина рекой. Стихи вольны, без принуждения.

Не высасывались они из пальца. Пишет Пушкин стихи, как будто в игрушки играет!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Много нам читали книг, читали и плохих и хороших писателей, но когда прочитали Пушкина, то ровно после ржаного хлеба поели свежего пшеничного! На чтении Пушкина даже самые отчаянные курцы не выходят курить до самого перерыва... А как он крыл цензора и правительство! И попам от Пушкина досталось. В «Балде» Пушкин осмеивает попов... Он пишет стих про природу, а всё-таки и тут дворян да стукнет незаметно... У Пушкина всё правильно. Слушать его легко. Ровно ты сидишь где-то, а кругом тебя аромат от душистых цветов! А некоторых поэтов слушаешь, как в табачном дыму сидишь. Слова у Пушкина как будто были внутри давно наготовленные. Пушкин пишет стихи как рассказывает. Ребёнок поймёт.

СТЕКАЧЁВ И.А. Фразы у Пушкина вообще укладистые и лёгкие. Из одной фразы во-о-о какая картина раздувается! Писание Пушкина как алмаз: вещичка маленькая, а стоит дорого.

ПУШКИНА А.Т. Описывает он картины. Всё у него слаженно прилегает. Ничего не забывается. Всё просто. И всего человека Пушкин явно вырисовывает. У Пушкина не размазано, не разведено, а всё ясно. Слова как будто украденные (т.е. их мало. – А.Т.), а всё в них выписано, всё понятно, и ничего больше не надо.

НОСОВА А.С. Ловко всё смешано: и смех и горе. Всего в меру.

ЛОМАКИН Т.Н. Слова у него идут такие мягкие, гладкие, и всё у него кольцо за кольцо заведено. Есть у Пушкина непонятные русскому человеку слова, но они общему смыслу не мешают. Хоть и пробросишь непонятное слово, – дальше есть увязка, за которую ты можешь пойматься. И прореха не мешает. Какие бы непонятные слова Пушкин ни говорил в «Евгении Онегине», а всё-таки Онегин ясен: ветер. И не скажешь, что он – хозяйственник... У Пушкина иностранные вклинки (т.е. слова. – А.Т.) нам не помеха. У других писателей некоторые слова не поймёшь потому, что главный тип не крепко обрисован...

НОСОВА А.С. Я просто не могу выразить, как мне понравилось у Пушкина. Пушкин умеет подойти к чувствам человека. То вдруг невольно засмеёшься, то такую драму затеет, что сердце жмётся и плакать хочется.

ЛОМАКИН Т.Н. Что ещё хорошо у Пушкина? Он никогда не берёт сначала много актёров (т.е. героев. – А.Т.). Он их берёт по сцене, чтобы можно было оставить их в голове читателя. Если в первой части у Пушкина есть какой-нибудь актёр, то когда ты встретишь его в шестой части, сразу вспоминаешь, что он из себя представля-

ет и зачем он здесь появился. Все главы у Пушкина, как на резине: растягиваются. А у многих нынешних писателей есть и так: обрисуют в первой главе актёра, а когда встретишь его в пятой или шестой главе, то уж не помнишь, для чего он там. Главаря-то, может быть, упомнишь, а пристяжных непременно забудешь. Их же нельзя в голове держать. А ведь в книге не дорого количество, а качество. Нынче писатель больше все из карманов вытаскивает актёров и садит на сцену. Через десять страниц только разберёшься, зачем они тут появились...

Общее впечатление от произведений Пушкина коммунары «Майского утра» выразили в следующих высказываниях.

БОЧАРОВ Ф.З. Пушкин выявляет в «Борисе Годунове» подлость самодержавия и как масса не желала царей. Вишь, луком глаза натирал народ, чтобы «плакать» о царе (смеётся). Но если бы у старых писателей не было таких мыслей, то не было бы и революции. Оно ведь по такой вот крошке собиралось, значит, революционные мысли. Они к одному и собирались.

ЛОМАКИН Т.Н. Когда слушаешь сочинения Пушкина, то в душе у тебя такое настроение, как будто дожидаясь какого-то важного гостя или счастья. И нет у тебя той силы, чтобы уйти с чтения.

ШИТИКОВ Д.С. Критиковать Пушкина надо с волнением энергии. Хотелось бы мне говорить о каждом его произведении детально и как оно настраивает человека, но это невозможно. Невозможно придумать, с чего начать. Оно придумать-то возможно, но очень много надо говорить... Сколько есть произведений Пушкина – и по всем я мог бы рассказать всех их подход и с точки зрения художественной и политической. В произведениях Пушкина я нахожу то, что теперь делается в жизни, в социалистический век. Пушкин пишет о многом, обо всем. Пушкин против буржуазии... Пушкин тем и хорош, что писал будто бы о Гришке Отрепьеве, а на самом деле высмеивал старый строй. Он показывал самые его отвратительные стороны и тем самым раскачивал умы простых людей. Все большие произведения Пушкина склонны к одному: есть поработители и порабощённые... Перехожу к складу слов Пушкина, но я не буду подробно разбирать его лиру: некогда. Вот мне какая мысль упала в голову. Другие говорят, что у Пушкина в рифме много глаголов. Да ведь в глаголах Пушкина – существительное и материа-

лизм получается! В этих глаголах Пушкин говорил, что будет время, когда солнце взойдёт! Мы разбирали Пушкина бегло. А ежели бы разбирали каждый его стих, каждый принцип, то дали бы исторический материализм из его поэзии. Про стих «Обвал» я думаю так. В нём и причина и художество. В художестве – звук обвала. Тут в ушах и глазах – обвал. А смысл такой: какой бы обвал на ручей ни обвалился, он его проточит.

БЛИНОВ Е.С. Какая бы громадная лапа ни лежала на народе, а когда-нибудь народ её низвергнет.

СТЕКАЧЁВ И.А. В «Памятнике» Пушкин не гордился, а узнавал себя. А памятник Пушкину остался не тот, который в Москве, а вот стихи. Его не заслонишь никакой фигурой.

БОЧАРОВА А.П. Пушкин мне видится как преогромная гора, на которую ни взглянуть, ни взехать, ни взойти! Вот какой вид по моему зрению в глазах кажется. Престрашенная, огромная и явственная картина. И глазом её, такую махину, не окинуть!

Примечание. В 1928 году редакция журнала «Красная Нива» обратилась ко мне с просьбой – написать небольшой очерк на тему «Пушкин в избе-читальне». Она хотела показать своим читателям, как гениальный поэт воспринимается советскими крестьянами в эпоху социалистической революции.

Я провёл «массовый смотр» произведений А.С. Пушкина и записал отзывы коммунаров.

Признаюсь: перед читками я втайне боялся, что такие творения, как «Евгений Онегин», «Русалка», «Бахчисарайский фонтан» и т.п., – пройдут мимо внимания моей аудитории как отголосок старины глубокой, неинтересной человеку нашей эпохи. Но я жестоко ошибся!

Читки произведений А.С. Пушкина тянулись около двух месяцев. Едва я объявил их – по коммуне пошло такое сильное возбуждение, точно всё её население готовилось к небывалому торжеству. И больше всех волновались, суетились и ликовали те коммунары, которые раньше не раз читали Пушкина. А пионеры и комсомольцы просто выходили из себя.

– Пушкина будут читать!

– Даёшь Пушкина!

– Послушаем ещё разок!

– Сегодня Пушкин!

– Давно уж его не читали!

Коммунары лихорадочно спешили пошабашить дневную работу, чтобы вечером не опоздать в школу на читки. Ещё задолго до звон-

ка гонга-шабалы школа была набита слушателями. В конце вечера каждый раз температура становилась «банной».

Нет возможности описать здесь подробно каждое чтение.

Коммунары, читавшие произведения Пушкина по несколько раз, всё же не уходили с читок, а сидели в школе. С увлечением они разъясняли соседям прочитанное или добродушно усмехались над ошибочными предположениями о развитии сюжета, или предупреждали, что «вот-вот будет очень интересное», а потом «самое интересное»...

А.С. Пушкин заполнил головы коммунаров, стал властителем дум. На работе слушатели рассуждали о нём, сравнивали его со многими современными писателями. Там и сям в коммуне возникали летучие диспуты между отдельными лицами и группами коммунаров...

Мои пояснения к некоторым произведениям А.С. Пушкина были предельно краткими. Они касались либо непонятных мифологических имён, либо исторических лиц, фактов и событий, послуживших поэту поводом или канвой для его произведений.

Всем творениям Пушкина коммунары широко раскрыли свою душу. Даже лёгкие, игривые плоды фантазии поэта, как, например, «Адели», «Прозерпина», «Амур и Гименей», «Стансы», «Коварность», «Наперсник», «Торжество Вакха», «Виноград», «Царскосельская статуя» и т.п., – были прослушаны коммунарами с неослабным вниманием...

Я прочёл коммунарам «Бахчисарайский фонтан», «Цыган», «Чёрную шаль», «Талисман», «Анчар», «Египетские ночи» и пр. – и увидел, что мои слушатели не только понимали смысл этих произведений, но и считали их совершенными по форме...

* * *

Не могу не сказать и о моём самочувствии при чтении произведений Пушкина. Читаю, бывало, и остро ощущаю сотни воткнувшихся в меня глаз. И от этого в душе было сияние и лёгкий взлёт...

* * *

Отзывы коммунаров «Майского утра» о произведениях А.С. Пушкина составили довольно объёмистую рукопись.

В 1932 году я написал Викентию Викентьевичу Вересаеву о желании встретиться с ним, чтобы показать ему мою работу. Глубокий исследователь жизни и творчества А.С. Пушкина немедленно

но отозвался. Ознакомившись с рукописью, он одобрил её и посоветовал приберечь её до очередной пушкинской даты.

В 1936–1937 годах я работал в школе города Раменское под Москвой. Викентий Викентьевич знал мой новый адрес. В январе 1937 года я получил телеграмму: «Немедленно явитесь Пушкинский комитет при библиотеке Ленина. Вересаев».

По рекомендации писателя Пушкинский комитет приобрёл мою рукопись для выставки, посвящённой столетию со дня смерти великого поэта. Выставка была организована в Москве, в Историческом музее...

Прошло много лет.

В годы Великой Отечественной войны фашисты уничтожили почти весь мой архив. Все попытки разыскать оригинал рукописи отзывов коммунаров «Майского утра» о сочинениях А.С. Пушкина были тщетны.

И лишь недавно его нашли в Ленинграде, в Пушкинском доме (Институт русской литературы).

Сотрудники Пушкинского дома проявили исключительную заботу, тщательность и любовное внимание при розыске и реставрации моей рукописи. Годом раньше они также разыскали и другие мои полезные работы, переданные в архив Института редакцией журнала «Литературная учёба».

За всё это я выражаю им сердечную благодарность...

**О ПРОЗАИКАХ
И
ДРАМАТУРГАХ**

И. Бабель*

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ РОДИОНЫЧА

(Читано 5 февраля 1928 года)

КОРЛЯКОВ С.Ф. Матвей Павличенко – это темнотой забитый человек, злой на господ, на своих угнетателей. Имел, видно, большую физическую силу, и потому пошёл громить своих обидчиков – дворян. Выдумку его насчёт «письма Ленина» нельзя опровергать. Мог Матвей эту штуку удрать. Очень свободная вещь. Он был глубоко уверен: раз революция, то Ленин разрешил бы ему все равно расправиться с баринком Никитинским. А если так, то всякую выдумку можно в ход пустить, лишь бы отомстить своему классовому врагу. Именно такое понятие и держал в своей голове Матвей, когда шёл дуть барина. А в целости Павличенко представлен так себе. Душа его из слов видна. Пошире надо было писателю кое-где сочинить. Но и при короткости его писания про щеку, например, всё понятно. Горит у Матвея щека от бариновой руки. Горит много лет. Хочется Матвею отплатить за это своему злодею. Ну, и достигает он своего. Это – хорошо. А в остальных местах рассказа много неясности, недоговорённости. Все какие-то перерывы речи идут. Настояще душевность Павличенки выражена, по-моему, вот... когда это он с Настей кружился... Рассказ не обошёлся и без брехни. Например, в нём говорится: «...и тут я взял его за тело, за глотку, за волосы». Как это Павличенко сразу мог взять барина за три места? Что у него пять рук, что ли, было? Враньё! На смех сказано. Толь-

* Бабель И.Э. (1894 – 1940) – русский писатель и драматург. В 1940 году расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1954 году.

ко где тут можно смеху быть? Ещё вот там слова есть: «шакалья совесть». Слова эти будто барин сказал Павличенке, когда тот его за душу сцапал. Нет, в это время барин таких слов не скажет. У него дрожало всё от страха. Речь из горла не лезла, а колени всё подламывались и трепыхались. Тут предсмертная минута, а он стал бы ещё шапериться?

ТИТОВА Л.Г. Видать, что могучей был этот партизан. Я боялась партизан роговских. Пряталась от них. Как, бывалыча, увижу их, так вся и затрясусь, как лист. В сказу этом – ровно нету никакой брехоты. Всё по совести обсказано. Быль оповещена. Так это и было. Многих партизан не миловали.

ЗОЛОТАРЁВ П.И. Кабы я был Павличенко, я не стал бы долго с барином возжаться, а минтом придушил бы его ещё в погребе, – и хана. А то ещё какие-то тары-бары-растабары Матюшка разводил с тем сукиным сыном! Не ядрёный и не маленький был Матвей Павличенко, а средний, но хитрый, умственный человек. Я бы мог обвинить Павличенко, если бы он оскорбил кого-нибудь на общем собрании граждан. А с барином он поступил, как и надо. Тогда была партизанская власть. Попался им гад какой-нибудь – ну и крышка! «Ленинское письмо» с толком присочинено к рассказу. Я думаю, не по хулиганству его «прочитал» Матюшка барину Никитинскому. Не, он делал это от полной своей мысли, что Ленин – будь он около него – разрешил бы ему хлопнуть барина. Надеялся в этом Матюшка на Ленина как на вождя... Рассказ написан, как топором вырублен! Никаких в нём не сделано неясностей. Во всём можно разобраться, ежели человек не дурак и повидал свет в Гражданскую войну.

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф. С моей руки – мало Матюшка топтал барина. Ещё бы ему, подлецу, тальнику, пуще бока намять! Чёрт какой, чужих баб дай ему хватать!

НОСОВА П.Д. А, должно, шибко осерчал Матюха на барина за «бабье место». Тот-то, видно, любил пощупать чужого мяска. Сатана!

ЕРМАКОВ Я.М. Написал этот сочинитель как отпечатовал. Чуть не все разумно и действительно. И проведён весь рассказ по одной тропочке, без виляния по сторонам. И уж дуже этот писатель бережлив на слова! Нигде, кажись, не переговаривает... Я тоже согласен с тем, что Павличенко мог выдумать «письмо» Ленина. Ещё не такое выдумывали партизаны! Бывало всякое во время движения. Жалко, что в рассказе нет точного конца. Не хватило у автора ключа. И жалостливости для слушателя не хватило. Примирительной стороны. Всё в злости описано. Нельзя так. Матвея целиком

не могу я оправдать. Разве уж так много ему барин нагресил? Ишь, по морде раз дал да бабу похапал за «прочие» места! Автор должен был сделать своё заключение. А то образовалось такое положение: зло на зло. Среднего вывода нет; примирительной в жизни человеческой нет. Люди от рассказа не научатся, как правильно и любовно жить. Требуется к рассказу добавление. А сам по себе он высокого составления.

ШИТИКОВА М.Т. Партизан поступил с Никитинским выше вины барина. Жестоко поступил. И мне кажется, автор здесь соврал. Вряд ли Павличенко мог так истязать барина за то, что тот когда-то, пять лет тому назад, дал Павличенке пощёчину и хапал его жену. Мягкими на словах, а жестокими на деле могут быть, кажется, только религиозные люди. А Павличенко – не религиозный. Он «мягкий», но большой злодей... Про женину обиду нечего и говорить. Жена сама виновата. Она должна была в своё время доложить мужу, что барин с ней нахальничал. Не знаю – как на кого, а на меня Матюшка произвёл противное, отталкивающее впечатление... Рассказ написан по-деревенски. Автор говорит, правда, шибко ясно и отрывисто, но не могу я не согласиться, что слова в рассказе все Матюшкины. Некоторых слов Матюшке этому не выдумать. Писатель за него их выдумывал и под Матюшкину статью подвёл.

ТИТОВ Л.Е. Безумно Матюшка на барина кидался. Ну-к чо, если барин кою-то пору «кое-где» пошарился у его жены? Чо ей делалось? Хватило бы её всем: и барину и Матвею. Разве этаких штук не бывало али теперь не бывает? Сколь хошь. Так и топтать людей за это? Зря это! Совсем ни к чему.

КОРЛЯКОВ И.Ф. У Матвея Павличенки очень мстительная душа. Писатель поставил его глупым и забитым, а он – не такой. И шёл Матвей на барина не из политической классовой мести, а по своей личной злобе – за бабу. Политической сознательности в Матвее не видно. Трудно допустить, чтобы такой забитый замухрышка, как Павличенко, мог наступить на барина. Да ещё один на один. Что такое Павличенко? Это был чуваш, татарин какой-то! Куда он гож?! Он господ и теперь, поди, боится. Историческая трусость в нём перед господами должна быть. Груб, горд и храбр он слишком скоро стал у автора... Пишет Бабель как-то всё набросками, куцо. Фразы неполные. Всё как будто не вполне законченное. Без всяких объяснений, отрывистые и сухие. Напомнят они малость про то и се – и к барину перескакивают.

ТИТОВА Л.Г. (обращаясь к И.Ф. Корлякову). Что ты, Федотыч, Матюшка этот у-ух какой гордый собой! Ты не гляди, что он собой мямля. А что скоро сказ ведётся и с перескочками – это правда.

Партизаны шибко скоро ездили. Им, видно, ехать-то было так, как от Шпагиной до реки Чесноковки. (Шпагина – деревня. Расположена в десяти километрах от нашей коммуны и в пяти километрах от реки Чесноковки. – А.Т.) Воротились – и нету их!

ТИТОВ И.В. Высказывается писатель по-русскому, по-народному. Но продолжение у него очень короткое. А доказательство всякому месту предметное.

БОЧАРОВА П.И. Вопча от скуки рассказик этот люди будут слушать. Павличенко такой же, как наш журавлишинский Яргин: читает книги, а сам неграмотный. Вид кажет людям, что знает много, задаётся...

ТИТОВ П.И. Матвей Павличенко мстил барину больше из личной пользы. Просто обозлился – и всё. А «письмом» только хотел устроить барина перед смертью, чтобы помучить. Отряд, в котором был партизаном Павличенко, как метеор на нас свалился и исчез где-то. Ничего настоящего про него не сказано в сочинении. Зачем тогда и поминать его?

ШИТИКОВА М.Т. К давешнему моему слову я ещё прибавить хочу. Говорят, что «письмо» Матвей Павличенко выдумал. А я уверена, что его выдумал сам автор. Если Павличенке нужно было контромить барина, то зачем ему ложное ленинское письмо? И без письма он его прикончил бы... Рассказ написан так, что со стороны на барина зло не берёт. Когда в романе «Два мира» (В. Зазубрина. – А.Т.) старик-партизан Чубуков давит руками белого добровольца, изнасиловавшего его дочь, то ты не можешь спокойно при этом сидеть: так бы и присоединился к нему! А после «Матвея Павличенки» жестокость барина исчезла из моих глаз. Осталось непонятное чувство: и барина не жалко, и партизана не уважаю. Удивляет меня и такое дело: Павличенко один из отряда поехал мстить барину. Поехал прямо в усадьбу, не зная, кто там сейчас и что делает. Не мог он не зная ехать туда. А ну-ка там оказался бы отряд белых? Что тогда стал бы делать Матвей Павличенко? Слышала я, что Бабель – знаменитый нынешний писатель. Если он знаменитый, пусть пишет яснее.

БОЧАРОВ Ф.З. Для меня очень много непонятного в этом рассказе. Партизанского движения нет. Какое это движение? Ехал Павличенко с отрядом; как и куда ехал – неизвестно. Остановился отряд. Павличенко один понёсся к Никитинскому барину. Зол он на барина, как чёрт. Приехал. У барина сидит земельная комиссия. Она же белая. Конечно уж стоит за барина. Значит красный Павличенко в доме – один, а беляков целая компания. И вдруг барин Никитинский сразу подчинился Павличенке. Формаль-

ная врака! Перепутка всего. Всё своё писание этим автор испортил. Уже ни к селу ни к городу. На што Матвею Павличенке лгать барину от имени Ленина, если он был настоящий партизан? Да он бы барина и без письма пришиб, коли б они один против другого сошлись. А то, вишь, какую басню писатель развёл: белая земельная комиссия сидит, чай пьёт, а Матвей Павличенко в этом же доме барина давит. Они бы его все-то так даванули, что только бы сапожнешками застукал! Матвей Павличенко по совести описан только во время его пастушества, а потом писатель соскользнул с верного пути. Понёс чушь. Хорошему кузнецу ошибаться нельзя. Так же и всякому прочему мастеру. Ну, и с хорошего писателя должен быть спрос такой же. Ни рыба ни мясо – вот что для меня этот рассказ. Научного – ни крохи в нём. Надень хоть трое очков, никакой партизанщины в сочинении не выкопаешь, а рассказ ведётся про партизан. Что барин Никитинский свою барыню сделал «сумасшедшей» – этого отвергать не буду. Они хотели застрашать Матвея или разжалобить его на их сторону. Вообще рассказ этот – ровно с воздухом пал. Кто, что, как? – догадывайся тут сам читатель. С чего у помещика глаза обратились в шары, если Матвей говорил с ним тихо-смирно. Не разобрал я, к чему склонение имел рассказ. Партизаны мстили барам, давили их, только не так, как Павличенко. В рассказе указано, что он зашёл к Никитинскому в хоромы неслышно, как кошка, и стал, снявши шапку-кубанку. Телёнком стоял. Да разве партизаны так набегали на господ, которые их раньше мучили? Нет, не так! Вбегали энергично и – бух! бух! бух! Готово! Нет барина! Матвей – нюня. Он и сейчас, верно, боится господ. Я раз ехал в Косиху и посадил подвезти какого-то растрёпанного мордвина из Пензенской губернии. Места у нас искал для переселения. Разговорились мы с ним дорогой. «Как, – говорю, – у вас там, в Расее, с землей-то?» – «Да плохо. Бедствуем. Боимся себе просить барскую землю. А ну-ка барин опять вернётся?» Видал как? До сих пор ещё в середке у мужиков страх перед барином живёт. И это – так. А тут какой-то автюха, Матвей Павличенко, один насмелился к барину идти и давить его в присутствии белой земельной комиссии? Пусть писатель этот расскажет кому-нибудь, а не нам!

КОРЛЯКОВА Н.В. Матюха – маленький, тихонький, смугленький мужичонко. И подвижности в нём много-много. Вертушка. Скачок. Чистый Остроухов наш, покойник! По речи слышать Павличенку. А эти тихони повсегда злей простых людей. Он молчит-молчит, да и тяпнет... Барина Никитинского нужно бы сразу, сволочь такую, придавить! Хам! Вздумал улещать мужних женщин.

Хорошо сделал Матюшка, что вымесил ему бока. Чтение про Павличенку было всякое: и страшное и смешное. Больше смешного. Не успеешь об одном посмеяться, другое подваливает.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Подойдёт мысль, но не дадут её сказать. Ермаков меня давеча перебивал. А потом – мысль сама уходит. Сейчас на уме меньше крутится... Хвалили Матвея. А я думаю, не за что его хвалить. Писатель нас бросал-бросал туда-сюда, туда-сюда – и нигде ничего до пути не договорил. Всё писание в каком-то дыму оставлено. Старец являлся Матвею, как видение святому. Что это за старец? Откуда он? Да и не старец являлся, а какая-то тень. Не доказано про него ни слова дельного. Вот тебе старец с Матюхой. Потом уж Матюха с Настей. Куда-то подрали. Зачем и куда их шут понёс? Она дует, он за ней, как бешеные. В чтении этом нет связанности. Есть описания порядочные у прочих сочинителей. Все они к тебе сами в душу идут. А оттого это, что они от ума. В них всё по порядку высказывается: скажем, человек идёт, сорока сидит на берёзе, колокол гудёт и прочие там прикрасы... Рассказ про Павличенку, конечно, весёлый, но что ты примешь в сердце от этой весёлости? Хорош напиток, только хмелю в нём нету. «Письмо Ленина» в рассказе – лишнее. Матвей Павличенко и без письма верил, что он имеет право душить своего барина-угнетателя. Рассказ можно принять в деревню для когда нечего читать.

ТИТОВ Н.И. Я своё соображение на уме держу. Прочитанный рассказ есть самый действительный и простой. От простого ума он составлен, и ни единого слова в нем нет лукавого, – нет подводу всякому ясному слову. Были дела страшные и простые, и слова на рассказ взяты тоже простые. Не признаю врал. Здесь описана сбыть. Со злу заявился Матвей этот к барину и думает. «Дай, я ему оглаблю письмо, будто от Ленина. Пущай потрусится от страсти». Такие мысли у Матвея были. Потому что он сам руководствовал имя. Хотел он барину отомстить. Ладно ли ему будет потом – об этом Матвей не думал. Простой человек обдумывал простые мысли, и писатель просто это и высказал... Ужастей в рассказе настоящих не обозначено. И смешного шибко не имеется. А мучить люди других людей охочи. Натурность в них, значит, такая. В переворот королевского прапорщика Петра Иванович Штокина так же работник иссёк, как Матвей барина. За что? За то, что когда-то работник подчинился Петру Ивановичу... Кто знает, кого сейчас критиковать? Не то писателя, не то наших коммунаров? Бают: то не так да это не по-нашему. А чего там уж неправильного? Произведено, как надо быть. Некоторые наши клики о рассказе, я считаю, никудышные. Справедливо, что рассказу этому не быть на первом месте: недохватки в розмысле

есть кое-где. Поглядеть по нём, так писатель (читай: Бабель. – А.Т.) млад ещё супротив настоящих писателей.

СРЕКАЧОВА П.Ф. Ну и нахальник же этот партизан, который топтал барина! Не стоило бы ему этого творить. К чему над человеком зря строжиться и галиться? Как зачал Матвей топтать барина – так меня на Матвея зло взяло. А после раздумалась, вспомнила, как баринье над нашим братом чванились, так перестала жалеть барина. Насолили, видно, господа крестьянам. Ну, думаю, мни, Матвей! Остервился, видать, Матвей. Не враз покончил барина, а помучил его вдосталь, сколь душа хотела... Рассказ – так себе. Но крепких слов, навесистых, чтобы придавлиали, – нету. На овёс похожи. От безделья можно послушать это чтение. Новостей тут мало. Про зло человеческое мы всё и давно знаем.

ПУШКИНА А.Т. Когда читали рассказ, мне было интересно его слушать. А как кончили – в голове от него никакого сложенья нет. Читали, так в уме всё ложилось рядом, рядом, рядом. Прочли – всё смутилось.

НОСОВ М.А. Никак не могу придумать понятия для этого рассказа. Есть в нем ложь. Отступка писателя началась с того времени, как Матвей партизаном явился к барину в дом. Отцэль пошла в чтении путаница. Как Матвей один посмел приехать к барину? Но можно подумать, что он был хорошо оборудованный. А барин, а комиссия – разве они не были оборудованы? Поди, они знали, в какое время они жили. Под боком была партизанщина. Теперь так подумаем. Белая аль красная комиссия была? Ответа писатель не даёт. Допустим, она была белая. Конечно уж она тогда работала при оружии. Пушай и Матвей был при оружии. Всё-таки он один на трёх не пошёл бы. Комиссия барина защитила бы. Она поняла бы, к чему Матвей с барином сурьезный разговор завёл, чуть только вступя в горницу. Матвею бы тут досталось. А если комиссия земельная была красная, то она помогла бы Матвею ухлюстать Никитинского на первых порах. Ни за что не соглашусь и на то, будто комиссия, жена баринова и прислуга – какая-нибудь да была она у барина – не услышали бы, как Матвей делал убийство в хоромах. Мысли хорошие хотел преподать людям писатель, но не добился он этого. Вместо рыбы дал нам рака... старец – тёмный человек. Досада на рассказ берёт. Концов нет. Они куда-то пропали. Растаяли. Комиссия как провалилась куда-то. Ни одного члена не найдёшь. Затем и зло берёт на писателя, что набрехал шибко много. Насовал в рассказ несовместного. Автор рассказа похож на кузнеца в сказке, который хотел из листа железа сковать сошник, а вышел пшик.

БОЧАРОВ Ф.З. Пришло, дескать, время, – и пастухи одолели буржуазию. И должны они ей жестоко отомстить от имени своего пролетарского вождя, Ленина. Должно быть, к такому смыслу рассказ свой хотел прислонить писатель. Хотел он им сказать что-то общее и большое, а свёл всё на Матвея Павличенку. Пушай его, этот рассказ, кто-нибудь переправит, разъяснит. Тогда его можно будет принять в деревню. А сейчас его сам Авраам не разберёт.

СТЕКАЧЁВ И.А. У Чехова есть рассказ про чиновников, которые взбунтовались против своего начальника. Выбрали от себя депутата, который должен был пойти в кабинет к начальнику и сказать ему, что подчинённые им недовольны, не будут с ним служить. (Речь идёт о рассказе А.П. Чехова «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало». Рассказ этот был мной прочитан коммунарам ещё в 1921 году. – А.Т.) Выбрали самого главного храбреца и говорка. Он здорово ерепенился, пока сидел в швейцарской. А как только пришёл в кабинет к начальнику, то храбрость куда-то в сапоги ушла. Ничего он, бедняга, начальнику не сказал – испугался до смерти. Начальник спросил: «Зачем пришёл?» Он замыкал, заперхал да и ляпнул: «Я слышал, вы разыгрываете карету?» И вместо ругани купил, болван, на двадцать пять рублей билетов лотерейных... Матвей Павличенко – такой же храбрец. Ничего он не сделал бы барину Никитинскому в его доме, если бы на самом деле попал туда. Знаете, после какого места рассказ потерял силу? После коров. А после партизанщины весь рассказ насмарку пошёл. Заседание земельной комиссии не могло происходить без военной охраны. Усадьба Никитинского была в пяти верстах от партизанщины. Заставил бы тут комиссию тогда заседать под партизанской угрозой! У Матвея Павличенки классовой злобы на барина не было. Он был только кровно обижен. Павличенко был у Никитинского пастухом. В науке ничего не понимал. Не сказано у писателя об его развитии. Про классовую борьбу с помещиками он не мог иметь точного понятия. Автор думал из Матюхи классового борца сделать. Такая думка есть у многих нынешних писателей. Но только из неё мало толку. У нас в Журавлихе был овечий пастух, Вася Кожуринкин. Так он и остался пастухом. Паня Дубок – тоже... Язычок у автора – острый. Может он им здорово молотить.

ТИТОВА А.И. Если не разбираться с рассказом, то он пробежит по голове и ничо в ней не оставит. Стань кто один из нас его читать, беспреренно мысль вся разойдётся по сторонам. А чтобы польза от чтения была, надо в этом рассказе дюже внимательно всякую штуку по уму своему пускать... Матвей яро барина топтал. Хорошую мялку дал барину. Что ж! Это не облыжно сказано. Руганью не

доймёшь врага. Надо его ударить, чтобы больше ему причисленья сделать. Легче тогда бывает душе, когда злодея своего помучишь. Шибко мало в чтении было походов Матвея. Описать бы, где он бывал, где был обижен, а где доволен, да как в партизаны попал, да как воевал на разных битвах. Ежедневно читал бы такую книгу. Писатель должен был подробно и дерзко прописать про Матвея. Тогда бы от его рассказа получилось у нас совсем другое распечатление. Сейчас это чтение – немножко недосоля. Слушаешь его – и будто ладно, и будто – нет. И не знаешь, ково тебе от него надо. Когда шибко голоден, так съешь и недосоленное. А налопаешься – рыться будешь.

БЛИНОВ Е.С. Писатель задумал обрисовать нам мстительность человеческую. Обрисовал. Но самый рассказ-то взял не из правдишнего факта, а выдумал из фантазии. Никакой Матвей не рассказывал про себя эту историю писателю Бабелю... Дьявол его знает, что за рассказ! Вчера читали его – ровно как были смешные и острые слова, а сегодня я их – не единого не помню. И почти все сцены забыты мной. Десять лет назад я читал какой-то – сейчас забыл – рассказ Максима Горького. Два каких-то молодца соткнулись над амбаром. И разговорились. «Куда прёшь?» – «А кто тут?» – «Человек с палкой». Может быть в беспорядке, а теперь ещё лежат в памяти эти слова.

Веешь, например, овёс. Летит пелева. Садится. Сыздала смотреть – добрый материал, ахватишь горстью – там нет ничего. Это подобно рассказу про Матвея Павличенку... Само «письмо Ленина» – только поддобрение рассказа. Но в нём – главный смысл всего сочинения, окромя мстительности человека человеку. Эта мысль в рассказе тоже недурно подобрана. Что же мне сказать напоследок? Нужно нашим писателям кончать свои рассказы круглее, чтобы концы сходились с началом и с серёдкой. Иначе наши литературные соловьи будут петь свои «бесконечные» песни и никогда не докончат их. Во всём этом рассказе, когда его читали, мне нравились только некоторые шуточные выражения. В праздник, во время отдыха можно почитать «Матвея Павличенку». Ради потехи. Для настоящего чтения он, конечно, не годится.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. (Принято всеми против трёх: Золотарева П.И., Титова И.В. и Титовой Л.Г.) Удивляемся большому уменью писателя Бабеля – в маленьких рассказиках наплести кучу неправды и неразберихи. Вследствие этого и «Жизнеописание Павличенки» не нужно деревне, несмотря на то, что оно рассказано доступной, игривой, замечательной речью простолюдина. Недостатки рассказа куда значительнее его достоинств!

П р и м е ч а н и е. «Жизнеописание Павличенки» отчаянно натёрло шею и коммунарам и мне. Так, например, приговор обсуждался на четырёх вечерах. Все участники разбора рассказа тщательно проверили свои суждения. Вероятно, они старались вынести вполне продуманное решение о произведении столь прославленного художника. Весьма возможно, что на эту неторопливость с вынесением приговора оказало некоторое влияние и одно моё давнишнее (года два назад) выступление перед коммунарами, в котором я касался характеристики творчества некоторых русских писателей революционной поры. И. Бабель был тогда очерчен мной как один из первоклассных мастеров художественного слова наших дней. Отсюда могла исходить и обида М.Т. Шитиковой: «Бабель – знаменитый нынешний писатель. Если он знаменитый, пусть пишет яснее».

«Спиртной остроты» в рассказе Бабеля коммунары не нашли. А может быть, её там и нет? Может быть, её выдумали «генерал-критики» для красного словца? Трагический, выигрышный для кисти крупного художника эпизод мести раба своему бывшему господину дан Бабелем не настолько «спиртно-остро», чтобы рассказ мог потрясти крестьянское нутро... Нет, читая «Жизнеописание Павличенки», я ежесекундно ощущал свою психическую оторванность от публики. Я осмеливаюсь отвести возможный здесь упрёк мне за неискусное чтение. Рассказы Бабеля из «Конармии» читаются необыкновенно легко. К тому же «Жизнеописание Павличенки» – коротенькая вещица, а разучивал я её перед читкой очень усердно, чтобы осилить богатые модуляции усложнённой косвенной речи. Впрочем, речь эта стройна, приятна и легко ложится на язык.

Рассказ холоден. Об этом и говорят крестьянские оценки его. Очень странно вёл себя при разборе рассказа «чужак», Я.М. Ермаков. (Участник зоотехнических курсов при нашей коммуне, которые проводились в феврале 1928 года. Член коммуны «Пробуждение» в селе Косихе.) Дав вначале о «Жизнеописании Павличенки» положительный отзыв, он в конце концов «восстал» против этого рассказа за отсутствие в нём «примирительного в жизни человеческой», «ключа» и «жалостливости для слушателя».

Защитники Бабеля ударили вразнобой: Титова Л.Г. требовала отнесения рассказа к третьей очереди, Золотарёв П.И. – ко второй, а Титов И.В. стал в безысходный тупик при определении степени нужности «Жизнеописания Павличенки» в деревне. Но по всем словам его видно было, что он не считал рассказ Бабеля образцовым произведением.

И. Бабель

СОЛЬ

(Читано 17 февраля 1928 года)

СТЕКАЧЁВ И.А. Сбрехал он тут порядочно: из поезда бабу ружьём не убьёшь. С земли убьёшь. С поезда на ходу не убить: он дрожит весь, шатается всё время. Когда чаю, бывало, кружку нальёшь, – она вот так болтается, всё выплещется.

ЗУБКОВА А.З. Хлопня простая: не убить. Кабы Балмашев бил сейчас же, как баба соскочила... А то, хочь как иди поезд, – не убить. А товарный во все стороны бултыхается, как ворогуша его тянет, на все стороны. Кабы в темижки стрелять, как баба соскочила, можно бы убить. А то она кое-то ещё дорогой бегла. Я поверила бы, если бы сразу, а то солдаты торговались ещё сколь меж собой.

КОРЛЯКОВА Н.В. Всё это враньё, сильное враньё. Какой-то несчастный пуд соли везла баба. Может быть, для себя. А солдаты с девушками сгальничали. Может быть, девки себе дорогу прочищали.

ЗУБКОВА А.З. На залезной дороге всячина тогда творилась!

КОРЛЯКОВА Н.В. (продолжает). Не хотел солдат дать бабе нажиться и чтобы она не спекулянничала. Там, в вагоне-то много терзавства было девушкам от солдат, а баба спасалась, спокойно сидела за солью. Бармашев грезил с другими девками.

ЗУБКОВА А.З. (Второй раз перебивает Корлякову). Запустил он бабу-то в вагон затем, что дите пожалел. Чувства у него были хорошие. Потом разгляделся – обман. Его зло и взяло. Что такое? Глядит: ребёнок – ни крику, ни гому! Спит солдат, а «кур бачит». Глаза защурил, а сам на неё смотрит. Над ней он с подзором был. Потом и шабаркнул!

БОЧАРОВА П.И. Тут война, а она спекулирует, да ещё с обманом с таким. Приравнял он её к белякам. Поддёрнул её заодно. Уж вон как обсказано все ясно! Как же не ясно? И народно обсказано. Сколь хошь так бабы с солдатами ездили. Дёрнуло меня за сердце, когда солдат ребёнка развернул у бабы. Думала: по пути. Её пустили в вагон, как честного человека, а она по-свински сделала. Надо такую книжку слушать, чтобы знать, как эдаких сбрасывать. Балашов, вишь, как её принял! Восстал за неё перед солдатами. А она?

ТИТОВА Л.Е. Вот я так думаю. Женщина тоже ись хочет. Ись нечего было. Смутное время было, и не знали люди, куда деваться, где найти себе место. Каждый искал пользу свою. И баба кусок хлеба себе спроваривала. А солдат, видно, остервился на неё и убил. Наверное, здоровая баба была, коли пуд тащила.

БОЧАРОВА П.И. Ишь, хвостище-то у неё какой долгий был! Мотнула хвостом – юбок на ней много было. Лопушистая была.

ТИТОВА Л.Е. Как курица-парунья над яйцами, так и она над солью сидела.

КОРЛЯКОВА Н.В. Солдат наворачивал слова по-курски. Зряшной был человечешко! Тряплюшка! Балмашев-то этот – Демочка рассекай, у нас ходил по деревне. Бестолковый! Не дурак, а «родом так».

БОЧАРОВА П.Ф. Баба себя охраняла «ребёнком» этим. Опасала себя от солдат. А из вагона солдат мог убить её. Осерчал: может, она с ним «не согласилась». У него мысли были на это...

ЗУБКОВА А.З. Как ястреб над мясом сидел он над нею. Ждал. Все долбануть хотел.

БОЧАРОВА П.Ф. Накипело у него. Вгорячах убил. Не обсуждал... Не шибко нравится мне этот рассказ. Не знаю, как сказать, а не нравится. Неохота слушать балясы эти. С обеих сторон можно не жалеть: солдата и бабу. Подманула, должно, она его. Кто знает, как тут? На догад написано. На обе стороны можно повернуть дело. Думаю, у солдата на уме было не так, как написано. Этот рассказ никак не прировняешь: хоть, думаешь, солдат погубит бабу, хоть спасёт – нет горя. Все едино.

ТИТОВА Л.Е. Рассказ не то кислый, не то пресный.

БОЧАРОВА П.Ф. Кислое и пресное можно понять, а рассказ не похож ни на то, ни на другое.

ЕРМАКОВ Я.М. Не кислый, не пресный, а на тульский взвод похож.

КОРЛЯКОВА Н.В. Немного рассказывает писатель. Больше – летит, как стрела. Не можно ловить. Всё в одно место, в одну кучу кладёт.

ТИТОВА Л.Е. Песенку складывает писатель, сам себя утешает. Мечтает: хорошо я сочинение сочинил!

БОЧАРОВА П.Ф. Это и у нас иной раз бывает. Сочинишь что-нибудь и радуешься.

ШИТИКОВА М.Т. Я далеко умом не раскидываю. Рассказ правдоподобный. Высоко возвысил писатель солдата. Уважаю Балмашева. Бабель шибко коротко пишет. Чтобы тогдашнюю кашу спекуляции и разрухи описать, надо бы целый том писать. А он взял факт один. А если на каждый такой пустяшный факт писать рассказ, то тысячи таких рассказов можно сочинить... Картины природы солдатам редко вспоминаются. Не так, как у автора. Его рассказ – надо. Чувствуешь ненависть к женщине-гадине. Подлые её чувства и высказываются в рассказе. Кому-нибудь из дурных людей рассказ откроет совесть... Подорвала баба солдатово доверие. Солдаты – грубые – и то разблажились к этой матери. Балмашев сам себя обманул и солдат обманул... Первый раз я до конца прочла бы этот рассказ, а во второй раз – не знаю. Из-за «сладости» сама не буду читать.

САШИН Ф.М. Верно. Испытали мы все это. Баба обманула, чёрт её бей! Я, конечно, её виню первым делом. Но Балмашев для своей цели впустил её в вагон. И сон от него отбежал. Думал: ребёнок уснёт, я и тово... шпокну. Ждал. Провозился всю ночь. Вышло по пословице: «Всю я ночку провозился, а наутро бабой стал». Весь сон свой угнал. До утра ждал. Потом он ничего не ждал. Полез к ней за своим интересом и ущупал ребёнка. После: «Э, сволочь!» Всё тут к одному сошлось: и спекуляция, и охота, и досада. «А, сука, ездись!» Разнервничался. А что застрелил её – неправда. Поля, звезда зелёная – это правильно описано. По себе знаю: на войне вспоминаешь родину. Как бывало, вспомнешь, так сердце заволнуется, закипит. Это – верно!

СТЕКАЧЁВ Т.В. С краю не точно. Я с кубанцами жил, знаю их. Они так не говорят. Нету ни одного кубанского слова. Они бы сразу: «Ну-ка, хлопцы, пустим бабу ай нет?» Ехали в вагоне казаки, а по-казачьи ничего разговору нету. Врёт. Природу хоть и хорошо описал, но казаки не то про неё думали. Они думают тогда не про звезды, а «как твоя жёнка?» А то разводят небылицу! Ночь-то она так и есть – шатром раскинулась, но только казаки не так думали о ней. Писано ясно. А ничего не берёт он меня. Слабое чувство. Хоть бы слушал, хоть бы нет. Как в холодную баню придёшь – раздражнишь тело и, не напаримшись, уйдёшь. По мне – рассказ не нужен в деревне. Нет чувств и охотности. Это автор просто припустил героизму солдату, чтобы в редакции рассказ приняли. Только

раз автор хорошо сказал по-казацки: «после нас не захочет мужа». Балмашев убедил солдат «жеребятину» не делать над бабой. Это хорошее слово! Солдаты бабу вроде как убили, а Балмашев её опять поднял. Потом он себя как бичом ударил: «Вон девушки». Их гальничали. Завинил он потом женщину, а не завинил своих казаков, которые девушек «пользовали»... По-народному рассказано, но слабо. Неправильно застреляна баба. Если бы так стреляли, как Балмашев, то весь путь осеяли бы тогда трупами.

ЕРМАКОВ Я.М. Мне этот рассказ внутри врезался. Как в зеркале всё видать. Две подлые стороны описаны. Языка казацкого действительно не хватает. Но, может быть, автор считался и с тем, что книгу будут читать и в Сибири. Не поймут, дескать, ежели напихать солдатских слов. Фамилия Балмашеву автором присвоена такая нарочно. Умысел был к Балмашеву посадить бабу. Подлец он! Мужиков выбрасывали из вагона, а баб сажали. Не из жалости, а из корыстной цели. Говорят, Балмашев убил бабу из гордости. Нет. Тут два совпадения: за обман и за ревность к ней. А может быть, женщина была честная? Хотела спасти себя «ребёнком» от позора солдатского. Разве от них просто отвяжешься? «Давай!» – «Выброшу!» И выбрасывали. Над Балмашевым смеялись товарищи: «Он – не меток!» Кубанские поля, зелёная звезда придуманы не к солдатам, а к Балмашеву, когда он думал над бабой. Горела в нём страсть. «Эх, кабы она без ребёнка!» Авация здесь у него горячая была. Это естественно высказано автором. Великолепный рассказ! Я понимаю: здесь научно рассказано, что нельзя допускать подлые вещи, какие творили в вагоне с женщинами солдаты и Балмашев. Балмашев – самоотчаянный человек! Как дурной ветер: то повеет легонько, то рванёт вихрем. Рванул женщину – и вырвал у неё душу. Человеку так не полагается. Осуждаю его. Подлец он – и больше ничего. Рассказ берёт меня в другую сторону. Изложено всё правильно, но сам поступок Балмашева – подлый. В истории не говорится, что женщина постоянно спекулировала. Может быть, она соль везла для своих детишек? Сочувствую автору, но не Балмашеву... На нервы этот рассказ не действует, потому что здесь слеплены вместе две подлости: со стороны женщины и со стороны Балмашева. Балмашеву надо было высадить женщину – и только. Автор не заикается о ней. Может быть, у неё четверо детей. Она никак не могла иначе поступить. (Ко мне. – А.Т.) Ты знаешь, что бывало? Едем как-то в вагоне третьего класса. Кубанские казаки с нами. Один вытащил свою «пожарную трубу» и давай поливать на обе стороны! Вот какие они – кубанцы-то! И Балмашев, возможно, такой же. Если автор оправдывает подлости Балмашева, то грех ему. Автор не дал пол-

ной характеристики этой женщины, полнейшего представления о ней: распутная она была или семейная? И не знаешь: корить её или жалеть? Приходится её жалеть, потому что над ней совершили Шемякин суд. Не опросили её географию жизни. Если бы она специально спекулировала товаром и собой – дело иное. А то она прикрывалась солью от любовных поступков и прихоти солдат.

БОЧАРОВ А.И. У Балмашева было ещё одно замечание: генералов-контрреволюционеров на коне видать, а баб нет. Блохи они! Нельзя ему выйти из положения, он и ищет себе оправдания. Убил-то он её! С бухту-барухту впустили её в вагон. Не с желания они её пустили. Она вроде как богородицей такой прилистилась к ним. Чтобы покололо на минуту от рассказа – этого нет. Совсем плохо. Словами он ясный, но а не захватывает. Как с овцы шерсть стригут – она не чувствует, так и я от рассказа. Не тормозит. Бывают рассказы вроде как и весёлые сначала, вроде как заманивают. А потом – как ткнёт тебя, аж на стуле затрясёшься! «Соль» просто так, от бездельюшек только почитать. Если шибко в неё вдумать-ся, то можно кой до чего додуматься. Но прежде чем вдумываться, надо, чтобы тело твоё она раскачала. А она – нет. Мысль в ней – добрая, но не может она раскатать. Мужикау она совсем ни к чему. На телосложение никакого влияния не имеет. Чтобы мужика заставить подумать о ней, нужно ему телесное сотрясение сделать. Когда «Два мира» читали, я раз пришёл домой, лёг на кровать, а в голове мозга так и кружатся винтом, так и хо-о-одят, хо-о-одят!

КОРЛЯКОВ С.Ф. Суховат рассказ, однотонен. Нет никаких шевелящих и оживляющих ответвлений от основных слов. Рубит по-военному. Возьмите «Лес шумит» Короленко. В тридцати словах можно бы там всё дело сказать, а он раздул замечательно! И жизнь старика, и крепостное право, и суеверия, и задушевность природы – всё вложено там! Спешный шибко этот рассказ. Неужели конницу Будённого так изображали? «После нас, – говорит, – ты мужа не захочешь!» Существенного вреда баба не сделала. За что её стрелять?

КОНДРАШЕНКО М.Т. Благодаря Балмашевым и балмашевщине и партизанщина-то долго была. Если стоило бабу «смыть», то на это был суд. Я бы этого Балмашева просто за чупрын отта-скал, как в старину школьников таскали за шалости... Язык автора – самый обыкновенный. Рассказ в деревне нужен, чтобы показать дикость Балмашевых. Но для мужика он будет непонятен. Его можно растолковать как угодно.

КОРЛЯКОВ С.В. Если мужик его не растолкует, значит это плохо. Полной разъяснительности и детальности нет, чтобы мужик понял рассказ.

БОЧАРОВ А.И. Поджечь мужика снизу надо.

КОНДРАШЕНКО М.Т. Душу в рассказ вложить надо. Если писатель хочет доказать правоту Балмашева, то надо разъяснить рассказ.

КОРЛЯКОВ С.В. Разъяснить женщину. Нужно бы её сфантазировать, чтобы читатель смотрел на неё или с сожалением или с омерзением. А то не знаешь, как к ней относиться.

ЕРМАКОВ Я.М. Этот же писатель этот же рассказ мог бы написать так, что разлюбовался бы. Ишь, «Лес-то шумит!» Из-под себя забирает рассказ. Ведет-ведет-ведет, закрючивает тебя! Убили там одного барина – и не жалко. А тут сварил писатель кашу и не подмазал её. Рассказ «Соль», а самой-то соли в нём и не хватило.

ТИТОВ Н.И. Я так же думал, это же мнение держал. Всё уже рассказали. По-моему, зря в рассказе про евреев подвёрнуто. Не скажет баба про Ленина и Троцкого «жиды». Брехня! Удержится – не скажет! Самостоятельно не верится этому. Про чувства скажу: чего-то не хватает. Потому что ясного ничего нет. Для меня рассказ не нужен, а про людей не знаю. Разъяснения в нём нет. Стоит заплесневелый гриб, никому он не нужен. Так и «Соль» эта. За такую подобную штуку, что сделал Балмашев, все бы солдаты могли пострадать. Видал я такой случай, когда из Семипалатинска ехал.

ЕРМАКОВ Я.М. Когда Балмашев ночью посягал на женщину мыслью, то кубанцев писатель представил, и вихорь в голове Балмашева представил, а вот характеристику женщины не мог описать. Действительно, она недостойна расстрела. Оттого и получилось, что в рассказе ни каши, ни семя! Если такую пьесу играть, то не будешь знать, как быть. Не узнаешь, кого судить, кого миловать. «Золотое сердце» (драма С. Ляликова. – А.Т.) я раз прочёл – и уже понял, в чём там вся секреция. Там есть начало и конец. До «пелёнок» «Соль» шёл, как добрый рассказ шёл, обыкновенно. А после этого брякнулся, как чёрт с печки. Взял камень, бросил в речку, булькнуло – и квит. Только душа у меня разгорелась слушать, а там уж конец. Чтобы автору про женщину полноту-то дать! Рассказ сам по себе хорош, но сути дела в нём не хватает.

БОЧАРОВ А.И. Кабы женщину он описал, тогда бы и волосы у нас пошли бы в гору. А то рассказ черепа нам не открыл.

НОСОВ М.А. Конечно, правды нету. Балмашев преувеличен. Не ради идей он расстрелял женщину, а из своих прихотей. У кубанских казаков идей не было... Ночь целую проглазел Балмашев на бабу. Что дальше? Убить? Никаких благородных мыслей у Балмашева не было. Писатель иначе об этом думает? Будто баба обманула Балмашева. Посчитал его за идейного человека, он, мол, стоит за

Советскую власть... Зря! Кубанцы так не говорят. Они по-хохлацки говорят. Размету в рассказе не было. А что ночь, природу он там описал – это все чепуха, приврано. Солдатам тогда об этом думать некогда было. Они ехали и только за тем и смотрели, чтобы насытить похоть свою. А то рассказывает басни: природу они у него глядели, ночь там шатром раскинулась... нужно это им! Писатель выхваляет солдат, а я – нет. Поверит ему в деревне тот, кто ничего на свете не видал. Таких пониманий, как моё, будет больше. Разных подобных кубанских казаков мы повидали! Наречие у них должно быть хохлацкое, а писатель перекрасил его на русское. Ни черта не осталось у меня от рассказа. Полез через речку, перелез – и стоп. Перебрел – и больше ничего. Чувственного нисколько нет, потому что всё наврано... поезд шёл не тихо. А ежели не тихо, то бабу надо было сбрасывать – и под колесо её. Ветром бы её затянуло. А то бросил из вагона. Она поднялась, и потом уж Балмашев её застрелил. Хорошего у него только то, что написано ясно, а что неправда, то неправда.

СТЕКАЧЁВ И.А. Некоторые понимают рассказ на манер случая такого. Жил у нас в деревне бобыль Филя Ерёмин. Случайно зимой к нему в хату попала одна женщина. Залезла на печь спать. А печь узкая – двум не поместиться. Филя лёг спать на полу. И захотелось ему пригнать бабу с печи к себе. Натопил он железную печку жарко. Удумал воспользоваться бабой. А сам потом на полу и уснул. Проснулся утром, огонь горит, мать топит печку. Видит, женщина лежит с ним рядом. Потом вскочил, осердился: пропало всё его! Размахнулся – хлоп кулаком по лампе! Суматоха поднялась. Похоже на Балмашева... Разобрался он – в мешочке соль, а не ребёнок. Досадно стало ему. А я всё-таки думаю: будь баба спекулянтка, она бы десять пудов соли привезла, и никто бы ей ничего не сказал. Облизала бы она всех. Эта женщина для защиты от кубанцев соль сделала «ребёнком»... Если мужик поверхностно прослушает рассказ, то поверит писателю, а если он знал кубанцев, то не поверит... Фраза хоть и гладко идёт, а мимо тебя как-то проскальзывает, не внедряется. Можно не читать рассказа. Я не считаю женщину глупой. Если Балмашев – порядочный герой с глубоким революционным чувством, то со спекулянткой он не свяжется. Сперва у Балмашева была благородная душа, а потом – никудышная. Она могла быть в политике ничем. Во всём рассказе, в словах видна ясность, но она проходит мимо. Недостатки во всех частях. Балмашев – какой-то франтик, любит кругленькие слова говорить. Болтушка. Автор же примазал к нему большую революционную идею. Настоящий революционер должен говорить веские слова. Вот Швандя

(из «Любови Яровой» К. Тренёва. – А.Т.) говорит по-своему, неокруглённо, а Балмашев всё круглит. Если бы Балмашев был идейный, то не допустил бы в вагоне безобразий. В 1917 году у нас на фронте, в окопах был один тип. Депутат он был в совете от нашей роты. При нём мы, бывало, не только безобразия творить, а в карты не играли. Вот каким должен быть Балмашев, если он идейный.

ЕРМАКОВ Я.М. Балмашев – хвалюшня. Письмо написал в редакцию – вот, мол, я какой, а то забыл, что своим солдатам девушек дал на озорство. Шантан в вагоне устроил. Революционер!

НОСОВА М.М. Баба – честная была. Верно она сделала.

ЕРМАКОВ Я.М. На взгляд только рассказ хорош, а разжуёшь – он кислый. Читать его будто бы и охота, а вышла из него несолёная соль. Не сосредоточена «соль» в одну линию. Поэтому рассказ нельзя пускать в деревню в этом виде. Деревне нужно преподавать тот же соус, только в другом вкусе.

ШИТИКОВ Д.С. Разбираюсь с делом. Надо вперёд пробрать писателя. Главное дело – хорошо знаю тех, про кого он пишет. Хохлы говорят по-хохлацки, казаки – по-казацки. Скажу и про автору фертикультяпность. По Кубани – никто ничего не знает. Худо там. Школ почти не было. У них там лишь одно: «здорово ночевали» да «здорово дневали». Больше ничего они не знают... По «вагонному делу» я много могу сказать. Про Бабеля: раз из двухэтажного дома берёшься писать про мужиков, то должен ты знать мужицкую психологию, чтобы мужики верно были выражены. Тот, кто нигде не был, поверит легендам Бабеля, а кто был с казаками, – не поверит. Я бывал с казаками. Знаю всех ихних президиумов. Они только Сашкой могут орудовать... Балмашев поставлен неправильно. Я бы автору доказал, что у нас такая баба была. Специально с Украины в Курскую губернию хлеб возила. И солдаты даже помогали ей. Бывало и так. Старшой по вагону, который титей-митей занимается, прохаживается на станции около вагона. Являет себя чинарькём. Чувствуют мешочницы, что он старшой. В щёчках у них румянец играет. Оскаляются. Он их тоже знает – и даёт им всегда душевное настроение. Он может ей пальчиком подкивнуть, а она может ему перекосяться в знак согласия. Она подходит к нему, спрашивает. Хоть он и франт, а тоже деревенский. «Что везёшь?» – «Куда едешь?» Приглашает, едут. Желает «на удочку?» Цепляйся. Не будешь ночью не спать: скоро она тебя «убаюкает»... Повернись теперь к бабелевской женщине – судить её. Вообще, сколько я их по дорогам видал, ни одна женщина от души не говорит. Лишь бы только сесть в вагон. А когда в вагон сядет, то равноправная. «Не кури!» «Подавил табаком!» Кричит. Хозяйствует. Каждый

баран за свою ногу виснет, и я по-своему буду долго говорить о рассказе. Шестьсот вёрст прошёл я по Дону. Только в станицах школы, а хутора были без школ. Там живут староверы, дикари дикарями. Табаку не было – перец курили. Это знает Бабель? Сложное дело – про деревню писать... Баба просто обманывала Балмашева. Потому что баба, пока борщ сварит, семь раз мужа обманет, а не ксты, не моля убить бабу нельзя было. Писатель и сообразил: дай-ка подставлю ей контрреволюцию, будто она плохо выразилась про Ленина и Троцкого. Обличить эту внутреннюю «блоху» захотел. Да деревенские бабы все «блохи». Мужики сами знают, что баба – точило. Что же их всех, что ли, бить? Про гимназиста и барышню я не знаю, а про деревенскую девку и парня – знаю. Сидит Бабель на втором этаже и выдумывает звёзды, природу. Звезда, как кошкины глаза при огне, – зелёная. Очень хорошо написал Бабель брехню. В дальнейшей истории жизни люди будут про солдат читать у Бабея. Прочтут и скажут: «Брехню написал». Совсем опровергать её нельзя, но мужицкую психологию он не знает, темпу мужицкого не знает. Казак никакого материнства не признаёт. Он – балда такая, что – во!!! Он рубить только может. Куда, бывало, командир, туда и казаки. Разве теперь, при советской власти, изменилось? Это может быть. Обстрогались... Нужно писателям правду писать. Раз пишешь для всего СССР, то пиши на все языки. Описываешь курских – говори по-курски, описываешь казаков – говори по-казацки. Казаки говорят: спя, лёжа, стоя, а не спят, лежат, стоят. Ожидаешь в рассказе лучшего, а там нет его.

БОЧАРОВ А.И. Вихорь пронёсся и затух.

ШИТИКОВ Д.С. Мужик – засорённый чернозём, а соки у него плодородные. А Бабель и подумал про «засорённый чернозём»: «Не разберёт. Всё хорошо пойдёт». Природные свойства Бабель знает. Пишет хорошо. Но он чепуху напорол. Типа кубанца нет. У кубанцев великой мысли не должно быть. Балмашева не поймёшь, но автор не хотел балмошку дать. Чорт знает, каким он его сознательным хотел сделать! Только правильного и сказано про кубанцев, что девок любят донимать. А писатель норовил сказать: за идею Балмашев убил бабу. И не Балмашев говорит, что за идею он убил бабу, а писатель так составил. Но он ошибся. Пуд соли разрешалось тогда провозить с собой и без билета. Какие там билеты! Тут никак про Балмашева и не думается. И фамилия Балмашева не туда. Я согласен сказать: многие не поймут рассказ, а кто поймёт, тому он ни к чему. Мне объяснения писателевы (они сказаны Балмашевым) ни к чему. Я сам должен догадаться. Вот это писатель, когда он не разъясняется, а понимается. В «Соли» иногда и сме-

ёшься, но так себе. Над тем только, что чепуха. Чёрт знает над чем. Должно, над тем, кто писал. Может быть, писатель хотел дать смуть в голове Балмашева, а дал свою смуть. Смутился сам. В рассказе ни научного, ни воспитательного. Никуда никакое слово не нужно, никто его не будет помнить.

СТЕКАЧЁВ И.А. Не вырезал автор Балмашева, а надо было вырезать.

БОЧАРОВ А.И. Рассказ – пустая бутылка.

БЛИНОВ Е.С. Хороши такие рассказы, которые на дальнейшее чтение суют тебя. А это чо? (Ко мне. – А.Т.) Кончил ты, и нам его будто и не нужно. Недавно читали «Без языка» Короленко. Там сказано про безработицу в Америке, а сегодня я в «Бедноте» встретил статью о том же. И тут я нахожу подтверждение слов Короленко. И вспомнился мне Короленко. Его рассказ связан с делом. А «Соль» ни с чем не связана.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Автор Балмашева полоумным, чо ли, хотел изобразить? Убийство, девок мучили, а ты без чувства глазами хлупаешь. Как будто писатель шёл мимо какого-нибудь места, глянул раз и пошёл дальше. Надо было этот рассказ как-то иначе поставить. Да и убийство-то вроде подделки. Не задолжилось бы у Балмашева убийство, если бы он был настоящий революционер. Мы прочитали про вагонных девок, и нам не жалко их. Начал Балмашев тряпки у бабы разбрасывать – не жалко. Тут бы надо половча написать.

БЛИНОВ Е.С. Говорят о жалости Балмашева к девкам. Этим хотят указать на благородство, которое он проявил к девкам. А почему он ещё накануне не пожалел девок? А то, вишь, когда пожалел! Когда сам на «бобах» проехал. Никакого в этом революционного благородства не получилось. Для этой идеи автор дал неправильного типа. Балмашев – шелапутный. Ни к чему «балахриста» Балмашева автор смешал с большой идеей. У нас на службе были кубанцы. Ни за что их нельзя было похвалить. Не у места со своей идеей сунулся автор.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. В настоящем виде рассказ деревню не удовлетворит: в нём много неясного. Когда же к нему будут прибавлены «разъяснения», он для наших крестьян годится в первую очередь.

П р и м е ч а н и е. Мы прочли всю «Конармию». В ней немало хороших по замыслу рассказов, но в нашей аудитории более или менее основательно проработаны только два из них: «Жизнеопи-

сание Павличенки» и «Соль». Мой выбор пал на них не случайно. Эти рассказы, мне кажется, больше других из всего сборника подходят для деревни. Они серьёзны по темам и занимательны по изложению. Оба рассказа именно вследствие указанных их качеств я читал коммунарам в разное время по три раза. И, казалось, публика принимала их охотно. Я после этого и надумал подвергнуть их подробной критике. Оказалось, рассказы оставили у публики двойственное, досадное впечатление. Идейное содержание и язык нравились коммунарам, а режущее ухо неправдоподобие сюжетов встречалось слушателями «в штыки». Оно-то, по мнению крестьян, и нанесло смертельный удар многим достоинствам рассказов Бабеля... Разлад между идейным замыслом и отличным языком с одной стороны и назойливым невероятием сюжета – с другой достиг своего предела в «Соли». Отсюда понятно, что мнения коммунаров об этом произведении звучат несогласно, а иногда и прямо противоречиво (Ермаков Я.М.) Нет, значит, ничего неожиданного и в «приговоре» коммунаров, отмечающем «Соль» в её нынешнем виде и обещающем ей первую очередь при условии устранения замеченных пороков, искажающих теперь не только жизненную, но и художественную правду.

В. Зазубрин*

ДВА МИРА

(Читано с 22 ноября по 5 декабря 1927 г.)

КРЮКОВ М.Ф. Чёрт знает, что за книга!!! В иные моменты я просто не в себе находился!. Офицер у костра собственноручно убивает своих детей! Да это что же такое?! Не стрелял; это бы ещё ничего, если бы застрелил, а то прямо рукояткой расхлестал головки. О-ё-ё-ё-ёй!

До невозможности меня перевернула и сцена разговора Чубукова с беляком Жестиковым, который изнасиловал 14-летнюю Машу Летягину. Сукины дети, что вытворяли!!! Как только Чубуков стерпел и сразу же не пристукнул эту мразь – Жестикова! «Два мира» можно назвать «страшной книгой». Кровь, трупы, вши, ужасы! Только в «Ташкенте» («Ташкент – город хлебный» А. Неверова. – А.Т.) такие сцены встречаются... Эх, какой смельчак и молодец поп Воскресенский. Жарков хоть необразованный был мужик, а крестьянскую мысль понимал. Политик был. Заставил Воскресенского служить перед народом церковную службу, чтобы толпу на свою сторону совратить. Весело у них тут получилось! Жаркову лишь бы народ залучить. И религию и революцию – всё смешали. Разумно это схвачено писателем.

Прямо говорю: если в какой деревне «Два мира» не будут читать, то для неё нету книг на белом свете. Это – большая история. Через века-века она будет иметь свою цену. Но мало обрисован в ней Колчак. Его надо бы подольше описывать. Я до самого конца книги

* Зазубрин (Зубцов) В.Я. (1895 – 1937) – советский писатель и общественный деятель. Автор первого советского романа «Два мира». Репрессирован в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1957 г.

надеялся, что Колчак будет выведен полняком. А всякому хотелось в «Двух мирах» видеть Колчака и его гибель. Крестьянину это надо. Пусть писатель добавку сделает про Колчака. Ты погляди: в деревне по сю пору не знают, как погиб этот зверь. Знают, что расстреляли его, а как и где – неизвестно.

Рагимов – правильный тип. Ему всё равно – «нашим и вашим». Чистый, вылитый вояка. Барановский не воин, а умный человек. Лучше всех своих товарищей он понял красную идею... По человеческому чувству мне чувствительны страдания и белых и красных, но идея белых заблудящая. И жалеть их нельзя. И революционный человек будет жалеть несчастных белых, но по обязанности революционера будет и крушить их. Смерть корнета Завистовского всех проберёт. Человек кричит: «Мама! Мама! Мамочка!» Даже партизанам его жалко стало. Расстреляли, а жалко. И автор верно это подчеркнул. Сам писатель – везде это видно – жалеет мучеников. Без жалости он не написал так бы хорошо. Все эти смерти, эти ужасы колотятся в моём сердце. Даже в такое заблуждение вгоняют, что ничего порой не понимаешь, не чуешь постороннего. Работу забываешь. Когда я приходил после читки «Двух миров» домой, то подолгу не мог забыться или заснуть. Не могу заснуть, хоть что хочешь делай! Всю ночь из головы не лезут сцены. Особенно: «хрустнула ещё одна корочка». Головку ребёнку проломил офицер. Ведь это! Это! Кажись, прочти это зверю – и тот заплачет. Самый грубый и злой человек, я думаю, от таких сцен размягчится.

В книге нет слабых и средних мест. Всё сильное. Вот это написал, так написал!!! Как гром гремит по всей книге. А этот идол – Мотовилов! Ну и намалевал! Не придумает, не придашь ему человечества, а идейный он человек. За твёрдость его уважать можно. Если бы у белых все были Мотовиловы, то пришлось бы с ними долго воевать... Ох и книга! Нарасхват она пойдёт в деревне по рукам. Вот такие книги нужно читать по деревням.

ТИТОВ П.И. Книгу «Два мира» я прослушал с жаждой. Как будто я прошёл сто вёрст, утомился и захотел пить, а потом встретил целое озеро воды и выпил его всё. «Два мира» пронзили мой мозг и оставили в нём целые тысячи картин. Сплю и вижу, как отступают крестьяне в тайгу, спасаются от белых. Бегут со своими лохмотьями, ползут, как букашки, во все стороны, а над их головами летели чугунные ядра. Не знали они, где им придётся погибнуть на журавле, где чугунное воронье вырвет у них живое мясо, где повытащит мозга. Так же ярка и картина таянья белой армии... Мотовилов на протяжении тысячи вёрст громил всё и всех, что

попадало ему на пути. Не признавал он даже и своих, как бешеная собака не признаёт своего хозяина.

Разговор у писателя что клей. Что бы он ни сказал – как приклеит! «Два мира» отвратит нашего крестьянина от буржуазного строя. Он увидит насилия над женщинами и несовершеннолетними девушками. Ему будет бросаться в глаза, что колчаковщина была прессом, который выжимал из крестьян кровь... А тайга – мать! Со всех сторон ползли в неё люди, как дети к матери. А она принимала всех и награждала – кого счастьем, а кого и гибелью. В ней горели люди на кострах и убивали своих родных детей...

БОЧАРОВА М.Т. Книга научная и интересная. Слушать её было завлекательно. Будто сам ты был во всей этой картине. В иных отношениях было и весело в книге, а больше в ней – всё ужас. Расстреляли белые сорок девять человек! Другие люди стояли ровно чёрные пятна. Исказнила бы я попа проклятого, который донёс на большевиков полковнику Орлову! А вешали-то на очипе?! Сердце моё замирает, и даже дрожание разливается. Гулянка у полковника Орлова в школе – это отвратительно. Голые бегали! Жён красноармейских тиранили как!!! И ещё картина: белый офицер попался в плен красным. Он думал, его расстреляют. Его помиловали. Красные не такие звери, как белые. Тут как-то весело, душа радуется... Который человек самостоятельный, тот скажет, что эта книга слишком повлияет на людей.

ПУШКИНА А.Т. И не определишь эту книгу. Всего в ней много. И всё ужасное. Обдумать если, то у-у-ух! Много-много помянешь и про своё горе и про людское... Книга эта – целая гора передо мною. Крута-а-а-я!!! Шибко всего в ней много захвачено. И широко и далеко! И как-то пространно. Писатель всё это будто на карту снимал.

Напорно всё описано. Дьячков-буркул он хорошо на смех выводит. А Фома-то как дрова в церкви колол! Всё загудело ровно в наполе (в большой кадке. – А.Т.).

БОЧАРОВА А.П. Больно мне пришлось Петрова смерть. Живого мужика в землю закопали. Всё бы я общество за это разогнала к дьяволам! Вся моя шкура дрожала от злости на общество. Сукины дети! Не могли человека сохранить. Так мне Петру было жалко, что, кажись, сама бы за него прыгнула в яму. Да неужели же обманом общественники не могли его выручить?! Неужели нельзя было как-нибудь придумать, соврать ради жисти человеческой?! Какая им прибыль, что человек задарма пропал? Дураки мужики черемшанские. Чехи уехали, они нашли бы какого-нибудь мёртвого, да зарыли бы вместо Петры. Што? Мёртвых, чо ли, не нашлось на кладбище?

Похождение всё это на меня как с неба грохнуло, как камнем по голове ошабурило! Сидела я не в себе. Плакала. Приду домой – и ночи целые думаю, догадываюсь, понимаю. Вот ляжу спать – висит передо мною мужик на журавле! Висит, болтается, а тут коло него несмышлёные детишки бормочут: «Папаня плясит и длазнится». В думу мою вбилась книга эта кто знает как! Одной дома теперь мне страшно оставаться. Как наступит темь, так перед глазами расстрелянные, повешенные, трупы, пожары...

Мотовило (так она называет Мотовилова. – А.Т.) так Мотовилом и остался. Вон сколько про него сказано, а нигде добром не помянут. Но и ему мало доброго пришлось хлебнуть. Одно маянье у него было. Гляди-кось, сколь он выходил да выездил! Хорошего мало было, а голоду да холоду принял. Не мёд и ему бывал...

Орлов дюже бесстыдник был. Голую компанию завёл. Ишь, как налопались! Никто свечки поставить не мог. С моей стороны – к чертям бы их всех, этих пьянюг, пожечь! Ох, и пужанула бы я их! Люди воюют, а они пируют... Всё тут печальное, ежели одуматься. Пилили тайгу-то как крестьяне, батюшки! Страшишься весь и сам будто с ними там торкаешься. Я так по своему сомышленью держу: подставить эту книгу первому глупцу, да лишь бы он грамоте мерекал – уткнётся он в неё, и не отцепишь. Розмысл дюже хороший в ней.

БЛИНОВА Т.П. Лавочник, что доносил полковнику на большевиков, – сволочь. Нашёлся щёголь какой, ябеда! Чтоб те провалиться! Некоторые бабы не верят, что голяком у полковника гулянье шло. Правда это истинная. Подходя это прописано. Я видела пьянство поповское у журавлихинского попа Михаила на именинах. О-о-ох, что там только было! Дюже дурней нас гуляют. Ни слова тут не солгано. Не позабыть мне ту книгу, нет! Из глаз не вылазит всё, про что я слышала. Ревела я.

И смех есть в этой книге, но весь он горький. Без горького нету смеху. Иногда всхихикнешь, а потом за ум возьмёшься – и перелом в тебе делается, страшно кажется и жалко. Смех-то тут не весёлый, а всё с перцем, печальный.

Барановский – белый, а я его жалею. Важный он шибко был. С каждым человеком он обойдётся приятно. Не хотела я никак его смерти. Всё ждала, чтобы он на красную сторону перебег... Но и времечко было! Про которое-то сказано в книге. То дорого в книге, что понятность её самая деревенская. Шибче всех книг она мне прилась. Мне всё про Мотовилова мстится: и вреден же был он! Хоть кому голову отляпает! Ирод! А до самой смерти в одну сторону тянул. Уверился, значит, в своё дело. Я его ненавижу за то, что он вредный был для всех.

ТИТОВА Л.Е. Эта книга на всю меня повлияла. Всю нашу Сибирь она в то время перевернула и всё обсказала. Больно было слушать. Будь я грамотна как следно, я сама бы ещё прочитала её... Завистовский зря пропал. Напрасно его партизаны убили. Он ни в чём не разбирался. Ребёнок ещё был. Что с него ещё требовать? Куда люди шли, туда и он. Скрыть мне его хотелось, чтобы он пожил ещё на свете. Попал в кашу – и капут ни за что. Не надеялась я, что партизаны убьют его. И хотелось мне, чтобы партизаны пробрались через тайгу, куда им плант ихний гласил...

Про книгу ещё такой у меня помысел есть. Писатель как ровно вот стоял где-нибудь на слободном месте; его никто не трогал, не мешал ему, а он всякое дело обдумывал, соображал, как получше описать всё военное беспокойство людское, все страсти. От его рассказов и в моей немудрящей головёнке мысли одна за другой, одна за другой...

ШУЛЬГИНА А.Г. Орлов – свинья. Противен он мне. Не глядела бы на него. Сколько он, сволочь, народной толпы погубил! И поп Купаресов (читай: Кипарисов. – А.Т.) – идиот, прохвост! По пути ему башку снесли... Ежели красные белых лупили – мне по душе было, а белые красных – мне было поразительно. Завистовского – не знаю, как понять. Зачем его чёрт носил с белыми? Услыхала я, что офицер убил своих детей, и подумала о своих детях. Я бы, кажется, с ума сошла, кабы мне так с детьми пришлось! Вся книга чересчур даже проборчивая. Мы теперь повсегда собираемся у сапожника Григория в избе. Много баб налезет в избу. И всё говорим, и всё обсуждаем про эту книгу. Дружка дружке рассказываем. И ни от кого я дурных разговоров о книге не слыхала. Видно, что тот, кто сочинил её, не дурной человек, сердешный. Должно, подумал же он, о чём и как писать!. Живого человека закопали в могилу! Я во сне это видела. Испугалась!!! За работой чуточку забудешь про читанное, а как только ляжешь спать ночью – сейчас же всё и полезет и полезет на ум. И тебя обдирает, обдирает... Вон как страждали люди! Сильно разворошили меня эти рассказы... Тинька у меня плачет (ребёнок 4-х лет. – А.Т.), не пускает в школу, а мне вот как надо слушать! Заберу его с собой и сию здесь. Заснёт Тинька, я его оттащу скорей домой – и опять сюда бегом. Ой, думаю, пропущу много! Я седни баню топила. Рано стала, ухлесталась, уморилась. Боялась, что не продержуся. Нет, высидела бодро до самого края. И в сон не тянуло. Забыла про свою умору...

«Два мира» волнуют наше сердце. И ума от этой книги у людей прибавится...

БЛИНОВА Т.П. И после неё мануть будет к школе. Даже ленивых. Скажешь: может, ещё такое будут читать, как «Два мира», и пойдёшь в школу. Такая книга любое сердце растревожит (ко мне. – А.Т.). Всегда такие книги ты нам читай. По себе понимаю человеческую кару. Пронимает она, эта книжка. Будь ты доска-доской – поймёшь! Вот попробуй в деревне почитай старухам про молебн, али про виселицу, али про Петру – и те рёвом заревут.

ТУБОЛЬЦЕВА Х.Т. Конца краю нет мучениям людским. И про всё рассказано. И не утомляет это. Желается про будущее узнать. Слышишь из книги про людскую беду – и то боязно, а ежели самому попасть в экое горе? Мне дячок в церкви потешным показался. Явственный он какой-то: как говорит, какой собой – ну! Красиво и боязно, вот как цветы-то на снегу кровавые... от убитых людей. Подлеца Жестикова не жалко, пропади он пропадом! Он не посчитался с Машей, когда насильничал. В смыслах, гад, был, а та – маленькая девочка...

ЗУБКОВА А.З. Меня всё удивленье берёт: какие это такие люди, что всё могут приметить, разузнать и рассказать?! Этот вот писатель писал так, будто он всё видел, тут был. Взаправду, чо ли, он увезде шнырял? Изба деревенская. Люлька висит, в ней ребёнок. Женщина качает люльку и унимает ребёнка «а-а-а». Байкает его, а у самой слёзы, горе... И тут же лежит мёртвая старуха. Настоящее, правдивое всё. И пилит грудь-душу байканье, мёртвая старушка и слёзы женщины! А тут ещё война!

Говорят, Мотовилов бога признавал. Какой там ему бог! Рукой он его признавал, а сердцем – нет. Молился, а глядел: кого бы застрелить? Ишь: кресты-то до чаши к себе в чемоданчик склал. Какой у него бог, коли сошёлся с Воронцовой любоваться при больных людях, в алтаре?! Сходливое, должно быть, сердце у писателя, потому что слышно: припадает его душа к людям.

ШУЛЬГИНА А.Г. Было у нас восстание, но меня это не касалось. Людей где-то били, казнили. Моему сердцу было ни холодно, ни жарко. Послушала я эту книгу – и буду понимать и жалеть страдающих людей. Ясно теперь мне стало, что много нашего брата, мужчин, женщин и детей полегло в бою с Колчаком за свободу. Буду теперь знать, что свободу эту надо понимать и беречь.

БОЧАРОВА А.П. (обращаясь ко мне. – А.Т.). Напиши ты этому писателю от нашего лица большую благодарность за эту его видную картину. Скажи ему: забудешь про неё, когда уснёшь. Прикачнула нам его книга думок без счёту, без краю!

СТЕКАЧЁВА М.Е. Ужас великий и страсть вон какая!! Издвлялись над народом – хуже некуда. Власть, значит, этим белым

нужна была, гнались за ней. И каждый раз в книжке всё более и более страху. Тут тебя переворачивает всего, а там ещё, а там более. В лес пойдёшь за грибами, нападёшь на кулигу. Рवेशь-рवेशь, дальше ступишь, а там ещё грибы, да лучше, да гуще. Так и тут страстей. Другой раз я и смеялась (ко мне. – А.Т.). Но это я над чтением. Складно, вишь, всё приходится. Прыснешь маленько, а смеху-то от книги нету и не должно ему быть. Горе же кругом. Как дьячок читал в церкви, как люлька скрипела и мать ребёнка байкала – боязно мне тут было, неловко.

И как только такого гальства хватило у белых! Хоть и не видали мы этого, а всё это правда истинная.

ЗУБКОВА В.Ф. У меня два брата были у белых, там, в России. Чо они понимали? Ничо. Как баранов, их погнали на войну неизвестно за что. Билизовали их. Они шли. А без сердца шли.

Офицера Рагимова я задавила бы в первую очередь. Ему правило жизни («падающего толкни, продажа знания кому угодно». – А.Т.) самое подлое, самое скверное. Он хуже Мотовилова. Тот за своё дело был горой, а Рагимов – продажная душонка...

От речей писателя в озноб кидает. Тут часто страшно. И не только страшное описание, но и художественное. Пилят партизаны тайгу. И – жаль тайги. Сразу тебе всё маячит. Я считаю, что «Два мира» будут слушать люди разного возраста. И всем она будет интересна. Хоть бы кто будь.

КОРЛЯКОВ И.Ф. Это не простая книга, а история колчаковской тирании. Разделить её по частям и напечатать по всем книжкам, которые идут школьникам. Наши дети и комсомольцы не видели тяжести борьбы за свободу. Они плохо эту борьбу представляют. Так пусть же из «Двух миров» узнают про неё. Пусть, чтобы не считали они труды отцов, их борьбу чепухой. О книге много-много можно сказать, но всего не скажешь. Одно скажу: для наших потомков она – самая нужная, самая первая книга! Всем слоям деревни, а особенно отсталым, её нужно предложить читать в обязательном порядке. А то у нас много ещё таких типов, которые ничего, кроме своей развёрстки, не ценят. Они не знают, что некоторые люди отдали за революцию побольше развёрстки.

Рассказано всё очень живо. Фразы, кого бы писатель ни обрисовывал, точные. А уж офицеров он до точки знает. Весь тон ихних слов. Верно! Сейчас у меня такое состояние на организме, будто я сам был партизаном и только что вернулся с битвы. Все нервы перекручены. На читке книги я каждым моментом, каждой мыслью автора дорожил. Писатель ненужные мелочи нам не давал, а самые сильные случаи описал. Судьба всех героев интересует. О них

думается. Барановский, мне кажется, не закончен. Неизвестно, что с ним было, когда он попал к красным. Как они относились к нему и к Фоме?

Конечно, я не могу сказать, что лучше этого писания нет, что нет книги художественней этой. Есть. В «Двух мирах» есть шершавости. Не всё под лак подведено, но всё чересчур сильно изображено!! Какая-то везде грузность и грубость. Мягко нюнить нельзя было тогда: была жестокая борьба, люди были грубые, безжалостные. Так писатель это и выразил. Сам же писатель не был тогда груб и не был мягок... По-моему, у нас можно сыграть сцены в церкви и пир у Барановского. Мне думается, не надо к этой книге ничего подбавлять. Пусть она идёт в деревню так, как есть... Про смех говорят. Он правда есть, но кто тут вздумает смеяться? Невесело от этого смеху!

БЛИНОВ Е.С. Бывало, на войне так приходилось. Сидишь в окопах – и вдруг снаряд около тебя – шлёп! Будто и засмеёшься: промахнулся, мол, а на самом деле тебе совсем не смешно. Такой же смех и в этой книге.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Тут всякое место представлено так, что голова вверх лезет. Кто был на войне и приболтался к опасности, тот ещё так-сяк, терпел, а кто не видал военного аду, тот натрясся при чтении. Я и сам думал, что белые не так безобразили, как про них рассказывал кое-кто. А послушал: не то! Теперь видна мне вся их невыносимая картина, все нутре.

Написана книга умно: с перебоями. Не всё подряд пущено ужасное. Тут идёт жуткое, а тут и именины со смешком, с шутками. Первая сцена начата сраженьем. Она сразу поражает читателя и слушателя. Убита семья Жаркова, убито много крестьян. Всё валяется на дороге: самовары, трупы детей, мужчин и женщин, всякое добро! Спервоначатя меня это обдало жаром. Есть места и послабже. Как и было. По жизни писано. Из всех этих событий какой-нибудь такой писатель много бы лишнего раздул. Напихал бы в книгу и того, чего не было. Старался бы подделать из пустяка красоту. А тут без лишних прибауток описано. Без стружка ровно отделано. У доброго плотника и без стружка чисто выходит. Украшения в рассказах есть, но там, где надо, к месту. Смотри-ка, у костра-то. Вши, вонь, грязь, больные люди – и тут же дети. Как цветы, говорит, выросшие на навозе. Разве это не красиво?! Где надо, там и подкрашеньё было. И главное дело, наречие народностей всяких у писателя ясно выходит. Татары, китайцы, чехи, французы – под нацию подведены точно. Видал я их на войне.

Сильно тукнули меня по сердцу слова попа Воскресенского на партизанском митинге в школе: «Я не выпущу из рук оружия

до тех пор, пока не будет уничтожен последний из этих гадов!» Скажи это какой-нибудь партизан, не так бы меня задело. А то поп сказал, от которого таких слов и не ждёшь. Поражает этакое поповское слово...

В книге густо песен. Все они придуманы к случаю, складно...

Перед началом чтения у писателя оговорка есть насчёт того, что книга его недоделана. Верно, она не шибко выглажена, но крепкая. Не нужно её доделывать, ежели для деревни. Вот Колчак – почти не обрисован. Это – плохо. Фронт писатель захватил, тыл тоже захватил, а центральное направление не взял. Но... как сказать? Можно и без центральных обойтись. Не в них дело...

ЗУБКОВА В.Ф. Умный или глупый был Колчак, злой ли, хитрый ли или мягкий – это нужно в такой книге рассказать. Колчаковщина описана, а самого главаря почти не видно. Показать его надо, что он за чучело был. Да ещё мало обрисованы буржуи, которые на восток убегали.

СТЕКАЧЁВ Т.В. И нежные места в книге есть. Смерть Завистовского, как Татьяна Владимировна поцеловала шашку Барановского и провожала его на войну. Тут как-то смешано смешное с боязным. Часто такое приходится...

Чуть не из каждой главы можно сделать целую пьесу для театра. По четырём дорогам ведётся рассказ, а всё понятно. Вовремя писатель перескакивает от красных к белым, от фронта в тыл.

СТЕКАЧЁВ И.А. Ведёт писатель читателя правильно. Поведет-поведет, главу кончит – остановится. Про другое зачнёт. Перервёт на самом интересе и вернёт на первую дорогу. И тебе любопытно и то и другое. Манит, значит. Так ты всё время и думаешь: а ну, ещё послушаю. Она сама тогда, книга, волокет тебя.

НОСОВ М.А. Раньше мы на заводах так-то ждали: придёшь к заводским воротам и ждёшь – вот сейчас начальство придёт выбирать нас на работу. Выйдешь – не выберет. Завтра опять идёшь и ждёшь. Долго так-то ходишь. Ждёшь: авось когда-нибудь выберут...

Я не робкого десятка, а и то сердце у меня тряслось, как осинный лист, когда шло описание войн. Сижу и ходуном хожу – эх, дал бы сейчас какому-нибудь белому! Ярь большая брала... Язык авторов, можно сказать, в полном достижении народности... Советский и армейский дух может поднять. Все слова в тебя влипают. Разных мелочей в книгу можно бы ещё добавлять сколько хошь, но и так гоже сделано. Пожалуй, немного вставишь другого прочего. Действительно, не хватает подробностей о Колчаке. Это справедливо. Если б не пристигло ему офицеров встречать, может быть, мы и совсем бы его не увидали. Про него нужна добавка...

Вот уж действительно художество: лес партизаны пилят, дороге себе прокладывают. Пахнет смолой, а ещё гуще – человеческим потом. Во! Носом чуешь! Слов у писателей бывает мало, а картина получается. Застрелили Завистовского. Барнаулка его покраснела. И всё. Понятно. Такое описание похоже на семена: бросишь одно зёрнышко, а из другого вырастет много! Что и говорить: письмо у Зазубрина краткое, но дельное. Он не разводит антимионии: пошли в тайгу, перешли ручей, перепрыгнули рытвинку... А просто говорит: пошли в тайгу...

И тыл изображён за первый сорт. Хоть возьмём Орлова. Какие пиры устраивал с голой бабьей кавалерией! Скажу, что у меня от книги было не впечатление, а беспокойное раздражение. Пойми: разная сволота офицерская гуляет, издевается над нашим братом. Только один Барановский с понятием. Трубил о красных, метался к ним... Капустин – не военный человек. Колпакову – только бы сидеть в своём кабинете, развалемши пузо. По его, пушай воют, лишь бы его не задевали. А профессор – шельма. Вилюга! Мягко стелет, а хрустко спат. В Таврии есть трава курай. Зелёная на вид, мягкая, а пойдёшь по ней разумши – ноги исколешь. Такой и профессор... Староста Кадушкин – балбес, что не вытащил Петра из могилы. Доведись на другого, выпустил бы его и в тайгу! Ищи!

В наших деревнях поверят всякому беспутству белых, о которых рассказано в «Двух мирах». Не поверят разве только Егоры Патрикеевичи (Егор Патрикеевич – заскорузлый старик из села Верх-Жилинского. – А.Т.). Рассказы о гражданской войне заденут народ так, как матёрая ось за пень. Верно сказывали ребята, что выгладки в сочинении этом нету, а вытесано всё топором. Стань гладить – ещё испортишь.

КОРЛЯКОВА Н.В. Врезалось писание в меня так, что всё сердце моё изныло по несчастным людям. Сколько они сил положили, чтобы пропилить тайгу да стерпеть всякую нуду белую. Шибко муки долгие были у крестьян, когда они тайгу пилили. Дарья-то, бедная! Ей скажут: «отдохни», а она ещё пуще пилит. С испугу это она. С испугу и силы-то больше стаёт, самое чижолое поднимешь. Всё гребтелось мне, чтобы скорее пропилили партизаны дорогу себе. Так бы вот, кажись, соскочила и давай им пособлять. Намедни я в сельсовете исполнителем за Лукерью дежурила. Со мной в черёд попал Кузьма Носов из коммуны «Свобода». Сидели мы с ним, сидели, ночь долгая, скучно, в Совете, как в казарме. И зачала я Кузьме рассказывать про это, про всё похождение, про «Два мира». Всю книжку ему рассказала, а он слушал-слушал и говорит: «Да, Наталья, всё это правда. Рассказ твой справедливый. Было это, было...»

По моему нутру эта книжка пронзительно прошла. Сколь вечеров я её ходила слушать – и хоть бы тебе раз вздремнула. А бывало со мной часто, что сон давит и давит. При этой книжке у меня беспрестанно сердце кипело на белу гвардию.

ТИТОВ П.И. Орудия, сказывает, плевались длинными кусками огня. Так, так. Это уж так. Плюнет, так плюнет. Видывал я на японской войне. Так баско приложен рассказ, что хоть ты и был на войне, а лучше не расскажешь. Видать, что писатель сам везде коло боя елозил. Глядел всё. Хоть, может, сам и не бился, а высматривал всяко место.

ГЛАДКИХ А.И. Рагимов – это как Шакро у Максима Горького... А певица под статью офицерам визжала, что они на все иностранное жили. Подковырку им сделала:

Костюм английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.

ШИТИКОВ Д.С. Китаец умно придумал про белых: «Холоса песнь: анлий костюма, японьска лузя, НАСА тавала». Как раз верно!

БЛИНОВА Т.Н. От молебна у меня аж кололо под пятками. Страшно дюже на обгорелых глядеть! Это – в селе Широком-то... Из книжки слухаешь – и то терпеть не можешь, а ежели это увидать взаправду! И слова-то, слова-то в книжке какие!

КРЮКОВ М.Ф. У спекулянта рука гаденькая, холодная, липкая! Так про спекулянтов и надо писать. Это другой Елисатов (Елисатов – персонаж из «Любови Яровой» К. Тренёва. – А.Т.). Умен, гад, отгадал он насчёт колчаковской власти. Всё, говорит, спекулянты да воришки. Отгадал!

БЛИНОВ Е.С. Есть маленькие людишки и из учёных... Тоня Бантикова – чистая лягуша! Самого бы профессора послать на войну. Пусть бы. А то на речах-то он – мастак вертеть туда-сюда. Как это ему долго брехать на митинге дали?

ТИТОВ Н.И. А зажурились офицерики, когда в вагоны сели и на войну поехали. Пьют, пьют, а трусят. Эти офицеры всяк по-своему революцию понимали. Сразу у них на раскоряку шло.

НОСОВА М.М. Партизанские крики «Уничтожить!» поднимают дух... Ждала я речь старика Чубукова на партизанском собрании. Поп Воскресенский сразу круто повернул своё положение.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. (шутит). Говорили, для нашего Федюхи Джекайло никто книги не напишет, чтобы он не заснул, когда будет слушать. А вот же написал Зазубрин. Не спит Федюха.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Тут и рад бы заснуть, но не заснёшь.

НОСОВ М.А. Верно. Поневоле будешь сидеть и слушать.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Жалко, что оборвалось всё (т.е. кончилось чтение. – А.Т.).

ЗУБКОВА В.Ф. Хорошо, что Барановский жив остался. У него большое склонение к красным было. Умный он.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Вот как Петру живого в могилу мир закапывал, тут народ наш сидел так, ровно его к стенке приколотили.

БЛИНОВА Т.П. Тут не токма что люди – и вши все умрут от ужаси. Слезу никак не удержишь. Какой народ чудной был: напоили Петру чаем, а потом закопали.

ТИТОВА А.И. Толпа так толпа и есть. Закопают. Себя каждый огораживал. Боялись мужики: вернуться чехи, узнают, что Петра остался живым, – всё село сожгут. Такие здесь меня нерва брали, ну просто ажно сердце раздымалось!

ШИТИКОВ Д.С. У меня к белым такое отвращение, что не слушал бы об их зверствах. Но слушать гребтится. Невыносимо только.

ЗУБКОВА А.З. У беляков, должно, ни одного путного человека не было. Все – звери, обормоты... Безумные те мужики были, которые Петру закапывали.

НОСОВ М.А. (возражает). Это ты сейчас такая умная. Почему ты, Анна Захаровна, не заступилась за Мошкина Егора, когда его зря к расстрелу присудили?

СТЕКАЧЁВ Т.В. Нет, в нашей Журавлихе не засыпали бы живого. Уйди чехи, не засыпали бы.

БЛИНОВА Т.П. Да уж ково там говорить?! Моего Егора стреляли в хате бандиты, все соседи слышали, а ни один не помог. Все только крепче заломили двери.

БОЧАРОВА М.Т. Жарков здорово орудовал. Нигде не трусил.

ШИТИКОВ Д.С. Тоскливо мне было, когда зверствовали белые. И рад я бывал, ежели красные беляков настигали. Вот как мне было сладко, когда партизаны срезали сашкой череп ханцузскому полковнику! На сахарницу черепок этот годится.

НОСОВ М.А. Срезали череп и раскрыли в нём «ядовитый мёд».

БОЧАРОВА П.И. Партизаны в тайге всё кричали: «Пили! Пили!» Крик этот им нужен был, значит, для душевности. Так и надо было почаще покрикивать. О-о-ох! И было же там! И крик, и стрельба, и ребятишки, и коровы! И как только народ вынес эту байгу?! Всю бы ночь слушала я экое чтение.

КОРЛЯКОВА Н.В. Новую (иную. – А.Т.) книжку читают – сердце спит. А тут – терзанье, колотье и беспокойство всякую минуту. И некогда тебе о другом забытья...

Мне поглянулось и смешное: когда Настенька разговаривала с Мотовиловым о порядках в красном войске. Вы, говорит, порядки ведёте, как у красных. Ну и подверстала она ему тут словечко!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Так это она не сообразила, к чему несёт. С бабьего ума.

НОСОВ М.А. Не в ту жилу ударила. Мотовилов хоть и сукин сын, а может определять людей. Смотрите-ка, как он своих офицеров расчистил! Человек он без сердца.

СТЕКАЧЁВ И.А. Белое отступление было такое же, как великое отступление французов. Вот, поди, когда от них редькой-то несло! Всё разрушали на своём пути. Птицу лопали нечередёную.

ШУЛЬГИНА А.Г. Мне жалко старуху, которую солдаты на печи поджаривали. Ей, бедной, с печки слезть некуда, теснота, а в печке каждый солдат блины пекеть. Разве это не горе?

БЛИНОВ И.Е. На этой печи только Вельзевулу жить (Вельзевул заимствован из пьесы-сатиры «Буржуй в аду» Д. Долева, недавно поставленной на нашей сцене. – А.Т.), а солдаты туда старуху загнали. Всю, поди, закоптили, несчастную... Фома при Барановском был, как Ваничка при Филипп Степаныче в «Растратчиках» В. Катаева. Похоже.

СТЕКАЧЁВ И.А. Быстро прикончили прапорщика Гвоздя. Погиб за очередь на переезде. Это верно. Шляпка Гвоздя не стерпела. Есть замашка у офицеров: по зубам солдат. Ну и те в ответ садят... Местами в книге такое ясное художество, что тошнительно делается от разбойства беляков.

ТИТОВ П.И. Мотовилов не трус, лев. В церковь залез и жгет книги. А задумался же над словами горевшей книги, что человек должен подохнуть, как ни крутись. Вот гад-то! Отдельный кабинет в алтаре устроил. Архирей какой! Ну, чёрт возьми, и сценка же!!

ТИТОВА А.И. Нет, тут тебе не кабинет, а страсть страшная. Любовные дела Мотовилова в чувство при этом деле не входят. Все жилы из человека эта картина тянет.

ТИТОВ П.И. Конечно, кабы не было больных в церкви, то большой отвратительности к Мотовилову и Воронцовой у нас не получилось бы. А когда на почехонское положение Мотовилов перешёл, то стал заваруху лопать. Не понравилось это ему. Любопытно, как на похоронах партизан два завета встретились: православные «вечную память» дуют, а партизаны «похоронный марш».

БОЧАРОВА П.Ф. Только когда пишет он про одного человека, мне интереснее слушать, чем писание про многих людей. Лучше у него выходит писание про одного человека.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Про массу он пишет скоро, а про горе одного человека дольше и жалостней.

НОСОВ М.А. А молебен? Расстрел у церковной ограды? Это тебе не сила?!

НОСОВА М.М. Там разбрасываешься, потому что погибают многие. Не знаешь, про кого страдать. Петра закапывают живого одного – и это видно, и его жалче, чем всю толпу. Как-то так чувствуешь. Одно название главы – и то беспокоит душу. Ишь: «Всему миру или тебе?»

БЛИНОВ Е.С. Возьмём офицеров: Рагимова, Колпакова, Капустина, Мотовилова, Барановского. Из них только один Мотовилов борьбу вёл за существование белой власти. А это – меньшинство. Барановский сразу же на фронте заметался. Не только что воевать, а не знал, куда двинуться. Профессор не понял, что помощников у него – один Мотовилов. Но и тот не будет беречь его паркет... Рагиновых было много у белых. Из колпаковых да капустинных состояла почти вся офицерская шатия. Заодно офицеры никак не умели думать. Из романа хорошо видно, из каких лохмотьев состояла белая армия. Каждый офицер в свою сторону тянул. Разложение полное дадено. Кабы писатель это всё дело подкрасил через силу, пожалуй, я многому бы и не поверил. А то написано всё не по-лизаному, а как должно соответствовать. Факты видишь. Не догадываться тебе тут приходится, как иной раз. Бывает, что сомневаешься, верить аль нет писателю? В «Двух мирах» такого недоумения у меня не было. Здесь интерес в тебе, ожидание дальнейшего. И насчёт правды не сомневаешься.

Слышать, что писание у автора наскоро накрученное. Может быть, он сам думает: в скоростях писал, неладно вышло. А нет, вышло очень даже ладно. Художество рассыпано всюду, по всей книге. За чтением «Миров» я следил внимательно и постоянно. Хотелось понять, как и что из них образуется. Хоть и перескакивает писатель с главы на главу, а ты знаешь, какой отрывок куда надо определить. Легко связывается у Зазубрина всё. И главное, затягивает. Согласен ты книгу слушать или читать, пока хватит мочи. В романе взяты самые бойкие примеры того времени. Возьми-ка дурость Орлова. Нигде поставить на сцене такой картины невозможно. А так было. Или отступление партизан, или смерть Петра. Да много такого. Я вижу, что этому писателю нужны жизненные факты – тогда он здорово пишет. Он из книг берёт, что надо. По-моему, буржуазному

классу эту книгу давать не надо, а то прочтут пузаны и скажут: «Э, глупо же наши белые воевали с красными. Никакой у них склёпки не было. В будущем так воевать нельзя. Надо воевать организованно, как красные...».

В книге Зазубрина всё существенное. Ежели её прочитать через пятьдесят лет, то она тогда ещё жутче покажется. Как вон «93-й год» Гюго теперь ужасно читать. В деревне эта книга («Два мира». – А.Т.) нужна для народного воспитания. По прочтении её всякий тумак поймёт, какой же «мир» лучше: белый или красный... Хорошо всё подогнано в книге. У меня никакой путаницы в голове не было. Эту книгу я не ровняю со всеми прочитанными в школе. Может, в будущем только попадёт ровны ей. У Подъячева сильные книги, но там про отдельных личностей. Например, о бедном мужике, бродяге или пропойце я не буду сильно страдать. А тут человека волна революции занесла, и он мучается. Пётр, повешенные на журавле, Маша, Дарья, расстрелянные у церкви и другие. Это же огромные картины! То ли я читал где, то ли от кого слышал такую штуку. У французского астронома был единственный сын. Этот сын заболел и умер. Собрались родные, плачут, режут, мечутся. Астроном знай смотрит в трубу на небо. Родные на него обиделись. «Что ты, аль тебе не жалко сына, аль тебя это не касается?!» А он им сказал: «Посмотрите на всю вселенную. Там ежесекундно целые миры гинут, а я должен, по-вашему, об одном сыне думать?» Так и «Два мира» выше многих произведений, в которых описывается про отдельных личностей. Широко здесь охват берётся. Правда, знал я, чем должно всё кончиться, а хотел от писателя концы узнать. Я предполагал, что Воронцова была Татьяна Владимировна. Вот-вот, думал, в церкви Барановский её узнаёт и между ними произойдёт интересный разговор. А надо бы так писателю эту сцену подвести. Наверно, Барановский раскаялся бы ей, что напрасно она ему целовала шашку, когда отправляла на войну против красных. Что бы она ему на это ответила?!

«Два мира» в аккурат для нашего брата сочинена. Может, какой-нибудь «тонкий человек» и будет ею недоволен, ну а нам она в самый раз. Лучше и не требуется.

ТИТОВА А.И. Ужасно для меня это описание. Картина вешанья на журавле показалась мне ближе, чем расстрел сорока девяти человек. Та – в отдалённости. При повешении у людей выраженье слов было. Почти все люди страдали молчком. Кабы тут был народный рёв, крик – ещё бы страшней обошлось тогда. Но всё было тихо. А подпиши он реву – сысторонны могли бы все закричаться. Стоят эти сорок девять душ передо мной, все помертвелые...

Смерть Завистовского ещё ближе припала к моему сердцу, потому что слова тут выражал вьюнуш. Много слов. И слова эти нзили меня всю: «Мама! Мама! Мамочка!» Не сравнишь ведь эти слова с тихой смертью. Со словами смерть пронзительней, лучше. Волнуешься тогда шибче...

Неспокойная эта книга. Всё время она тебя дёргает. Придаёт всем людям страсти. Я замечала по людям: слушают-слушают, замрут, а потом разом и вздохнут (изображает вздох. – А.Т.). Плачущее сердце матери не вынесло страданья детей. В бессознании, видно, была офицерова жена, когда муж убивал револьвером детей. А если бы она была в чувствии, то у них занялась бы борьба. Мать не даст на смерть своих детей. Лучше сама вперёд покончится... Никакие ещё книги я так не поняла, как эту. Сочинитель её – многоумный, видать, человек. Кое-чего описанного он, может быть, и не видал, но сообразил без виденья, как надо представить любое дело.

Книга «Два мира» не чищена, не тёсана, не стругана, а русским языком... просто рассказана. Может быть, где-нибудь плохие слова и были, но я за ними не гналась и не запомнила...

Зазубрин этот дорого стоит. Он думать заставляет. Вот всего, что завертелось в голове, рассказать, может быть, и не смогу я, а оно есть там, во мне. Недоумлю я, как это писатель мысли человеческие узнаёт! Мотовилов проходил коло мёртвой старухи, которая лежала под снегом на дворе, да ещё чулочек-то торчал из снегу. Проходил Мотовилов и думал. Как это писатель отгадал, что думал Мотовилов? Сложно угаданы мысли! Точка в точку подходить!

Пишет Зазубрин так, что у него слово родит. И ядрёно пишет, по-мужичьи. С его писанья я разбор такой себе в ум взяла. Люди – все люди. Все одинаковы. Но зачем они полосуются? За власть боролись. А всё это наделало богатство.

СОШИНА Е.И. Написано всё с перекидкой. Вот как у нас в хозяйстве бывает: одно дело делаешь, на другое оторвёшься, опять бежишь к первому и понимаешь, как его дальше гнать надо. Не сумлеваешься... Мы вечерами про книгу все судили во дворе (в тёплом скотном дворе. – А.Т.), когда пойдём доить и убирать коров. Там у нас ладный, попутный разговор бывает. Здесь я маленько как-то ошибаюсь. Не могу всего обсказать. А там у нас: один скажет слово, другой подовторит, и ещё дальше, дальше зачнём судить. Разносим коровам мякину, а сами торопимся, чтобы послушать, чо люди толкуют про чтение. Книжка туго взяла нас за думку.

Не совсем понравилась мне выходка Спирьки, который так зверски убил отца. Отец ещё не пришёл в себя от удивления, что встретил сына на войне. Спирькин поступок я не одобряю и не уважаю.

Эта сцена напомнила мне встречу в битве Тараса Бульбы с сыном. Только там убийство вышло наоборот, чем здесь. Но у Гоголя почему-то получилось трогательно, а здесь нет. Тарас породил сына, вырастил, на измене его застал и убил. Верно это. А Спирька зря уколол отца. Отец ещё ничего, а он его бацкнул. Спирька – молокосос. Ему и на войну-то ещё рано. Ну, пусть так: отец – к белым, а он – к красным. Враги, значит, политические. Хорошо. Но писатель же малость помянул, что перед стрельбой Спирька вспомнил отцовскую ласку. Надо было получше тут описать. Я ждала так: Спирька убьёт отца по горячности, по глупости и по солдатскому подзуживанию, но а потом, когда опомнится, выронит из рук винтовку, схватится за головушку и начнёт метаться и каяться о своём плохом, необдуманном поступке. Случись так, мы почувствовали бы к Спирьке жалость и уважение, а то этого нет. Спирька оказался, по-моему, таким же дурным зверем, как Пестиков или Жестиков. Убийством отца Спирька не украшает революцию, а пятнает её. Не злюсь я на отца, а злюсь на Спирьку. А этого не должно бы от книги получиться.

ШИТИКОВА М.Т. При отправке белых на войну речь профессора показалась мне скучноватой своей удлинённостью... Денщика Барановского, Фому, очень ясно видно. Простоватый, добродушный и преданный слуга, который лучше своей работы и не знает, думает, что все так и должно быть, как есть... Рагимова чувствуешь как храброго военного человека, который всё-таки производит отталкивающее впечатление. Уважения к нему – никакого. Образины его не вижу. Так же слабо представляю личности Капустина и Колпакова, хоть и понимаю, что они не способны к войне и заботятся о том, лишь бы их не трогали... К офицерским гулянкам песни приходились как раз под масть.

Партизан Жарков – деловит, храбр, умен. Питаю к нему уважение, но личность его для меня туманна... Шибко длинных и скучных описаний не нападала. Всюду было слушать интересно. В споре Мотовилова с Барановским о правде я была, конечно, на стороне Барановского...

«Два мира» выставляют на вид всю человеческую злобу, ненависть, самолюбие и подлость и в то же время – усиленную борьбу и жестокую расправу одних над другими. В книге красота, может быть, и участвует, но я её почти не заметила. Тайга описана хорошо. Вышла бы, вероятно, ещё лучше, если бы в ней изображались не военные приключения, сеявшие смерть и страдание, а что-нибудь другое. Помню слова писателя: кровавые посева дают красные всходы. Хорошо! В книге почти все места видны. Но художествен-

нее всего показались мне картины: обоз Мотовилова с больными, лежавшими в дровнях, недалеко от дороги, на снегу; валяются мёртвые люди, лошади – и всюду большие пятна крови, ровно разбросанные цветы; потом ещё оставленное Мотовиловым пристанище, убитое семейство офицера у потухшего костра; вороны садятся на головы детей и выклёвывают глаза и мозг... Всякие мысли и чувства остались от книги. И радостное – к победе красных, и печаль о потерпевших и погибших людях, и ненависть к гнусным и безжалостным злодеям – Орлову, Жестикову и другим...

ШИТИКОВ Д.С. Баба моя (М.Т. Шитикова. – А.Т.) говорит уклонно, а я буду говорить пространно (ко мне. – А.Т.). Слухай! Я тебе наперёд говорю: ежели ты к какому-нибудь моему слову не приложишь понятия, то спрашивай, к чему оно сказано. Я тебе разъясню, чтобы это слово до всякого людского понятия дошло объяснительно. Хочется мне высказать свою мысль без выдерга, а сложно и складно. Чтобы весь резонт был выведен... Читал ты, а я слушал бы, слушал, слушал. Она меня, эта книга, дюже заинтересовала. Она долго учила меня быту, какой был при Колчаке и при гражданской войне. Я не затомился её слушать, и – хлоп! – книга кончена. И мне её было жалко-жалко! (Наклонившись к моему лицу, просит нежно и убеждающее. – А.Т.) Пожалуйста, ты так и пропиши: жалко-жалко! Два раза это слово поставь! Я тебе подовторю, жгло меня всего это писание (поднимается, размахивает руками и патетически восклицает. – А.Т.). Так и сказал бы писателю: «Эх, брат, хорошо ты написал, но мало. Ещё от ума твоего хочется послушать!» Вот в чём тут дело-то! Как обсуждать всю эту представленную сложность? Какой подход? Кабы я умел писать, как баба моя Маланья Тимофеевна, я прокритиковал бы книгу не так, как она! Я бы каждое слово прогнал по-граждански, по-коммунистически. Я сказал бы: нате, люди, читайте! Мыслей у меня полный зоб. Но прозорчисто и чисто их сейчас не скажешь. Забываешь... Одним словом, ты читал книгу – и как ровно передавал нам электрический звук-радиво. И передаёт, и передаёт, и передаёт. И ты только и знаешь, что ловишь этот звук-радиво своими мыслями-мнениями. Заботишься запомнить каждое словечко. Почему? Да потому, к примеру, чтобы было у тебя, о чём речь повести, когда сойдёшься с чужим хорошим человеком. Сойдётся ты с ним и сейчас же спросишь его: «Читал ты книгу «Два мира»? Нет, так слухай, я тебе расскажу». Век будут люди об этих «Двух мирах» помнить. И веки-вечные у каждого крестьянина не оборотится душа к белым. Нехай, скажет, этот белый мир исчезнет с земли навсегда. Чёрт с ним!

Пропиливали партизаны тайгу. Это рассказано на пяти-шести листочках. Составлено всё из отрывков, без подробных доказательств, а так представительно, будто писатель всё это сам пережил, перевидал. Всё происхождение писатель изобразил с наглядного факта. А ежели Заzubрин это выдумал не видючи, то у него здоровенная голова! А ежели он описал слыханное от людей, то он сурьезный мастер своего дела. Все факты колчаковского времени показаны в точности. И какие люди тогда были, и как, и чем они были настроены. Дело писателя было: показать это. А люди пусть разбираются, потому что у всякого свой вкус на людей. Почитай, у самого настоящего остолопа в голове от «Двух миров» хлыснет волна к умственному размышлению.

И будет в народе ходить эта книга ужасная и впечатлительная! Отшибёт она народ от всякого подлого творчества старого режима. Отчего это так? Оттого, что составлен роман не только что трогательно, просто-таки кардинально! Теперь ещё добавлю, как я понял «Два мира». А вот как. Будет мне семьдесят пять лет, и будут у меня внуки. Буду я садить своих внуков на пузо, и всё им до слова, до тонкости расскажу из этой книги. Иначе нельзя. Человеческое сердце к сердцу примыкает. Завистовского берём. Как ты об нём не пожалкуешь? Но пожалкуешь – тут же вспомнишь два мира, которые насмерть схватились – и всё становится в тебе мёртво. Болезно за Завистовского, а должно быть так. И слова эти «должно быть так» – мягкие, успокоительные... Про слова Заzubрина добавлю ещё такое. Он писал не по пословице «Твет денежки берёт». Он в записанную правду кое-где вбил лишь свои художественные клинушки. Для ладности. Ну а уж лаку-то нету. Он мог бы размаслить, развести сколь хошь, но, должно, не схотел. И так обойдётся. Перемаслишь – хуже может выйти. Применю писателей к нашему столярному делу. Есть такие мастера: сделает вещь, а в ней внутренний разрыв. Мастер засаживает в него кусок материала, который там не должен быть и пользы не даёт. Потом мастер дурную вставку закрашивает, чтобы покупатель обман не узнал. У Заzubрина в «Двух мирах» этого нету. У него лукавства с прикраской нету... По доброй совести всё сделано. Много страниц совсем даже некрашеными остались. А делу это не мешает нисколько.

СТЕКАЧЁВ И.А. В общем – сильнейшая книга. И всякому человеку её предлагаю. Нету подобной книги про гражданскую войну. Я не знаю её.

ТИТОВА А.Н. Думаю я, что эту книгу никто не забудет. Потому что в ней все страсти военные описаны. Этот писатель сочинил книгу с правды. Мотовило (Мотовилов. – А.Т.) ровно живой: жилистый, глаза, как у ястреба, так и вертятся!

БЛИНОВ И.Е. «Два мира», можно сказать, такая книга, лучше которой насчёт революции я и не видывал и не слыхивал, и не услышу, и не увижу! Слушал я её с тихим дыханием. Ладил не прослушать каждое слово. А ежели где зверский случай описывался, то я слушал совсем замерши. После каждого страшного случая я с затихшим дыханием бил себя по лбу и сам себе говорил: «Запомни, Ванька, это зверство!» И запомнил я всю эту картину: пожары, убийства, расстрелы, разорванных лошадей. Вот партизанские семьи уезжают из разорённых белыми деревень. Рвутся снаряды. Кругом пожар. И в это время кулак правой руки у меня туго зажался и зубы закрипели. И я проговорил: «У, язви вас, сволочи!» В голове у меня появилась мысль: сделаться бы мне каким-нибудь сказочным героем и поснести бы всем белым головы. На мой взгляд – книга написана с фактов. Кто не верит, пусть посмотрит на недавнее. В городе Семипалатинске был недавно суд над атаманом Анненковым, который шибко галился над рабочими и крестьянами. Писали в газетах. Вот вам и доказательство. Всякая нация будет читать эту книгу. Запнётся над ней и подумает.

КОНЦЕВАЯ М.П. Автор этого сочинения пишет перерывами. Он сразу описывает несколько жизней. Нет, чтоб всё про одно да про одно. Пишет он про белых, а ты ждёшь не дождёшься того времени, когда начнёт он про красных писать. А пишет про красных – ждёшь про белых. Сразу хочется узнать про всех людей, которых он захватил в своё сочинение... Сильно описал он и тайгу, как её пилили партизаны. В этом месте у меня в голове шумело ровно в тайге. По-моему, писатель правильно делал, что часто повторял слова «пили-пили!». Из этого видно: усиленно старались партизаны пробить себе дорогу через тайгу. В писании много и таких мест, что надо бы плакать, а возмёмшь да и засмеёшься. Много и нежных описаний. Деятельность этого рассказа всё время кипит ровно ключ. Также у этих «Двух миров» полно сравнений, которые приложены к делу и звучат приятно. Ишь: дети – цветы на навозе! Писатель шибко хорошо изобразил душу людей, которые закапывали в могилу Петра. В то время я чуть не заплакала. Крестьяне уговаривали Петра лечь в могиле вниз лицом, чтобы не слышать, как земля придавит его. Этими словами они не уговаривали, а растравляли только его. Не уговаривали, а заржавленные гвозди вбивали ему в свежую рану. Лучше бы скорее закопали его!

Мне понравилось, что «Два мира» посолены песнями да стихами. Разбавка вышла.

НОСОВА М.М. Книга эта целую революцию во мне сделала. Крупная книга.

СТЕКАЧЁВА Е.И. Увесистыми и тяжкими словами написана книга. Жалко, что Мотовилов сам застрелился. Мне хотелось, чтобы красные его поймали и вздёрнули на журавце.

ТИТОВА А.С. Эта книга напоминает о прошлой жизни. Видишь из неё: по всей России шла революция, и два врага сошлись и били друг друга в кровь. Вспомнишь про всю эту схватку – и в голове появится злоба к буржуазному положению... Ударными словами написана эта книга. Новой раз у меня от страсти аж мысли растеривались. Ежели не рассматриваться по властям, за какую люди в книге стояли, то всех людей жалко. А ежели по властям глядеть, то бить буржуев надо, как скотину! Костя Жестиков не злой, а просто болван глупый. Не своим умом живёт... Лишь только крестьянина повесили на журавце, у меня сердце так и заколотилось, словно хотело выпорхнуть. Этим Костям война совсем не была нужна. Им бы только разгуляться по белому свету. Нахальники! Мотовилов – другое дело. У него – убийство так убийство. Твердолобый дьявол! Никак его никуда не переборешь...

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. «Танец» повешенных ударил по мне пуще всякого камня. А речи и воззвания не шибко затяжливые. Они не наскучили мне нисколько, а проскочили между прочим ладно. Вот, что всех красных писатель поставил тихонями – это нехорошо... Во всяком рассказе без натуги писателя получается художество. Как-то оно в этом деле само по себе выходит.

ЗУБКОВ П.С. Молебен досконально верен. Я сам лично видел такой молебен в городе Барнауле в 1919 году. На площади одних попов штук до тридцати было. Были добровольческие и полицейские части. Начальник города социалист-революционер Стрельман в своей речи благодарил бога за «освобождение Барнаула от «разбойников и грабителей-большевиков». В «Молебне» напоследке сказано: «А колокол всё лгал». Неправильно. На торжествах не звонят в один колокол, а во много колоколов. «Нежные пальчики», по-моему, совсем ненужная глава. Автор хочет сказать: Барановский, несмотря на всю любовь к Татьяне, не выполнил её заветов. Но нигде почти нет того, чтобы он вспомнил наказ Татьяны, переживал это. Единственный раз он вспоминает Татьяну – это в церкви. Больной, в бреду...

До невероятности сильна сцена в церкви. Особенно когда Барановский кричит на бога-отца. Или – когда Мотовилов читает горящие книги... Очень утомительна сцена убийства корнета Завистовского. В действительности она была бы короче. Рассуждения Веревкина надоели офицерам. Это верно. Они надоедают и читателю...

Не могу согласиться я с тем, чтобы офицеры слушали речь профессора. В лучшем случае они профессору заткнули бы глотку, а худшем – на журавец! По тогдашним зверствам белых – профессора должны были одёрнуть... Вся десятая глава держит человека под уздцы и в напряжённом состоянии.

«Голый бал» шибко скоро образовался. Подходу к нему настоящего у писателя не дано... Беспорядок гражданской войны так описан в книге, что кровь стынет при чтении. «Есть у нас легенды, сказки» – тут автор пытался выразить предпоследние чувства Колчака. Всё это как-то неясно переплетено со стихами. От стихов хуже получилось.

Вообще надо сказать: «Два мира» – самая нужная сейчас в деревне книга. Надо шире оповестить о ней народ сельский, надо удешевить её, чтобы всякий мог купить её себе. А то что? У нас о ней действительно не знают ещё. Несмотря на то что мы в коммуне прочитываем много книг, мы всё-таки не знали о «Двух мирах». Роман этот попал к нам совершенно случайно. Он глубоко вспахал чувства наших слушателей.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. «Два мира» – широчайшая и жуткая художественная история колчаковщины в Сибири. Это – лучшая из всех известных нам книг, изображающих белый террор в нашем крае в 1918 – 1919 годах и всенародное восстание против Колчака. Никакое другое произведение современной художественной литературы, прочитанное и разобранное в «Майском утре», не зажгло в нас столько озлобления и ненависти против угнетателей трудового народа, сколько вызвали «Два мира».

П р и м е ч а н и е. В моём опыте роман В.Я. Зазубрина был самым крупным по объёму советским художественным произведением. Он поэтому доставил мне очень много хлопот. Чтобы разобрать его более или менее обстоятельно, я после читки составил себе обследовательскую анкету, содержащую более 70 вопросов.

Несмотря на длительность читки романа, я вынужден был повторить её. Этого требовали те коммунары, которые по отлучке не могли слышать первые читки. Я повторял, и чтение с неослабевающим вниманием слушали не только «опоздавшие», но и вся коммуна, за исключением несмышлёных детей. Я говорю «вся коммуна» и подчёркиваю это, так как послушать «Два мира» в школу приходили и 80-95-летние старики и старухи, которые, прослышав от младших членов семьи про «страшную книгу», захотели самолично познакомиться с нею. И я видел сверканье их слезящихся, потухающих глаз, я слышал испуганное шамканье их губ: «О, господи!»

Все поколения коммунаров отнеслись к этой книге с ненасытным интересом. «Сырость» романа не принята крестьянами за большой его минус. Наоборот, слушатели высказали опасение, что излишняя «выгладка» произведения может сделать его менее понятным и действенным в деревне...

Были вечера, когда читка «Двух миров» продолжалась после затяжных общекоммунарских деловых собраний. И когда эти собрания кончались, публика не расходилась по домам, а требовала:

– Давай «Миры»!

– Начинай скорей!

И я начинал. А около двенадцати часов ночи упрямо закрывал книгу, щадя силы коммунаров. Но меня засыпали тогда криками:

– Валяй даля!

– Хоть всю ночь читай, будем слушать!

– Всё равно теперь домой придёшь – не уснёшь!

Последние главы романа сильно разожгли любопытство коммунаров, которые отказывались от обычно предшествующей литературно-художественной читке газетной информации и просили поскорее «доходить «Миры» до конца».

Во время читки «Двух миров» мне порой казалось, что я не читал, а бросал в публику стрелы. Так многочисленны и дружны были ответные взрывы восклицаний. Запись этих восклицаний (далеко-далеко, конечно, не всех!!!) испестрила многие поля книги.

О «Двух мирах» все коммунары охотно делились впечатлениями с кем угодно, когда угодно и сколько угодно. Я сознательно прерывал запись отзывов, не надеясь исчерпать их до конца...

М. Зощенко*

УВАЖАЕМЫЕ ГРАЖДАНЕ

Сборник рассказов

(Читано 1-7 июля 1927 года)

БЛИНОВ Е.С. Против нашего Остроухова не годится (Остроухов – крестьянин-балагур, весельчак из села Верх-Жилинского. – А.Т.). Смешно не на писание, а на то, что писатель ерунду мелет, собирает кого зря. И как ему охота была сгребать разную дрянь! Уж шибко легки его рассказы! Ни голове, ничего, ни крошки умственного они не дают. Кое-где растянешь губы для смеху, но это так, нарочно, от нечего делать улыбнёшься, а чёрт знает чему. Чудно как-то образуется: всохотнешь над одним – и сейчас же забудешь. На другой рассказик перелезешь, а первый уж пухом из головы поднялся, вынырнул. И не помнишь его.

СТЕКАЧЁВ И.А. На правду это писание не похоже и от сказок отстало. Сидишь, слушаешь, а никакого в тебе разуму нету. Хоть бы её слушал, хоть бы и не слушал. Всё единственно. Только и думаешь, скоро ли эта книжечка кончится, аль нет. (Обращается ко мне. – А.Т.). Я хотел бы тебе сказать, чтобы ты бросил читать, да так и промолчал. Может, думаю, дотерплю до конца. Насилу дотерпел.

БЛИНОВ И.Е. В смехе Зощенко, по-моему, нет ничего смешного. Пустое всё. Не коренное. Когда настоящее смешное читают, тогда смеёшься и сам себя не чуешь. А тут смех по уму идёт. Не прёт он из нутра сам. Вот наш мельник Иван Петрович скажет слово, и будто от простоты он его скажет, сам не смеётся, а над ним умора. Над этими рассказами только за компанию рассмеёшься.

* Зощенко М.М. (1894 – 1958) – писатель, признанный классик русской литературы.

ШУЛЬГИН Т.И. Как наш глухой Мамаев смеётся, когда люди смеются, а сам не слышит. Смеётся, глядя на людей. И я так же смеялся над этой книжкой.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Этот писатель сам, как баба, размазывает. Инда смешно. Инда – нет. А где и смешно, то так как-то... Не верится в эту пустоту.

ШИТИКОВА М.Т. Ничего интересного. Можно бы писать и смешно и правдиво. А у кого написано не везде смешно и почти везде брехливо. Ярмарочное хулиганство всё выдуманно. У него берётся для описания всё самое обыкновенное, а на деле прикидывается всё на манер выдуманного. Деревня им, по-моему, не заинтересуется. Там своих таких много. Да ещё похлеще. Не видал, должно, этот писатель ещё настоящего смешного. Всё у него – шушель-мушель... Ну какая же дура-баба будет лечить головную боль гвоздыханьем о косяк? Брехня собачья!!

БОЧАРОВА А.П. Посиди-ка коло наших баб да послушай – они смешнее выкозюкивают. И всякое место – с хвахты.

ГЛАДКИХ А.И. Он понятен. Читать его надо умеючи. В деревне его поймут хорошо. Но весу в нём мало. Вон в «Тоске» у Чехова и горе страшный смех. Сурьез там большой. Всё грузно заколочено. А тут порхание одно какое-то. Начала у него всегда смешные. Сразу он как-то берёт: «Вот, граждане...»

ТИТОВА А.И. Не задирает меня этот смех. Только чуть-чуть физиономию скорчишь – и будет. До сотрясения тела не доводит. «Матреница» – ложь. Неужели можно человеку не дать умереть? Али: когда же это лошадь в пивной сидела за столом? Чепуха!

БЛИНОВА К.Е. Есть смех, но он не умный.

ШУЛЬГИНА А.Г. Будто и хорошо рассказывает, а всё думаешь: врёт это он, ну врёт! Ни к чему воротит. Ну, думаешь, пуцай болтает, мне что?

ЗУБКОВ П.С. Есть выражения потешные. Например: если, говорит, встретите таких, как Матреница, то давите без амнистии.

ШУЛЬГИН Т.И. Раз пишешь, то хоть ты как смешно ни заводи, а чтобы было сходственно под хвахт.

ТИТОВ Н.И. Не лежит к душе этот смех. Хохочешь местами, а не знаешь, по какому случаю.

ЗУБКОВ П.С. Не ущупал я тут настоящего смеху, а будто есть что-то смешное. С его речью (речью М. Зощенко. – А.Т.) надо брать большие, правдоподобные случаи, тогда выйдет хорошо. А то он на смехульки рассыпается. Сразу-то он приёместо берётся за рассказы, как будто он перед этим страницы три уже написал. Ловко берётся. На разводит понапрасну.

ЗУБКОВ М.А. Рожа расплывается, а дальше его смех не берёт меня. Забавлять этой книгой народ, пока не все собрались на собрание, а потом начинать хорошую книгу читать.

НОСОВ А.М. Какой-то «секретный» писатель: и смешной и не смешной.

БЛИНОВ И.С. И смешного нет и умного не найдёшь. У Подъячева голодранцы («Мытарства». – А.Т.) стоят в московском переулке зимой. Едет барыня, спрашивает, кто такие. А ей отвечают они: буры, черти. Барыня удирает. Тут смех с тоской. Фактический смех, веский. А у Зоценко смех слепленный, насобиранный, поддельный. Наверное, сам писатель на личность смешной. На него поглядеть бы. Как мужик-смехун тараторит. И холера его знает, что у него смешное? Над словами только смешно, а над положением человеческим редко когда смешно.

ШИТИКОВ Д.С. Том этот можно почитать, пока баба обедать собирает. Небылица большей частью тут прописана, а читать будешь. Для разнообразия. А Зоценко этот, видно, мужик – говорок! В ступе молотком не устукаешь.

ТИТОВА Л.Е. Кто его знает? Есть, ровно, правда, а есть и хлопня. Хлопни больше. От дурусти послушать можно... Бабы говорили на работе: ходить неча слушать. Бурдовину, говорят, какую-то читают там.

СТЕКАЧЁВ М.И. Чудно у него: люди разные описаны, а разговор у них одинаковый.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. (Принято всеми против двух категорически отрицающих необходимость «Уважаемых граждан» в деревне. – А.Т.). Почти вся книга, по мыслям, несерьёзна. Смеху в ней мало. Какой есть – поддельный, скучный. Много неправды. Язык хорош. Все понятно. Двенадцать рассказов (выписаны мною в примечании. – А.Т.) можно читать: они имеют значительные мысли и смешны. Остальные – труха. Книгу надо принять в деревне во вторую очередь, так как смешной литературы там почти нет.

П р и м е ч а н и е. Сборник «Уважаемые граждане» был одним из пробных камней, на которых я испытывал умение крестьян разбираться в легковесном и серьёзном юморе. Испытание выдержано.

Я давно уже заметил, что крестьяне любят такой юмор, который скрывает под собой трагическое или воспроизводит обыденные жизненные явления, действительно смешные и без искусственных авторских прикрас («Ревизор» Гоголя, «Тартюф» Мольера, «Без языка» Короленко, «Беззаконие» Чехова, «Спектакль в селе Огры-

зове» Шишкова и т.п.). Ни того, ни другого в сюжетах большинства рассказов из сборника «Уважаемые граждане» нет. Действительность показана в них искажённой. М. Зощенко – реалист, но содержание его произведений часто представляет собой какое-то капризное смешение были с небылицей. В самом деле, кто же поверит, что, например, лошадь может чинно сидеть с людьми в пивной?! («Тяжёлые времена»). Или – что жена может приказать мужу не умирать, пока он не заработает ей денег? («Матренища»).

Рассказы из «Уважаемых граждан» – «расхоженькие» по их идейному содержанию и по эмоциональному заряду. Только некоторые из них запомнятся по курьёзности, которую трудно забыть...

Рассказы Зощенко очень трудно читать вслух, в лицах. Почти все они сшибают чтеца на один тон и держат его в нём, как в тисках.

Я привёз из Барнаула рассказы М. Зощенко с тайным умыслом встряхнуть, потешить ими коммунаров, так как после Шишкова мы не находили ещё весёлых нынешних юмористов (коммунары в шутку зовут многих современных слабых юмористов «УМОРИСТАМИ»)... Читаю, и вещи нравятся. Тужусь насмешить слушателей, а они хмык да хмык, а смеяться не смеются как следует. Что, думаю, за чёрт?! Читаю понятное, прославленное профессиональными критиками, а коммунары чинно посиживают себе, точно по аршину проглотили!

Да, М. Зощенко весь понятен крестьянам. Речь его на удивление проста, рассказы короткие, удобные для слушателя, но... смеху от них я не слышал. Настоящего смеху, забористого, неудержимого, до прерывания чтеца, какой оглашал нашу аудиторию при чтении многих произведений Подъячева, Горького, Катаева, Шишкова, Новикова-Прибоя, Лескова, Чехова, Андреева, Бунина, Куприна, Короленко, Тургенева, Льва Толстого, Некрасова, Писемского, Алексея Конст. Толстого, Демьяна Бедного, Михаила Кольцова, Салтыкова-Щедрина и мн. других.

На последней читке «Уважаемых граждан» один коммунар огорошил меня таким заявлением:

– Бабы говорят, пошли бы в школу, да чепуху там вот уж сколько дён прут. Слушать нечего...

А вот от «Козы» того же М. Зощенко в прошлом году коммунары были в восторге...

Из всего сборника «Уважаемые граждане» слушатели положительными отзывами отметили следующие рассказы: «Столичная штучка», «Агитатор», «Пациентка», «Жених», «Родственник», «Пелагея», «Поводырь», «Собачий нюх», «Исторический рассказ», «Неизвестный друг», «Речь, произнесённая на банкете», «Родные люди».

М. Зощенко

НАД КЕМ СМЕЁТЕСЬ

(Читано с 20 июля по 12 сентября 1928 года)

БЛИНОВ Е.С. У нас ещё много такой публики, которая за высшими лицами повторяет их глупости. Раз начальство хвалит книгу – и публика хвалит её. Боятся люди правду сказать. Боятся, что за дураков их сочтут, ежели несогласные они будут с начальством. (Мне. – А.Т.). Напиши вообще про книгу. Начинаешь читать – народ сидит, а под конец чтения – почти нет никого...

ЗУБКОВ П.С. Острозыкий этот Зощенко.

ТИТОВ С.П. Странно он располагает свои остроты.

СТЕКАЧЁВ М.И. Где густо – где пусто.

ЗУБКОВ П.С. У Чехова или у Мольера положения героев смешны, что девать уж некуда! У них знаешь, что под конец будет интересно, а у Зощенки под конец спадает юмор.

ЛИХАЧЁВ С.П. Выливается в заголовке сразу!

ТИТОВ Н.И. Больше всё навдумчивые рассказы в книге.

ЗУБКОВ П.С. Зощенке бы устные рассказы говорить со сцены!

ТИТОВ С.П. Анекдотчик он. Юмор у него в коверканье слов. Картинки – всё более натянутые.

ЗУБКОВ П.С. Стань я или ещё кто читать эти рассказы – не будет смешно.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Когда читают рассказы Зощенко – будто и смешно. А прочту и думаешь: над кем смеялись?

ЛИХАЧЁВ С.П. В таловый плетень берёзовые прутья автор вплёл. Почти всё у него тут – собачья ерунда. Чтобы запомнить эти рассказы, надо их постоянно перед обедом читать. Вечер просидишь на читке, домой придёшь – ну ни черта! Лучше спал бы. Иной

раз и засмеёшься над пустоболтом Зощенкой.

БЛИНОВ И.Е. Уж опротивел этот Зощенко. Как старая самоварная труба. Даже в хороших рассказах у него – та же дудка... Рассказы где-то мелькают, забываешь их...

ЛИХАЧЁВ С.П. В затылке мелькают. Если Зощенко будет так писать, то его прозовут БУРОБОЙ. Утром позабудешь всё, что вечером читал.

ТИТОВА А.С. Я уже не знаю рассказы, которые сегодня читали.

СТЕКАЧЁВ И.А. Все они на одну линию тянутся.

БЛИНОВ И.Е. Все спутаны, и не знаешь, как людей различить.

ТИТОВ П.И. Сто песен на один мотив по одной ноте гонит.

БОРОВИКОВ П.П. А по-моему, Зощенко иной раз смешно пишет, интересно.

БЛИНОВ Е.С. Через его балагурство и дельные вещи позабываешь.

НОСОВ М.А. Как только начнёт, так уж и видишь, что он – Зощенко! У него и лето и зима в одно время бывают.

БЛИНОВ И.Е. В сборнике «Над кем смеётся» за вечер попал один хороший рассказ, а десять плохих. О плохих я на критика думал, а о хороших уж не помню.

ТИТОВ П.И. Одна у Зощенко октава во всех рассказах.

ЗАЙЦЕВ А.А. (смеётся). Нет, не октава, а лёгонький тенорок.

СУСЛИКОВ Т.И. Много у него настоящих лепких слов, но он их в балагурстве теряет, как в мусор бросает.

ТИТОВ П.И. Моё пожелание ему: бросить лёгкость и начать серьёзное комическое писание.

НОСОВ М.А. Есть писатель – сбрешет, но так, что думаешь – это правда.

БЛИНОВ Е.С. У нас в селе живут два типа: Пахом и Макар. Пахом всегда говорит правду, но ему никто не верит. А Макар всегда врёт, и ему всегда верят. Не верю Зощенко, как Пахому. А если писатель похож на Макара, то я ему буду верить. Пускай врёт...

ЗАЙЦЕВ А.А. К каждому разговору у Макара готов подходящий рассказ.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Бесконечная сказка: «и стоят ворота, на воротах мочало, не сказать ли сказочку сначала»... Большинство рассказов сочинены, чтобы разгонять публику, если она собралась на читки.

ШИТИКОВ Д.С. Какой Зощенко писатель?! Ты возьми да опиши просто. Например, была сучка: оценила щенят семь. Одного взял Тиха, другого Книха. Вот! А что? Треплют зря языком. Чем чёрт не шутит? Лишь бы написать! Удивляются люди, что книжки Зощенко помногу в свет выпущаются. Какая же тут может быть

оказия?! Мы вот держимся все за одного, так и писатели. Они же там сидят далеко, в Москве, и все друг дружку поддерживают. Потому что – друзья-приятели. Тот этого, а этот – того, и кругом у них идёт поддержка. Один составил рассказ, другой – его похвалил. И наоборот – дальше дело происходит. Они же от этого кормятся! Ежели они сами себя не будут поддерживать, то мужики их совсем не поддержат. На кой ляд мне такие рассказы сдались, как в книжке «Над кем смеётесь?» Какая им от меня хвала?! В них нет для меня никакого шаблона и показания для учёбы жизни, чтобы, значит, я мог их куда-нибудь для идеи или к делу применить. Ну что все рассказы Зоценко?! «Дорогие товарищи-граждане...» Туды-сюды, круть-верть, так да эдак, а там уж конец. Нечего слушать. И смех не идёт. А он бы взял человека и пояснил главное его дело и довёл бы его до самого последу и до показательного дела, чтобы я знал после: вот да, это написал!! Учись, ребята, по этому умному и художественному писанию! В рассказах своих Зоценко сигает, как зелёный кузнечик. Сейчас кузнечик тут, а потом уж вон где. Сигает и сигает...

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. В последнюю очередь из книжки «Над кем смеётесь?» нужно принять в деревню рассказы: «Баретки», «Мещане», «Лимонад», «Гости», «Душевная простота», «Прелести культуры», «Волокита», «Свадьба», «Дырка», «Бешенство», «Рука ближнего», «Игра природы», «Любовь». А рассказ про попа, «Обезьяний язык» и «Сила красноречия» повышаем на вторую очередь. Остальные – мелочь, оскрёбки. Не стоило бы Зоценке и втыкать их в особую книгу.

П р и м е ч а н и е. Чтение сборника «Над кем смеётесь?» растянулось с 20 июля по 1 сентября 1928 года. Растяжка была вынужденной: ежедневно крестьяне не пожелали принимать набившие им оскомину «порции» из Зоценко.

После трёх читок «Над кем смеётесь?» слушатели убедились: Зоценко такой же докучный, что и в «Уважаемых гражданах». Разогнал он девять десятых моей аудитории.

Всего в книге 70 вещей. Из них мы проработали 44, а 26 остались непрочитанными: выдохлось терпение слушателей.

А. Коптелов*

ЧЁРНОЕ ЗОЛОТО

(Читано 8 – 9 мая 1927 г.)

СТЕКАЧЁВ И.А. Тут чего не коснись – всё хорошо.

ШИТИКОВ Д.С. Крепко определил этот писатель Артамона и сына Пантелея, ладыжника этого.

БОЧАРОВ Ф.З. Из жизни крестьянской, сибирской взято. Всё правильно. Видны все лица. Каждому понятно будет. Слова – прямо точка в точку – сибирские, кержацкие. Молодчина сочинитель! Хотел сказать: есть дикие люди и как они смотрят на культуру... Старик умнее сына и внука. Пройдоха он был раньше! Тут и того и другого понемногу: и грусти и смеха. У женщин, у Пантелея – горе, а у Артамона?

КРЮКОВ М.Ф. Написано здесь – ясней некуда. Типы-то! Ядрёные, ровно дубы! И утхлые. В особенности красноармеец: тюха! Ничего выдуманного. Писал так прозористо, будто сидят вот тут кержаки и разговаривают. Книгу эту надо в деревню в первую очередь: скоро выведутся кержаки и их манеры. По книге этой учёные будут изучать кержаков.

БЛИНОВ И.С. Писал не из кабинета. Писатель долго трепался там, меж кержаками. Взято с факта. Откуль-нибудь этого не взять. Не могу ничего найти неправильного... Старик бывалый! В Ирбит он, должно, хаживал! Оттого он и умней всех. Он верит в науку. До глаз добирается, и внуку простил, что он со Степанидой тово... Эх, Панкрату бы Артамоновы глаза! Художества много!

* Коптелов А.Л. (1903 – 1990) – известный советский писатель. Лауреат Государственной премии СССР (1979 г.).

ТИТОВА А.И. Всё описано справедливо. Старина без гвоздей, без машин. Интересно. А есть – сумно, грустно. Степаниду жалко: маялась. Чужую беду рассудить легко, сидя на лавке, а ей как пришлось!. Живность есть в сказе, как через прясло целовались, с подойником-то. Так тут ясно доказано, что так и рассказал бы знакомым! Свежее всё шибко. Должно, разгорится писатель. Есть у него в голове.

СТЕКАЧЁВ М.И. Надо ему не сбиться с пути. Когда видят, слышат эти писатели самое жизнь, ну и выходит у них рассказ хороший. А потом как станут из своей головы выдумывать, то ум у них и расступается, а рассказ расплзается.

БОЧАРОВА А.П. Жалко Пантелей. Сирота. Ошербашила его Степанида. Хочь опять мослы гложи. А она – тверда! И ей прискорбно... Никакой в письме ошибки нету.

ЗУБКОВА В.Ф. Тревожное впечатление. Торжество внутренности есть от рассказа. Видно всё очью. Красиво, и разговор праведный.

ШИТИКОВ Д.С. Эх, пожар интересно. Значит, пущен! Зайчики-то, зайчики! Подробно о караульной гриве обсказано. Историческое, значит, тут идёт. Другие писатели есть – хорошее слово одно, а двадцать ненужных намажут, а у этого каждое слово много смысла имеет.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Тихо описано, не резко, а залазит под шкуру. Маленько упущено: потерялись как-то инженеры, потом шагнули сразу через три года на конце, завод уже работает. Пристал, видно, писатель. С краю подробно, под послед – нет.

НОСОВ М.А. Максим со Степанидой в тумане на конце рассказа. Видимости здесь много: старик выходит к столбу, нюхает воздух. Степанида грудь переваливает через прясло, хоть спектакль ставь!

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Хочет пояснить, какое туповство ещё в народе! Писатель с добром взял за бока нашего брата... Тут гнал он два рассказа: про завод и про семейную жизнь.

ЗУБКОВА В.Ф. Рассказ понять даёт: сколько ни жги, Артамон, сколько ты ни супорствуй казне, – ничего ты ей не сделаешь. Муха с медведем борется. Так и Артамон с казной.

ШИТИКОВА М.Т. Конец сокращён. Впечатление и не радостное и не грустное, обыкновенное. Но привыкли мы к этому. Охота послушать рассказ с необыкновенным приключением... Пантелей не думается таким растяпой: он красноармеец.

ГЛАДКИХ А.И. Другие писатели стараются выдумать что-нибудь необыкновенное, чтобы удивить читателя, а у них не выходит совсем. А этот из жизни взял – и лучше дело идёт.

СТЕКАЧЁВ М.И. Красивые картины обрисованы: поджог и когда Артамон ехал по реке, рыбачил. Про рояль хорошо сказано: ударила барышня по поленице. Кузнец в горах, кутерьма – здорово сделаны!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Пушай только деревню описывает. Попадёт в город – хана! Соков у него не будет.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Рассказ нужен деревне в первую очередь. Он зовёт крестьян к новой, культурной жизни и рождает уверенность в скорой и окончательной победе коммунизма в нашей стране.

Примечание. «Чёрное золото» – увлекательный и глубокий по смыслу рассказ. Слушали его крестьяне с редким вниманием. Ломка кондового кержацкого быта под напором волны индустриальной культуры показана в рассказе необычно сильно. После читки «Чёрного золота» я много раз слышал от коммунаров, что им «не терпится рассказать его другим людям». Ни одно место рассказа не вызвало споров или сомнений, только некоторым коммунарам показался торопливо написанным его конец.

А. Курс*

АМЕРИКАНСКИЙ КОСТЮМ

(Читано 17 августа 1928 года)

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Я девчат не виню, потому что они были молодые. Душевно они глубоко поняли всё наше строительство, перелом жизни. Но медленно всё идёт, а молодёжь – она скорей всё желает. По себе знаю. Скажет, бывало, кто речь горячую, и у тебя желание всё перекрутить, всё как надо. Девицы не чувствовали себя сильными, чтобы перекрутить жизнь. Не уверены были.

Чувствительное место – письмо слесаря. По этому письму можно добиться, что нужно для человека. Когда делаешь вещи – живёшь... А потом ещё – спецам много платят. Из-за этого девицы и удавились. Возможно, это повлияло. Учат, говорят, нас, а простыми рабочими суют. Это расхолаживает их к делу. Если человек почерпнул знания, но не применяет их, то на этой почве у него может быть беда...

Рассказ этот ничем не опровержимый и своевременный. То ли я им слишком увлёкся – и не заметил художества. Слов мало, но все они хорошие. Могильные типы (т.е. разговаривающие в сцене похорон героинь рассказа. – А.Т.) все видны в общем лике.

ШИТИКОВ Д.С. Хочу заехать издалека. Возьму Максима Горького. Один его рассказ про убийцу. Говорит он там: нехорошо писать про убийц. А наши писатели больше про убийства пишут. Надо больше писать про воскрешение человека... «Американский костюм» – главное дело, запомнится навек и, одно слово, будет

* Курс А.Л. (1892 – 1937) – советский драматург, журналист, сценарист. Создатель и первый редактор популярного в СССР журнала «Советский экран». Репрессирован в 1937 году. Реабилитирован в 1956 году.

примером. Как случится что с комсомольцем или с кем молодым, то мы скажем – это «Американский костюм».

Скажи, пожалуйста! Мы обвиняем комсомольцев, что они ходят в коротких платьях и штанах, не слушаются старших и устраивают вечорки. А кто виноват? Вся психия интеллигенции. Самой интеллигенции в городе нужны эти сволочные кины и театры, танцы и бабы. А комсомол фабричный лезет туда же – в кины и танцклассы.

Со всего пример надо брать. Молодой человек, как раз, пошёл на лёгкое дело, то извадится, что кот на молоко. Ежели он побывал два-три раза в кубгане, то потом сам идёт туда. Молодой человек из-за старших гадится. Этот рассказ поддёрживает всех больших: нужно направлять комсомол. Ведь комсомол требует писне (пенсене. – А.Т.) по непонятию. Девушке писне, как обезьяне очки.

Вот Лапшина (секретарь Косихинского райкома комсомола Барнаульского округа. – А.Т.) – хорошая девка. Не испортится – так куда лучше девка!

На педагогов вины за удавившихся девок я не кладу. Иному педагогу шестьдесят лет, лысый, старый, весь ум не туда направлен. У нас есть политические люди. Они и должны учить комсомол. Не дали девкам никаких директив, они и удавились. В рассказе ясно сказано, что девицы только узнали об американских барышнях, а об Ленине – ничего! Вот и всё. Они не виноваты. Что им дали? Комсомол у нас, как дитё у плохой матери...

Понятность рассказа хорошая. Толпа людей на похоронах видна, но гримасы их не видны. Может или не может Курс обрисовывать точно каждое лицо в рассказе – не знаю. Но пуцай актами пишет. Хороший акт потрясает больше, чем какое-либо художество. В рассказе идёт устрашительная у сердца. Сразу ошибает он. Девицкай организм совсем не приправлен к физическим, столярным и токарным делам.

По себе понять можно. Природа влияет на половое дело. Не всё – всем. Есть женщина и есть мужчина. Для мужчины – слесарный станок, для женщины – текстильный.

Конечно, не скажешь, какие у описанных людей брови, глаза, волосы, а будешь видеть, что люди в шинелях и с портфелями. Но этот рассказ хорошо поймёт лишь политически настроенный человек. А прочти его промежду старых крестьян, впечатление будет, жалковать о девках будут, но политического понятия не приложат...

Хочу ещё сказать насчёт писне и прочего. Молодые девичьи умы загордили актрисами, романами, очками, писне, роскошью, часи-

ками на руке. Девицы и вообще женская половина имеют стремление пожить на лёгкой вакансии, чтобы всё им скорым темпом явилось, как будто по щучьему веленью...

Жизнь их была буйная, молодая. Хотели достать, а не могли. Умом содействовать не могли, а мечтания у них были мещанского уклона. У девиц были крепкие души, сердца автоматические такие, что не побоялись смерти. Гляди-ка!

Физические кости и вообще нерва женщины не соответствуют тяжёлому физическому труду. Умospособность женщины не равна мужской. Я за равноправие, а умospособность женщины не такая, как у мужчины...

Теперь девки стали носить бессовестные платья, об американских костюмах мечтают, а не знают о рабах Индонезии...

ТИТОВ С.П. По-моему девицы взяли себе обратные желания, совсем ненужные. Они не виноваты. С себя пример возьму. Позапрошлый год у меня было много стремлений, хотелось их выполнить, но обстоятельства не давали. Такое у меня было настроение, что так бы казусом и кончил! Ну, теперь рассудил здраво. Из-за некрасивой жизни давиться не стоило.

Я вполне согласен с письмом парня в конце рассказа. Парень говорит: жизнь во всём её красивом наряде никто нам не даст. Надо положить собственный труд, чтобы её получить. Я нынче зимой ныл. Иной раз учение на ум не шло. Стонал, вздыхал, всё было противно. И по этому поводу писал упадочные стихи. Но в конце концов увидел: сколько ни ной, сколько ни дребезжи – никто не поможет. Решил – сам с корнями вырву это настроение. Теперь такое правило взял: мне в морду – и я в морду. Понял я: нечего ныть, а что сработает, то твоё.

Рассказ говорит молодёжи: не ной, работай! Если хочешь красивую жизнь, строй её. По-моему, так и надо. Этим-то рассказ и дорог. Жалко погибших девиц только из-за того, что они стремились к красоте, а есть такие рылы, которые знают одно что-нибудь, карьеру, что ли, или другое, а не касаются всей жизни...

Для меня в рассказе ничего непонятного нет. Философские речи слесаря – часть их – могут не понять в деревне. В глухой деревне весь рассказ без объяснений поймут неточно. Политического смысла не осилят.

ЗАЙЦЕВА А.А. (Новый член коммуны. – А.Т.) Полагаю, что если много будет таких мечтательниц, как героини рассказа «Американский костюм», если будет много искательниц американских костюмов, то может и появиться мода у молодёжи давиться так же «красиво», как девицы в рассказе.

Теперь слово о причине самоубийства... Причины – сытость, безделье и душевная пустота. Девыцы не могли себе найти никакой полезной работы, полезного развлечения – и ударились на разные пустые моды. И потом начитались девыцы книжонок, где люди «умирали» так это красиво, так это приятно, – дай себе так умрём!

Подумайте: взяли верёвку, повязались чистыми платочками, оделись в чистые платьица и чтобы рожи не исказились, а были приятны и после смерти, чтобы люди восхищались ими, – взяли в зубки жгутыки и стиснули их. Это чтобы мёртвые были красивы, и публика любовалась бы ими. Комедия!

Пустота души у девыц была. Это видно сразу по их предсмертным письмам. Автор не одобряет их поступка и вызывает общество на борьбу с такими явлениями, как самоубийство. (Ко мне. – А.Т.) Напиши ты от меня: с жиру избесились девки и задавились. Они задавились оттого, что им хорошо жилось. Я не слыхала, чтобы люди давились от нужды. Не знали девки, что им делать. (Иронизирует. – А.Т.) Конечно, ничего полезного они не видали и не слыхали! Им хотелось уехать из серого посёлка в Москву, во Владивосток и т.п., носить пенсне, хлыстики, револьверы. Обезьянство! Они взяли пример с пустых людей.

Сейчас молодёжь резко делится на кружки: хорошие и пустые. Пустые кружки после этого рассказа скажут: надо было девыцам давиться, положение заставило. А здравомыслящие скажут наоборот.

Размышления слесаря сложны и для большинства деревенской публики будут непонятны. Нужно бы автору сократить их и оставить только самые необходимые фразы. Для много читающего человека философия слесаря понятна, и вообще она в рассказе нужна, но для деревенской массы её не мешало бы сократить или написать проще. А то сейчас она как бы отпадает от рассказа, и остаются от неё только отдельные мысли о делании вещей.

Вот разговор девышек на похоронах интересен. Он прямо показывает, что образовалась мода давиться. Видал! Чтобы их чёрт побрал! Сволота! Вся подлость молодёжи идёт от жизни и от себя. Обезьянство, распущенность, хулиганство. Вот против чего надо борьбу поднимать. Ишь, чёртово мурло, этот парень Ванька, который политэкономию называет «законом божьим». Так бы и дал ему в морду! Издевается, гад, над наукой.

В рассказе художество есть отчасти. Мне кажется, автор и не стремился дать художество, а больше хотел дать деловую точку. Я это считаю дороже многого художества.

ЛОМАКИН Н.А. (Новый коммунар. Старик, 67 лет. На читках бывает часто. Оценку произведения даёт впервые. – А.Т.) От рысу девки задавились. Собой править не могли. От воли это у них произошло. Не из-за чего задавились. Сами себе не могли никакого примера дать. Нет, жизнь не виновата, что они сбеленились. Говорят, их в жизни соблазняли. Если я не хочу чего, – хоть как соблазняй, не буду делать этого. (Указывает на курящих мужиков. – А.Т.) Вот они курят, а я сроду не курил и не буду. Не признаю, что жизнь такая плохая, чтобы можно было душиться. Хорошие люди есть. Бери пример. Можно бы и в Королевой мужикам прочесть этот рассказ – послушают. (Королева – глухая деревушка, откуда дед пришёл недавно в коммуну «Майское утро». – А.Т.) Желаем такое слушать. Я сильно этим антиресуюсь... Надо было девкам жить, не надо было решать себя. Из своего положенья вышли девки – вот и сдурели. Роскошь у них была, а рысу не хватило. Никто не виноват, а сами девки виноваты, ихнее недоразумение.

БЛИНОВ Е.С. Трёх человек я вижу в рассказе: двух комсомолок и одного слесаря. Слесарей побольше бы! А таким отряхам, как две комсомолки, я бы пожелал счастливого пути! Всем удавиться! Из-за них и подняли вопрос, что беда с комсомолом. Куда девать таких комсомолок? Заполонные это люди. Чо ты с ними будешь делать? Дали им волю, они и думают: дай им всё! А всего-то можно достичь только через комсомольцев, которые болты делают да гайки для паровозов; которые интересуются жизнью. Сейчас об этом вопросе надо шуметь. Чем ты заинтересуешь тех комсомольцев, которым предоставлено всё, а они давятся. К чёрту их! Не гадьте землю!

БОЧАРОВА А.П. Настояще всё и правильно описано! Им гластилась хорошая жизнь, чаялось им дюже доброе, а не вышло по-ихнему. Не дорожат жизнью своей антиллигентские люди. Ежели не по-ихнему, ежели думка не придётся, то они сигають куда-нибудь, топятя или чо. А мы не считаемся с бедой, мы дорожим жизнью. Как бы жить ни мучиться, а умирать не хочется. Наш брат, хоть сумка трясётся и хорохоры (лохмотья. – А.Т.) трепются, – он всё жизнь свою продолжает. А раз у девок так варила голова, то у них так и вышло.

По-нашему, желанья их пустяковые. Наплевать на все ихние двенадцать заповедей! Не надо их! А для чо это написано? Пуццай знают люди, какая задача была у всякого народа. Всё это к нашему брату прописано. Мыслями я думаю: никто девкам не причинён. Сегодняшний день – шесть лет, как я хозяйина похоронила. Погоревала, поплакала, а потом опять за дело. Куда ж деваться? Надо

жить и детей воспитывать. Тем, которые хотят давиться, не стоит запрещать: пусть давятся. Можно жалеть того, кто сам себя жалеет, собою дорожит.

Этот рассказ мне в голову залёг. Пришла домой со чтения – и думала об девках. Чо же это они? Бабка Сошиха (коммунарка, 96 лет. – А.Т.) говорит: «Ещё бы пожила годика с три. Чо мне не жить? Хоть бы радию эту поглядела раз, да как жисть бы дале-боле переменялась. Много я перемен видала, а ещё охота посмотреть». А то молодые и удавились. Дуры!

ЗУБКОВА В.Ф. Глупо давиться. Неужели нельзя было иначе поступить? Жизнь – что дале, всё лучше становится. Любопытно поглядеть. Ничего хорошего в желаниях комсомолок я не нашла. Кабы им запрещали театры, игры, читки, рассказы – тогда бы им плохо было. Ихние интересы были никудышные. Политику учить не скучно, ежели не всегда. Раньше учили закон божий – не скучали... О молодёжи сейчас говорить стоит. Никто вину девок не оправдает. Так думаю по себе. Много дурное молодёжь делает по науке от старых. Мой Ванька (сын, 12 лет. – А.Т.) обязательно с отца пример берёт. Разберёшься – так и старшие виноваты в том, что молодняк плох...

БОЧАРОВА О.П. От старых молодёжь берёт завитьё.

ЗУБКОВА В.Ф. Настя Железникова (девочка, 8 лет. – А.Т.) один раз говорит девчонкам: «Давайте, девчонки, материться. А чо? Старые матерятся, а нам пая чо ли нет?» И берут вот пример.

ЛОМАКИН И.Н. Не правы те, что задавились, и отцы не виноваты. Шибко сильно разучились девки. В тупик стали. Им путь не закрыт был. Они хотели скорей всё получить, враз, а промедлительного не желали. Нужно бы им ожидать момента, когда они могли бы своего добиться.

В рассказе есть шибко учебные для народа мысли. Например, лучше гайки делать, чем душить. Нельзя завинить комсомол и школу за смерть девушек. За что их винить? Сами девицы роскошество взяли. Я лучше скажу так: роскошный народ довёл девок до петли. А общество тут ни при чём. Роскошных людей надо непременно осадить. Власть должна это усмотреть.

ТИТОВА А.С. Страшно сурьёзное это дело – уём молодёжи. Испакостится наша детвора, ежели мы бросим догляд за ней иметь. Удавились вот... А пошто? От распущенности. Растеклось по нонешнему народу много распущения. Нету останову... Писатель промолчал о настоящей причине самоубийства комсомолок. Любовь у них беспременно замешалась. Не выходило у них с парнями. А уж если у девки это есть, на ней всё время памороки. А кабы можно ей было

взять себе любимого человека, – вся хмурица прошла бы. Удобных бы им человечков, мужичков – всё бы ладно было, остепениться бы девки. Да и то сказать, что опять же и по старому народу ноне распутство пошло. Погляди-ка, как мужики стали жён бросать!

ШИТИКОВ Д.С. И бабы мужиков!

ТИТОВА А.С. Это всё единственно. Чуть чо – развелись! Новую нашёл. Месяц прошёл – опять разошлись! Только и знают, что записываются и расписываются. Думаете, молодёжь на это не глядит? Да ещё как! Правительство должно запретить эту собачину!

От последних писем удавленниц – горько, и слеза бежит.

ЗАЙЦЕВА А.А. А скажут же – где свобода? Как ты, Анисья, скажешь?

ТИТОВА А.С. Свобода не для того дана, не для распутства. Ещё бы водку уничтожить. Говорят: нельзя, нельзя! А как приказали, так у нас в деревне ни у одного не найдёшь ни капельки самогона. Думали, что сроду самогонку не обороты. Обороты! Коли власть захочет, как не обороты?! Родители тоже плохо усматривают за детьми. Надо им получше досматривать.

ШИТИКОВ Д.С. Школа, комсомол, учителя и родители должны дать молодёжи интересную работу и не перекармливать дюже. Нужно лучше поставить досмотр за воспитанием. Тогда девки и парни скучать не будут. Сейчас они разгильдяйничают. Оттого им скучно, оттого они и бесятся.

ЗАЙЦЕВА А.А. Чтобы оздоровить молодёжь и отучить её от скуки и петли, – давать ей больше работы и держать её в таком положении, когда человек больше думает не об американском костюме, а о хлебе насущном. Человеку необходимо пострадать, потерпеть, чтобы многое в жизни понять и оценить. Наша молодёжь не видала страданий. Это и хорошо, и плохо. Бесчувственная она, грубая.

Второе. Надо всем организациям взяться за беспощадную устную и печатную критику всех безобразий в обществе и у молодёжи. Правительство должно это дозволить. Начинать сверху. Ошерстить бы кого следует сверху, тогда и внизу знали бы, как безобразничать и развращать молодёжь.

Третье. Вымести из театра скверные, развратные пьесы. На место их дать только хорошие, воспитательные.

Четвёртое. То же самое проделать и в кино.

Пятое. Закрывать пивные и рестораны, чтобы они не соблазняли молодой народ.

Шестое. Всюду распространить радио, театры, кино, музыку с хорошим содержанием. И жалованье многим субчикам сократить!

ЗАЙЦЕВА П.И. Не давать молодёжи баловать. Норов она шибко плохой взяла. Небось, нам некогда дурить. Роскоши поменьше им давать.

ШИТИКОВ Д.С. Ага! Я походил до одиннадцати лет без порток – блажь-то в башку не шла.

СТЕКАЧЁВ И.А. А по мне, как ты ни ухаживай за молодёжью, природа своё возьмёт. Трудно природу одолеть. Против кровей не пойдёшь. Ребята не так полоумничают, как девки. Запрети им короткие юбки носить, – мысль у них не переменится. Культуру надо увеличивать здоровую, а не развратную. Только тогда можно маленько смягчить развращение. А уничтожить его – кто знает, можно ли? Такой уж человек по натуре.

ЛОМАКИН И.Н. Э, нет, паря! От костюма и мысли бывают другие. Костюм много важит. Воспитание молодёжи нужно подхорошить. Самим себя нам получше надо вести.

ШИТИКОВ Д.С. Серeda (среда людская. – А.Т.) портит или очищает человека, как ни говори. У моей тёщи есть девчонка лет 12-13. Только что недавно приехала в коммуны. Тихоньякая, смиреньякая и умная. А надясь слышу, тёща ругает её: «Ты нашто платье подрезала?» – «Да в коммуне все девчонки в коротких платьях ходят». Весь подол подрезала. Откуль пример ей дали? С середы. Серeda уже испортила её. Так начинается разложение молодняка.

БЛИНОВ Е.С. Говорят, воспитание. А чо воспитание? Изменит человека? Малость. И временно. Природное завсегда в человеке потянет. Окрась бревно. Пройдёт сколько-то времени, краска слезет, а дерево останется. Так и воспитание. Над человеком оно временно действует. Чуть чо – нет его! Вылез настоящий природный человек...

Главное в человеке – половое дело. И мало ты ему насупротивишься. Не надо ни с какими самоубийствами, ни с распущенностью бороться. Всё само собой истечёт. Кому надо задавиться – давится. Поудавятся дурные, потом люди будут чище. Через сто лет народ станет настоящим, а сейчас с ними ничо не поделаешь. А девчонок от полового никак не оттянешь.

БОЧАРОВА М.Т. Надо выдумать какие-нибудь развлечения для молодёжи, а то теперь недостатки всякого веселья. Раньше церковь была, а теперь молодые люди церкви касаться не стали и к новому не пристали. Музыки мало и вообще нет решительно ничего. У нас музыка и чтение есть, а в других сёлах нет ничего. У нас недостатки. Это – беда. Кабы всего у нас было больше. Девкам бы разное рукоделье давать, построить бы им разные образцовые портняжные. Учёбу надо им... Пьесы надо ставить не развратные, а научные.

Я в Новосибирске была в кино Дома В.И. Ленина. (М. Т. Бочарова прошлой весной проходила в Новосибирске курсы по женработе в колхозах. – А.Т.) Показывали убийцу. И нужно было так сделать, чтобы его истребить, а его скрыли. Преступная дама скрыла. Мне стало на неё отвратительно глядеть. Убийца – зверь. Умертвить бы его. Наше кино так, чтобы посмотреть, а не поучиться от него.

В жизни не надо никаких белил и красок. От них обман бывает. Иная – чучело, а накрасится – ничего. Потом человек увидит, какая она есть на самом деле – расходится с ней. Разврат жизни начинается с этого.

Вредит людям и большое жалованье. Оно у человека не на горбу растёт. От этого балуются люди. Затворить все пива и водки! Ежели по-крупному взять, то нельзя хвалить и молодёжь, и старых. Жизнь заставила девок удавиться. Лучшего в жизни им не указывалось.

БОЧАРОВА А.П. Родители имеют разгул и роскошность над собой держат. Детям дают повадку. В которых сёлах жизнь, как провальная яма – скучная. Базаров не стало, ярмарок тоже. Прежде видишь, бывало, большое сряженье. А теперь приди в деревню – сидят люди под тыном, ровно чучела. Нечем им повеселиться. Нынешняя обнарядка не для стати. Не форменная. С сатаны взяли пример. Смуторно глядеть. С издаля совесть убивает. Не могу голые булдыжки видеть! Так бы и выдернула их!

За детей родители виноваты наперёд всех. Родители должны учить детей, когда они ещё поперёк лавочки лежат, а не вдоль. Родители не нуждаются в детях смальству, не учат их постиху (потихоньку. – А.Т.). А их можно научить.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Рассказ особенно нужен для молодёжи. Он пресекает грехи и комсомольцев, и беспартийных молодых людей. Вишь, они прыгают шибко высоко. Американский костюм – это только пример даёт. А он про всё говорит. Но молодёжь не только у нас, но и везде стремится на шик, а не к культуре. Больше стремятся к коротким юбкам, к высоким каблучкам. Они себя считают учёными. Учёность эта, по-ихнему, на то, чтобы каблучки иметь. Скажи: на что тебе каблучки? Она: я – учёная. Как же! Учёная – и без каблучков?

Больше у молодых такая мысль: учёному отец не откажет в наряде... Не знаю, кого винить. Спросишь: почему юбки короткие у девок? Говорят, что Семашко велит. Ведь не Семашко же им велел нагишом ходить?! Роскошь доводит человека до гибели. Человек никогда не бывает доволен. Жизнь менять надо. Высшие органы должны усмотреть. Сейчас судили окроно (Барнаульское дело окроно. – А.Т.)... Судили... Хм... Сперва сами распустили детей, а потом

судят. Никто никаких мер с детьми не принимал. Выбил ребёнок окно – ему ничего. Сносное наказание надо за нарушение дисциплины. А неисправимых – выдворять из школы в исправительные дома. Мартыновых (герой из «Правонарушителей» Л.Н. Сейфуллиной. – А.Т.) нам побольше бы! К каждому человеку особый подход нужен.

Самые первые вредители нашей молодёжи – плохие кино и театры. Показывают ещё заграничные моды. У молодого народа начинается зависть. И потом он учится широко прыгать. А школа не всех обнимает...

Всем родителям и учителям этот рассказ даёт помощь. А комсомолу он даёт щелчок, что не вникал в дело воспитания молодняка и не начитывали молодёжи лекции напротив американских костюмов...

Сначала в рассказе жалость к девкам. Потом, как до двенадцать заповедей дойдёшь, – и отпанет жалость. А слесарь кругом прав.

ТИТОВА А.И. Как зачитали девичьи письма – у меня ажно сердце затрепыхалось птицей, и слёзы пошли. Потом всё как-то спадало чувство. Под конец рассказ как-то туманом разъехался. Не писать бы такого к нему конца. Он прикрыл собой хорошее чтение, которое было сначала и посередине. А весь рассказ такой, что каждой матери и отцу вложит в голову большие, крепкие думки.

Примечание. Зимой 1928 года я прочёл коммунарам «Американский костюм», в котором сказано о самоубийстве девушек из-за того, что они не нашли в жизни удовлетворения их сумасбродных прихотей вроде американского костюма. Очерк вызвал жаркий спор слушателей.

Весной и летом того же года в коммуне читали и разбирали много статей, докладов и художественных произведений об упадочнических настроениях «смены». Эта зараза тронула и коммунарскую молодёжь. Родители заволновались и стали просить меня прочесть им снова «Американский костюм». Я прочёл его и записал высказывания.

А. Неверов*

ТАШКЕНТ – ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

(Читано с 20 по 22 марта 1927 г.)

ЗУБКОВ П.С. Придаться тут не к чему. Нужно человеку быть без сердца, чтобы не почувствовать всего, что написано в этой книге о голоде и о человеческих страданиях. Проще и лучше этого не напишешь.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Тут хоть дурак скажет, что писал мастер. Всё впечатление прямо ложится тебе на душу огромным камнем. Много тут и горя, много и смеха.

СТЕКАЧЁВ И.А. Искать да искать надо ещё таких книг. Не скоро найдёшь. Шибко стоящий рассказ, разрывает он человеческую душу горем.

БЛИНОВ Е.С. Об этой книге можно долго подумать и до слезы опечалиться. Мыслей она не разбрасывает по сторонам, а сжимает их в кучку, когда слушаешь её. Вот у этого писателя надо учиться нынешним многим писателям.

КРЮКОВ М.Ф. До последу проняло меня это чтение. Лица все выяснены – лучше и не надо. Вот они тут. Всех различу, про всех расскажу. Ужасы голода обрисованы так, что аж холодно мне стало. В некоторых местах книги такое жалостное чтение, что слёзы сами текут, и никак их не опнешь.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Смерть и голод... Пляс и смерть... Ужас и голод на каждом шагу. Отдыха сердцу нету. Только Ташкент укорочен. Ехал Мишка до него долго, а что с ним было в Ташкенте, описано мало. Хорошо тут написано, но мало. Надо бы подробнее. Неохота с Мишкой расставаться ни на один шаг. Так и бродил бы за ним

* Неверов (Скобелев) А.С. (1886 – 1923) – русский писатель.

повсюду. Довеку не забуду я этого описания. Жалко мне парнишка в рогожке. Да тут всех жалко, кого ни возьми.

ГЛАДКИХ А.И. Этот писатель в ногу с Подъячевым идёт. Вот таких бы побольше!

НОСОВ М.А. По всему телу моему прошло дрожание, во всех местах чую и радость. И муторь, и кручину. А уж про описание и говорить нечего. Дюже специально написано! Не пишет, а лупит тебя бичом.

ШИТИКОВ Д.С. Наготово эта штука превосходная. Хорошими мужичьими словами написана. Не так, как другие: пишут только для интеллигенции, а этот хоть кому пойдёт, всякому угодит... Видал я такие случаи, как с Мишкой. Сам много раз кусочником был и шлындал по белу свету, горе мыкал.

СТЕКАЧЁВ М.И. Многие ныне пишут, да немногих можно читать. Есть чёрт знает что пишут! Я вчера в «Красной нови» читал стихи: кухарка какая-то, лакеи... Что они делают, что говорят? Куда оно приведёт, думаешь? И так ничего не взял от стиха. Никуда его. Ни с какого боку не подогнал, ни к кухарке, ни к повару. А вот, например, читаешь «Бородино» Лермонтова, или басни Крылова, или ещё что хорошее – знаешь уже, к чему дело идёт. Неверов – ясный. У него всё видно, что к чему и куда гнёт. Все у него к делу, к большому делу. Всегда так бывает, как рассказано в книге этой: горе, радость и смех живут рядом.

ШИТИКОВА М.Т. Все ужасы голода и путешествия по железной дороге так трогательно и просто представлены, что как будто всё это видишь. Ни одной строчки, с первой до последней, не пропустишь в такой книге. Вместе с Мишкой в голове так и ходишь и жалкуешь об его положении.

СТЕКАЧЁВ И.А. Может, три, а может, пять книг таких из новой литературы я знаю – не больше. Шибко она скручивает мысль жалостью и смехом. Но только смех этот хуже горя. Печальный смех. Не смеяться бы надо.

ЗУБКОВА В.Ф. Все бабы про Мишку про этого только и говорят теперь. Зазнобно он к ихнему сердцу пришёлся. А у меня, пока читали, всё время непрошенные слёзы намирались. Как же? Не большой страждает, а малый ребёнок. Его жальче, чем большого.

БЛИНОВ И.Е. (обращается ко мне. – А.Т.). Напиши ты, пожалуйста, чтобы все писатели так для деревни писали. Тогда их интереснее будет и читать. Так и скажи: мужики говорят, что, может быть, многие нынешние писатели хороши, но ни к чему они. Скажи, что непонятны они. Резону в них мало. Не по вкусу они деревне. Вот Лидин и Катаев – хорошие. Ну а уж лучше Неверова, поди, и не сыскать. Этот «Ташкент» узлом перекрутит хоть какого упорного человека.

ТИТОВА А.И. Сколько муки Мишка принял. Сквозь сердце жгет его похождение. Малой он был шибко. Я думаю, эта книга и старого и малого прочкнет наскрозь. Малому трехлетнему ребёнку расскажи её, и тот поймёт, куда что гласит. Который ребёнок только что начнёт говорить, и тот, Расскажи ему, поймёт.

БЛИНОВА Т.П. Много кары принял Мишка. Жалко его, тяжело ему было. Мы, бестолковые, и то поняли книгу эту. Мишка, кажись, навеки прикипел к моему смыслу.

ТИТОВ П.И. Этот писатель жизни учит. Горька жизнь многих детей. Только к чему это детское горе? Над этим надо раздуматься.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Сказать нечего: отлично! Спать уж не приходится.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. На что уж я засоня, и то не спал. От слова до слова слышал. Хоть на экзамен веди – всю книгу знаю.

ЗУБКОВА А.З. Пользительная книжка. Всякое описание на глазу кружится у меня. И Мишка, и переселенцы, и как в помойной яме хлеб искали голодные дети, и как спали вместе они, в обнимку, чтобы согреться друг от дружки.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Книге этой первое место в деревне. Она воскрешает перед читателями и слушателями ужасный момент нашей революции – голод и разруху и воспитывает чувство сострадания к бедствующему пролетариату. Писатель же Неверов за один «Ташкент – город хлебный» по праву должен занять в русской литературе место рядом с великими писателями.

П р и м е ч а н и е. Если бы моих слушателей попросили назвать несколько лучших прочитанных им вещей из новой литературы, то среди них, я уверен, был бы и «Ташкент – город хлебный».

По мнению крестьян, в «Ташкенте» идеально сочетались огромное по своему общечеловеческому значению содержание, аскетически строгий, точный, чистый, что кристалл, и живописный народный язык и неисходный гуманизм автора. Про это произведение с полной справедливостью можно сказать, что оно писано кровью сердца. Его воспитательное влияние на моих слушателей – огромно. Когда мне нужно провести агитацию за пожертвования в пользу беспризорников, детдомов и т.п., я воспроизвожу знакомые коммунарам картины детских страданий, запечатлённых в «Ташкенте – городе хлебном», и успех моих выступлений бывает обеспечен.

«Ташкент» в руках моих слушателей стал инструментом, которым они часто исследуют достоинство других художественных произведений.

А. Новиков-Прибой*

УХАБЫ

(Читано 10, 11 и 12 мая 1927 г.)

БЛИНОВ Е.С. Много я читал хорошего у старых писателей. Всё держу в уме. И этот писатель наподобие тех. Написал он понятно и легко. Выкрутасов никаких. Типы яркие. Даже уши обвинителя-командира и те видать. Суд – самая живая сцена. И ещё – когда Виноградов говорит со свахой... Баня ужасная была офицеру дадена. И мы здесь, во время революции, дали бы всякому хаму-офицеру такую же баню... Суд ловко описан. Толпа – что волна: туда-сюда вихляется. Главного обвинителя орёл на груди подвёл... В деревне повесть очень даже пользительна будет: призадумаются, дескать, Виноградов капитан был, а сочувствие имеет к Советской стране. Учёный, скажут, человек признал Советскую власть. Которые мужики сомневаются, они за Виноградовым и пойдут.

ШИТИКОВ Д.С. Прибой-Новиков этот есть настоящий рисовальщик. Борода, говорит, как лира. Здорово! Просто хоть на сцену давай. Интересный этот рассказ. Что ни дальше читаешь, то лучше делается он. И думаешь: погоди, он ещё лучше будет. И выходит так, что лучше. Никакого отрыва нету от слухания. Всё ждёшь и ждёшь... А внук и внучка-то! Радостная штука! В родственном деле может внучка деда и бабушку соединить головами, как описано у писателя. Вот, мол, благородный класс с простым теперь соединился после революции. Хоть, может быть, и не было этого на самом деле, а может быть.

* Новиков-Прибой А.С. (1877 – 1944) – знаменитый русский советский писатель-маринист.

ТИТОВ П.И. Как он судьбу человека здорово разделяет: с севера на юг, с юга на север гоняет. Всяко бывает с людьми. Первому зятю Виноградова пришлось ехать за самоедами и жениться там где-то. Отлично описано, как Виноградова бросает в холод и жар на суде. Этот Виноградов шибко может влиять в деревне на крестьян... А ораторы на суде – ух, стрекачи! Вот так и гляжу я на Виноградова, как он трепещется, бедняга, на суде. К Шишкову применяю я этого писателя по его уму резонному.

СТЕКАЧЁВ И.А. Слова у него все обдуманые. Как хорошие кирпичи на кладке друг к дружке приходятся. Ни одного слова дурного. После него плохого писателя станешь читать – гадко будет тебе. Вон из «Больших пожаров» и до сих пор я помню одного только Новикова-Прибоя. Сколько их там, одров, собралось, и всё-таки верх забрал Прибой. За его главу люди и будут помнить «Большие пожары».

СТЕКАЧЁВ Т.В. Как читали эту ухабину, я слышал, как у меня волосы поднимаются-поднимаются-поднимаются (показывает руками). Интересует уж очень. Дрожь ходит по тебе. А дочь Виноградова хорошо сделала, что ушла замуж за революционера. Маленько я недоволен тем, что писатель не рассказал, как и что было во время революции на других кораблях. Хоть бы малую часть сказал. А то упомянул только, что красные флаги на всех. Рассказ про суд над Виноградовым тоже как-то не так. Судят, а знаешь, что Виноградов живой будет, и оттого не так страшно. А всё-таки интересно, как его оправдали. Показательная агитация тут: генеральская дочь пошла за революционером!

БЛИНОВ И.Е. С краю нам писатель сказал, что за тип этот Виноградов. Шибко ладный для Советской власти человек. Вот и обидно нам, что его судили. А если б писатель этого не сказал, то, пожалуй, зачали бы мы обвинять Виноградова, осерчали бы на него.

ШИТИКОВА М.Т. Подход хороший к писанию. Ишь, ровно письмо. Никаких тут обманов нету. А главное – начинаешь раздумывать и прямо в глубь этой повести входишь. К чему этот рассказ? А к тому, что люди во время войны халатно, по-зверски относились к жизни человеческой и не разбирались часто, кого глушить. Генерал – ну и дави его. А выходит, что и генералы бывают хорошие. Из сотни советских служащих, может, такого умного и сознательного не найдёшь, как этот офицер Виноградов. Он понял Советскую власть и доволен этим. Получает шестьдесят рублей и доволен. А теперь есть некоторые – по триста рублей получают и не стыдятся. Ворчат, а прежде в работниках жили. Людскую нужду не понимают. Нет того, чтобы бедному человеку помочь. Отзывы у Виноградова о Советской власти очень хорошие. Для всех книга эта нужна.

СТЕКАЧЁВ М.И. Понравилась мне сцена, как офицера запарили. Страшно дело было. Противно аж мне, когда я слушал, как матро-

сов били на корабле. Ну и смехоты много тут. Ишь, как шпакурили матросы над «оратором», которого поесть заставили, прежде чем речи говорить. Ребятишки хорошо описаны. Не то что у Анучиной («Рассказы о детях». – А.Т.). Шибко смешной старый генерал перед зеркалом. Вот дурак-то! Он всё ещё не отвыкает от чинов, всё по-прежнему в мундире щеголяет. Писателя этого можно подогнать к Горькому или Серафимовичу. Эта повесть есть история революции на кораблях.

ШИТИКОВ Д.С. Соболь написал «Любовь на Арбате». Название красивое, ровно молотком тебя по голове шарахает. Думаешь, рассказ баской по званию по его, а послушаешь – и уйдёшь к чёрту.

БЛИНОВ И.Е. Этот описывает не торопясь. Толково. И мы все эти вечера сидели допоздна. Охота слушать.

БОЧАРОВА А.П. И судить-то такого человека, как Виноградов, жалко. Обсказ о нём душевный, и он душевный.

ШУЛЬГИН Т.И. Суд понравился мне. Думаешь: жизнь-то человеческая от случая зависит. Совсем было Виноградову хана, да пустой случай выручил: орёл на груди у его обвинителя. А твёрдый же он мужик был! Понял революцию, к чему она.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. В «Ухабах» Новиков-Прибой живописно и умно вскрыл вероломную и страшную психологию толпы и запечатлел потрясающие картины революционного переворота в русском морском флоте.

П р и м е ч а н и е. Три вечера подряд я читал «Ухабы», и три вечера публика ходила в школу гуртом и значительно раньше назначенного для читок срока. На четвёртый вечер шла критика вещи. Узнал я, что на оценку «Ухабов» пошли коммунары с удовольствием, как на особо интересную и приятную работу. Про это столяр Д.С. Шитиков говорил:

– Гребтится про неё потолковать.

Многие же произведения на второй день после читки крестьяне обсуждали вяло, лениво. Оценка «Ухабов» произведена с интересом, даже с азартом. Вновь с увлечением публика перебрала, пережила все сцены повести. Удивлялись композиции её. Всем понравилось то, что писатель наперёд расположил слушателя в пользу главного героя повести. Это способствовало целостности и нарастанию чувств любви к Виноградову. Хронологическая перестановка событий усилила общее впечатление от повести. Крестьяне её понимают. Идиллически милые и тепло написанные сцены свидания свахи со сватом, сцены с детьми произвели на аудиторию большое впечатление. Простота языка и неотразимая сила лиризма Новикова-Прибоя заставили крестьян помянуть имя этого автора рядом с большими именами писателей-классиков.

Ю. Олеша*

ЗАВИСТЬ

(Читано с 24 декабря по 6 января 1929 г.)

НОСОВ И.А. Как ни старался Олеша изобразить Бабичева в сортире деловым человеком – не вышло. А вышло то, что со всеми деловыми и неделовыми людьми там случается, – с... е. Изобразить бородавку на спине у Бабичева – это что! Пустяк! Что она характеризует у Бабичева? Или уж Кавалеров настолько завистник был, что его даже родинка тревожила у ненавистного человека?. Чтобы представить себе делового человека, надо прочитать не Юрия Олешу, а Форда. Не надо было Олеше спекулировать на литературе. А то он возьмёт строку добрую и припишет к ней десять чепухи. Преследует не то, чтобы жизнь отразить, а как бы побольше создать строчек для гонорара. (Смеётся). Опустил писатель из вида, как Бабичев бабщупает. (Общий хохот). Как ходит с...ть изображено, а того нет... Много автор наплёл постороннего. Ну, хоть вот какое дело: возможно, молния блеснула, тужурка на балконе, кто-то её снял, кто-то полез на Бабичева, что ли? Автор часто переходит к постороннему. Ожидания и интереса к чтению он не вызывает у слушателя. (По поводу слов: «Возможно, была молния. – А.Т.) А может быть – дождь?

ЗУБКОВ П.С. Может быть, мороз? (Все смеются.)

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф. Во сне это писатель выворачивает.

НОСОВ И.А. Попытка писателя хороша, но много ненужного, а ненужное превращает книгу в скуку.

ЗАЙЦЕВ А.А. Если наши писатели будут все про сортиры писать, то, наверное, далеко не шагнём в культуру. (О письме Кавалерова)

* Олеша Ю.К. (1899 – 1960) – русский советский писатель-прозаик, поэт, драматург, сатирик.

лерова Бабичеву. – А.Т.) У Павла к римлянам послание меньше, чем это письмо. (Про «японскую улыбку».) Какая это улыбка? Как будто японцы особенно как-то улыбаются! А как все люди!

ТИТОВ Н.И. Всё равно они так же улыбаются, как и русские. Видал я их.

НОСОВ М.А. Дураки мы все, кто слушал эту книгу. Время потеряли.

ЗАЙЦЕВ А.А.... Эту «Зависть» надо читать старухам, которые ничего не понимают. Им – что славянский язык, что это. Им эта книга за часы сойдёт.

СТЕКАЧЁВ И.А. Только «господи, помилуй» добавить сорок раз!

СТЕКАЧОВ Т.В. «Зависть» надо читать на мотив псалтыри по покойникам: «а-щще я-ко от ли-ца...»

САШИН Ф.М. (при чтении сцены пребывания Бабичева в клозете). – Га-га-га-га! Наверно, это он после черёмухи не может сходить! Заперло! (Все хохочут.)

НОСОВ М.А. Может, трудно было нагнетаться?

ТИТОВ Н.И. Ну, хороша фигура этого дяди! На шесть пудов!

ЗУБКОВ П.С. Во черт-то!

СОШИНА Е.И. (про Бабичева). Обширный человек!

БЛИНОВ Е.С. – Широкого хваления книга недостойна. Над чтением кое-где и хохотали, но это от недоумения, а не от понимания хохот был. Ожидания никакого, а на кой мне чёрт книга без ожидания?! Завистника автор мог бы показать в одном письме. Тема книги большая, нужная – слов нет, но автор не совладал с нею. Замысел автора сразу чувствуется, но...

ЗУБКОВ П.С. Захватил Олеша вещи хорошие: нового делового человека и старого пьяницу-завистника, захватил и физкультуру, но никак не взял этой темы во всей полноте и понятливости. Андрей Бабичев – настоящий советский делец. Ему насмешки неважны, он идёт своей дорогой. Колбаса, по его, большое дело. И вообще – питание народное. Это хорошо. Но дюже громоздка книжка! Никто не будет протестовать против типов, но описания затянуты. Больше тягучего, чем дельного. На четвёртой части книги можно бы описать дельца и завистника. А двенадцатой главой первой части (в ней, между прочим, описывается звон знаменитой колокольни – «том вир лир ли». – А.Т.) автора бы по голове! Одна скука и тягота. Тут не только всё мутно, но и муторно. Если молния блеснула, то надо было это с чем-нибудь связать. А то к чему молния блеснула? А когда Олеша описывает Ивана Бабичева, то это описание – издевательство над читателем, убийство читателя! Когда

автор описывает типов непосредственно, то язык у него как язык. А как начинает мудрить, то у него получается размазня, и я в ней ничего не понимаю.

СУСЛИКОВ Т.И. Всё это можно бы изложить в рассказе или повести, а автор роман написал.

ЗАЙЦЕВ А.А. Завистник Кавалеров больше всех лиц романа понятен. Бабичев тоже ясен. Смысл книги ясен. Но зачем в ней так много лишнего?

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Не поняла я. Сколь вечеров уж зря просидела.

БОЧАРОВ А.И. Иную книгу слушаешь – слово боишься упустить, а «Зависть» ничуть не тянет к себе моих мозгов. Никакого удивления нет над родинкой. Это – природность, как пуп на животе.

НОСОВ М.А. Я так книгу понял: в ней от солнца зайцы, а писали её дурные пальцы.

БЛИНОВ Е.С. – И знаем, что книга советская, но не идёт словами в душу.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Эту книгу для критики можно слушать, а для пользы и приятности в ней ничего нет. Только письмо Кавалерова немножко порадовало, а потом опять завезло. У Кавалерова есть слова гордые, но к ним много приплетено. Гордость Кавалерова нужно было в деле показать. Иной раз у Кавалерова попадались смешные выражения, но они ни к чему не привязывались. А просто просмеешься – и опять ничего. Слушал я книгу – как рыбу удил... знаете, когда рыба не ловится, а только клюёт. Уходить бывает неохота, и рыба не попадается. Дразнит только... Главы книги раскиданы. Язык книги хоть русский, но склад в нём тяжёлый... Лошадь неужалая стоит-стоит, сено жрёт; надоест ей сено, она и давай лопать с крыши прелую солому... «Зависть» могут хвалить люди, похожие на эту лошадь... На одной полосе тут насеяно много всякого сору.

ЗАЙЦЕВ А.А. (о словах «рядом тарелка с печеньем, похожим на еврейские буквы». – А.Т.). Придумает же!

БЛИНОВ Е.С. Какая стряпка! Иная накалябает так, что печенье на китайские буквы будет походить.

БОЧАРОВ Ф.З. (вскрикивает в конце десятой главы первой части). Я до сих пор не пойму, к чему книга должна свестись? Сегодня (то есть на пятый день читки «Зависти». – А.Т.) я слушал особенно внимательно, но не знаю, какой смысл от книги надо предвидеть?! Ни черта тут не поймёшь! Вот задави меня – один её не прочитаю! Она как-то автоматически идёт, длинно.

НОСОВ М.А. Строки написаны длинные, только смазаны они из глины.

ТИТОВ Н.И. Надо перво вдуматься в книгу, а потом уж разбирать её.

СТЕКАЧЁВ И.А. Кто не привык к новому чтению, тот совсем слушать её не будет. Барахольщик Павло смешнее рассказывает. Вот, например, один его рассказ. «Я раз торговал без патенту. Наторговал много старого серебра. Ну, пошёл в свинодел обменять его, а мисанер там и говорит мне: «Мы счас не меняем». А я говорю: «Куда же я серебро должен девать? Он мне говорит: «Иди в государственную банку». Вошёл, да как загрохочу! Смех: Государя теперь нету, а «государственная банка» зовётся!»

ЛОМАКИН Т.Н. Хоть бы что-нибудь я ладом понял. Всё в книжке с выворотом идетъ.

ЛИХАЧЁВ С.П. Пока до дома дойдёшь, всё растеряешь, что слышал.

БЛИНОВ И.Е. В аптеку её!

СТЕКАЧЁВ М.И. Заформалинить!

БОЧАРОВ А.И. Дай эту книжку мужику – запульнет чёрт знает куда! От неё отравя своего настроения. Вот только злобность Кавалерова хорошо описана, а больше ничо. Придёшь домой после чтения как побитый.

СТЕКАЧЁВ Т.В. (комично показывает пальцем себе на грудь). – Уж напиталась грудь моя чувствами! Будя!

ЗАЙЦЕВ А.А. (хохочет). – Натекла полная душа!

БЛИНОВ Е.С. У Шарля де Костера описано, как Тиль Уленшпигель, под видом знаменитого художника приехал к одному графу. Всё придворные были уроды и захотели, чтобы знаменитый художник нарисовал их красавцами. Они приходили к Тилю и требовали, чтобы он нарисовал их лучше, чем они есть на самом деле, а про других говорили: «Нарисуй их, какие они есть!» За непослушание всё грозили убить художника. Он думал-думал и взял, аферу сделал. «Хорошо, нарисую всех, как заказывали». Никого он не нарисовал. Пришло время, заказчики идут глядеть свои портреты. Тиль им сказал, что портреты увидят только люди умные и которые благородной крови, а глупые не увидят. И взял отдёрнул занавески от голых стен. Все придворные восторгались собой, а на стенах было голо. Когда придворные кончили смотреть, Тиль удрал. «До свидания!» Денежки взял, а стены голые. К этому делу я и пригоняю оценку романа Олеси. Кто-нибудь сильный и знаменитый похвалил его, а другие за ним, чтобы дураками не казаться. Автор на манер художника Тиля – надул всех.

НОСОВ И.А. Малаховский художник Дрожжин (известный в нашем районе «богопи́сец». – А.Т.) рассказывал такую историю:

«Заказала мне раз старуха написать ей икону святых Кирика и Улиты. Написал я ей старика со старухой здоровенных! Она взяла и ушла. Потом я слышу, будто Кирик-то был младенец, а Улита – мать его! Ничего, сошло!» У Олеши нового человека хоть и не получилось, а тоже, говорят, сошло.

ЗУБКОВ П.С. В «Зависти» новая форма писания. Она – глупая. Она не даёт человеку сглотить и понять то, что написал автор. Я давно хотел про «Зависть» сказать одну сказочку Андерсена, но забыл её название. Она по смыслу похожа на ту историю, которую упомянул Егор Сергеевич (Е.С.Блинов. – А.Т.). Там жулики ткали королю одежды из его шёлка. Шёлк спёрли и сказали, что одежды ихней работы невидимы для дураков, а видимы только для умных. Все придворные тоже хвалили эти одежды, а сами их не видали... Я читал хвалёбу «Зависти» в газетах и журналах. Не знаю, за что её хвалить! Правда, два типа хорошо обрисованы, остальное – никуда. Кавалеров – приживалка, вроде чеховского Вафли. Бабичев – советский, новый деловой человек. Фигура его видна во весь рост. Он улучшает жизнь, производство. Два типа – яркие. Это справедливо. А восьмая глава – чепуха!

БОЧАРОВ Ф.З. Книга и везде-то такая. С одной колбасой автор с полчаса возится.

ЗУБКОВ П.С. (прерывая меня на шестьдесят пятой странице, орёт во всю головушку). Тьфу, чтоб тебя черти взяли! Ну, уморил скукой!

СТЕКАЧЁВ Т.В. (после прочтения отзывов печати о «Зависти», приложенных к книге). Хвалят. Значит, там, вверху, решето пореже, а у нас почаще, не пропускает абы что.

СУСЛИКОВ Т.И. (бывший железнодорожник. – А.Т.). Я часто читывал «Гудок». Там печатались фельетоны Зубилы (то есть Олеши. – А.Т.). Ох, и умные были фельетоны! Как же это так? Зубило – и такой плохой роман сочинил! Ведь мы, железнодорожники, ужасно любили читать Зубилу.

ЗАЙЦЕВ А.А. Если автор писал фельетоны, то и пусть бы писал.

БОЧАРОВА А.И. Его, видно, самого зависть взяла, что стал романы писать.

ЗАЙЦЕВ А.А. Как послушаешь настоящих критиков про «Зависть», так и вспомнишь сладкого Милонова из «Леса» Островского: «...Всё высокое, всё прекрасное!» Таких героев, как Бабичев, если присмотреться, везде можно найти. Если они и есть. Бабичев – тип хороший, но Олеша много о нём раскричался. У Бабичева автор выяснил животные черты. Идеального в нём ничего нет. Кавалерова он подобрал так, просто нашло на него. Больше того у него нет тако-

го шибко гуманного. Делец он. Если бы таких людей, как Бабичев, не было, то мы тогда пропали бы. Типа этого одобряю, намерение автора насчёт Бабичева – одобряю, но уж очень длинно автор разбарабанил книгу! Кавалеров – поучившийся мещанин, пьяница. Это такой тип: где его приласкают, туда он и прётся. Он ненавидит дельных людей: советских и несоветских, и не хочет ничего делать. Зависть его к Бабичеву вполне основательная, но он не убеждённый враг советской власти. Он просто не способен ничего работать, а не убеждённый контрреволюционер. Не приучен к должности. Он любит безответственность. Раньше жил за счёт отцовского капитала... Старые люди, ненавидящие Советскую Россию и социалистическую стройку, не обнимаются типом Кавалерова. Это – односторонний тип. Мелочь. Разве, например, Милюков или Родзянко так бы стали ненавидеть СССР? Они бы получше и поумнее нагадили нам, коли б могли. Письмо Кавалерова написано характерно: дорисовывает тип Кавалерова, всю его жёлчь, трусость. И можно было бы тут окончить его описывать. Смех в книге не сочный. Пением в клозете автор хотел показать здорового, весёлого животного – Бабичева, но меня это описание и тип животного отталкивают... Строительство наше Олеша в первой части охватил мало. Протолокся с этими двумя типами. Глубоких мыслей в книге нету. Природа описана скомканно. Например: идёт дождь. Кавалеров – всюду негодный тип, и в революции, и в контрреволюции. Он злится на всех, кто лучше его. Бабичева он ненавидит как личность, а не как представителя враждебного класса. Мы не видим, что он ненавидит Бабичева как коммуниста. Я не вижу, где же ненависть старого мира к новому в книге? Учёных слов в «Зависти» шибко много. Из сравнений – ничего не помню. Кажется, про луну что-то было, или не было? Разговорная речь – тяжёлая. Первую часть надо переработать: сжать и упростить учёные слова. Много у Олеша интеллигентских слов, а мы их не понимаем. Разве Либединский, Чехов, Толстой, Некрасов, Горький и другие хорошие писатели – не интеллигенты? А мы их понимаем. У них все старухи поймут... В нынешнем виде книжку деревня не примет. Если у кого и хватит терпенья прочитать её до конца, то вряд ли кто поймёт её... Вот читали, как «Зависть» расхваливали некоторые газеты и журналы. Они хвалят её потому, что похвалила «Правда». Если бы, я думаю, «Правда» дала плохой отзыв о «Зависти», то и остальные газеты и журналы, наверное, окрысились бы на Олешу. С превознесением «Зависти» выходит так, как в анекдоте. Один учёный Архирей любил астрономию. Раз он направил телескоп на какую-то там планету, созвал всех монахов и приказал им наблюдать в трубу. Вот первый монах

подходит, смотрит в трубу. Смотрел-смотрел, отошёл и: «Чудеса твои, господи!» Следующий подошёл, поглядел и тоже: «Дивны дела твои, господи!» И так прошли все. Последним подошёл архиерейский келарь. Посмотрел и говорит: «Дивны дела твои, господи, но в трубу ничего не видать!» Оказывается, архиерей забыл открыть в трубе клапан. Монахи не хотели перед архиереем показать своё невежество... Малая единица писателей может нам сказать: как же так? «Зависть» понятна... Но ведь их – малая единица. Это выйдет так же, как на маршировке в одной роте. Командир заметил солдата, идущего не в ногу, и сделал ему строгий выговор. Солдат был хитёр. Изумился. «Никак нет, Ваше благородие. Посмотрите, вся рота не в ногу идёт, один я в ногу иду!» Так и здесь. Весь Союз «не в ногу» будет идти, а несколько человек – «в ногу», будут хвалить «Зависть»...

СТЕКАЧЁВ М.И. (читал «Зависть» всю и сам. – А.Т.). Чёрт знает, как её и критиковать! Тема хорошая задета, а написано так, что... Вот читаю я книгу, хочу прочесть, а она никак на ум не идёт. Читаю, хочу о ней думать, а она не лезет на мысль. Так как-то механически я дочитал её до конца.

СТЕКАЧЁВ И.А. У него (т.е. у М.И. Стекачёва. – А.Т.), видно, так вышло, как у маленьких, когда их ставят старшие на молитву. Бывало, меня бабка заставит вместе с нею молиться, хлопать земные поклоны. Молитву читает, а ты за нею повторяешь и так себе рукой машешь, а о боге и не думаешь. Таким же манером и не думаешь о книге Олеси, когда её слушаешь... Вот Мартынов (герой из «Правонарушителей» Сейфуллиной. – А.Т.) – это советский делегата. А что Бабичев делегата – этого не видать по его работе. Не доказано это в книге. «Зависть», как просяной хлеб: его в рот возьмёшь немного, а разжуйёшь – полон рот. Ешь его – слюней не хватит, а невкусно.

БЛИНОВ Е.С. А ведь то, что в роту растёт, – не вкусно, а что тает, – вкусно.

ЗАЙЦЕВ И.А. И питательно.

СТЕКАЧЁВ М.И. (продолжает) Я слышал, говорили, что «Зависть» – неинтересная книга, и подумал сам прочесть её до конца, чтобы уж узнать, какая она есть. Прочёл глав восемь или девять и вижу – автор начал дальше куролесить. Вещи у Олеси движутся, живут, диван там живой. Не понравилось мне это. Брехня! Стиль неинтересный. Начало лучше конца. Никаких чувств от чтения у меня не было. Автор возносил Бабичева и описывал Кавалерова, а я ничего, что Бабичев – колбасник, а Кавалеров – завистник. Хорошо обрисован только один пьяница. А Бабичев?. Да, он делец, но просто делец. И не особенно какой-нибудь советский. У него

роскошные комнаты, много диванов, много жилплощади, а рабочие вон как теснятся! Он как миллионер какой живёт. Ни старого, ни нового я в нём не вижу. Если «Зависть» будет читать не то что какой-нибудь крестьянин, а даже мало-мало знакомый с литературой человек, и тот не поймёт в ней очень много слов, например: рефлекторно, стереоскопично и т.п. Во время чтения «Зависти» надо справочник иметь. Совсем это произведение не надо брать в деревню. На эту тему книгу надо, но получше. Почему автор начал писать с кишки Бабичева?! Зачем сортирное окошечко описано?

ШИТИКОВ Д.С. Эх, если бы в голове моей была типография! Весь бы смысл я хорошо выразил сам о книге Зубилы. Кажись, в 1924 году в «Гудке» был его фельетон: «Баба свирепа, голова как репа...» Помню я этот фельетон. Очень хороший фельетон! И я тогда любил Зубилу лучше всех фельетонистов, а теперь? (Мне. – А.Т.) Прimitивно ты запомни: как он хорошо писал! «Зависть» – уж другое дело. Совсем как будто другой мастер её написал. И вот, значит, фельетон и художественное произведение – далеко не родня. Сравнить её с ними ни в коем случае нельзя. Конечно, многие могут подумать: фельетонист и писатель – одно и то же. Э, нет! Большая разница – буду я говорить. Прошёл я много городов, видел много сидевших на углах дюмей – чёрных, у ваксе, у крему. Они чистили людям сапоги, прибывали людям для крепшения каблучков резину или металлические подковы. Это – чистильщики. Сапожники так же грязны, как и чистильщики, но между теми и другими большая разница: одни делают сапоги, а другие только чистят их. Такая же разница между фельетонистом и писателем-художником. До чего ж надоели многие новые выпуски советской художественной литературы! Ну, просто отшибают они всякую охоту слушать их! Теперь надо объясниться. Я говорю не в смысле контрреволюции, чтобы запретить художественную литературу, а говорю, как крестьянский критик художественной литературы. Скажи пожалуйста! У нас много прочли художественной литературы, и мы знаем некоторую часть её. Отлично мы знаем хорошее и плохое. Уелась нам плохая литература. Если когда найдёшь промежуток плохими художественными произведениями хорошее, то просто альни душа у тебя прыгает от радости. Мы когда-то были в Красной Армии. Везде мы были. Неужели писателям нельзя было это описать? Как мы шли от самой Москвы до Владивостока и как мы бились. И потом взять юг, как с Деникиным и Врангелем бились. Разве нельзя было всё это описать? Это можно было бы описать так, что аж плакать можно было бы. Или, одно слово, как Юденич на Ленинград наступал. Вот об чём бы надо писать. И на двенадцатом году революции

в наших библиотеках лежит больше всё чушь. (Мне. – А.Т.) Ты не сумлевайся: я буду потом всё это поворачивать и мотивировать. Приходишь в библиотеку и не говоришь: «Дай мне Всеволода Иванова», а говоришь: «Дай мне Максима Горького». У Горького, например, прочтёшь про Ваську Красного или про бывших людей – и что ж ты, братец мой! До трёх часов ночи я их читал. В хате один был. При концы аж загрохотал в хате. А после того грохота хоть плачь! Значит человек (то есть Горький. – А.Т.) такую фантазию даёт, что, читамши книгу один на один, я не мог удержаться от ужасного смеху. Ведь вот как Горький входит в душу человека со своим письмом! И поэтому ты у Горького знаешь весь смысл, все соки и суть произведения. И главное дело – Горький писал свои рассказы в дореволюционную эпоху. И до чего ж они такие благородные, душезабивные для каждого читателя и навсегда! Теперича, понимаешь, новые писатели прочли помногу книг и думают: мы можем писать и по-пушкински и по-тургеневски и по Максиму Горькому. А выходит так: возьмёшь теперича в библиотеке современную художественную литературу развлечься или поучиться – и что же там написано? Там философствование – и больше ничего. Если нам надо философию, то мы возьмём не Олешу, а Карла Маркса, и узнаём мы там всю экономику и политэкономия. Мы это уже маленько знаем. Прочли уж и хорошие тома Ленина и знаем, что там и к чему ведётся. Читал я отжитые сочинения Гоголя, наставления и литургии. Как будто это отжитое, а в нём мысли есть. С теми мыслями я могу гордиться. Они к тому, что человек пятьдесят лет в церкву ходит, а ни черта не понимает, к чему он ходит, к чему все эти литургии. Я – богоневерующий человек и всё же литургиями Гоголя и сочинениями Мельникова-Печерского интересовался. Меня они сделали ещё больше антирелигиозником. Я думаю о тех книгах: до чего ж там хорошо выведен поповский обман! (Хохочет.) Из одной просфоры сто тысяч частиц поп вынимает. Ох, и дурь же! Вот за это я и люблю старую литературу. Там есть и такая политическая философия, которая теперь на чистую воду излилась. Есть и понятное и видимое чтение. А теперь философия у новых писателей непонятная. Философствую, и ни к чему. Теперь, при нашем молодом государстве, надо писать так, чтобы понимал всякий старенький и маленький. Наша нынешняя художественная литература дискредитирует всё наше советское законодательство (?! – А.Т.). Все кодексы закона говорят: надо бороться с хулиганством, с бюрократизмом. Наш суд должен судить по классу. А в художественной литературе выходит наоборот. Кодекс закона говорит: хулиганы – вред, а в искусстве то и видно, что хулиганов раскрашивают.

Я, конечно, не знаю, на что художники обозрили своё внимание. Моё предложение: закон пушай идти своим путём в борьбе с хулиганством, а искусство не должно изображать хулиганов с прикрасами, а то нельзя этого писания при детях читать. Как читают книги, где описываются обнимания, лапанья и ругательства, так нельзя слушать. У Максима Горького изображены хулиганы, отчаянные донебезнелзя, а ругательств у него почти нету. Деликатно и чисто всё написано. Чем хулиганов описывать, лучше бы писатели писали о расстрелах и налётах белых на деревни, о чём угодно, но чтобы это лестно было... Возьмёмся за Олешу. Я нашёл, что его «Зависть» – произведение, в корне никуда не годное. Там чересчур много врато и переврато. Мыслимо ли, чтобы человек, у которого есть десятая доля ума, пел песни во время испражнения! Так делают только одни пьяные. Они это делают и за столом, и в отхожем месте. Им нужна подпевает, как говорится. У нас есть двенадцатитысячная армия писателей, и каждый из них желает выделиться. Вообще поток нашей художественной литературы хорош, но многие писатели, как пьяные танцуристы, танцуют все на одной площади, а почти все не умеют танцевать. Я на том стою, чтобы каждое произведение давало людям будущее ученье. Все наши библиотеки напичканы искусством, а для кого искусство? Для простого человека или для экономиста? Ни для кого. Экономист возьмёт Маркса. Там уж экономика настоящая – грёбом её гребни! Писатели отзовутся на нашу критику так: «Вы заелись там художественной литературой, вам не угодишь, одни вы изо всей Сибири – дураки. Но помимо вас есть ещё люди, которые будут нашу литературу читать и хвалить...». Но так рассуждают и попы: коммунисты в бога не веруют, а на наш век дураков хватит... (мне. – А.Т.). Ты это представление представь точно! А то они там (то есть писатели. – А.Т.) будут читать бегло и могут не так нас понять, как надо... «Зависть» написана русскими буквами, только тарабарским языком. Мелочи работы Бабичева описаны так глупо, что уму непостижимо и невыразимо! Я вот слушал по радио о том, как надо мелочь беречь: тряпки, старую бумагу, книги, ненужные роги, копыта и т.п. Эти мелочи мне понятны. По этим мелочам я могу свою деятельность раздать умозрением.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Замысел в книге очень серьёзен. Мы понимаем и уважаем его. Но во всей первой части романа автор, по-нашему, не сумел «выразить» нового делового советского человека, не сумел показать и широкой картины социалистической стройки так, чтобы деревенские читатели видели их перед собой и чувствовали всем нутром.

По Кавалерову нельзя представить себе старого, ушедшего мира, ненавидящего нашу новую жизнь.

И Бабичев, и Кавалеров, как личности, обрисованы живо. Однако это мало уясняет нам то, что хотел сказать Олеша своей книгой.

От слушания второй части «Зависти» мы отказались: книга для нас чересчур интеллигентна. Она заморила слушателей скукой. Хорошо бы на тему о новом советском человеке послушать понятную книгу!

Примечание. Женщины уходили с читок «Зависти» ещё дружнее, чем с «Брусков» Панферова. На критику книги они махнули рукой: дескать, не стоит она того!

На самые юмористические места романа публика откликнулась ленивым хихиканьем.

На пятой главе И.А. Стекачёв предложил «оборвать» книгу. Предложение не прошло. Слушатели надеялись:

– Может, дальше лучше пойдёт.

Дальше было скучнее. На четырнадцатой главе первой части П.С. Зубков, прочитавший раньше всю книгу, заявил:

– Ввиду того, что публика уходит и уходит из школы, предлагаю дочитать «Зависть» в кружке наиболее развитых коммунаров.

Так и решили. Чтобы «закруглить» первую часть романа, «наиболее развитые коммунары» дослушали и пятнадцатую главу первой части. Для поддержания в них «духа бодрости» я прочитал им отзывы советской прессы о «Зависти» (они приложены к книге Олеша), но это средство пропало даром: вторую часть книги и «избранные» коммунары отказались слушать.

Ф. Панферов*

БРУСКИ

(Читано 6 – 18 ноября 1928 г.)

ЗАЙЦЕВ А.А. Во всех звеньях романа полезного – по несколько слов. И слова сами по себе народу понятны, но мысли разбрызганы. В общем ничего целого от романа я не почувствовал. Как-то он у меня рассыпался, растерялся. В голове какие-то отрывки. И дело это объясняю не перерывом читок. Нет никаких, понимаешь, картин широких, впечатлительных и особенно ярких. Из всех героев книги нет ни одного настойчивого, выдающегося, чтобы он взялся за дело и закончил его. Роман из коллективной жизни, а коллектива в нём нет. Только мы и видим коллектив, что два раза мужики коллективно подрались да коллективно варили уху. Удивляюсь, что за артель была: один на тракторе пашет, а остальным членам делать нечего, они уху варят! Ишь, боятся излениться! Это при начале-то артели делать было нечего? Наша коммуна существует почти девять лет, и ни у кого и никогда не было свободного времени. Одно только хорошее дело сделали широковцы – плотину запрудили... Коснусь типов. Карасюк меня сначала обрадовал. Вот, думаю, будет личность верная! А он потом пропал из романа. Неправда, что Карасюк расправился с кулаками: они за него. Всякий бандит знает, кто в деревне за него. Не станет он тиранить тех, кто за него. Секретарь губкома Жарков в романе к делу. По-моему, автор в нём высмеял красных чиновников. Борьба классов в деревне Панферовым высказана вяло, неотчётливо, неясно. Шленка – типичный лентяй. Он хорош. Остальных типов бедняков автор не выяснил.

* Панфёров Ф.И. (1896 – 1960) – советский писатель, один из руководителей РАПП, главный редактор журнала «Октябрь» (с 1931 г.).

Кулацкая сторона выражена полнее. Огнев приблизителен к середняку. Настояще нет в романе середняков и бедняков, за исключением одного лодыря Шленки. Вся деревенская кутерьма не объяснена, что от чего – не указано. Из-за чего люди пошли в колхоз – не обрисовано автором. Хозяйственное положение села Широкого неизвестно. По положению крестьян Панферов не подвёл их к колхозу, как к последнему спасению. Все кулаки у Панферова на одну мерку. Душа крестьян подмечена правильно. Только драк таких, как описаны, не бывает. Чепуха это! Сначала автор было наплюнул на коллектив, но затем из коллектива получилась одна плотина. Как организовалась артель – ничего не видать. И как росла – тоже не видно. Кроме трактора в артели ничего не объявлено хорошего, хозяйственного. Вместо жизни коллектива больше описано про любовь, а она сюда нужна, как собаке пятая нога. Увидел читатель из книги трактор и плотину, а после – великое побоище, и кончилась артель. Если единоличнику, желающему итти в колхоз, прочитать этот роман, раздумает итти. А если кто враждебно относится к колхозам, тот скажет: «А, сукины сыны, перехлопали один другого, так вам и надо!» Слушал я роман, чтоб только узнать конец. Слушать-то «Бруски» можно, но не почерпнёшь от них желания идти в коллектив. Кое-где слушал я с охотой, а чаще – надоедало. Этот роман – агитация за коллектив, но при чем тут купанье Стешки с Яшкой? Конечно, одну формалистику про коллектив писать нельзя, будет сухо, неинтересно, надо подслащивать. Но Панферов пересластил. У него получилась такая штука, что масла больше каши. Таких моментов, чтоб шибко брало – нет. Бандитов – и то автор не описал как следует... Большинство героев романа приплетено сбоку-припёку и совершенно никакой роли не играет. Вот у Либединского в «Неделе» герои! Лиза Грачева – какая она особенная героиня? А её видишь как живую, во всякое время.

Автор захотел назвать мужиков баранами, а вложить Кирьке этого названия не сумел. Значит, просто автор сам бухнул это про мужиков. А Кирьке не было причин называть мужиков баранами. Кирька любил Стешку, но непонятно, почему он её как-то сразу разлюбил? Уважительной причины мы не увидели. Если бы он звал её в коллектив, а она бы не пошла, ну, тогда можно бы бросить её. Такие случаи бывают. А то Кирька не говорил Стешке ни о коммунизме, ни о революции, ни о коллективах – и вот тебе на! Бросил Стешку. Можно только догадываться, почему Кирька удрал на Шихань-гору. Нет никакой причины и для его злости на Зинку. Из-за мешка картошки? Ерунда! Порядочный человек, если полюбит другую, бросит первую и не будет на неё злиться. Зинка вери-

ла в бога, Кирька нет. Но антирелигиозной агитации от него Зинка не слышала ведь?. Отца Харлампия поили неестественно. Замысел был и антирелигиозный и хулиганский. Серьёзные люди так не будут делать. Невероятно, чтоб поп так налопался, что упал перед молящимися. Он бы не пошёл в церковь, если бы чувствовал, что чересчур хватил.

На амвоне поп не станет блевать. Карасюк прежде всего должен был узнать от кулаков о коммунистах. Он собрал бы коммунистов обязательно. А то, не разобравшись с делом, – и давай его! И обязательно почему-то попались ему кулаки. Это выдуманно. Автор от себя хотел посмеяться над кулаками. Неудачно это у него вышло. Не могу я понять, почему Чухляев отказался итти в организацию против коммунистов? Почему он отказался зачислить в коммунисты Пырякина? Сказать – Чухляев двуличный, но этого не заметно. Не показал автор картину дома Плакущева. Как про дом скажешь? А про дочку Стешки, Аннушку, я совсем уже позабыл. Как будто её и в помине не было. Гору Шихан автор не очертил нисколько. Горы всякие бывают. Не может эта гора мне представиться ни в каком виде. Чтение Чухляевым псалтыри могло бы быть интересной сценой, но у Панферова она тоже не вышла. Можно бы её в комическом духе изобразить. Кулачок читает псалтырь – это ведь во! А у Панферова – читает и читает. Как всё равно какую-нибудь записку. Яшка со Стешкой купаются, рыбная ловля, пьяный поп на верблюде и в церкви, рёв жеребцов, свиней, телят – и до чёрта таких сцен в «Брусках»! Они написаны для того, чтобы побольше написать. Но сватовство нужно... Слово «конституция» Маркел Быков – мужик самого неразвитого типа – не выговорит, как он у автора выговаривает. «Преподрёс её» (звено восьмое, глава четвёртая. – А.Т.). Это уж настоящий литератор говорит так! Сказочка о «святой деве» взята из газеты. Но в нашей деревне в такую «святость» не поверят даже самые глупые люди. Правильно отчасти описаны Жарков, Шленка, Огнев, Улька. Улька по наружности не видна, а по характеру слышится. Ледоход – правдив; этой-то сценой Панферов и заманул нас на все «Бруски». Сначала писатель, правда, постарался всё-таки. Когда читали книгу – казалось, было в ней много сочных слов, а особо выдающихся, характерных не запомнилось. Лучше всего я помню (смеётся) коллективные драки и коллективную варку ухи. Совсем немного в «Брусках» ярких сцен, которые запомнились бы. Прогон Гнедухи – брехня. Не отпустит человек во время работы лошадь. Тем более такой хозяин, как Чухляев, старый, практичный. Если у артельщиков был маленький плужок, то его могли тащить два-три человека, но на небольшое расстояние, конечно. Из-за лык

много зря волокиты затеяно. Лыки – не драгоценность. К тому же автор не описал мужиков Плюшкиными. Из-за лык могут возиться только Плюшкины, а у Панферова кулаки скупые, но не безобразные скряги. Шутку Маркела о Ленине автор приплёл. (Хохочет.) Шленка полз ночью тыкать трактор. Автор говорит: блестяли у него глаза! Разве у Шленки глаза, как у волка? Хотел тут автор образ выдумать, а ен получилось ночью. Философия Чухляева во время болезни при взгляде на солнце не была. Он не описан нам «философом». Большинство же героев в «Брусках» рисуются как в плохом кино. Там часто, чтобы дополнить плохую картину, представляют разные рожи. Промелькнут они – и больше ты их не увидишь и не поймёшь. Я типов из «Брусков» даже чувствую смутно. Когда засыпаешь, тебе мерещатся лица. Мелькнут – и затеряются навеки. И здесь – то же. Про эти «Бруски» я скажу ещё так: куча мусора, в котором читателю надо искать монетку. Возможно, кто-нибудь и найдёт, а возможно – и нет. Кончился роман так, как будто в театре середине действия закрыли сцену занавесом. Речи писателя – тяжёлые. Народный разговор – дли-и-и-иный! Слушаешь – и как будто ты увяз в сугре и тебе трудно вытаскивать ноги.

БЛИНОВ Е.С. По-моему, тут всё ненужное. Может быть, у меня такой вкус, но я думаю, что всё это можно было написать в двух звеньях, а Панферов развёл десять. Восемь звеньев мы сидели, стиснув зубы, скрипели ими. Просидели и ушли так, ни с чем... Роман о колхозной жизни, но я, колхозник, ничему в нём не верю. Смотрите: на другой год у «Брусков» приобретён трактор и бабы начали жирнеть, полнеть... Конечно, врёт! Факт: мы живём в коммуне скоро девять лет, а ни одна ещё баба не пополнела. А которые пришли к нам новенькие, у них в месяц по два-три кило зачало весу сбывать. С этого можно заключить: кто собрался в «Брусках» – лентяи! Видать, манну с неба ждали. Сами говорят: мы изленимся с трактором, а у самих избы все разваливаются. Драки и жизнь артели – неувěřимы. Ерунда! Приведу свой пример. У нас была из-за общественной земли склока, но не такая. Был, верно, шум. Приехал Политов (какой-то уполномоченный по организации коммун в 1920 году. – А.Т.) и без всякого секретаря губкома распек всех, и все согласились на выдел земли под коммуну. Без всяких! А то за барскую землю мужики драться будут! Враки! Шипеть могли, а драться – нет... Слушал я роман потому, что ждал хоть отрывок о коллективе. Не дождался. Я сам живу в коллективе девятый год. Знаю, что и как в нём. Люблю коллектив. А ежели кто не жил в нём да прочитает «Бруски» – обалдеет человек. Какой же, скажет, это коллектив? Драки и пустота. Хоть кто приди, скажет. Коллектива

нет. Главную роль играл как будто Огнев. Кирька напоил попа. Это вроде антирелигиозного поступка. Но про это только догадываешься. А чёрт его знает, верно ты догадываешься или нет? Вообще Панферов загоняет загадки, а иной и конца нет. Не найдёшь его. Приплетёт какую-то чепуху, и толку не дашь ей. Пашку-дурака можно было просто объяснить без свиного побоища. Нужна ли была классовая борьба в Широком – я не знаю: в нём почти все были кулаки. Один бедняк Шлёнка, и тот лентяй. Какую тут борьбу увидишь?. Каждый вечер мне хотелось кончить читку романа. Вот слушаешь. Вдруг вырвется какая-нибудь одна штучка – и она останется тёмная. Потом галиматья её закроет. Воодушевительного и затягательного чтения не было. Раз я читал «93-й год» Виктора Гюго. Всю ночь без отрыва читал. Бабы встали печку затоплять, а я всё читаю. На «Брусках» не забудешь спать. Не помню, где у Льва Толстого сказано? Барыньки были на балу, чёрт-е знает, у каких-то господ. Нажрались всего сладкого. Слезли вниз к повару на кухню и требуют: «Дай кислой капусты!» А повар про них: «Со сладкого на кислое поперло!» И с «Брусками» творится то же самое. Кого-то прёт и на «Бруски», как барынь на капусту. Этим романом никого не убедишь. Насмешки над Огневым будут у мужиков, ежели им прочтут «Бруски» А можно было написать так, чтобы люди сочувствовали Огневу. Шибко тесно в романе от разных людей, и они нужны в нём, как на мосту дыры. В «Любови Яровой» про многих типов немного сказано, а тут они все сейчас со мной. А в «Брусках» никово я не знаю. Похоже: прошёл я по деревне, видел мужиков, поздоровался и прошёл мимо. Тут же по деревне и телята бегут. Ну идите, ну и бегите, чёрт с вами! Одну вещь писатель монотонно тянет-тянет-тянет, а она ни с чем не вяжется. И сидишь обалдевши. Ждёшь. А ково ждёшь? Думаешь: дожду! А там опять никово нет. Выкрутасная речь. Автор старается всё побольше наговорить. А после этого ничего у него не поймёшь. Иди вон в деревню – и наслушаешься разных колен... Из Ульки никакой героини не образовалось. Улька и Улька. Одинаковая с Зинкой. Только у Ульки титьки больше. Из-за неё автор Кирьку дураком сделал... Части романа не пригнаны друг к дружке. Сегодня я читал Писемского «Винувата ли она?» То помню, а в «Брусках» – никово. Там сказано, что подлые люди всегда ненавидят честных за обличения. Только одно выражение из «Брусков» мне понравилось. Улька говорит Кирьке: «Помоги, председатель, овечек гнать». А он ей: «Мне баранов хватит». Это про мужиков-то. Вот только это... События в романе развиваются плохо. Их чересчур много, и они ни за что почти не говорят. Никчёмное утомление людей от романа будет. В нём нет ни таких острых слов, чтобы ты с одного слова видел

многое. А послушай-ка мужиков! Раз мы ходили на охоту – пять человек. Четверо в шубах, а пятый в ватном пальтишке. Мы говорим ему: «Холодно тебе будет в степи ночевать». А который в пальте был – и отвечает: «У меня тут два фунта ваты». И сам трясёт за пальто. Ночью стало холодно. Пробудились. Один, который в шубе, смотрит на «ватного», видит, что он вздрагивает, и говорит: «У тебя, кум, вата из полы торчит да трясе-ё-ё-ё-тся». И сразу мы тогда все захохотали. Все поняли всю историю из девяти слов. Таких слов в романе «Бруски» нет в народной речи. А их в деревне – ох и много! Картин природы вовсе нету. Скажет автор про лес, а какой он и где – неясно. Кабы журнал «Настоящее» не просил, мы бы и не стали терпеть «Брусков», не стали бы и долго критиковать его.

ЗАЙЦЕВ А.А. «Бруски» не настраивают на колхозное строительство, а расстраивают.

СТЕКАЧЁВ И.А. Книга ненужная. В смысле колхозной агитации нисколько не привлекательная. (Показывая себе рукой на живот). Оттуль в обратную сторону захватывает. Я никогда ещё не уходил с читок, а с «Брусков» всегда уходил с полглавы. И когда уходил – спать хотел. Смех в книге есть, но он дурной. Я не смеялся, я был бы рад, если бы эту книгу совсем не читали, а лучше бы другой книгой заняли время. Самого чувствительного колхозного дела автор не захватил, а брехал и выдумлял. Колхозное строительство ведётся десять лет. Можно было бы о нём написать доброе... От кулачества в романе есть выходы, а в смысле защиты колхозного строительства – от правительства никакой помощи нет. Избили Огнева – всё. Даже милиции нет. Ни спроса, ни допроса. У нас как было? За сорок вёрст отряд красноармейцев приехал, когда услышал, что нашу коммуну бандиты тронули. И всё в «Брусках» мутно. Люди иной раз смеялись, а я удивлялся на них. В детстве я читал «Восточные легенды». Не знаю уж, чья это книга. Там один какой-то жил без конца, шёл куда-то без конца. И как будто верно там писано, а не верилось. (Смеясь.) Как в «Брусках» – не верится.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Поехал автор на Москву, заехал на Кавказ. Любовь не привязалась, не примазалась к коллективу. Не погоревал я, что «Бруски» все кончились. Почти не слушал их. Не научишься от романа строить колхоз, а ещё конторой колхозу будешь. Кабы Панферов показал, как артель билась и страдала и как карябалась на правильную дорогу. На конце мы ждали хорошего, а артельщики и мужики передрались. Не подошёл рассказ к моему удовольствию. Каждая страница его вела от коллектива всё дальше и дальше. Есть слова и нужные, но они плохо смешаны: как хороший хлеб с травой. Тут травы больше. Не просеять роман никак.

СУСЛИКОВ Т.И. Сильных сцен, смешных или печальных, нет. Как одних солёных огурцов я наелся после этого романа или щей постных. Были сравнения совсем неподходящие. Например, «солнце лизало землю, как корова телёнка»... «Хер» слово тут лишнее. «Кляп» – тоже. Слушатели ведь могут быть разные. Это на молодёжь плохо подействует. И ещё нехорошо то, что писатель местами выражается маслено (в смысле – пошло. – А.Т.). Чуть не называет всё по-настоящему... Из коллективистов взят почему-то только один Огнев. Другие упоминались, но незаметно.

БОЧАРОВ Ф.З. (при чтении пятого звена романа). Развозит писатель дюже, но без последствия. Ещё «Бруски» нигде не вылазили.

ТИТОВ Н.И. Названья шибко трудные.

ЗУБКОВА А.З. Выплывает много неизвестных людей. Как-то их не запомнишь.

БЛИНОВ Е.С. Некоторые раз появятся, а потом нет их навсегда. О коллективах Панферов сыздаля слышал, а не был к ним близок.

ЗАЙЦЕВ А.А. Возможно, автор ездил по деревням, записывал в записную книжку. И вот – роман!

ШИТИКОВ Д.С. И подбавил к записи своего нелепого украшения. Плакущев и Быков ясны по своему политическому уклону. Маркел – причудливый.

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. Стешка-то в книге на что сдалась? Сваатовство хоть и интересно, но к делу в нём связности нет.

ЗУБКОВ П.С. Над «Пыркиным» смеялись. Фамилия там малечко перепутана. (На 35-й странице «Пырякин» ошибочно назван «Пыркиным». А.Т.) Вот и смеялись немножечко.

ШИТИКОВ Д.С. Какой-то дебош идет по всему роману! Сценного нету.

БОЧАРОВ А.И. Больно много никчёмушнего.

ЛОМАКИН И.Н. Писание много ударяет в сторону.

СУСЛИКОВ Т.И. Я ждал, что дальнейшее покажет. Нет, не показало.

ЗУБКОВ П.С. Имена людей у Панферова напоминают скучное евангельское чтение: Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова... (Общий смех.)

ЗАЙЦЕВ А.А. Сцена сватовства живая. Нет глупых побасёнок. Шленка – бесподобен!

БЛИНОВ Е.С. Вся мысль «свадьбы» состоит в десяти словах: живи по любви, и тогда тебе никакого богатства не надо. А в «Брусках» про это наворочено! Иногда автор забрасывает мысль слушателя вдаль, и ничего из этого путного не выходит. Всё твоё ожидание развеивается по ветру. Свои мысли здесь зря надсаживаешь:

берёшь в голову картину, а она – никуда! Из пяти первых звеньев одно нужное звено будет. Остальное надо выбросить вон. Не скопано многое. Всё ветром раздувает. Шестая часть лучше всех. (Шестое звено. – А.Т.)

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Оглавление в книге неправильное. Коллективизации нету.

НОСОВ М.А. Тут Яшка и Стешка, над ними одна насмешка.

ЗАЙЦЕВ А.А. Злые мужицкие вещи в романе верны.

ЗУБКОВ П.С. Психологию мужиков писатель знает. Отцы любят пугать детей проклятиями. Мой родитель Семён Иванович всегда, бывало, как обидится на меня, так и завизжит: «Прокляну-у-у!!!» Про стариков в романе точно говорится.

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. Зачато дело вроде не с этого.

БЛИНОВ Е.С. (на слова романа: «Небо казалось дном ржавого, пробитого гвоздём ведра»). Никогда не видал такого неба!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Должно быть, такое небо, когда тучи.

СТЕКАЧЁВ И.А. «Жизнь прошла, как ястреб на колу повернулся». Найди-ка, попробуй, ястреба на колу. Может, и бывает, но редко. Не стоит так сравнивать жизнь. Без дела это! Скоро у писателя Кирька дом себе выстроил. Ничего не было видать, а уж дом шатровый.

ЗУБКОВ П.С. Намошенничал, видно, Кирька, когда председателем сельсовета был.

БЛИНОВ Е.С. (по поводу слов: «Раздобрела баба: зад что седло хорошее»). Если как казённое седло, то не шибко зад у бабы большой. Сравнение ошибочное.

ЛИХАЧЁВ С.П. Насмешку хотел писатель над религиозными бабами, а сделал над собой. Народные суеверия подмечены верно.

НОСОВ М.А. В частых местах рассказ не лепится.

ЛИХАЧЁВ С.П. Водит нас за нос писатель. Попа увезли куда? Что? Как? Почему бы сразу не сказать: вот, мол, поп нажрался пьяный, и над ним смех. Ясно изложил писатель вот только про «орехи» у Кирьки с Улькой.

БЛИНОВА Т.П. Какие-то, видно, чудаки собрались в артель и на плотину. Не умней, должно, нас. (Смеётся.)

КОРЛЯКОВ И.Ф. Православные!

СУСЛИКОВ Т.И. Всё в романе обыденное. Поразительного – ни слова. Только Огнев – герой. Он главную роль играет. Автор его выдвинул как хорошего человека. А почему коллектива-то ни черта не вышло?

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Обзывают только в этом чтении люди друга друга.

БЛИНОВ Е.С. (недоумеает). Хм... Птичьи улыбки! Какие это птичьи улыбки? Кто их видел?

СТЕКАЧЁВ И.А. (по окончании читки «Брусков»). Ох! Насилу изгрызли! На военной службе нам, бывало, сухари давали «царские». Никак их, бывало, не угрызешь! Так и эта книга. Едва мы её изгрызли. (В это время послышалось радио из Новосибирска. Играл на баяне тов. Маланьин. – А.Т.) Надоели нам «Бруски», как этот Маланьин со своим баяном. Затяну-у-у-у-у опять... Артель «Бруски» вышла вроде «Царства царя Матвея». (Так в шутку у нас звали плохонькую коммуны «Труд и знание», соседку с нашей коммуной. – А.Т.) Матвей Хохлов там закопёрщиком был. Он всегда говорил: «Коммуна моя да «я». «Я этого выключил, а шурина своего принял»...

ШИТИКОВА М.Т. Сколько раз я себе представляла Огнева таким-то и таким-то. А потом прочитала про него как надо – и он не такой, каким я его представляла. (М.Т. Шитикова слушала «Бруски» в аудитории и читала ещё сама. – А.Т.) Все лица мужиков сливаются в одно. Все какие-то бородачи. Ни один от другого не различаются. Взял Панферов большую мысль, тянул-тянул и ни к чему её не привёл, никуда не приспособил. Думаешь: всякий кулак может, значит, сразить всю артель. Какой-то Плакущев подкупил Шленку – и хана артели! Глубоких мыслей в книге я не нашла. Одни колебания в ней. Степана убили в драке – и не жалко. Думаешь: чёрт-е знает, то ли артель будет держаться, то ли нет? Она, мне кажется, распылится и при нём и без него. По действию – Степан Огнев как будто и герой, а образину его не могу охватить умственно. До слёз чтоб проняло – таких мест нету в романе. Зинку мне жалко так же, как Зинке картошку, а к Чухляеву и Плакущеву автор во мне пробудил ненависть. Надо переделать плохих людей или уничтожить. Болезнь Чухляева, разбитого громом, почувствовалась мне и так и эдак. Ровно бы тут его и жалко. Смешного мне не попадалось. Автор больше смешит словами, а не делами людей. Я бы и не вздумала о книге, если бы меня про неё не спросили. Слабо по мне книга прошла. Читала я её – она ровно плыла в голове. Прочитала – пусто. Печального в книге больше, но она – так себе. Ни одного мужицкого сборища у автора не состоялось такого, чтобы оно кончилось как следует. Из вторых лиц не разберёшь – кто кулаки, середняки или бедняки. Спирины разные да ещё какой-то там... трактор-то обгонял... Писатель высказывает своё сочувствие Шешке, Яшке, Ульке, Кирьке и Огневу. А я – Огневу. Но ровно дело-то его – никуда. Картину дождя забыла. Ни одной описательной картины не могу назвать: всё позабыла. В немногих словах

автор писать не может. Растяжисто пишет. (Мне. – А.Т.) Кабы вы не предлагали читать «Бруски», то я бы их подряд не стала читать. Когда я их читала, то так и хотелось через слова, через строчки перескакивать, ближе к делу пододвигаться. У всех панферовских мужиков речь одинаковая. Дивлюсь: Кирька был на службе – и то языка не переменял. На какой голос брать каждую речь – не узнаешь, если будешь читать книгу народно. У другого писателя хорошо: пишет какого-нибудь шепелявого или зайку – их на голос сразу различаешь. А тут все под одно, все одинаковы. Писатель сравнил солнце с помятой тыквой, выдумал ржаную тоску, сам автор придумал, что солнце – корова, а земля – телёнок. Это все смешные сравнения, несуразные. Какая тут метость? (Читайте – меткость. – А.Т.) И художество не подходит. К чему солнце к корове? А земля – к телёнку? Это подходя под Есенина. Ржаная тоска в деревне не бывает. Дни на ежей не похожи. Ржаная тоска в городе может быть. Этими сравнениями автор ничего хорошего не сделал. Книжка от них понятней не стала. Вот в том-то и дело, что Панферов удлинительно заводит речь ради сравнений. Дела на копейку, а растянёт он на рубль. Этими длинностью и сравнениями книга хуже запутывается. Читаешь, читаешь и скушно делается. Кирька в конце концов вышел форсуном. Никуда. Даже в конце дела с драки убежал. Трус. А сперва автор возвёл его. Думали – это подпора Огневу, а нет! Дум Жаркова не помню. Кирькины думы хозяйские о разделе с Зинкой – несправедливы. Он не хотел быть собственником. Он хотел своим культурным хозяйством пример дать, а потом жадным стал. Жалко с хозяйством расстаться! А раз Зинка опостылела, то чего же жалеть хозяйство? Будто, говорят, тесть опутал Кирьку. Не мог, дескать, Кирька освободиться от богатства. Да сбросить бы ему всё прилипшее – и конец. А он всё жалел богатство. Но потом как-то вдруг от всего Кирька отказался! Неверно это. Коли автор хотел изобразить Кирьку собственником, то Кирька должен был до последу тянуться за имуществом. А то сразу он от всего хозяйства откачнулся. Не объявил автор, как Кирька надумал бросить хозяйство. Сразу даден перелом... Помню чуть-чуть, что Огнев приходил к больному Чухляеву. Но чувств Огнева не удержала в памяти. Панферов делает своих героев чужими, далёкими нам. Думки и сон Шленки описаны не по-правдишному. Шленку автор тут за ребёнка представил. Ему и сны-то снились ребячьи. Мысли и чувства людские автору надо было описывать только те, которые поважнее. А он и не важные писал. Не догонишь их все. Да и не попад их много писал Панферов. Нужно бы мимоходом напоминать кое о чём, а он заедет куда-нибудь и не вывезешь его, не дождешь,

пока он выйдет опять на дорогу. Надо укоротить эту книгу и подбавить артель, как бы получше вывести коллектив. В конце чтения такое у читателя мнение: хоть бы эта артель не моталась перед глазами! С переправкой эту книгу можно советовать взять в деревню, а в таком виде как сейчас, она принесёт больше вреда, чем пользы.

ШИТИКОВ Д.С. Я говорю о «Брусках». Я человек тёмный, потому что живу в деревне. Как бы это так коретно (Вероятно – корректно. – А.Т.) сказать, чтобы это фантазию мою шибануло, чтобы она такая была, ну! (Мне. – А.Т.) Пиши! Пиши, что я живу в деревне и потому тёмный. Ты сам там знаешь, как эту лирику записать. Боюсь, как бы не ошибиться про всё это художество. Сколько дум было по ночам! Варю, варю, а потом – стоп, не так! И опять сначала начинаю варить. Посидим мы с тобой лишнее, но укажем с точки до точки... Я живу, значит, в деревне, но всё-таки кое-где бывал. Начнём с Мценска Орловской губернии, покуда Деникин доходил с белобандами этими. И прошёл я пешком Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии. На станции Елани я слез с поезда и пешком прошёл всю Донскую область, до самого Новочеркаска. Оттуда обратно повернул на Курскую губернию. С Курской губернии опять же пешком прошёл Харьковскую губернию, Екатеринославскую губернию, до самого Мариуполя дошёл. Оттуда пешком повернул и дошёл до Александровска. А оттуда сразу пошёл по Таврической, на перекоп и дошёл до самого Симферополя. А оттуда повернул и пришёл в Херсонскую губернию. Сто вёрст прошёл, а потом всё поездом ехал. Доехал до станции Знаменки. Потом прошёл всю Полтавскую губернию. После того приехал я в Сибирь и живу в Барнаульском округе, при коммуне «Майское утро» Но не видел таких людей, как широковцы. В первую очередь – Панферов много наврал. А из «многого» можно съехать на малое. Он пишет в романе историю с 1918 года, – читателю так кажется. Возьмёмся за Кирьку. Пришёл он из Красной армии. В романе очкастый сказал, что у нас из Красной армии выходят люди образованные. В корне неверно. В то время солдаты были хоть и образованные, но ещё не такие, как Кирька. Чертовщину автор наводит! Панферов поставил широковцев какими-то «гуманными» дураками (?! – А.Т.). За каждый пустяк они дрались. Теперь за правдоподобство берусь. Как же я буду хвалить автора, как мне поверить его сущности, его «идеальному» роману «Бруски»? Его расхваливают в печати. Я середь лета читал о нём в «Бедноте», в Же-Ке-Ме, номер 17. Его там расхвалили комсомольцам. Зачем нам комсомол обманывать таким развратным романом? Там разврату много: «кляп», «хер» и другие слова. По-нашему, это самые

пакостные слова, недостойные быть в мирской семье. Как же мы будем строить культуру? На этом хулиганстве? Эти «Бруски» воспитывают хулиганство... Возьмёмся за коммунистов. Огнев получил от сына письмо из Москвы, и нет в том письме читателю ни одного слова о гарнизации коллективной жизни. А Огнев подумал после чтения письма: «Денег бы прислал». Эгоизма, значит! Хотел индивидуальное хозяйство строить. Какой там из него коммунист? Потом... Как, допустим, Панферов усчитывает коммуну? Как он мог подделаться со своими «Брусками», чтобы его хвалили в высших государственных учреждениях? В редакциях расхваливают его на всю Се-Се-Серию. «Берите, читайте «Бруски», они дадут вам пользу, они покажут, как организовывались широковцы!» Да где же это? Нету этого в «Брусках»! Читал, читал я и дочитался: множество душ в Широком. Сколько их взято в роман, но ни одного видного человека нету. Я из чтения так лиц представил: какие-то кудлатые, мохнатые, бородатые – и чёрт их не разберёт! Неужели во всём селе не было ни одного человека путящего, чтобы он мал-мало побрился? Что автор Панферов хотел сказать тем, что он всех мужиков намулевал бородатыми? Панферов, поди, думает: все у меня размулевано ясно и понятно, и картиночки привожу (иллюстрации. – А.Т.). А роман его читается по большой нужде (то есть с неохотой. – А.Т.). Читал я его потому, что про него уж очень много писали. Попалась ко мне роман-газета, и давай я её читать со злостью. Не от радости, что «Бруски» хорошо написаны, а от злобы, что они чересчур нудно и глупо написаны. При детях и при матери никак «Бруски» нельзя читать. Мы пока придерживаемся совести и не можем их читать при родне... Будем говорить хотя и несвязно, а рывком. Но какой это роман, коли там люди лезли на хаты – тучи высматривать! Ни одного слова не скользнуло в нём научного! Например, построила бы артель себе и широковцам школу или избу-читальню, или народный дом. А то что же в Широком видно? Дурак на дураке едет, дураком погоняет. Для чего наши ответственные люди там сидят, для чего расхваливают «Бруски»? Дескать, комсомольцам из них учиться надо. Думают, что комсомольцы должны увидеть из «Брусков» своего классового врага. Ну а я думаю, что комсомольцы из «Брусков» только хулиганство увидят и сами от него одуреют в первую очередь. Много там навалено страмных слов. А вот из романа Зазубрина «Два мира» бери любую главу, хоть «Молебен», хоть «Папаня плясит и длазняется» – вот где классовый враг виден! Точно! Шилов – коммунист умный, но Панферов представил его неодобрительным за его мягковезливость. Огнев плохо, невнимательно относился к докладом на районной

конференции. И, кажись, согласился отдать кулацкие машины обратно. Неясно тут. Коммунист он скверный. Автор, видно, гордится тем, что длинный роман написал, а учёные высшие его хвалят. Он дурковатым языком написал роман. Роман абсолютно не сводится к коллективизации! И читали мы его не по желанию, а по сердцу. И в газетах хвалят его, и районные все хвалят. Вот мы тоже взяли за него. Я же не нашёл в нём ни научного, ни художественного, ни коллективного. Читал я сочинения Маркса, прочёл несколько томов Ленина, читал историю партии, читал Максима Горького, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Никитина и современных писателей из «Красной Нови» и «Нового мира» – чёрт-е знает, сколько мы читали! Кто хочет знать это, пусть посмотрит в номере 260 газеты «Известия ЦИК СССР» от седьмого ноября 1928 года (фельетон А. Аграновского «Генрих Гейне и Глафира». – А.Т.). Читали мы всё упомянутое Аграновским и понимали, а в «Брусках» не поняли пользы. Автор, как спекулянт, который продавал бруски крестьянам – точить косы. А для мужика панферовские «Бруски», как для литовки – гладыш. Панферов, должно, инспектором был. Бывал он на мужичьих сходах, слушал крестьянские речи. А потом всё это записал и начал обманывать советскую литературу. Положа руку на сердце, скажу: пусть хошь какой учёный возьмёт «Бруски», прочтёт все звенья, пусть приложит весь свой ум, весь марксизм-ленинизм, – ничего он в романе не откроет. Панферов дурочку порол, а не роман писал. Мысль он не раздувает. Ведёт-ведёт читателя и бросит на Стешку, Кирьку или Яшку. Куплище (купание. – А.Т.) Стешки и Яшки разве раскрасило роман? Нисколько! Панферов собрал в «Бруски» муру, бузотёрство. Приди в деревню в сельсовет, в народом или избу-читальню с «Брусками» – кто их будет слушать? Никто! Роман написан не только что деревенским, а пересолено-деревенским языком. Я его свободно читать не мог, в каждое слово особо присматривался. Нет в книге хорошего общего течения, чтобы ты просто глядел в неё, читал бы легко и тут же рассказывал. Но, может быть, автор соображал так: пускай течение слов нехорошо идёт; пусть читатель из-за этого остановится, прочтёт ещё и побольше подумает. А на чём остановиться читателю? На матерщине? Какой-нибудь доктор пишет про половые дела – и то половые слова коретней выговаривает, чем Панферов. Каждый советский гражданин знает, что мужик – матерщинник. Но чего с матерщиной лезть в книгу? Мы знаем, где матерщина нужна... А ещё говорят нам, партийцам: выписывайте роман-газету, в ней лучшие сочинения печатаются. Вот тебе и роман-газета! Изволь радоваться с «Брусками»! Журнал «Коллективист» или «Историче-

ский материализм» даже приятнее читать, чем эти «Бруски». Надо сказать Панферову: хочешь писать роман о настоящем коллективе – приезжай в колхоз, поживи месяца три, и тогда узнаешь только сотую долю о жизни колхозников... В романе хорошо одно название. Он бы должен был стать на эпоху истории (?! – А.Т.), но писание Панферова ничего не стоит. Плохая атмосфера написана в «Брусках». Против «Повести о днях моей жизни» И.Вольнова «Бруски» – куды там! Во веки вечные не дойдут до ней! Ту читаешь-читаешь – и всё интереснее, интереснее, интереснее делается. А кончилась – аж жалко было! И не знаешь, чего жалко. Как потерял что. И посмеяться там есть над чем. Особенно – над гнилоухим женихом на свадьбе. Как он там большим пальцем прижмёт ноздрю да как шлёпнет соплей об пол – вот это смех, вот это по-мужичьи! При сватовстве в «Брусках» – всё дурашливо и унижительно. Хоть бы песню спели или прибаутку сказали! Разве их мало в старинной деревне? Пусть Панферов прочитает «Чертухинского балакиря» Клычкова. Там уж свадьба, так свадьба!

ЛОМАКИН Т.Н. Есть описания – форменная ложь. Сын Огнева прислал письмо. Дело было ночью. А тут сразу вышел Степан на двор и стал письмо читать. Как так? Была ночь, а тут сразу видно стало! На конце романа выпало кто-е знает что! Меня тянуло слушать, но плохо. Писатель подсунет тебе какое-либо лицо, а оно не прилегает, вроде старухи, Шленкиной матери. Для мебели, что ли, он подсовывает лица? Яшкина свадьба долго тянулась. Она меня не возмущала (не трогала. – А.Т.). Сильно много автор вместил актёров в книгу. Кабы их поменьше, было бы глаже. Деревенский мужик не так терпелив, чтобы ему слушать бесконечную басню на манер «Брусков». Скука одолит его. И время не позволит. Нужно писать романы коротко и ясно. Меня брал смех, когда артельщики пахали на корове, а она брела куда зря. Но только эта пахота неверная. И что на себе артельщики пахали – тоже неверно. Так разве только в германском плену пахали – на людях, а в Советском Союзе мне этого не приходилось встречать. Ну разве мысленно трём человекам везти плуг, да ещё по целине? Нахально врёт автор!

СТЕКАЧЁВ И.А. Едва ли такие артельщики найдутся, чтобы трое могли плуг таскать! Книга начиналась на коллективный строй, а кончилась как негодная борона! «Бруски» кладу к последним книгам. А последними статьями Панферов всё своё дело взбудормажил.

СУСЛИКОВ Т.И. Книга не даёт никакого внушения.

ЛОМАКИН И.Н. Я уж всё забыл. Гришка мой читал Оливера («Оливер Твист» Диккенса. – А.Т.). Та книга мне поглянулась. Каж-

дый вечер я Гришку заставлял читать её. А эту я чисто перезабыл. Не заинтересовала. Неполезная для меня книга. (Хохочет.) Какой от неё чёрт пойдёт в колхоз?! Не выставил писатель ни одного хорошего предположения. Соображенья у него не хватило. Надеялся-то писатель книжку к коллективизму призвести, а она межеумком прошла. Народу она опротивела совершенно. Если писатель хотел народ в коммуну завлекать, то надо было в книге артель как-нибудь получше совершить.

ШИТИКОВ Д.С. Ни капли колхозного эти «Бруссы» не гарантируют.

БОЧАРОВ Ф.З. Слов по назначению «Брусски» не говорят. Из них человек может взять только, может быть, последнюю строчку. Но пока он до неё идёт, всё прежнее беспрерывно из головы его вылетит.

БЛИНОВ Е.С. Кто, говорю, сладкого обожрался, пускай жрёт эту кислятину, а нам кислятина надоела. Охота послаще литературе попробовать.

ЗАЙЦЕВ А.А. По-моему, в «Брусках» несправедливо оскорблена беднота. По прочтении романа человек про бедняков скажет: «А вот они, бедняки, какие! Все лентяи изо всех жил стремятся к лучшему, но не могут выбиться из нужды. Стараются, работают день-ночь, но не выходит у них в хозяйстве». Почему нет в романе хороших бедняков? Не все же бедняки шалопаи, как Шленка!

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Мне понравилось, как над артельщиками смеялись. Так оно и должно быть, смех-то. Я видел такую артель в деревне Родзянке (Косихинского района Барнаульского округа. – А.Т.). Собрались, ничего не знают. Стали молотить в поле – да кобыле хвост и оторвали! Приехали с поля домой – и разошлись из артели... Очень интересно, как в «Брусках» смеются над артельщиками, называют их разными кувшинками и ещё как-то, забыл просто. Смеются над артелью потому, что она шибко плохая, некультурная... За сердце книжка меня не трясла, а всё-таки кое-что интересно описано. Любитель я слушать, как это старики разные чудовины против артельщиков выделывают. Но шибко задевичего я в книге не нашёл. Чудаки какие-то артельщики! В жизни такой артели, как в «Брусках», не живёт. Как она на смеху будет жить? Не может быть! Напутана книга. Смеяться над ней интересно, а польза от неё какая? Ну, словом, так себе. На черта она, эта книга, сдалась в деревне!

ЛИХАЧЁВ С.П. Когда я прослушал и прочитал хвалёную центром книгу, то думал: как можно хвалить такую чепуху? Не знаю! Что там нашли хорошего и поучительного, чтобы можно было при-

менить в жизни? Не знаю! У меня лично сложилось о «Брусках» такое мнение: действительно, что «Бруски»! Но только не бумажные, а берёзовые, обделанные тупым топором, а не пером. Лица, указанные автором в книге, при чтении как-то плохо усваиваются. Прочитал лист, на другом листе встретил их и забыл. Думаешь: да кто же это такой и что он из себя представляет? Да и как можно было при такой образности представить себе того или иного типа, когда все они в голове, как в тумане? Например, где-то там сказано вроде: «шевелит губами, как помятой тыквой». То ли человек это шевелит, то ли обезьяна? Дальше: «лицо сморщилось, как у нищего Панкрата». Спрашивается, а почему не как у Пантелея? Свадьба вначале описана ни к чёрту! Кто и с какой стороны говорит – ничего нельзя понять. Как рой пчёл кружится. И если бы не конец, то можно бы на всю голову плюнуть. Хотел автор написать про коллективизацию, а сотворил барахолку. Всё впёр туда шиворот-навыворот. Я слышал поговорку: «Когда нечего говорить, то и «да» – ладно». Автору «Брусков» нечего было писать доброго, он и наваял! Фразы у него длинные да какие-то в большинстве бестолковые. Когда Яшка добился от своих родителей, чтобы они позволили ему жениться на Стешке, тут мне немного понравилось, потому что это правдоподобно. Ещё нравится в шестом звене восьмая глава, а также в звене седьмом глава седьмая. И то не так, как другую, вон, книгу читаешь, не можешь бросить и после сколько времени ходишь, думаешь об ней. А «Бруски» читаешь, вышел на улицу, пос...л и забыл всё. Конец у книги кончился ничем. Последнее моё мнение: я бы посоветовал автору получше переписать «Бруски».

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Книга в деревне не нужна. Лжива. Почти всё в ней к делу не относится. Читать из неё можно немногие отдельные главы. Они не скучны, но не связаны с коллективизацией. «Бруски» навредят колхозному строительству в деревне много, а пользы принесут или на грош или ничего. В них показан дурной колхоз. Деревня изображена неполно, неярко, фальшиво.

П р и м е ч а н и е. Впервые «Бруски» попались нам прошлым летом в «Бедноте». Коммунары жадно набросились было на нашумевший колхозный роман. Но на третьем звене все категорически отказались и слушать дальше и оценивать прочитанное:

- Не стоит он того, чтобы с ним воловодиться!
- Много пустого разговору в нём.
- И впереди доброго не предвидится.

Читку закрыли.

В ноябре месяце редакция новосибирского журнала «Настоящее» заинтересовалась мнением коллективистов о колхозном романе и предложила мне проработать «Бруски» с коммунарами.

И снова потянул я нудный воз!

За двадцать лет я прочёл крестьянам множество бездарных вещей. Но все они были коротки, и чтение их обрывалось в середине или вначале. «Бруски» же невероятно длинны, а читать мне их пришлось от точки до точки. В такой чтецкой каторге я ещё никогда не бывал!

На «Брусках» слушатели держали себя очень плохо. Прочтёшь, бывало, главы две-три – и ползала опустело. Без спящих не обошлась ни одна из двенадцати читок. Больше звена за вечер «не брали». Ни у кого не хватало мочи.

Слушательская стойкость И.А. Стекачёва достойна изумления: за девять лет он не покинул ни одной читки. А на «Брусках» дрейфил, иногда уходил спать. Все читки дослушивались до конца наиболее сознательными «критиками», не желавшими обмануть надежду редакции «Настоящего». Трое из них – С.П. Лихачёв, Д.С. и М.Т. Шитиковы по хозяйственным обстоятельствам не присутствовали на нескольких читках. Они «добивали» «Бруски» у себя на дому, чтобы иметь полную возможность судить о них.

Лучшее впечатление оставило шестое звено.

Коммунарам, слышавшим «Бруски» частично, я предлагал их перечитать снова, в индивидуальном порядке. Наотрез отказались все, кроме указанных трёх человек.

Говорили:

- Везёт шибко долго! Ну ево!
- Скушный!
- Никудышный!

Е. Пермитин*

КАПКАН, кн. 1

НОСОВА А.С. Здесь уж и не знаю, как сначала рассказать. Капкан – это прошлая жизнь староверов. Особенно религия, которая держала их. Они в ней были убеждены. Селифон и Марина – они пара. Я на них похожих в уме нашла... Книга до того интересная, что нельзя бросить, пока не дочитаешь её. В романе быт дикарей-староверов. Они жили богато. Арест Селифона описан трогательно. И когда он попался, жалко его. Селифон – зачинщик колхоза. Только мне не понравилось одно, что Селифон обозлился на Марину после возвращения из тюрьмы. Ведь он её любил сильно, как же он её обо всём не расспросил?

Интересный роман. Занятно! Ждешь вторую часть... А старики – в точности, как наши были старики. Песни, танцы, народные поговорки – всё, все и игры – всё это точно изображено. Помаленьку, а всю жизнь деревни описал автор. Всё тут хорошо. К концу всё интереснее пишет Пермитин. Даже запах тюремного белья чуток. Так уж подошёл автор к словам. От слов его чутко. Редко такие писатели нынче попадают, которые бы так хорошо знали сибирскую деревню, как Пермитин. До тонкости он всё деревенское знает. И понравилось мне ещё в романе то, что после чтения его воспоминания прошлого нагоняются. Я даже деда своего видела во сне после этого романа...

И хорошо, что некоторые слова, непонятные нам, охотничьи, объяснены. И всё в романе по пути идёт. Если где в одной главе не поймёшь, то в следующей поймёшь это. И художество, и драма есть. И Пермитин пишет как-то по-особому, самостоятельно.

* Пермитин Е.Н. (1895/1896 – 1961) – советский писатель и журналист, лауреат Государственной премии РСФСР (1970).

БОЧАРОВА М.Т. На эту книгу критика сама из души лезет (улыбается и показывает на грудь рукой. – А.Т.). Охотничья жизнь – что в «Белках», то и в «Капкане». Одинакова. Очень хорошо мы теперь эту охотничью жизнь представляем, а то никогда, быть может, и не знали бы мы её. Артельщики были хорошие мужики, но почему они не заступились за Марину? Это, мне кажется, неправдоподобно. Но так, видно, надо было сделать. Этим автор говорит: парень Селифон – хороший, но темнота его окрутила. Селифон гнал за Мариной, хотел взять её обратно, но не догнал. И тем кончилась книга, а у нас поднялся энтузиазм: охота узнать, что дальше, значит, будет.

В «Капкане» много неожиданных сцен, как у Пушкина в «Дубровском». Люблю я такие неожиданные сцены. И не лживые сцены. Верю я автору везде. Есть писатели – так делают: выставят человека, обрисуют, а потом с этим человеком нет никаких событий. Зачем его тогда выставлять, если с ним не будет никаких событий?!

БОЧАРОВА М.Т. А у меня злоба на кулаков была. Мельников-Печерский – хороший писатель, но уж очень он всякую вещь описывает до всякой мелочи, до точности. Я этого не люблю. Я уважаю, когда пишут основное. Лишние рассказы мне не нравятся. А Пермитин берёт основное. В душу залазят его слова. Лишних в стороне не остаётся. Сцена изнасилования такая... Ох, и печальная же!! У Марины и так горе было, а тут мужа в тюрьму увезли – и вдруг изнасилование! Она изодранная, полунагая, по кустам лезла. Потом пролежала весь день в кустах до ночи. И потом – забеременела. Ну, драма!

Интерес к книге нисколько не опадает, а всё время думаешь: чо же дальше-то будет? Чо же с этим человеком случится? Каждого типа Пермитин по своему делу описывает... Селифон – красивый, черноволосый.

НОСОВА А.С. На Лобзина Ваську похож. Здоровый, плечистый. Все девки его любили.

БОЧАРОВА М.Т. Здорово автор описал религию и веру у людей. На Селифона всякая атмосфера действовала. Жил с дедом – богу молился. Попал в партячейку – отрёкся от бога. Колебательный он человек. Это всё потому, что он был неграмотный.

НОСОВА А.С. (перебивая Бочарову). Он, видно, своё геройство докажет во второй части.

БОЧАРОВА М.Т. Дед Агафон молился богу, чтобы зверь в капкан шёл, а потом попятился от зверя и сам ногой в капкан попал. Страшная картина здесь! Автор этой сценой говорит: ни к чему моление и религия... Антирелигиозная книга.

НОСОВА А.С. Всё в ней есть...

БОЧАРОВА М.Т. Народ забит религией и старым бытом, вот к чему названье книги «Капкан». Народ был шибко тёмный, шуму боялись.

НОСОВА А.С. Увидели кержаки пионеров в городе – и заревели: не надо нам голяков! (Смеётся). И в город-то автор свозил кержаков. Не зря. Всё к делу. Поговорили они там – и всё это примазано к книге как надо. Агафон – мой дед Вареник. Тому тоже никаких врачей не надо было. Если у него, бывало, заболит голова, он возьмёт дёгтю, обмочит в него десять пальцев и намажет за ушами и под мышками, понюхает, плюнет – и всё... Старый быт дан в книге. Автор показал и работу артели... А попишка гнусавый, паршивый! Какие он заговоры делал!

БОЧАРОВА М.Т. (О попе). Ну и сволочь! Автор роман взял не стога!

НОСОВА А.С. И роман этот не зря затеян. Он всё с политической точки зрения берёт. Этот писатель к Демьяну подходит... по уму.

БОЧАРОВА М.Т. Слова кержацкие интересные, выворотные. Ведь сумел же автор их записать: «восподи», «восударство» (хохочет)... Тяжело автор на душу книгу кладёт. Всё, значит, он описывает. Заскребло меня, когда Агафон точил нож – отрезать себе ногу!. Ух! (нервно вздрагивает)...

Фраза у Пермитина не запутывается. Ох и понравилась мне книга! И всё время в уме воспоминание о книге идёт. (Задумывается). Кержаки думали, что, кроме них, никого на свете нету... Доказано, что может человек человека перерабатывать на новый лад. Один человек работал по созданию коллектива. Переломил старый быт кержаков!

НОСОВА А.С. И оттого нам учёба: езжай в старые деревни и начинай работу развивать, верь в работу и будь сам порядочным человеком. Тебя сначала будут презирать, как Орефия, а потом полюбят. И кержаки при хорошем руководстве могут быть, куда с добром, советскими людьми!

БОЧАРОВА М.Т. Сколько кулаки ни действуют против колхозов, а они (кулаки. – А.Т.) погибнут! Вот ещё какая учёба от книги... Затяжливо это всё читается. Надо продолжение узнать...

ШИТИКОВ Д.С. Написано что ни на есть чистосердечно. Он (автор. – А.Т.), одно слово, как она действительная деревенская жизнь есть, так он её и описал. Он взял людей-староверов и описал без прибавки и ничего не утаил. Дед Агафон, как он есть старик. Чашечник. Без молитвы через порог не ступит.

В процессе всего произведения политики дано – конца-краю нет! Но она, эта политика, проходит будто в мягком тоне, а действитель-

но она – политика вострая. Староверы привыкли жить в дремучих лесах, в отдалённости, и трудно их перевернуть. Дед Агафон говорит, что лучше ему заживо лечь в могилу, чем на эту республику смотреть, на «развратную» молодёжь и на коммунистов. И вот как подумаешь о них (разумеет старое кержацкое поколение. – А.Т.), то и скажешь: «Не нужно стариков обрабатывать, потому что им ничего не докажешь». Трудно подходить к староверам, чтобы их коллективизировать. Тут нужно подходить к молодёжи и сначала создавать всевозможные кружки и доказывать выгодность коллектива между тем. Только тогда их затянешь в артель. Главное дело, у них осталась увековеченная на языке религиозность. Автор это вскрыл и сказал: очень умному человеку надо обрабатывать староверов...

От книги у меня есть какая-то очень глубокая политическая мысль. Я думаю, что даже не могу выдернуть её из головы... В каждом образце – философия, и всё даёт она мысли. Для сухого политика эта книга – ерунда. Почему это он так её называет? Потому что там выдержки из никоновских книг есть и всё спутано с богом. Ну вот... А я книгу так понял. Человек (автор. – А.Т.) создал книгу и показал лицо староверского быта, чтобы мы знали, как кержаков настраивать на социалистический путь, как с ними бороться, как подходить ближе к социализму. Для меня не важна религиозность, а смысл, к чему она, эта религиозность, написана.

Пермитин дал нам в своём произведении артель, её борьбу за Поповскую елань. Всё это было умно сказано. И кулаки и беднота боролись за эту елань, и как привлекали бедноту к артели. Как действительно в жизни есть, так оно и описано. Безо всяких мудростей! Показан труд артельный в виде напряжённом, рабочем. И это очень важно. Автор выводил труд артельный не на какой-нибудь показательной эффект. Этот труд великий обратился в «красного петуха». И видна жалость к колхозникам. Тут автор ненависть к классовому врагу показал, и в мягком виде.

Потому что автор – умный человек. Никогда он человека, ну какого-нибудь кулака, не огрубит словом. А он примером показал классовость и что кулак – враг. И выходит, для читателя приятнее не воспринимать из книги слова, а политики он напитывается, как губка мылом для стирания грязи. Автор разумно дал колхозу только плуг и сенокосилку. А если бы автор написал про двадцать тракторов, то сбрыхал бы. Он написал в маленьком тоне, а выходит правдоподобно в большом виде. Видно, что беднота пошла в колхозе от одного плуга и косилки. Значит, понимай так, что если бы артели этой дали трактор и комбайн, то это перевернуло бы всю ихнюю старобытность. Хорошая агитация за колхоз и не фальши-

вая! Потому что всё написано в «Капкане» не фальшиво, и много художественных выражений.

Автор, видно, сам из староверов. Он знает даже, что в старинных книгах желтопергаментные листы! Всё житейское веселье староверов Пермитин выразил одной песней девок. И смысл тут к тому, что эта песня – всё художественное украшение ихнего быта.

Пермитин как стал сначала писать правдоподобно, так и до конца у него правдоподобно. Всё почти знаешь из «Капкана» о староверской жизни. Только разве грязь под ногтями не описана (хочет). Вот как остро, вот как остро!

Ведь почему дорога эта книга? Уж дюже больно невежество дано! А поп Амос как феодал. Как заметит хорошую девку, так норовит её изнасиловать. Значит, у них там спокон веку был разврат...

В книге есть антирелигиозность. Люди выведены блудодеи, а попы!! Селифон – здоровый, сильный, уваловатый, и походка у него медвежья. А у Виринеи-то мяса на заду было: конца нетути! Кобыла просто! А сестра её была, как Колчак-маршал! Дать ей выпить, растравить да на сход пустить – всё собрание разгонит!

Уж сильно у старообрядцев самый разговор художественный. «Что же это ты, паря Митьша?» Вот эти образные слова являются художественными. И все художественные слова в «Капкане» идут вперемежку. По-староверски скажет автор – любо слушать, и по-своему, по-литературному скажет – подходит! Весёлое чтение! Читаешь – и просто, без мудрости соображаешь. Скоро и без раздумывания. Действие в мозгах сразу делается. У доброго человека, что бы он ни сказал, сразу хорошо и художественно выходит. Хоть приложение, хоть действительность, какое-нибудь существительное или прилагательное. Впору всё образуется. В нашей библиотеке нетути такой художественной книги, oprичь старых художественных книг.

В «Капкане» Пермитин написал безо всяких, свои мысли, чувства и настроения. Ни у кого не воровал. Автор хорошо был упитан староверским бытом, наречием и всем. Ему не надо воровать у других. А когда у человека своё – хорошо!

Политических и научных книг за это время я прочёл много: Августа Бебеля, Стеклова – о Чернышевском; про Ньютона, про Дарвина, Гельмгольца. Последние три книги – приложения к «Вестнику знания». Читал журнал «Большевик», «Резец». «Капкан» прочёл с удовольствием, да ещё поговорил, что он мал. Подлиннее бы его написать. Неуметная книга! По ней можно изучать историю и быт староверов. Если через пятьдесят лет наши школьники станут читать «Капкан», для них будет спектакль кабинетный! Прямо

у них на столе! Перед ними будут люди живые, да ещё какие люди-то?! Чем цивилизованнее будут люди, тем он для них будет интереснее. Как и «Горе от ума». Я вот ту читаю и читаю, – и всё она интереснее и интереснее для меня...

П р и м е ч а н и е. В 1927 году в Новосибирске была издана отдельной книжкой повесть Е.Н. Пермитина «В белках». Я прочитал её в коммуне и собрал хорошие отзывы. Они были включены во второй том моего труда «Крестьяне о писателях». К сожалению, этот том, как и третий, был уничтожен фашистами во время Отечественной войны. Любимому писателю коммунаров Е.Н. Пермитину не повезло в «Майском утре». В 1930 году в Москве вышел его роман «Капкан». Я наметил его читку и обсуждение. Но районное начальство и присланные извне новые руководители коммуны, опираясь на вопль литературных критиков-дубинников, запретили мне проводить публичную читку художественных произведений и записывать крестьянские отзывы о прочитанном. Сорвали они и всю внешкольную культурно-просветительную работу...

Я остался без аудитории. Мало того: мне не позволили читать художественную советскую литературу даже в квартирах коммунаров в присутствии трех-четырех человек! Я вынужден был давать «Капкан» некоторым отдельным коммунарам для прочтения на дому. Однако «бдительное» руководство коммуны категорически запретило и этот способ пропаганды художественной книги. Вот почему я привёл о «Капкане» отзывы только трёх коммунаров. Да и те пришлось записать «нелегально», под страхом большой кары...

Зная по многолетнему опыту литературные вкусы крестьян, я убеждён, что произведения Е.Н. Пермитина в любой широкой массовой аудитории получают наивысшую оценку...

Л. Сейфуллина*

ВИРИНЕЯ

(Читано 26 декабря 1926 г.)

ЗУБКОВ П.С. Не видно, что она – героиня общественная. Её драма – половая, женская, а не гражданская. Плох Василий, вот она и рвала, и метала. Ничего большевистского, героического она не выказала.

КРЮКОВ М.Ф. Пошла она в борьбу подпослед из-за Павла, а не то чтобы из-за революций.

СТЕКАЧЁВ И.А. Много песен она (писатель. – А.Т.) запевала в этой штуке, а ни одной не допела. Так что-то получилось, ни то ни се.

НОСОВ А.М. Характеристики типов неясные, слабо обозначены. Не видишь, кто какой.

БЛИНОВ Е.С. Дивлюсь, за что эту «Виринею» прославили! Ничего в ней ятного нет. Просто – взбалмошная баба. Ну, хорошо, хотела она чего-то нового, пёрла вперёд, а напирала либо на инженера, либо на кузнеца, либо на Павла.

ТИТОВ П.И. Ей, главное дело, нужен был самец и ребёнок. За Павлом она шла так уж, попросту, по-бабьи. Пойди Павел за белыми, и она бы за ними.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Писатель не довёл до конца, до большого дела Виринею. Так этого мы и не дождались.

НОСОВ И.А. Запутался автор. Что делать с Виринеей? Взял да и трахнул её об скребушку.

БОЧАРОВ Ф.З. А не убей она Виринею, пришлось бы с ней, как пауку, выпутываться из собственной паутины.

* Сейфуллина Л.Н. (1889 – 1954) – русская советская писательница. По её повести «Виринея» в 1968 г. был снят популярный художественный фильм.

НОСОВ М.А. Не случись греха (приход казаков. – А.Т.), она бы жила себе да жила с Павлом. Наметала бы ему с полдюжины ребят, сделалась бы такой же, как все, мамёхой, и – ша! И вся её героиства ханула бы.

ЗУБКОВА В.Ф. Ничего она не стремилась для опчего дела. Ломалась, ковырялась, а всё для своего положенья.

БОЧАРОВА А.П. Что-то я не видывала у нас в то время таких баб, шибко пробойных, не верится.

САШИН Ф.М. А таких дуроплясов, как Магара, не бывает. Врёт она, писательша, что он так умирал! Так это, присловье одно, для антиресу.

ТИТОВА А.И. А наш батюшка также узнал свою кончину наперёд. Но только что он сразу умер: перцу перехватил, сердце у него сдавило, он и кончился. А этот чудно умирал.

ЗУБКОВА А.З. Слова – то сибирские, то – расейские.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Виринея – ломаная, неправдишная.

БЛИНОВА Т.П. Уходить от мужей многие уходили бабы... Чо ж тут?

ТУБОЛЬЦЕВА Х.Т. Магара выдуман.

ЗУБКОВ П.С. Смерть Магары – чушь, хотя написана весело.

КОРЛЯКОВ И.Ф. Остальные типы – слабые тени.

БЛИНОВ И.Е. Много длинного, мало хорошего.

ШИТИКОВА М.Т. Не жила, видно, она (писатель. – А.Т.) среди сибирячек как следует: язык смешанный.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Пьеса деревне не нужна. В ней много фальши. Скучна.

Примечание. С оживлением слушалась лишь сцена умирания Магары, которая сопровождалась озорным хохотом, вызванным остроумиями солдат. Вся же пьеса, кроме указанной сейчас сцены, нагнала на слушателей смертную тоску. Я всячески тужился выручить пьесу, но это не помогало. Некоторые слушатели в укромных уголках школы посапывали носами. Внимание к пьесе каждый добросовестный слушатель, как я выяснил это после читки, искусственно поддерживал в себе мыслью, что «Виринея» – на шумевшая по России и за границей пьеса, что её нужно обязательно знать. Снимки сцен из «Виринеи» многие коммунары видели в иллюстрированных журналах.

Замечательно, что никого из моих слушателей «Виринея» серьёзно не натолкнула на женскую проблему.

Обыкновенно в нашей коммуне всякую новую пьесу, несложную по декорации (труппа у нас сравнительно добрая), ставили на школьной сцене. «Виринею» нам было бы нетрудно поставить, но никто этого сделать не захотел. Наоборот, коммунары категорически запротестовали, когда я предложил им сыграть её.

А. Серафимович*

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК

(Читано 8 – 23 октября 1929 г.)

НОСОВ И.А. У старухи Горпины всё колесом идёт!

ЛОМАКИН Т.Н. (о первой главе). Ну и актёров же подобрал писатель!

ТИТОВА А.С. Картина была!

ШИТИКОВ Д.С. Просто фигуристо! Горпина всё в один подол сплёвывала: и смерть, и сопли. Каша!

ТИТОВА А.С. Всякий тут народ был.

НОСОВ И.А. (про первую речь Кожуха). Хорош оратор!

ЗАЙЦЕВ А.А. Видно, что Кожух на деле докажет!

НОСОВА А.С. В то время все ораторы были.

ИНШИН Ф.В. У нас не на том месте язык стоит, а то бы сказали!

СТЕКАЧЁВ И.А. (о картине сна табора беженцев). Пыхтят во сне...

ЛОМАКИН Т.Н. (с сожалением и сочувственно). Вояки!!

СТЕКАЧЁВ И.А. (о размышлениях Горпины про царя). На один день у неё эти мысли...

ЛОМАКИН Т.Н. Больно быстро у Горпины изменилось настроение о царе.

БОЧАРОВА А.П. Справедливо.

БАЕВ О.М. Что-то тут не хорошо.

НОСОВ И.А. Горпина – обыденный человек.

ШИТИКОВ Д.С. (о вшах Горпины). Немало же их и у нас было, козявок-то этих!

* Серафимович (Попов) А.С. (1863 – 1949) – русский советский писатель. Лауреат Сталинской премии (1943).

БОЧАРОВ Ф.З. Вшей у неё, как у Пахома с проса! (Пахом – крестьянин села Верх-Жилинского. Жаловался, что в голодные годы у него с проса много вшей было. – А.Т.)

ШИТИКОВ Д.С. (о словах Горпины «та нехай ция власть подохне, як пропаде мий самовар!»). Вот тебе чего надо!

НОСОВ И.А. (смеётся). Какое ей дело до власти?! Самовар пропадёт!

ШИТИКОВ Д.С. Кто сроду бабок не видал, тот только скажет, что не верно здесь написано.

ЛОМАКИН Т.Н. Всё пустяки (в смысле: мелочи. – А.Т.) подмечены (о драке в третьей главе). Как играли будто бы.

НОСОВ И.А. Вся жизнь тут взята.

ШИТИКОВ Д.С. (к выражению «из-за дерева воззрился говяжьими глазами молодой гололицый казачишка»). Трахомный!!! Ха-ха-ха!

ЛОМАКИН Т.Н. (в конце восьмой главы). Никак не дождёшь чего-то интересного, а оно будет!

СОХАРЕВ И.А. Одинок Кожух. Прижимают его офицеры, не доверяют.

ШИТИКОВ Д.С. (о картине предсмертного бегства князя Михеладзе). Ишь, сукин сын! Псих!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. (про партизана, надевшего женские панталонны в магазине). Как во сне когда... Собираешься, собираешься, а всё на тебе голо. (Хохочет.)

БЛИНОВА Т.П. Ха-ха-ха!!! Не везёт ему!

БОЧАРОВА М.Т. Ни одни не годились!

ТИТОВА А.С. (про солдат). То ли они дураки, то ли какие были?

КОРЛЯКОВ И.Ф. Критикует их писатель.

ШИТИКОВ Д.С. Вояки индейские! И смех, и горе! Я так и думал, что не будет Кожух бить солдат.

ТИТОВА А.С. (относительно сцены приготовления солдат к порке). Вот тем теперь как, которые во фраках?

ШИТИКОВ Д.С. (о том месте главы «Перевал», где говорится о поимке молодого грузина). У Зазубрина заядлей про Завистовского написано. Тут хорошо, но до того не дойдёт! (Имеет в виду смерть корнета Завистовского из романа Зазубрина «Два мира». – А.Т.)

СТЕКАЧЁВ И.А. (о всей главе «Перевал»). Уж очень нудно, тягуче. На каждом камешке писатель останавливается, описывает его со всех сторон.

ШИТИКОВ Д.С. Нельзя иначе. Тут уж страх такой!

СТЕКАЧЁВ И.А. Ещё страшнее пишут, а коротко.

При чтении сцены похорон ребёнка в щелке, на дороге – слышались слёзные голоса женщин:

– Ой!

– Ой-ёченьки мне!!

– Горе моё!!

СУЧЛИКОВ Т.И. (о сцене всеобщего хохота участников «железного потока» вслед за граммофоном). Какой же тут мог быть хохот, когда все с голоду помирали. Чуть не лошади и повозки хохотали! Преувеличено так, что и нельзя допустить.

ПРОНКИН И.П. Эта штука лишняя и неправдоподобная.

ЛОМАКИН Т.Н. Тягучая и томительная. Лошади же должны были вперёд людей подохнуть.

ЭДУАРД М.А. (воскликнула при чтении пятнадцатой главы). Ох, сколько же они ходили, эти беженцы?!

БОЧАРОВ Ф.З. (после картины избияния попа). Нашатырного спирту дали!

ДРАЧОВ А.К. Немножко есть того... перебарщивает писатель... это самое... кое-где.

ЗАЙЦЕВ А.А. (в заключение главы «Дьявольская сила»). Ах, сладкая штучка!! Надо бы ещё главу прочитать! (Названной главой закончился один из вечеров читки. – А.Т.)

БОЧАРОВ Ф.З. Уж дюже художества много!

ЗАЙЦЕВ А.А. И художество тут – язык проглотишь!!!

ПРОНКИН И.П. Пересолил автор, когда писал, что уж очень партизаны устали, а вдруг – отчаянно дрались. Что дрались, это верно: им же выхода не было, и они это знали, но?

СТЕКАЧЁВ И.А. (в конце чтения главы «В железном охвате»). Разогнули кольцо «босяки»!

ПРОНКИН И.П. Ну и сила, и сила!!! Очень сильно написано!

БОЧАРОВА М.Т. Иногда на чтении дремлешь, а когда эту читали, то прямо-таки впивались в чтеца глазами и думали: «Хоть бы скорее, хоть бы ещё почитали, что там дальше будет?»... Сильно горемышно написано. Шибко жалко матерей и детей. Особенно как мать одна закапывала ребёнка в камни и никто на неё не обращал внимания! Подумаешь и по себе, так аж скребёт! Иной раз в книге смех, а то мороз с ног до головы пойдё-ё-ёт! А вот сейчас не пойму: что это там за вода шла, телеги замывала...

ЛОСЕВА П.В. Я так поняла, что дождь сильный шёл.

БОЧАРОВА М.Т. Почему так? Партизаны не набрали себе в забранном городе одежды? А панталон набрали? Неужели не было там подходящей одежды и продуктов? Пошто это так неясно? Шестеро панталон один натянул, а мужского ничего в магазине

не было?! Кожух геройский парень. Простой мужик. Твёрдо тянул народ. Смолокуров – подлиза.

ЛОСЕВА П.В. Кожух думал спасти людей, а тот только о себе думал.

БОЧАРОВА М.Т. На последней сцене, когда Кожух говорил речь на митинге и когда его подкидывали, – аж сама бы на митинг ушла! Сильно слова Кожуховы на меня подействовали! Наверно, его слова все лезли народу в сердце. Речь Кожуха совершенно мужицкая, а на сердце она падает здорово! «Железный поток» сильно подходит к «Двум мирам» Зазубрина. Автор даёт прикраску такую, что ты от неё понимаешь всё больше и больше. Закроешь глаза – и видишь камни, голодных детей, скалы... Писатель помалу, а всего касался. Бабка Горпина научилась, сознала, что Советская власть лучше.

ЛОСЕВА П.В. (перебивая Бочарову). Рада месту. Ихняя взяла, вот она и стала не зря сознательной. «Наша взяла», – думала она...

БОЧАРОВА М.Т. Эта книга деревенская. Всем её надо. Наплачутся люди и узнают, как досталась Советская власть. Недаром она была взята. Когда женщины кричат и ребятишки немуют: «Смерть! смерть!» – тебе на них вроде как и смешно, а на душе болит-болит!! Слова в книге так подобраны, что выкинь одно – и ничего не получится.

ЛОСЕВА П.В. Книга редко где хоть и рассмешит тебя, а я не смеялась шибко. И радостно делается, когда казаков беженцы разбивают. А где как на них нападут – так аж обидно делается, так аж подсобил бы им. Смешного мало. Ровно при смехе маленько одумаешься, в себя придёшь, повеселеешь, а там опять за сердце щиплет. И с нетерпением ждёшь, чтобы власть партизанская взяла. Кожух тянул, куда кривая вынесет, иначе ему бы гибель была. Вот партизаны падают духом, а речь Кожуха придаёт им силы, оживляет. И всё в писании кажется тебе в глазах, всё кладётся в чувство. Сон от тебя уж при чтении этой книги разбегается. Трёкнутся уж от чтения (т.е. прекратят очередную читку. – А.Т.), а тебе всё охота слушать. Скотину жалко от этой книги, а не только что людей! Я вот забыла, в какой главе – Авдотья Ивановна Сошина и ещё кто-то с нею рядом сидел – плакали над чтением. Всё писание понятно и всё как слито. Есть навой раз (иной раз. – А.Т.) книги – не знаешь, к чему они, а эта и тянет и тянет к себе. Ровно писатель со всеми с ними (с партизанами. – А.Т.) был в этом деле, прошёл с ними. Как вроде он с ними всю муку принял. Хоть и по-хохлацки есть написано, а всё понятно. Один вечер у меня болел сынишка Юрка, и я не была в школе. Ну аж душа изболела!! Думала: «Ох, пропущу, не

узнаю, что там будет!!» Мама была в школе. Пришла, а я спрашиваю: «Читали «Железный поток?» – «Нет». – «Ну, хорошо. Значит, не пропустила...»

СТЕКАЧЁВ Т.В. Типы подобраны какие надо в этой армии. Больше писано в книге про массу, но самое большое лицо – Кожух. Маленько Серафимович перемазал партизан. Уж очень они у него храбрые! И как-то скоро они побеждают грузин и казаков. Поход, ночёвки, ребятишки, лошади – и прочее это всё так. Есть в армиях шутки, выливаются, но от граммофона не должны все расхохотаться. Около него, может быть, были молодые люди и в шутках захохотали. На ночёвках бывает хохот, молодёжь, гармошка, песни. Тут плачут, тут умирают, а там песни поют – это бывает... Грабили партизаны магазины, а пошли из города голодные и без запасов. Там же жители были, и что-нибудь из съестного они да оставили. А то пошли партизаны опять голодные! Панталон набрали, а про хлеб забыли. Нет, армия сперва всегда продукты ищет, а уж потом панталоны. Перефорсил автор и тем, что шестеро панталон надел на партизана. Это он – просто так, для развлечения публики. А место-то смешное. Все смеялись. А вообще сказать – всё в книге впечатлительно было. Напряжён человек был на каждое слово. Похоже на то, когда ожидаешь решение на суде: «Что там вынесут?» Так и тут: «Что будет с Кожухом?» Охота тебе была досидеть на чтении до края. И писатель не перебрасывал тебя далеко на другое, а говорил об одном. Хотя в рассказе были казаки, но всё это сливалось в одно. Речь писателя – просто ежом тебя всего охватывает! Тут весь поход серьёзный! Первые главы были послабже, а что дальше, то тебя завинчивало всё больше и больше. Притягало, притягало. Матросы избили Кожуха, ну, думал я, пропало теперь дело! Жалко было! Как же?! Дело доходило до края, а они Кожуха было погубили! Сочинение называется «Железный поток» – и похоже. И сам Кожух – железный. Но маленечко всё-таки перемавлено. Уж шибко Серафимович сделал партизан большими героями! Некоторые говорят, что книга тягостная. А если бы партизаны не были так храбры и не так скоро забирали белых, то книга протянулась бы ещё дольше. Просто так сообразил писатель со своим помыслом. Но он хорошо сообразил. Все слушали, никто не уходил. Таких книг мало. Это – память о борьбе с капиталом! И хорошо, что тут никакой любви нету. А то некоторые писатели заведут в книгу какую-нибудь Агашку и половину рассказа – на неё! Тут этих всяких пустяков нету...

НОСОВ И.А. Больно яркий тип – Кожух. Желательно книгу дослушать до конца. Книга создаёт хорошее впечатление... своим изложением. Затягивает. Художественная часть хорошо отраже-

на. Партизанское движение изображено близко к натуре. Книга имеет историческое значение, рисует картину революционной борьбы.

ЭДУАРД К.К. (мадьяр, попавший в русский плен во время последней империалистической войны и не пожелавший возвратиться на родину. Коммунар. – А.Т.). Целиком «Железный поток» можно признать очень разбудительной картиной, хотя в описании между действиями есть увеличение. Значит, то, что толпа не может двигаться так, как описано. Потому что она была в таком трудном отношении. А почему это? Да потому что – думаю я так – Кожух без отдыха двигал и двигал массу такую! Этого нельзя было. Кожуху не было нужды так быстро двигаться, потому что белые не горячо за ним двигались. Где бы он с ними ни встретился – он разбивал их. Не обязательно ему было таким темпом подвигать толпу. Может быть, тут писатель чего не выразил? Не видно было из книги, чтобы Кожух от стычки, от горячих боёв бежал.

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Я всё за верное признаю. Всё было, что написано. (Смеётся.) А бабы в суматохе визгу подымут аж!!! При походе так и надо описывать, как есть. По-моему, не было неясного.

ТИТОВ Н.И. Ведь вот когда читают – думаешь: «Вот тут ответил бы, что ошибка». А когда пройдёт время, так уж забываешь это. Где же там всё упомнишь?! Когда-то мы читали, как один барышню в футляр посадил (говорит о рассказе А.П.Чехова «Роман с контрабасом». – А.Т.). Вчера ребята несут футляр (виолончель в футляре. – А.Т.), а я смотрю, и пало мне на ум: вот в такой, видно, барышню садили. Вспомнил.

СУСЛИКОВ Т.И. Кажется, слишком Серафимович преувеличил. Жара, люди и скот падают – и вдруг партизаны бились с пылом и одолели свежих казаков. Кожух – личность выдающаяся. Он слишком отважный. Злой. У него маленькие пронзительные глаза. Все видят. Он похож прямо на какого-то хищника. Он беспощаден. А не стал он пороть солдат за грабёж магазина, может быть, потому, что боялся восстания. Там нужно было наказать почти всех. А разве это возможно? А тут матросы ещё убеждали солдат против Кожуха... Природа описана полностью. В описание природы я, правда, мало вникаю. Я больше запоминаю действия. Бабка Горпина смешная. (Смеётся.) Для весёлости бабка в книге. Она взята просто для описания деревенских тёмных лиц.

ТИТОВА Л.Г. Я вот старуха, а сечку на днях потеряла и думаю-думаю о ней. Я согласна, что такие (как Горпина. – А.Т.) есть. У них где пропадёт на сотни – не знают, а за копеечное дело поднимут бой.

СУСЛИКОВ Т.И. (продолжая). У меня мать такая была, как Горпина. В описании ничего лишнего нету, а всё-таки можно бы короче написать. Удлиненно написано, но не томительно. Разволоклось слишком. Надо бы короче, а выдающиеся моменты оставить бы в целом. Было в книге и потрясающее, но ему как-то не верится. Например: шли партизаны и помирали. Тут же лошади и люди падали от голода, шли через перевал. И приказ: ещё двое суток идти! Приказ-то справедлив. Надо было идти. Казаки наступали на них. И партизаны разбили их. Безоружные, а разбили! Ну ни в какие рамки это не лезет! Писатель хотел этим выразить, что и голодные, изнемождённые люди кидаются напропалую «живи или пропал!» Потому что им бы всё равно – гибель. Но этому я не верю.

БОЧАРОВА А.П. (не слушая Сусликова). У матерей ноги не шли, кормились листьями, ручками синими дети трепещутся, матери грабятя до детей, но не могут, чтобы посмотреть их. Глянула я тут на Пахомовну (на Т.П.Блинову. – А.Т.), а у ней слёзы сыплются. А меня прямо ножом в сердце ткнуло и всю меня затревожило, подрало по коже. Ох и печальный рассказ! Голодный и бесильный в страхе делается злой, кто знает, откуда у него берутся нервы и сила. И все жилы тогда у него в напряжении. В испуге всякое вещество нипочём.

ТИТОВА Л.Г. Ежели пожар, вон сколь унесёшь! А напоследок от земли не оторвёшь.

ТИТОВ Н.И. Есть такие случаи. Мы в японскую войну отступали – по семь суток шли не евши. А просунешься вот эдак – соснёшь – и опять в ход. Разбудишь товарища и – айда!

СУСЛИКОВ Т.И. (запальчиво возражает). Нет! Дети умирали, лошади дохли, давно голодали – и сражались! Не верится! Давно ведь они голодали! А всё в книге идёт по порядку. Она идёт и для политики. Если читатель прочтёт «Железный поток», то он больше будет убеждён в том, что белую сволочь надо уничтожать. Эта книга вызывает у человека плохое чувство к буржуазии.

БОЧАРОВА М.Т. Больше всего выдавал здесь писатель детей.

БОЧАРОВА А.П. Дети тут – вся заноза!

БОЧАРОВ И.И. (ученик пятой группы, сын А.П.Бочаровой). Когда матросы хотели убить Кожуха, то я аж испугался тут!!!

СУСЛИКОВ Т.И. (в ответ школьнику). Нет, я этого не думал: я знал, что Кожух выйдет победителем. Писатель этого и хотел. Это уж я знал!

КОРЛЯКОВ И.Ф. Сильно голодными автор изобразил партизан.

НОСОВ М.А. Есть ли сила у неевшего?

ЛОМАКИН Т.Н. Побледней бы тут маленько написать надо. А то казаки-то сонные, что ли, были?!

СТЕКАЧЁВ И.А. Немножко прибавлено. Но Аграновский (известный журналист, посетивший в 1928 году нашу коммуны. – А.Т.) говорил, что голые красноармейцы брали у немцев Киев.

ЛОМАКИН Т.Н. Вон Чапаев с армией всё уже пережевал, но не такие они были голодные.

ЗАЙЦЕВ А.А. Если люди увидели повешенных белыми красных, то после этого воодушевились. Злоба у них и мщение появилось. Это верно написано.

БОЧАРОВ Ф.З. Без подкраски и смаку не было бы.

ЗАЙЦЕВ А.А. А потом, когда партизаны ловко подошли к казачьим окопам, то у казаков руки отвалились. Это верно.

ЛОМАКИН Т.Н. Как-то ни с того ни с сего партизаны побеждают казаков.

БЛИНОВ Е.С. С бабками писатель протрепался, а детали позабыл.

КОРЛЯКОВ И.Ф. Как саранча на берег – навалились повстанцы на казаков.

БОЧАРОВ Ф.З. На германской войне я видел, немцы наскочили на казаков. Сразу всех смыли.

СТЕКАЧЁВ Т.В. В «Двух мирах» – куда яснее отступали! А тут – нет.

ЛОМАКИН Т.Н. Когда через реку пошли партизаны, тут уж у автора глаже пошло. Есть увязка, детали... Но много есть трогательного. Живность есть. А то у него (у автора. – А.Т.) плохо, что шибко затяжливо. Уж очень много он ужастей описывает!

СТЕКАЧЁВ И.А. Повторения есть.

БОЧАРОВА А.П. Частями книга близко подходит к «Двум мирам». Эх, кабы эту книгу сплошь читать, без перерыву!

СТЕКАЧЁВ И.А. Ничего, что много раз писано, но одни и те же слова повторялись несколько раз.

СТЕКАЧЁВ И.А. (как бы дополняя замечание И.А. Стекачёва). Как Кожух сжимал железные скулы.

БОЧАРОВ Ф.З. Нервничал Кожух. Положение его было такое. Это сильный художественный рассказ. Как же скула не сдёрнется, если поддержки Смолокуров Кожуху не дал?! Тут не только скулу, а санку набок сведёт. При такой обстановке. А что про тягучее говорят, так это что? Как тягучему не быть?

СТЕКАЧЁВ И.А. Тема хорошая, выдающаяся, и политический смысл есть. Напоследке говорила Горпина. Это здорово может повлиять за Советскую власть. Потрясающее проходит по всей книге.

ЛОМАКИН Т.Н. Фурманов описывал Чапаева – так там ужасов больше. И они описаны быстрее, яснее, конкретнее. На кой чёрт было нужно возиться с Горпиной, с её самоваром? Никакой роли она не влияла.

СТЕКАЧЁВ И.А. (возражает Ломакину). А ведь картину-то надо было показать? Что сначала говорила Горпина и что в конце – в этом смысл.

НОСОВ М.А. Превышено, где повешенные. А так – всё верно. Шли, нога за ногу заплетали, а вон что делали!

БОЧАРОВ Ф.З. (Носову). Ты, Носов, в походах не бывал? Вот так (изображает) согнёшься и идёшь. А как только музыка!

СТЕКАЧЁВ И.А. ...Или немцы!

БОЧАРОВ Ф.З. ...И понесёшься! Если тебе дадут, ты напыжишься и попрёшь!

НОСОВ М.А. Ну, конечно, всё у него (у автора. – А.Т.) есть. И художество, и всё. Даже перевышено. Когда партизаны сходятся с казаками, так тут сидишь и весь трусишься!

БОЧАРОВ Ф.З. К этому тема и подводила.

НОСОВ М.А. По читанью – Кожух сутулый, мохнатый, долголицый. Глаза маленькие. Небольшого роста.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Лоб, нависший на глаза...

ЛОМАКИН Т.Н. Тип – прямо отдирай – примёрзло! Неповоротный хохол! А все писание нужно было расположить так, чтобы изображались страдания людские в ходьбе и бою, а то в боях страданий не было... почти! Пуще бы трясло слушателя, если бы в бою наши маленько страдали. Мы не говорим, чтобы наших побили, но ведь это же – художество! Надо, чтобы трясло!

СТЕКАЧЁВ И.А. На одну полку с «Двумя мирами» надо положить «Железный поток».

НОСОВ М.А. Только эту пониже.

БОЧАРОВ Ф.З. Твёрдый был Кожух своей головой перед массой. Масса голодная, необразованная, никакой дисциплины! И он убедил их: они пошли за ним. Он делал у них какой-то громадный подъём! Только с автомобилем дело мне непонятно. Не довёл тут писатель, перебросил мысли на другое дело. А старик Горпины – тупой мужик, а всё же в него накачали духу, и он с душой начал говорить. Просто у него не голова говорила. А из души... сама энергия его. Вспомнишь двадцать первый год – и так сразу в тебя чувство бросается. Интересно: работаешь когда и вспомнишь вот такую книгу – так не чувствуешь работы, не чувствуешь тягости на руках, кипит у тебя всё...

ТИТОВ В.А. Кожух был геройский вояка! Он не опадал духом и всех подбадривал. Хороший командир и у голодных дух подни-

мает. Приукрашенного не было в чтении. Некоторым нашим кажется, что здесь приукрашено, но это они по себе судят. До последней ясности писатель дело не подводил. Если бы ему всё это до ясности писать, до мелочей, то книга должна была бы быть в несколько тысяч страниц. Он (автор. – А.Т.) и давал всё в кратком действии. Очень всё понятно. Непонятно, может быть, для того, кто не участвовал в войне. Как только наступать, так Кожух ободрит партизан. И слушатели ободряются. Того человека, который участвовал в войне, всего поднимает, когда читаешь «Железный поток». Книга будет существовать надолго. Для будущих людей.

ТИТОВА А.С. Я сразу брала чувство с себя, когда слушала. Мы бегали тоже. Бабушка была слепая. Подходяще к нам писано. Чувствительно всё к нам подходило. Как дети страдали – так куда бы и делся! Если этой книжки не будет, мы не будем знать, как Советская власть нам доставалась. А то сейчас некоторые молодые говорят: «Что вы, старые, завоевали? Вы абы что выдумывали!» А нам приходилось вон как страдать. Под амбарами ночевали... Как читали книгу – так всё вперёд шло и шло, и ты заблуждался. Все хорошо понимали. Кабы книгу составлял простой (т.е. лёгонький. – А.Т.) писатель, он бы тут напутал. Мне всё кажется, что писатель как ровно рекой брёл и брёл... Меня тогда (во время читок романа. – А.Т.) ещё общая кухня путала, шибко я умаривалась. Дремать хотелось каждый вечер. И то – придёшь из кухни да скорей торопишься – не пропустить чтение. Умучаешься – и то неохота было спать. И бабы вечером на работе всегда торопились: «Ох, скорей! А то опять будут «Железный поток» читать, а мы опоздаем!» У нас Парунычка (замужняя дочь. – А.Т.) так терпеть не могла, ждала, когда вечер придёт. Раз я угорела в бане и не могла идти в школу. Так Парунычка мне всё рассказала, что читали тогда, что я пропустила. Деревенские совсем этого (того, что описано в «Железном потоке». – А.Т.) не знают. А если бы они послушали эту книгу, им бы пало кое-что на ум.

ШИТИКОВ Д.С. Серафимович написал эту повесть так, что с политической точки зрения никак не подковырнёшься. Каждое слово его много на психику человека вразумливает. Когда слушаешь «Железный поток», то по всему телу комары ползаяют. Вот до чего доходит! При конце всего рассказа, когда Кожух говорит речь и когда матросы покорились, – матери ребёнка совали ему... от радости, что Кожух спас их от неминуемой смерти. Это как будто мимоходом сказано, но меня аж слёзы проняли! Вот до чего люди ценили Кожуха! Тут сказано великое чувство человека к человеку! В сильных драмах Серафимович говорит как рубит. Запоминается

в рассказе всё. Драма тут!! На каждом месте!! Либо живая человеческая, либо такая... природная. И все драмы у Серафимовича – естественные. С художественной, политической и теоретической стороны они написаны так, что лучше не придумать! Например, у молодого грузина, которого партизаны поймали, шли кровавые слёзы на ресницы. И его в расход пустили. Это – великое художество. Но конец – слово Кожуха «в расход!» – не художественный. Это чересчур понятно теоретически, но художества в слове «в расход» – нету. Скажем про Завистовского из «Двух миров» Зазубрина. У него папироса догорала, и жизнь его догорала. У слушателя стучало сердце тогда с замиранием! Вот где великая трагедия чувствовалась! У этого сукина сына Завистовского! У Серафимовича есть ещё один случай... Красные партизаны наткнулись на четырёх белых. Допросили их на ходу. И тут мимоходом Серафимович сказал, что они копали себе могилу. Каждому понятно, что смерть будет. Но почему здесь Серафимович красочно не сделал трагедию? Раз описываешь, то описывай и смерть белых всё равно художественно. Но, может быть, у писателя была такая психика: не разводить над расстрелом белых большую черемонию... А я думаю так. Для меня нужно художество. А это ничего, чтобы художественно был бы описан контрреволюционер. Я хвалил бы не контрреволюционера, а художника. Может быть, нынешние писатели боятся описывать художественно смерть белогвардейцев, чтобы кто-нибудь не пожалел белых. Но ведь из пролетариата никто белым не посочувствует, а был бы почёт тому, кто описывал художественно. Никто не скажет, что Серафимович написал скверно «Железный поток». Если кто это скажет, мы ему ответим: «Найди лучше. Никто ещё так не писал про революцию». Но как ни хорошо пишет Серафимович, а в рот и он не положит. Надо самому разжевать весь вкус, который есть в его словах. Например, ежели стоит восклицательный знак, то надо понять, что тут надо сделать препинание и подумать. Я на что обращаю внимание? На точки. Раз если точек в книге много, то там и неисчерпаемая гора мыслей и слов. Но их надо – скажу опять же – разжевать самому человеку. И мало-мало подготовленному. Про меня сейчас кто-нибудь скажет: «Наверно, политически человек мало развит, а художества совсем не понимает». А сравним Серафимовича с Подъячевым. У того и у другого точки одинаково частые. Только у Серафимовича идёт революция, а у Подъячева – вековая потомственная гольтепа. Только этим они и разделяются. Но когда читаешь Подъячева, как будто плывёшь по озеру без зыби. Может быть, потому я так говорю, что мне с младенчества бедность уелась. Читаешь Подъячева – и вслед за чтением

у тебя перед глазами видны на лету те люди, которые изображаются в книгах. Как на кинематографической ленте! А у Серафимовича иначе. Идут военные действия. На его точках нужно дольше останавливаться, чтобы живую картину придумать, как она действие своё проделывает. И ещё надо узнать расположение местности, в которой происходят действия. Поэтому на точках Серафимовича приходится больше задумываться тому читателю, который читает с головой. А если тарабанить, то ничего не будет понятно у Серафимовича... Я не для того сравнивал двух великих пролетарских писателей, чтобы посмеяться, что один легче пишет, а другой – тяжельше... Нет, художество у них одинаково сильное. Но у Подъячева история сразу поймёт, почему была бедность, а у Серафимовича человек будет и художество читать и по книгам его изучать революции, действие партизан. Вот поэтому-то «Железный поток» будет и потяжелее сочинений Подъячева... В книге всё грусть и грусть. Комедийных сцен было немало. Например, как мать с мальчишкой пузыри пущали и как этот младенец «море» под отца пустил. Но горя с этим сыном было в двадцать раз больше. Его шрапнелью убило, у матери груди разбарабанило. Ей и кормить-то нечем было. И было горе такое трагическое, что до слёз! А смех перед ним капля в море. Комическая половина в «Железном потоке», для поддержки нервов читателя, мала против великого заунывно-трагического в книге. По читателю всё время ходит напряжённость. Я читал в «Журнале для всех» рассказ Новикова-Прибоя про спасательную лодку. Там тоже такая великая грусть, что невыносимо читать. По-моему, это недостаток писателя. Надо было Серафимовичу сделать полегче «Железный поток» для поддержания читательского духа. В отрядах великий голод. Партизаны забрали город, победили Михеладзе – неужели они не поели?! Устроил бы Серафимович там обед партизанам, и он поддержал бы тем у читателя дух весёлости, бодрости. А то у него – уныние, голод, бедствия... Нету читателю облегчённости! Есть в «Железном потоке» протокольные описания, но они проходят там хорошо, между художеством, между картинками. Их не заметишь... Если бы хороший режиссёр заснял весь «Железный поток» на киноленту, то я бы её ни с каким «Потёмкиным», ни с «Октябрём» не сравнил! Уж тут написаны все великокрасочные слова!!

ЗАЙЦЕВ А.А. Появился у нас в коммуне роман «Железный поток». Все готовились к чтке его, как к встрече какого-нибудь редкого почётного гостя. И говорили: «Вот будет «Железный поток!» Вот будет «Железный поток!» Но я от него ожидал больше, чем получил. Не особенно удовлетворён. Местами роман силь-

но растянут. Именно – разговор толпы, сброда всякого. Нет ярких личностей, а все они как-то в туманности. Особенно всё в тумане кажется, где партизаны спустились с горы к какому-то городу у Чёрного моря. Неизвестно: какой город? Кто стрелял? Лился этот поток неизвестно куда, зачем. Надо же было читателю чувствовать место, куда партизаны направляются?! В городке бегали какие-то раненые, кто-то кричал, что он не тифозный, какая-то сестра, что ли, милосердия кого-то уговаривала: «Не бойся. Они не звери». (Цитирует на память. – А.Т.). Можно сказать, что у Серафимовича в «Железном потоке» большинство чтения – непонятное. Но зато у него чётко описаны те места, где отряд Кожуха был в безвыходном положении. Тут он хорошо описывает находчивость Кожуха, его спокойную энергию, что и содействовало его удаче. Нашим командирам не мешало бы учиться у Кожуха. Могут ли быть такие ливни, какие описаны у Серафимовича? Я сроду не видал... И не читал о них... Про граммофон (точнее сцену всеобщего хохота «потока» над клоунским хохотом в граммофонной передаче. – А.Т.). Вообще это – выдумка. Как это может быть такой хохот?! Вся армия хохочет и не знает, отчего! Я сам бывал в походах. Приходилось видеть – хохотали и там: впереди или сзади. Но если ты причины хохота не знал, то и не смешно тебе было. В страдания толпы верю. (Раздумывает. – А.Т.) «Железный поток»!!! Один заголовок чего стоит! Прочитавши заголовок, чувствуешь что-то огромное. К тому же книга из партизанской жизни. Ну, думаешь, что-то есть! Но поток именно был только поток. Поток протёк – и следа почти не осталось. Но толпу и всю мешанину я вижу ясно. Они все изображены художественно. А такого фактического я в книге ничего не вижу. Прорвались, пришли, где-то остановились. Неизвестно! Я не знаю, как понять такие слова. В одном месте книги говорится, что Кожух сидел в хате с братом. Ели белый хлеб, яйца, пили чай. Угощала их жена Кожуха. А потом, вскоре после этого где-то Кожух говорит, что у него нет никого, ни жены, ни братьев... В романе много страшного, и оно написано так, что сомневаться нельзя. И страшное меня не утомляет, когда я верю ему. А когда не верю, то страшное утомляет. Комического при чтении много, а в общем оно как-то теряется и плохо помнится. Вот про попа помню, а какие там разные ещё были смешные штуки – ничего уж не помню. Чувствую я только массу и Кожуха. Они получились действительно художественно. Но удивительное дело: слушать и читать «Железный поток» тянет! Поток идёт куда-то, ты ему сочувствуешь и ждёшь, что будет дальше. Но... толпа шла от неопределённого места, пришла к неопределённому месту, и роман умалил своё значение. Читал я «Два мира» Зазубри-

на. Мне там было известно, там-то партизаны стоят, удерживают напор такого-то белого отряда или отступают к таким-то местам. Всё это я вижу своими глазами, а у Серафимовича мне как будто кто на ухо шепчет о происшествиях. У Зазубрина я смак чувствую, а у Серафимовича – как будто ем недосоленное. Весь «Железный поток» я вижу как сквозь запылённое стекло. И только в отдельные пятна протёртого стекла вижу отчётливо отдельные места. А в сущности отличный роман!! Если бы в нём всё было написано отчётливо, то можно бы его читать с большим упоением. В «Железном потоке» нет ответственных героев, кроме Кожуха. Их надо прибавить, чтобы они связали, склеили роман. Но во всяком случае, роман добрый. Ценить его можно за хорошие места. Они искупают все его недостатки. В деревне и в армии он исключительно (читай: особенно. – А.Т.) нужен. А слова у Серафимовича неравные. Есть густые, сочные, а есть и жиденькие. В последней главе мне почему-то почувствовалось, что возгласы на митинге присочинены автором. Как будто этих возгласов, судя по разношёрстной толпе («без попа нельзя хоронить!»), не должно бы быть. И со стороны вождя тут не было такой зажигательной речи, чтобы привести толпу в подъём. Подготовки к возгласам от вождей не было. Кожух что-то говорил, но ничего зажигательного у него не было. Наверно, Серафимович спешил писать этот роман. Но я уверен, что Серафимович мог бы написать «Железный поток» лучше, если бы он повнимательнее и не спеша писал его. Пущай Серафимович не привыкает писать, как модные писатели, а пущай придерживается хороших писателей...

ЛОМАКИН Т.Н. Ценю роман, как дорогое вещество. Автор, как хороший кузнец: взял кусок железа, растянул из него хорошую вещь и сковал её. Радостей не было. Какие тут могли быть радости, коли война?! Отступают голодные... Хорош хохлацкий язык, выворотные слова. Недоволен я только быстрым героизмом красных. А вот когда партизаны забрали первый город, после перехода реки, то там пошло всё равномерно, регулярно. Потом всё шло степенно, как оно должно и быть. Сильно возмущала меня матросня, какая-то проклятая хулиганская шайка! Боялся я, что они убьют Кожуха. Рвала эта матросня меня! Я всё время смущался и не понимал, для чего Горпина здесь. Но в конце романа я убедился, для чего она. Стих (в смысле – стиль. – А.Т.) у Серафимовича такой связный, увязливый. Только тихо автор затягал. В сторону он не вилял, а всё оттягивал, как хороший бегун. Не догонишь! Пыль, жар. Идут толпы... хромой раненый уцепился за бричку и не отстаёт – разве это не картины?! Картин у Серафимовича очень много. Слушаешь на чте-

нии ужасы – и всего тебя иголками потыкивает. Стань эту книгу читать в любой деревне – и слушателей найдётся – толпа! Уйма!! Она впитывается в человеческие кровя, будормажит тебя. Я сейчас всё помню. Особенно – мёртвого ребёнка. Он уж протух, а мать всё его жалеет. Как же это забудешь?! В этом автор умеет заложить своё произведение в голову каждому слушателю и читателю. Жена моя не видала партизанских действий. Послушала «Железный поток» – и толкует, и толкует! У нас всегда так: хорошую книгу толкуют в хорошую сторону, а плохую – в плохую. Дня по три-четыре и больше – все толкуют. Серафимовича не ругают. Только некоторые говорят: «Всё хорошо, но больно медленно тянет!» «Железный поток» можно класть на любую полку и рядом с любым писателем, но только сверху, несмотря на то, что он протяжливый. Я про партизан читал только три крутые книги: «Чапаев» Фурманова, «Два мира» Зазубрина и «Железный поток».

БЕРДОВ Н.П. Роман Серафимовича «Железный поток» написан довольно образно. При чтении его чувствуешь невольную ненависть к белогвардейцам и при том как будто сам переживаешь и переносишь все те лишения, каким подвергались участники похода. Только конец «Железного потока» вышел каким-то куцым. Мне кажется, автор не довёл его до конца, то есть непонятна встреча Кожуха с красными войсками. Я сначала долго не понимал и только догадками кой-как сообразил, в чём тут дело.

ЗУБКОВА В.Ф. Я и не знаю, что сказать. Речи Кожуха действуют на меня. Хорошие речи, дельные. Кожух – хорош. Но если бы кто-нибудь потребовал от меня рассказать «Железный поток» слово в слово, как некоторые другие книги, например «Колчаковщину» Дорохова, – я бы не могла... Тут мы с Петром (муж В.Ф. – А.Т.) читали, – и вся картина стояла на виду. Как взялась я тот читать, так и не оторвалась. А на этот меня не шибко мануло. Хорошая штука, а чего-то недостаёт. Но не могу себе представить – чего? Ровно слышу – когда книгу на сцене читали – ровно должно быть хорошее, а нет чего-то! И когда слушала и когда сама читала с Меланией Тимофеевной (с М.Т. Шитиковой. – А.Т.) – всё то же было. У Дорохова картины – на глазах твоих, а тут (т.е. в романе «Железный поток». – А.Т.) ровно мне кто-нибудь рассказал про этот ужас. (О сцене хохота «потока» за граммофоном. – А.Т.) В куче люди могли хохотать: на миру ведь и смерть красна. Но чего-то в книге не доказано. «Колчаковщину» я людям похвалила, а про эту я ничего бы людям не сказала. Отговаривать бы их не стала и рекомендовать бы не стала книгу. Я бы сказала: «Ну, возьми, может быть, тебе понравится». Может быть, это потому, что я – малограмотная.

Мало понимаю... Ребёнка у матери убили (в романе Серафимовича. – А.Т.), мать сильно плакала, а у меня от этого нет шибко такой жалости. Туманно как-то!

БЛИНОВ Е.С. (перебивая В.Ф. Зубкову). Видишь ли, люди ждали от «Железного потока» больше. Они устремили взор на дальнейшее. А на детей просто не смотрели. Когда Подъячев писал в «Мытарствах», как старик хоронил в яме своего дитя, там, конечно, жуть брала, потому что одно было. А в «Железном потоке» мысли слушателя всё время впереди, на большом, а Серафимович его не указал.

ЗУБКОВА В.Ф. Кто-то прокатил на автомобиле, его окружили свои, стреляют. А ужаса никакого нету. Ещё писатель вклинил там Анку. Хотел, видно, любовь сделать, а не получилось. Анка так и осталась. Название «Железный поток» к книге не подходит. Кабы все не качались (читай: не колебались. – А.Т.), шли бы в один дух, а то одни кричат «идём!», а другие – «зачем идём?»

СТЕКАЧЁВ И.А. Вот слушаешь «Железный поток» и веришь ему, но всё-таки закрадывается мысль, что что-то там не происходило! И это почти что по всей книге! Она так-то хорошая вещь, нельзя её хулить. В политическом смысле она сильная, но всё-таки что-то подозреваешь. Она, вишь, в себя-то не всасывает слушателя всего, а как-то от неё отталкиваешься... В сторону, в сторону (изображает, как отталкивается. – А.Т.). Не вплотную подходит. Хороша книга, и слушаешь её со вниманием, но всё-таки что-то такое... не знаю что! Серафимович хотел горечь написать о тех, которые отступали, но чересчур он их утомительными написал! Все они чувствуют, что всё у них пропало! Наши сибирские партизаны совсем не такие были. Когда, бывало, смотришь на наших, то думаешь: «Ничто не устоит пред ними!» А у Серафимовича партизаны изображены какими-то растёпами, нюнями. А между прочим, быстро побеждали казаков, нигде никакого бою не сдали, везде побеждали! Всё это хорошо. А так поглядеть – они смешные. Вот и не верится. И всегда у них – нуда, горе!! Смеялись мало. Мало бодрого, внушительного. Смеялись они за граммофоном все сразу, как по команде. Этот смех за граммофоном никак не влазит в книгу! Чересчур у Серафимовича много тягучести, чересчур он много мелочи назамечал! А крупного-то нету. Камешки, лошади, вода текеть, то – другое... есть, а боя, какого-нибудь большого факта – нет. Сразу у Серафимовича как-то всё выходит: подошли партизаны к казакам и давай им ни с того ни с сего головы хрястать! Как Бова-Королевич с метлой наступал на какое-то царство! Метлой всех разогнал... И везде у Серафимовича так. Только через

реку правильно шли. Не сразу в бой шли... А язык не скажешь, что плохой. Пишет Серафимович хорошо. Сама по себе штука великая, а не верится. Думаешь, так было, и думаешь, что не так!

БЛИНОВ Е.С. Все эти мягкие художества, которыми автор старался придать красоту произведению, нужны, когда ты сидишь с чарочкой и ничто тебя не тревожит. А когда картина касается тысячей жизней, то это уже не к лицу. Как только начинал Серафимович с мелочей, меня зло брало, и силой я себя удерживал, чтобы не уйти из школы. Меня держала тема, а само произведение – нет. Возьмите маленький рассказ Л.Толстого «Набег». Там же всё ясно! Кабы Серафимович в такой же форме выразил главные моменты, тогда бы у него было великое произведение. Надо сказать о Кожухе. И разрисовал же его Серафимович! Он как наш Егорка Никишин. Вижу его, но не верю. Знаю, что если он такой, как разрисован, то никто бы за ним шагу не шагнул. Не такой он должен быть. Люди увидели у него глаза в последней сцене. А глаза необходимы вождю. В глазах – гипноз. Симпатизировали ему – значит, у него были какие-то хорошие глаза. Потому что глаза – рефлекс хорошего ума! (Е.С.Блинов прошлым летом читал книгу академика И.П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», которую дал и толковал ему наш коммунальный врач Б.П. Боржек. – А.Т.) Я только потому так резко говорю, что Серафимович взял большую тему, но не сумел её так построить, чтобы она соответствовала своему назначению. А если бы так была написана маленькая такая вещь, она пошла бы за первый сорт... Пускай идёт в деревню «Железный поток», пускай его читают, но я во второй раз уже не буду его читать.

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Нет, кабы писатель написал что-нибудь такое, чего я не знаю, это было бы дивно! Зачем их волок за собой Кожух? (Говорит о мирных жителях. – А.Т.) Неужели ж им нельзя было вырваться из кольца? Ведь где-нибудь же был край белым? Нестатно это написано! Речь-то у писателя хорошая, но и хорошей речью можно написать худое. Я слушал «Железный поток», не уходил из школы, но горевать об ём не горевал. Когда читали, думал об ём, а после – нет. Бабка-то Горпина! Нестатно про неё написано! Она сначала никого не понимала, а потом, через каких-нибудь два месяца с половиной закричала за Советскую власть. Не поверю! Это ей пятки натёрло, вот она и кричала, а вовсе не от понятия. Во время семнадцатого года мы стояли в Козлове Тамбовской губернии. Случился переворот – и все за новую власть! Так и Горпина. Никого она не поняла. Заживут у неё пятки, она опять будет думать прежнее. Но всё-таки от чтения будешь ты бур-

жужа ненавидеть. И я книгу не хаманю. Нехай её читают. Только я-то всё это писанье видел. Мне от него не дивно. А я люблю дивное, кого я не видал...

ШИТИКОВА М.Т. Всё-таки мне, как-никак, а поглянулся «Железный поток». Очень уж у Серафимовича какие-то громкие фразы! Вот, например, когда партизаны ехали через мост. Мужики не поладили, подняли свалку, драку, войну между собой. Все растерялись, а Кожух нашёлся: поставил пулемёт и начал сыпать пулями. И ветер смерти зашевелил волосы. Всё это меня подрало, когда слушала я чтение. А когда я сама читала «Железный поток», то эту фразу несколько раз прочла. Говорят, везде в книге тягучее и радостного мало. Как же это так? Всё превозмогали беженцы своим упорством и с железным терпением. Вот их окружают кольцом, а они всё-таки вырвутся, их победа окажется. И делается весело. Ровно сразу отляжет. Серафимович много описывал художественного: жара, пыль, у ребятишек качаются головёнки, но дуже часто слова повторял автор. Не нравится это. Досада. Тебе хочется дальше, а тут опять повторение. Серафимович этим повторением хотел выразить долгие муки партизан. Чтобы жалость была к ним. Мне так думается. Но цели этой Серафимович у читателя не достигает. От этого у читателя теряется напряжённость. Никаких больших чувств от него не было. Думаешь, война, революция... Должны бы быть сильные чувства, а их не было. Да это ожидалось, потому что сами мы видали революцию, гражданскую войну. А кабы этого сама не испытала, роман не повлиял бы на меня. Не явно всё показано. Загорожено чем-то. Просто я измучилась вся! Никак не могла заставить свои чувства переживать всё написанное. Ну, прямо маялась вся! Конечно, я не скажу, что «Железный поток» не нужен совсем. Но как-то он... Вот у Пушкина в «Пиковой даме» думаешь, что в этом месте будет как-то, оно выйдет совсем по-другому. Герман прошёл к графине. Её долго не было. Он попал в её комнату, а ему нужно было к Лизе. Думаешь, что он умер. Бойтся старухи! Старуха ложится спать. А у него (у автора. – А.Т.) вышло всё наоборот. Это-то и нравится, что неожиданное положение выходит. От этого мысли всё время играют, работают, придумывают. Это интересно! Не сидишь пнём, чуркой. В это время даже неохота говорить ни с кем. Если затеют разговор, то с досады уйдёшь на другое место и раздумываешь, как и что будет. Думаешь, будет так, а оно опять по-другому. Мудришь-мудришь по своему по маленькому уму, а оно опять не так. И всё это приятно, весь торжествуешь, жизнью наслаждаешься с теми людьми. (Читай: с героями произведения. – А.Т.) А на «Железном потоке» не пришлось свой ум ломать, потому что

всё сразу видно, что будет. У Пушкина заломка-то уж очень интересная!! А у современных писателей всё сразу знаешь, чем кончится.

ПРОНКИН И.П. Язык «Железного потока» от крови нашей, родной наш язык. Каждое слово было понятно! Этому у автора отнимать не приходится. Художественная сторона довольно большая. Во время всего следования партизан наш Серафимович не забыл описать ни одной вещи... Телега, за ней свинья, визжит, упирается. Тут собака, тут корова и кибитка с людьми. Если бы это нарисовать на картине, то сказали бы вы, что это одна из лучших картин! И смех, и жуть! «Железный поток» будит классовую вражду. Это произведение не даёт остынуть революционному чувству у тех, кто защищал революцию. От него классовое чувство расширяется. Кожух действительно герой, наподобие стали! Он был хладнокровен. Его на руках носили. Даже те, кто хотел его уничтожить. Герой был автором подобран удачно.

Несомненно, такое произведение, как «Железный поток», многих наталкивает на воспоминания о невзгодах и революции. Отсюда вывод: сочинения Серафимовича – ценная вещь в современных условиях. Есть люди, недовольные Советской властью: того ущемили, того обидели, того обложили. А кто прочитает это произведение из этих людей, тому дорогá станет Советская власть. Прочитавши такую книгу, ни один не подумает о возвращении к прежней кабале. Для советской массы Серафимович ценнее даже Пушкина.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. От «Железного потока» меня аж за шкуру трясло!

СУСЛИКОВ Р.Т. Мне вся книга поглянулась. Я всё понял. Только плохо видится дорога, по которой шли партизаны и беженцы. Вот как-то не могу я своим умом этого увидеть. А тема очень хорошая. Весь рассказ революционный. Говорят, что с Горпиной писатель зря волюнчился. Нет, по-моему, не зря. Эта Горпина обозначает, что даже старые старухи поняли, что Советская власть им нужна. Горпина здесь необходима... Ещё говорят, что шибко тягуче написана книга. Сам же поход был тягучий. Как же иначе его описывать? Кабы писатель не тянул, мы бы не увидели, как страдали беженцы и партизаны. Напиши он коротко, что бы получилось? Какая нудность? Ничего бы не получилось этого.

БОЧАРОВ Ф.З. В современных условиях и против многих нынешних писателей. Серафимович много стоит.

П р и м е ч а н и е. С весны 1929 года коммуна «Майское утро» слилась с соседней коммуной «Пробуждение». Стало у нас много народу. Всё сельскохозяйственное производство получило гро-

мадный размах. В связи с этим шире развернулась и общественная культурно-просветительная работа, а здание школы всё ещё пока оставалось единственным помещением, где эта работа велась. Аудитория у нас захватывалась, что называется, с бою. Вот что и не позволило мне прочитать «Железный поток» «соплошь», как этого желала А.П. Бочарова, чтобы он оставил у слушателей наилучшее впечатление.

Интерес крестьян к «Железному потоку» не ослабевал от начала и до конца читок. Вслед за прочтением романа в школе в библиотеке на него повысился спрос, а мой экземпляр скоро доживал свой короткий век.

Мне кажется, устранение из «Железного потока» многих длинот и «туманностей» – необходимое условие, чтобы он стал любимцем деревенского читателя, а тем более – начинающего.

Смутность восприятия крестьянками некоторых картин «Железного потока» отразилась и в их высказываниях.

К. Тренёв*

ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ

(Читано 23-24 октября 1927 г.)

БЛИНОВ Е.С. Заголовок один чего стоит! Какая-то самоотверженность в нём... железная! Всё в книжке этой просто и до того ярко! Кошкин на своём настойчив. Камень! А Швандя до чего юрок! По разговорам как будто он – тюха, а получается у него всё хорошо. Умен! Ведь надо же было про бабу вздумать, которая будто чертёнка родила, и про магазин с золотыми часами! Одурачил толпу! На самом деле, конечно, это – мысли писателя, но забавно. Много в пьесе острот. До того они хороши! Вспоминай и ко времени пользуйся, бери для своей речи. Это писание подобно сочинениям Горького. Фразы, как у того, все с высокого ума взяты. Всё основание про людей Тренёв, видно, берёт из жизни. Даже в чтении – и то восторгу от пьесы много. Другой раз читают – слушать нечего, а тут дрожишь ровно в лихоманке. Вот если бы передо мной сейчас выставили много людей, я бы всех типов для этой пьесы повыбрал из толпы, всех бы сразу, не думавши, поузнал. Вот это Швандя, это – Дунька, это – Кошкин, это – Чир, это – Любовь Яровая и т. д. При чтении этой пьесы выходка каждого человека (типа пьесы. – А.Т.) слышится сразу. Не заметил я таких мест, чтобы мимо мыслей проходили.

ЗУБКОВ П.С. Посмотришь или прочтёшь «Любовь Яровую», тут уж ты и поймёшь и учуешь всей душой, что Яровой – самый подлый враг Советской России. Нигде так в современных книжках ярко не отражено, как в пьесе «Любовь Яровая», что меньшевики

* Тренёв К.А. (1876 – 1945) – известный советский прозаик и драматург, лауреат Сталинской премии (1941 г.).

и эсеры – самые лютые и опасные наши враги. Малинины не умели к солдату подойти, а эсеры были здоровые практиканты на эти дела. Знали отлично, на какой козе, с какого боку подъехать к солдату. Всякого рода людей автор показал в этой пьесе. Все классы – налицо. И умные, и дураки, и господа, и прислуга... Профессор Горностаев – далёкий от жизни человек. Голова умная, а сам – что ребёнок. Швандя в суতোлке умней его в сто раз. Профессор даже разницы не знает в деньгах: проторговался. Телялюй он в жизни. Хуже Пикалова. Во время переворота он никуда оказался. Елиса-тов – отъявленный прохвост. Дунька – волховка, пельменями бы ей торговать. Калашница толсторожая!. Эта, брат, пьеса на всякого человека в политике шибче всех газет подействует. А какие дураки бароны и баронессы! Думали, что революция – игрушка.

Тут буря, а они все про свои особняки толкуют, меняются ими. И ужасно никудышными людьми оказались эти бароны, как только бухнула революция. Ничего они не знали. Ни к какому делу их поворотить было невозможно. Дунька-дурёха и то себе дело нашла. Панова – пройдоха. Светская проститутка. За деньги, за большие деньги – с кем хошь...

Ваня Колосов – человек с доброй душой, а для борьбы он не гош. Пожалуй, даже вреден он во время борьбы. Всё мямлит, крови боится, а какая революция без крови бывает?

Язык в пьесе очень веский. Настроение у публики было большое. Никто от чтения не ушёл. И замирание груди, и хохот – всё было.

НОСОВ М.А. Пикалов на моего сватка Филимона похож. Физиономия подходящая. Свесть его – не развесть!

ШИТИКОВ Д.С. С первого разу и не знаю, как начать, чтобы не ошибиться. Хочется, видишь ли, точно – как бы это обсказать? – прокрутить бы всю пьесу как следует. Я считаю, что её написал дюже, значит, умственный человек. Ко всякому человеку, который в книге описан, у него хороший подход сделан: придуманы ему настоящие речи, и всё это изображено на отделку. Всё у него чудно и дельно. У многих людей (типов пьесы. – А.Т.) слова такие... ну, просто аж от сотворения мира взяты! Вот, к примеру, Чировы слова. И шуточки у писателя – всё к делу. Пословицу или посказулучку он так приложит, что а-я-яй! Тут им и быть! И сверх оного – ни-ни! Ни буквы! Вот, значит, какой он подходчивый писатель, этот Тренёв. Ни растяпистых, ни загогулистых слов у него не отроешь, хоть не ройся. Всё понятно.

Сколько я книг ни читал, ни слушал – даже таких, которые с правды взяты, но такой вострины и умности не встречал, как

в «Любови». Я уж в мастерской говорил Ивану Андреевичу (коммунару И.А. Стекачёву. – А.Т.), что Тренёв здорово знает и всю коммунизму, и солдата-лапотника, и всю духовную, поповскую чертовшину. Знает он всё, что есть на уме у мужика, у бабы, у профессора, у солдата, у попа, у архиерея и у всякого чёрта! Раскусил он умы и рассудки всех людей. Чуется, что дело большое заложено в этой книжке.

Ежели ты попадёшь в весёлую компанию, то меж серьёзным делом можешь и подвострить свою речь шуточкой из «Любови». Припомнишь – и скажешь. Она как будто ни к чему, а на самом деле к большому толку приложится. Подкопнуть кого-нибудь словом, или повеселить, или ещё что...

Думаю я так сейчас: хоть мало я читал, хоть мало слышал, но всё-таки читал и слышал. А на такое остроумие вообще не нападал. Всегда мне желается читать книги и найти в них что-то такое. Вот иной раз найду. Вроде как и затяжное, но не так оно остроумно. А эту пьесу «Любовь Яровую» я всегда мог бы глядеть и слушать. Она всех заинтересовала – это видно по людям. И на всех она угодила, всем по душе. Другую зиму я в коммуне слушаю чтение, но вспоминаю немного. «Любовь» запомню глубоко, как книжки Подъячева. Семьдесят лет проживу – и всё не забуду её. Уж дюже в ней «подозрительные» люди заведены! Поди на станцию, где много людей, глянь по ним – ну и сразу помянешь: «Про этих людей я в «Любови Яровой» читал.

СТЕКАЧЁВ И.А. Я мню так. Со всеми прежними показаниями я согласен: и остроты и сила в пьесе есть. Но замечается, что чего-то в ней не хватает. Сравню её с пьесой «На дне». Получится большая разница. Там получается правда, как есть, а в «Любови» есть сценки, которые не похожи на действительность. Не совсем как-то они к делу. Слушаешь их – и понимаешь, что не так дело было. И ровно всё хорошо подогнано, а нет! Например – Дунька в автомобиле. Разве Дунька запрётся в генеральский или офицерский автомобиль? С попом обхождение Дунькино – дело другое. А против полковника она – никто. К полковникам такая орясина и не подошла бы. Не верю я этому писанию. Как это она в полковников автомобиль полезла бы? Да тут её солдат по зубам как трахнул бы! Ну а сам Кошкин какой-то вроде Гуака Непобедимого. Является он к Пановой, когда кругом белые. Разве это верно? Ему белые тут же бы голову отмаслячили. И шибко легко он из тюрьмы вышел. Подстроил бы здесь писатель. Посмотрите-ка, как белые Окуневы да разные Анненковы расправлялись с пойманными красными! Сразу хана! Ну вот, знаю я, что местами наврано. Думка все

в голове: «Складно, шибко умно написано, а как-то не то кое-где». А так – всё описано дюже представительно.

Всех людей в этой штуке я запомнил крепко. Вот хоть Пикалов: такой он в жизни и есть. Наш Степан Железников. На этого не ткнёшь, что он неправдишный...

Деревенская публика расчухает эту пьесу и расхвалит её. «Поросянка в шляпе» (пьеса-агитка 1921 года, грубая, плохая. – А.Т.) не сравнишь с этой. Я хоть мало знаю революционных пьес, но лучше этой ещё не встречал.

БОЧАРОВА М.Т. Уж очень она вся понятная. Иногда у меня от чтения вроде как тряс по телу ходил. Умно уж очень написано! Как Любовь встречалась со своим дурным мужем – со стороны болезно за неё. Лучше бы так век с ним ей не встречаться!

Речь писателя такая явственная да видимая, что всякому мало-мальному человечешку понятна будет. Самому сочинителю из своей головы всё это не взять бы. Видел он это всё в жизни. А сама-то Люба? Бедная! Горькая жизнь её была! До смерти любила Ярового. Чаяла – он убит на войне. Потом встретила с ним – «воскрес»! А он, как гад, обманул её. Зато и она его потом выдала красным. Значит, не жалко его стало. Героиня она, выходит, настоящая, коли за политику не пожалела мужа. Из наших баб так не сделала бы ни одна. За мужиков бы все подцепились. Наш брат, худоба, всё за своё трясётся! Доклады и резолюции Кошкина деревня хорошо поймёт. А всё прочее – ещё лучше подойдёт простому народу. Ежели всё это деревенские увидят на сцене, если услышат на чтении – смешно им будет на буржуев. На народное осмеяние это писатель разных людей взял. Но везде тут, по всей книге как-то разбросаны и смех и страх... Не поняла я, почему офицер Яровой до самого последу не расстреливал жегловцев, которых в тюрьму беляки засадили? То ли надеялся на своих солдат, дескать, успеем ещё расстрелять большевиков, то ли хотел показать – пусть худо будет, да по-моему...

Какие герои были эти первые большевики! Всю силу свою клали за революцию, все старались. Всю нужду революционеров я из этой книжки узнала. Сидишь, слушаешь, вроде как так себе, а потом пойдёт такое чтение, что тебя дёрнет в сторону.

С бабами одна потеха! Как войдут, так хохот. А профессор, хоть и учёный, а на манер нашего брата – баламошка.

Для нашего брата можно из этой пьесы хоть одну первую часть ставить. Шибко хорошо будет!

ТИТОВА А.И. Толкушки мы ядрёные, а и то пробирает эта «Любовь». Потому что всё здесь не измышлено. С правды съёмок

сделан. Когда Кошкин застреливает Грозного, у меня сердце нозит, замирает. А как подумаешь про настоящее убийство, так обомлеешь вся... Шибко гордился Грозной, не ждал скорой смерти себе. Ишь, вот: взглядом съедал человека, а оказался никто. Его съели самого...

Чир – Иуда Искариот. Туда и сюда подсеивает. Боялся – и доказывал. Сам себя всё спасал. Тёмный он всё-таки человек, глупый, хоть и лукавый. Не разбирался с делом по-настоящему. Не молчалось ему. Язык такой беспокойный. Ну а жалеть его нечего. Не обдумчивый он и самый постылый человек. Всё едино, что некоторые бабы: с той одно говорит, с другой – другое. Соображения в голове нету, а говорить, вишь, охота.

Рассказы писателевы идут тихой волной, перекатываются ни быстро, ни тихо. Смех есть, и не всегда горько. Всё хорошо перемешано.

Пикалов ни о чём, кроме дома, не думал. Какая ему революция? Нарушу, думал он, своё хозяйство – и не поднимаюсь. Вот и вся его думка.

У Кошкина речь резкая, настоящая... Чир, я так думаю, должен быть обличьем чёрный. А Пикалов – красный. В ум брала я эту книгу так: это слово поймаю, а там скорей-скорей спохватываюсь, как бы не прозевать другое слово, чтобы понять, как да что дальше отродится.

Умом своим продолжаешь дальше думать. Ясно же всё! А ежели когда неясное читают, то умом маешься и не знаешь, за что ловиться. Разброс умственный тогда выходит. Ловишь-ловишь слова, гоняешься-гоняешься за ними, да и подумаешь: ладно, може, там лучше будет. Може, какое-нибудь словцо поймаю.

«Любовь» читали, так этого со мной не было. А вообще-то сказать – и всякие читатели бывают. Иной читает, за одно у него каждое слово идёт. Ту-ту-ту-ту... Дремлешь под такое чтение. Не разъяснишь себе ничего. (Обращается ко мне. – А.Т.) А вы читаете по-другому: вот идёт у вас про одно, вот прошло это чтение – и как обрезало! Идёт дальше в книжке другое – и у вас другое на голосе. Сразу и понимаешь, чо к чему. Кругло выходит. Всякий беспонятный человек – и тот размыслит, о чём читали.

БОЧАРОВ Ф.З. Мне поглянулось всё. Типы – как и должны быть. К художественности не подроешься. Все лица в пьесе, можно сказать, на ять. Иван Андреевич вон не верит насчёт Дуньки и автомобиля. Всё это могло быть. Дунька – шелапутная какая-нибудь стерва...

Составлена пьеса крепко. С ногтей до головы дерёт на иных фразах. А смех весь попутный.

Безграмотным всем – и то потрафит эта штука. Во время чтения всё желается, чтобы ещё пьеса протянулась подольше. Вся мысль моя была в неё брошена. В самой тупой и глухой деревне будут эту пьесу слушать с большим уважением. Дурная пьеса – что квас с картошкой, а эта – котлетка на голодный зуб. Не знаю я революционных пьес, которые могли бы сдюжить против этой. Как-то я попал в Барнаул в театр. Там ставили какую-то революционную драму. Ну, и что же? Ерунда! Только и слышишь там: «Идём землю отбирать!» «Бей их!» И больше ничего. Я ждал ещё настоящего, а там уж действие пошло книзу. Не только я, деревенский тухляк, а и городская публика заплевалась.

Любовь Яровая тем героиня, что с мужем в разногласье шла. По любовному чувству она сначала нечаянно предала было Кошкина мужу, а потом в Ярового стрелять стала. У неё была хорошая идея, революционная.

Чир – это ж форменный «тип»! Он всех тебе и тебя всем продаст. Чистый покойник Потапушка Хохлов! Как только Чир на сцене появился, я враз подумал: «Вот Потапушка-то где!»

Тётка Марья – это наша бабка Бесстрашиха. Она, бывало, детей своих: «И чтоб вам глаза повылазили, кобелям, сукиным детям, чтоб вам провалиться сквозь три тарары!» А потом через минуту: «Ох, дитятко ты моё милое, сударушка ты моя, на, поешь блинчиков!» Точь-в-точь! Есть эти Марьи всюду.

БОЧАРОВ А.И. Швандя – настоящий герой. И как это он ухитрился задушить конвойных? Он – необразованный, агитировать не может, а уж умен и хитёр! Большая смекалка в башке. Только необделанный ум у него. Возьми у нас любого мужика. Разве бы он не загнул речь на митинге? Но выйдешь перед публикой – и слова все в затылок уйдут.

ГЛАДКИХ А.И. Нашего Степана Железникова уж окрестили Пикаловым. На работе его уж кличут: «Эй, Пикало!» Сегодня мякину возили и так уж его прозвали – «Пикало». И вообще у нас по коммуне многих типов из этой пьесы в ход пустили.

Когда читали пьесу, я смотрел на народ. С появлением нового действующего лица – рожа у всякого человека так и дёргалась по-новому. И прямо всё говорит тебе. Я сидел и подслушал такую вещь. Как только Дунька войдёт со своим разговором, Анна Ивановна (коммунарка А.И. Титова. – А.Т.) сейчас же заговорит: «Похожа, дура, на меня. Орёшь, а толку нет!»

Кошкин ровно не совсем хорошо описан. Мало автор привёл случаев, чтобы показать его героем. Можно бы, например, изобразить, как его белые ловили и сажали. Тогда бы и видно было лицо герои-

ческое. Когда Кошкин убивает Грозного – это да! Видать, Кошкин – сознательный революционер.

Речь у каждого лица своя, особенная. Никого не смешаешь по разговору с другим. Пикалова ни с кем не сравнишь. «Я, – говорит, – несознательный. Не успел ещё записаться...»

Пьеса эта является показательной. Она представляет нам на погляд, как разные классы относились к революции. Этого Тренёва можно немножко даже сравнить с Пушкиным. Тот в «Борисе Годунове» разъяснил тогдашние слои общества, и как они относились к власти. Шуйские там, Самозванец, дьячки разные, всё общество... Так и в «Любови Яровой». Мне неизвестна ни одна пьеса наших лет, которая по живости лиц и языка была бы похожа на эту. Обыкновенно в наших пьесах бывают: поп, дьякон, кулак, становой пристав, комсомолец, пионер – ну, так уж и знаешь, что ни черта из них не получится. Наперёд угадываешь, что там художества не будет, а лишь крики одни: «Ура!», «Бей!», «Мы победили!». Такие пьесы не надо бы печатать. Не пойму я, для чего они пишутся и печатаются. А эта пьеса – совсем иной товар, так она тебя и тянет, так и берёт! Полностью её слушатель усваивает. У меня от неё такое же впечатление получилось, как от «Правонарушителей» Сейфуллиной, «Ермака» Вяткина, от автобиографии Шалапина, от «Жизнь и приключения Максима Горького» (составлено по рассказам Горького Ил. Груздевым. – А.Т.) и от некоторых других книг. Когда эти сочинения кончали читать, народ ждал ещё чтения. Всё органы напрягались. Хотелось слушать дальше. На хорошего писателя иной раз просто сердце возьмёт за то, что он мало написал.

Другие авторы нарочно ещё, должно, затягивают свои сочинения. Расскажут до конца. Надо бы шабашить – нет, они ещё расскажут, что было после, потом – что бы было после последнего. Надо едают.

В «Любови Яровой» конец хороший. На своём месте.

БЛИНОВ И.Е. Я тоже замечал: как только какой-нибудь тип в пьесе скажет хорошо, народ так и зашлёпает с радости губами. Цце-цце-цце! Как сладко поел. Перед этим мы читали «Сушёную вонь». (Так называют коммунары никудышную пьесу для крестьян и рабочих Александра Ходырева «Дружный отпор». «Сушёная вонь» – одна из гнусных «острот» пьесы. – А.Т.) Я слушал-слушал её – и позабыл, как заснул. Сразу, как начали её читать, я стал дремать. Она меня скоро убаюкала. Потихоньку однотонно жужжит и жужжит, а ты себе посыпаешь под неё. Проснулся я, слышу, мужики режут: «Будя!» Кабы не крики эти, не проснулся

бы я. Заночевал бы в школе. В скверных пьесах всегда одинаково: сначала тянучка, скука, а потом ни с того ни с сего «ура».

Про описанных людей что скажешь? Все они стоящие. Чир – змей: «Во утрие избивах вся грешные земли». По этим словам уже видать, что он – Иуда. А Панова? Ох и шустр! Каждое слово у неё явственное. Как она сказала Елисагову: «Вами Дунька интересовалась. Жулик, говорит, и чей-то сын». А тот ей: «Все мы – сыны России». А она опять: «Нет, она несколько иначе ваше происхождение выводит...» (В тексте пьесы, в последней фразе Пановой стоит слово «генеалогия», которое я при чтении заменил словом «происхождение». – А.Т.)

В пьесе «Дружный отпор» попала одна острота – «сушёная вонь», и всё. И над ней бы не стоило смеяться, да лучше там не было. Потом с «вони» автор никуда не двинулся. Всё в школе затихло от скуки. Как езда на нашем мосту, на грязной плотине. Въездешь на мост – колёса по горбылям как задрезбездят! Только держи язык, чтобы не прикусить. Проехал мостик – вляпался в наём и, как в раю, едешь себе тихонько, спишь. Только лошадям уж там достаётся, как нашим слушателям досталось от «сушёной вони» Ходырева. (Обращаясь ко мне. – А.Т.) Как только вы читаете такую дрянь? Ведь там такие слова, которые на язык не садятся. На плохом чтении ищешь, где удобнее сидеть. Всё равно ничего путного не услышишь.

«Любовь Яровую» хоть в какую библиотеку дай – люди заслушаются. Из неё много можно почерпнуть для своего ума, потому что пьеса идёт на все стороны, по всем швам. И отделана ж она, язвы её! Ни одного слова лишнего! Что бы ты из неё ни выхватил – либо ужас, либо смехота до животиков. Из неё – уж это того и гляди – пойдут имена по народу, где бы её ни прочитали. По героям будут народ определять.

Швандя – брехло, молодец, отчаянная головушка. Ну и молодчага! О-о-о-о-о! Кабы он был грамотный, он бы о-о-ой сколь выдумал! А то князя назвал: «Князь Курносковский» (Вспоминает подробности сцены разговора Шванди, переодетого офицером, с белогвардейским солдатом. – А.Т.) Здесь такой смех, что хоть лопайся. Пикалов – тоже. Как он слово скажет, так публика вся заржёт. (Ко мне. – А.Т.) Вы ждёте долго, пока прохохочутся, потом слово ещё скажете, – она опять как забузует. Терпенья, взаправду, нету. Или Дуньку взять. Выйдет, брякнет что-нибудь, народ зальётся, и кто-нибудь скажет: «Ну, уж лучше этого теперь не будет». Глядь, а там вылезет ещё лучше, смешнее... Кошкин, и по-моему, мало описан. Рассказал бы автор, как Кошкина беляки в саду ловили, как в тюрь-

му отправляли и как он там геройство производил. А то – самым первым героем вышел не Кошкин, а Швандя. Ну и пролаза он! Трудно типов этой пьесы сделать лучше. Отшлифованы они. Прямо блестят сыздаля!

ГЛАДКИХ А.И. Другой раз теперь один сидишь, идёшь или лежишь, а в уме у тебя Пикалов, Швандя, Дунька, Чир так и вылезут незаметно. И засмеёшься. Один себе хохочешь. Ровно глядишь на них и хохочешь. Вот ведь штука-то! Не утерпишь, засмеёшься. Радостно тебе как-то от этого. До чего, значит, на ум пала эта пьеса!

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Никуда не денешься: ничего тут не сбрехано. И здесь и дома видно, что впечатление у всех довольное. И всё время у публики настроение такое... подъёмное. Люд как представлен – на вот его, хоть бери живенького. Никакого сравнения нельзя делать этой пьесы с прочими, какие мне приходилось встречать. Иного слушаешь – точно воз в гору везёшь. Эту же слушаешь – ровно по мостовой катишь. Легко тебе! Что соврано тут – не знаю. Давно ли у нас были Грозные? Помните, как в 1919 году наши партизаны Королеву забирали? Сколько они награбили там всякой дряни? Карпушка Сусликов с вожжами – и то не расстался. Чем он не Грозной?! Про Чира добавлю: он скаженное животное... Но а офицеров Малинина и Кутова плоховато маленечко видать. Их Яровой задавил. Запились они, как наш Полинаша.

Само писание – для трудового народа подходящее. Пьеса меня захватила так же, как «Ташкент» (А. Неверова), «Ухабы» (А. Новикова-Прибоя), «Уклон» (И. Никитина).

ШИТИКОВ Д.С. Сказывают, Кошкин должен был убить Грозного. Нет! Не должен был убивать!. Вы на сибирских партизан не уповайте, а берите в общем масштабе. За что Кошкин убил Грозного? Через Панову. Зря. Не раздумался Кошкин как следует. Ишь ты! Говорят, что, дескать, она его, сука, через любовь могла окрутить и всем красным навредить. Это ерунда! Там помимо Грозного было много хвостов, сволочей, которые могли предать Кошкина. Может быть, Грозной на одну ночь приволок бы к себе Панову – и конец. Ленин не сделал бы так, как Кошкин.

КОРЛЯКОВ И.Ф. (кричит). Дайте слово! Вся затычка, товарищи, в том, что Панова видела в Грозном своего ужасного классового врага. Ей и хотелось его извести во что бы то ни стало. Она и раскрыла Кошкину всё, что говорил ей Грозной и как он её хотел ублажить золотом. Грозной, бедняга, соблазнился на её красоту... Она нарочно, конечно, его завлекала, чтобы доконать. И добилась, гадина! Кошкин правильно сделал, что хлопнул Грозного. Иначе

было нельзя поступить. Панова могла из Грозного сделать слугу и предателя красных. А потом ещё и вот что. Кошкин хотел, чтобы революционеры все были честными людьми. Не мог же он простить Грозному, что тот – вор.

ТИТОВ П.И. Как же было Кошкину не убить Грозного, коли он грязный мазок положил на всю нашу революцию? Это правдиво. У нас в 1919 году, когда нехорошевская разведка изнасиловала попадью, – что, пощадили своих? Нет, брат, утром девять человек так и уложили на льду... Грозной накрал народного золота и предлагал его шкуре барабанной. Выходит – он бандит. Такого – на лоно Авраамово!

ШИТИКОВ Д.С. (горячо возражает). Нет, ребята, не то вы судите. Кошкин не должен быть такой. Он должен понимать настроение существования и всякую мысль всяких народов на всём белом свете.

НОСОВ М.А. Но-о-о-о, понёс ты, Митрий! Это только один Ленин мог все понять. Кошкин – не Ленин.

ШИТИКОВ Д.С. (продолжает спор). Помните: комиссар он, ну, не отряха какой-нибудь, он – марксист. У него была детская болезнь, как Ленин говорил... Главное дело, надо было Кошкину, ежели он настоящий большевик, с Грозным разобраться с точной точки, а не с плеча рубить. Трибунал у него должен быть. Пусть тот убил бы Грозного, а не самосильно Кошкин должен укладывать партизана. На Украине я был во время революции. Там были приказы солдатам и партизанам – курицу зря не брать. А то – на тебе, бойца ухлопали за стерву.

НОСОВ М.А. Не беспокойся, Митрий Сергеич, знал Кошкин, кого бить. Вот бы ещё ему приходокать Елисатова, этого кобелюгу и подлизу! Марья и Дунька – глупые, а Кошкин с ними не обращался грубо. Понимал он, что за люди, не думай.

ШИТИКОВ Д.С. (горячо оспаривая своих противников). Неужели же Кошкин, такой прозористый человек, не мог понять, кто всем делом вертит? Бил бы Панову! Гляди-ко, как она всех своим змеиным язычком жилиет! А как Кошкин придёт в канцелярию – хвостом виль-виль. Как это он её не понял? Она же ему всё время на зубах ласточку кажет. Самый ехидный и опасный тот человек, который зубы ощеряет перед начальником.

САШИН Ф.М. (поднимается, сгибается дугой, берёт себя за подбородок рукой и разливается закатыстым смехом). Вот какой Чир! Ну, чистый шпиён! Гад! Пропастина! Люблю всё это! Все партизанские выходки правильно описаны. Сам я партизанил. Знакомо всё... Бесперечь ждал я, чо будет со всеми людьми. Швандя – такой

же вёрткий, как наш Ванька-Сучок. Удивительное дело, в пьесе не описано, кто какой, а ты чуешь, какой он должен быть. Яснее ясного рассказано про всех. Когда читали пьесу, мне все лица по характеру и по наружности – ровно как на глазах были. Все личности их можно враз объяснить.

СТЕКАЧЁВ И.А. Есть писатели, которые в пьесах сначала описывают, какой человек, какого роста, характера, в чем одет, как говорит. Всё про него есть, а ты его не чуешь и не видишь. А у Тренёва – по словам людей знаешь. Играть на сцене их ловко, выдумывать наружность или что – шибко легко будет.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Подлец Елисагов – верёвочку вил из Кошкина, а тот и не догадывался об этом. Это что-то нескладно. Почему Кошкин его не раскусил? Почему он допустил его близко к себе да ещё дозволил ему большие дела? Такими делами Кошкин ворочал, а мерзавца не мог отличить. Мне ещё неясными показались слова учительницы, когда Панова предлагает ей папироску. «Нет уж, я учительскую». Не то она хотела сказать, что я «папиросами не лечусь», не то, что, дескать, «я – не нищая»? В этом месте у писателя не пало на ум нужное словцо, под стать всем другим. Везде у него слова сфугованы под шик-блеск, а здесь ляпнуто просто. Не подходят эти слова ко всем.

ЗУБКОВА В.Ф. Слабо мне верится, что есть такие женщины, которые любят мужей, но любовь променивают на политические дела. Сумнительно мне это. Кто е знает? Должно, Люба хотела своего заблудящего мужа перекроить по-своему, что хотела его вернуть к себе.

Книжку эту я не отказалась бы три раза сряду слушать.

КРЮКОВ М.Ф. На меня она (пьеса. – А.Т.) повлияла здорово! У Тренёва сцены есть такие, что закручинишь свою головушку. Напоследке – ярко получилось. Это – действительно пьеса! Революционная пьеса! Масса деревенская в неё вникнет. Сейчас нам в этой пьесе кажется многое смешным, а по ходу того времени оно и совсем не было смешным.

Ловок же сочинитель! Нарочно Пикалова ставит и выводит на сцену с профессором, чтобы дурей Пикалов супротив профессора казался.

Мимика в пьесе громадная заложена. Где и слов нету, а актёру всё равно легко будет играть роль. Колесом всё вертится. Будет артист на всяком месте знать, что ему делать. Я игрывал кое-когда на сцене. Ну так есть такие пьесы, что никак не знаешь, куда тебе двигаться, на кого глаза лупить, как корпусом расположиться, каким голосом говорить. Стоишь на сцене, как истукан.

В «Любови Яровой» про роли не надо никаких разъяснений. Прочтёшь слова – и сразу отлично узнаешь, какую личность изображать ты должен. Возьмите Панову. Она часто молчит, а делает. Много делает! Жалко, что пьеса сложна для постановки в деревнях. Эх, упростить бы декорации, – тогда она пошла бы всюду. Как бы это сделать? А надо позарез. Её, я думаю, хоть как плохо сыграй, а всё же большой смысл от неё у людей останется.

ШИТИКОВА М.Т. По-моему, она замечательна тем, что в ней резко различны все действующие лица. Удивление: разных народов писатель нагнал полную книгу, а все они говорят ужасно просто, понятно и всяк своему лицу подходяще.

Кошкин – человек благородного чувства. Но что осталось бы от его отряда, если бы он за каждый грабёж расстреливал своих товарищей? Может быть, и были такие случаи, как с Грозным, но я в этом не уверяю. Кошкин должен был убить Грозного, но часто так делать нельзя. Грозной, из-за наживы, конечно, напхал к себе в карманы барского золота. Моему муженьку в Крыму, во время гражданской войны, тоже за такую дель снесли бы голову. Он где-то, от какой-то барыни подцепил серебряный чайник да шёлковые наволочки от подушек, так, сголуба цветом. У него узрили. Ну и отпетенили было башку.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. «Любовь Яровую приравниваем к лучшим пьесам старых писателей – Л. Толстого, Тургенева, Писемского, Островского, Горького, Л. Андреева и др. Из всех революционных пьес нашего времени она – лучшая. Её воспитательное и художественное значение для деревни – огромно. Пусть видят её крестьяне всей нашей республики.

Примечание. Среди бесконечного потока современной драматургии, наводняющей деревню, «Любовь Яровая» мелькнула здесь чарующей всех жар-птицей. Думаю, что невозможно найти ни одного мало-мальски мыслящего крестьянина, который не пришёл бы в восторг от драмы К. Тренёва.

Коммунары отлично поняли, что «Любовь Яровая» показала им все общественные прослойки в гражданскую войну и отношение их к Октябрю.

Кристалльно-прозрачный, твёрдый и отточенный язык пьесы в комических сценах приводил аудиторию в крайнее возбуждение. Казалось, она сидела тогда не на стульях, а на углях. Сцены же драматические внезапно окаменяли её.

Перед разбором «Любови Яровой» мы прочли несколько других нынешних пьес: искали подходящую из них для постановки в дни десятилетия Октября. Нам попадались все «одобренные» и расхваленные, но... грубые, фальшивые агитки. Коммунары и слышать не хотели о постановке этих пьес. И тогда-то я рискнул: прочёл им «Любовь Яровую», наперёд зная, что поставить её на нашей сцене не удастся.

Но коммунары потребовали ставить «Любовь Яровую». И ставили. Правда не всю, а первый акт её, который можно было одолеть и с нашей бутафорией. При этом коммунары рассуждали так:

- У зрителя и от этого акта впечатление хорошее останется.
- Сама пьеса вывезет.
- Пусть мы и неважно её сыграем, и то смысл есть ставить.
- А ту дрянь (пьесы-агитки. – *А.Т.*) нельзя ни читать, ни ставить.
- Ни актёры, ни писатели ничего публике не дадут.

Теперь достоинство всякой новой революционной пьесы коммунары определяют сравнением её с «Любовью Яровой».

О ПОЭТАХ

А. Блок*

«ЛИШЬ ЗАИСКРИТСЯ БАРХАТ НЕБЕСНЫЙ...»

(Читано 21 марта 1928 г.)

КОРЛЯКОВА Н.В. Печально и хорошо. Кто не любил, тот не поймёт.

ТИТОВ Н.И. Да как сказать? Мысли не шибко хорошие, но составлено подходяще.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Лежал бы и лежал под этот стих. Подумаешь, какая драгоценность! Хоть бы лицо девушки как следно описал. Это стихотворение – мёрзлое. У Фета «Шёпот» – не то. Там любовь и природа.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Выглажено здесь всё. Само по себе стихотворение радует, а мысли в нём нет. Чем человек страдал – не описано. Какое нам до него дело?

ТИТОВА А.И. «Он», видно, к «ней» не подходил, не говорил с «ней». Не выражается это в стихе, как надо бы.

ТИТОВА Л.Г. «Он» об «ей» страждал, скучал – и только.

ТИТОВА А.И. Когда один «он» страдает, то не так это трогает.

БОЧАРОВА А.П. Как басенку иной раз сам себе сложишь – и весело тебе от неё и грустно. В стихе тоже так то. «Он» в стороне «её» любил. А с её стороны ничего не известно. До нутря стих не дошёл. А ледок светлеется дюже приятно! Да шляпка её белеется. Умственно это приставлено одно к другому.

ШИТИКОВ Д.С. Мастер хорош, а матерьял – грош. Красивая печаль дадена в стиху. Можно сказать, автор из ерунды слепил штуку. А из хорошего матерьялу этот Блок лучше сотворил бы.

* Блок А.А. (1880 – 1921) – выдающийся русский поэт.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Воспоминание юности – и конец.

ТУБОЛЬЦЕВА Х.Т. К любви стих гласит. «Он» все ходил, досматривал за «нею». Боле – никово.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Есть чуткие строки.

БОЧАРОВА П.Ф. О себе только писатель пишет, о других – не явственно.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Ничего про стих не скажу. Только что красив. А я не нашла в нём путного.

БОЧАРОВА М.Т. Не шибко мне стих понравился. «Она», видно, об «нём» и не думала. А у «него-то» горя ладно было! Видно, у них ничего не вышло.

НОСОВ М.А. Не знаю, как этот стих купить? За что?

ШИТИКОВА М.Т. Сказано всё хорошо, а какая важность в стихе? Нет её.

ТИТОВА Л.Е. Разно поймут его люди. Кому он будет люб, а кому горек.

БЛИНОВ И.Е. Никуда он не гожд. В «Шёпоте» Фета – нежность и природа. Здесь же промелькнули одни скрипки, и всё скрылось.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. В стихе – одно большое мастерство.

БОЧАРОВА А.П. На конце от стиха – половинное чувство. С мужской стороны любовь, а с женской – молчок.

ТИТОВ Н.И. Маленько неполно описано.

КОРЛЯКОВА Н.В. Хоть глазочком одним «он» стремился глянуть на «неё»! Кто холостой, тот знает это дело... Душевный стих!

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стих – про любовь, но «распутного» в нём нет. Полезного тоже. Кое-кто и в деревне прочтёт его с интересом. Автор – мастер стиха. Желательно бы прослушать его лучшие произведения.

П р и м е ч а н и е. Меня предупреждали, что читать крестьянам Блока – значит безвинно распинать его. Я поддался этому внушению. Но как-то под руку в «Красной нови» попало мне «Лишь заискрится...». Я отважился прочесть его публике. И это «эфирное» произведение многим понравилось и потянуло к большим вещам Блока.

А. Блок

ДВЕНАДЦАТЬ

(Читано 1 августа 1929 г.)

СТЕКАЧЁВ М.И. Написано это живо, образно. Чувствуется, что это революция... снег... февраль. Настроение хорошее даётся, но как-то мало народу в книге, всего двенадцать революционеров или кого... Не знаю: к чему двенадцать? Видно, так: просто пошли двенадцать героев. Кто-то о революции беспокоится, а между этими тут и солдатня. Только вся Февральская революция недостаточно выражена. Никакой цели у двенадцати не видно. Просто кусочек какой-то. Наверное, Блок в двенадцати революционерах какой-то символ дал. Догадываться надо. Точного определения никакого нет. Зря он (автор. – А.Т.) Иисусом Христом кончил. Надо бы кончить каким-нибудь революционным призывом.

ЛОМАКИН Т.Н. (перебивая Стекачёва). С богом-то ему нечего бы и соваться.

СТЕКАЧЁВ М.И. Есть у Блока образные сравнения. Старый мир сравнивается с кобелём.

БЛИНОВ Е.С. Какая-то революционная мешанина. Всё тут есть, но я не знаю, хорошо это или плохо.

ЛОМАКИН Т.Н. Темно это всё сказано.

СТЕКАЧЁВ И.А. (обращается с вопросом к Ломакину). Ты отгадал, кто такие были двенадцать? Я там был (И.А. Стекачёв участвовал в революционном перевороте в Ленинграде. – А.Т.) во время революции – и то не знаю, кто это двенадцать.

ЛИХАЧЁВ С.П. Сам автор не знает, что это такое написано. А потом я думаю, что это двенадцать политических арестованных.

ЛОМАКИН Т.Н. Здесь объяснены двенадцать, но только какими-то заковырками и задними углами. Раз это революционный стих, то нужно, чтобы его понимал каждый.

БЛИНОВ Е.С. Оно там-то (то есть во время переворота. – А.Т.) не так всё переплеталось, как в стихе.

ЛИХАЧЁВ С.П. Стих по тому времени написан. Была сумятица, и стих такой же. Только насчёт ясности худо.

БОЧАРОВ Ф.З. Если бы стих был понятный, то о нём сегодня кто-нибудь да говорил бы, а то никто. (Бочаров сам прочёл «Двенадцать». – А.Т.) Я вчера не был на читке, не слышал, что за стих. А если бы он хороший был, то о нём кто-нибудь говорил бы мне.

БЛИНОВ Е.С. Если бы сейчас не записывали отзывы, то я о нём и не думал бы, как будто его и не было!

СУСЛИКОВ Т.И. Здесь всё туманно смешалось.

ЛИХАЧЁВ С.П. Здесь все предметы (? – А.Т.) автором взяты, но не полно охвачены.

СТЕКАЧЁВ М.И. Конец плохой.

БЛИНОВ Е.С. (смеётся). Да начала нет и середка никудышная.

ЛИХАЧЁВ С.П. При чтении этого стиха в голове как будто метель, как будто дорогу ищешь. Ветер прыгает...

НОСОВ А.М. В бурном стихе – достоинство. Потому что если описывать бурное волнение и стих сделать спокойным, то плохо выйдет.

ЛИХАЧЁВ С.П. Я так понимаю: днём лучше ездить, чем ночью.

НОСОВ М.А. Товарищ Лихачёв, на хорошей лошади и ночью нипочём.

СТЕКАЧЁВ М.И. Вяткин описывал поход Ермака. Вот какая буйная вещь описывается – и вон каким плавным стихом! У В.Гюго описан стих про расстрелянных. Стих очень спокойный, а читаешь его – и на душе очень неспокойно.

ЛИХАЧЁВ С.П. Шибко много автор шуму наделал. Буржуй-то что? Стоял, что ли, всё время на углу?

СТЕКАЧЁВ И.А. (шутит). Ушёл теперь.

ЛОМАКИН Т.Н. Прощумел автор этим стихом, как орёл над цыплятами. Взял автор хороший кусок глины. Из него бы можно было хороший гончарный горшок сделать. А он ничего не мог. И кринку не мог. Скомкал. Как градовая туча – рассыпалась вся. И бесполезно. (Мне. – А.Т.) Спроси: кто помнит стих? Сонные сидели... большинство. Вот Фурманов описывает Чапаева!! Будешь читать! И очень хорошо тебе там всё вливается в башку.

ЗУБКОВ М.А. Я бы сказал что-нибудь, да забыл стих. Наверное, спал. Иисуса Христа помню. А больше – нет. Раньше богу ему молился – вот как! Ну и помню. Ну, потом помню ещё тра-та-та-та!

БОЧАРОВА М.Т. Мне кажется, Катька (в поэме. – А.Т.) вовсе ни к чему. То ли она какая героиня была?! Никто! Ни к чему она там лепилась! Какую она там роль играла?!

ЗУБКОВ М.А. Катьку просто солдатня передавала друг другу.

БОЧАРОВА М.Т. Иисуса Христа автор как-то шибко печально свёл. Если бы он Иисуса Христа не приплёл, то ничего не было бы. А то – печально.

БЛИНОВ Е.С. Пускай хоть кто пишет, хоть Блок, хоть шкив, а только не нравится мне «Двенадцать». У меня от «Двенадцати» остался шурум-бурум. Не ею люди восторгаются, а Блоком. Будто что он хаос революционный в ней описал. И это будто бы так оно и есть. Но можно бы хаос описать и лучше. А это («Двенадцать». – А.Т.) для меня не искусство, а чепуха. Что ты сделаешь ему, если человек не понимает?! Может быть, кому и нравится «Двенадцать», но я этому не виноват. Читал я поэм по моей учёбе порядочно, и многие даже наизусть запоминал. А на многие и не обращал внимания, наподобие вот этой. А Иисус Христос действительно так себе приплетён. Если бы Блок сказал, что Христос померк, – это бы ещё как-нибудь сюда приплелось, а «в венке из роз» – это уж шибко торжественно!! Я понимаю так, что в этом стихе насмешка над революцией. Он (автор. – А.Т.) её не возвысил, а унизил. Я вижу в стихе что-то померкающее, а не начинающее. Есть люди, говорят, что будто бы иной раз сами авторы не могут ответить, что они хотели изобразить в своих сочинениях. Так было дело с Гауптманом. Насчёт «Потонувшего колокола». Гауптман ответил, что «Колокол» можно только почувствовать, а не объяснить. Но и про Блока с этой поэмой, наверное, так же думаю! А между прочим, в ней ни объяснить, ни чувствовать некого. В стихе шибко такой связности нету. У некоторых авторов стихи прямо-таки сами говорятся. Только смотри строчки. Я революцию знаю лучше, чем в «Двенадцати». И поэтому «Двенадцать» для меня – ничто. Хоть бы тринадцать их было, хоть бы сколько! Эти двенадцать – загадка. И никому её не отгадать. Может быть, кто-нибудь и будет говорить: «Я её отгадал», – но всё равно это неверно будет. Другой может эдак разгадывать поэму, а третий – эдак. И конца-краю не будет разгадкам, и все они будут неверны. Я бы спросил этого Блока: для чего он писал поэму? Никто не скажет, для какого смыслу она нужна человечеству. Ну, разве можно эту поэму сравнить с книгой «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида?! Там действительно видишь всю картину всех событий, а Блок заметил одну Катьку и провозился с ней, как будто бы революции и не было. А будто подул ветер – и всё. У Джона Рида – очерки, а я в них картину вижу. У Блока –

поэма, художественное произведение, а я картин не видел. Слова я слышал из поэмы, а картины никакой не видел. А при чтении художественного произведения должны тебе видеться – близко ли, далеко ли – картины в воображении, через которые произведение остаётся в памяти. Там уж ты помнишь не слова, а картины. Иногда прочтёшь хорошую книгу, забудешь автора и действующих лиц, а картины сами по себе остаются в голове. Конечно, в деревне принято не гневаться на всякую плохую книгу. Человек прочтёт её, забросит и никому не говорит про неё. Думаю, что и «Двенадцать» ожидает такая же участь в деревне. А попадись она мне – прочёл бы, чтобы найти хоть одно хорошее зёрнышко, но ничего бы я из неё не выбрал...

СТЕКАЧЁВ И.А. Так-то стих подходящий... образами, революцией, бурдомагой-то этой. Было так: кто за Катькой, кто пиджак со стены при обыске снимал... часы там... Чувств почти никаких у меня нет. Не главное взято из революции. В Ленинграде во время революции подъем-то не такой был, как в поэме. Мне кажется, что Блок – теперешний революционер, стал революционером после свержения царя (смеётся)... Мне эта поэма ничего не даёт. Молодым, может быть, даст. И духу революционного несколько не придаёт она. Может, оттого что она хуже действительности, которую я видел... Стих не музыкальный. Как-то он колыбает. Если колыбает, там музыкальности нет. Но я не говорю, что не надо этот стих деревне. Может быть, кому-нибудь на свежую голову он и даст что-нибудь, а мне? (Раздумывает. – А.Т.)... Идут двенадцать, опять двенадцать. Почему двенадцать?! Там тысячи шли, когда на Балтийском вокзале объявили об аресте царских министров. Народ шапки кидал – ух как!!! Ух и народу было!!!

ШИТИКОВ Д.С. Вчера вечером я пришёл из школы и сам прочёл «Двенадцать» на скорую руку. И стиль мне как будто понравился. Я раздумлял и прикладывал его к старым стихам. Мне думалось о цифре «двенадцать». И придумал я: это, наверное, как у Пушкина в сказке о царе Салтане. Эти двенадцать, сначала думалось мне, ещё не разобравшись с делом, были те, которых Лебедь Гвидону высылала... Это про лёгкий стиль говорю. Потом я стал ещё раз читать «Двенадцать». Думаю: дай проверю, может быть, у Блока стиль хуже, чем у Пушкина. Прочёл я второй раз – и нашёл я там совсем не то! Хотел бы я пятью словами обо всей поэме сказать, но эта поэма с буржуазной и мещанской идеологией. Пятью словами, конечно, нельзя объяснить все принципы поэмы. Первые две строки как будто по существу. А дальше примазывает автор старуху и Учредительное собрание. Старуха ругает большевиков, а глядит на плакат

Учредительного собрания (ко мне. – А.Т.). Я сейчас эту мешанину выведу до тонкости. Потом прямо начинается с богов. Пушай поэма написана в 1918 году, в первые месяцы революции. Какой же Блок поэт, какой же он автор, если он не знает происхождение женщины?! (??!! – А.Т.) Если в 1918 году нужен был поэтам дух красноармейский, то зачем тут Блок бога уклепал?! Ведь в восемнадцатом году в армии люди были совсем безбожники. Если они и говорили о боге, то только для смеху, а не серьёзно. И автору нечего было в тогдашнюю поэму вклёпывать буржуазные предрассудки.

Если здраво рассудить, то проституции в поэме не должно бы быть. Пушай оно так и было, но мораль не нужна в книгах. Каждый знает про проституцию... Блок опаскудил женщину. Я не хочу этого! Он бы вместо проститутки показал нам красную сестру. А то что? Есть в поэме песни. Я их слышал – слышал и переслышал! Через эти-то песни я и подумал сначала, что стиль в поэме хороший. Автор меня просто обманул. И потом – редакция хорошо обделала, обточила поэму, точки и запятые поставила – три вперёд, три назад. Это для того, чтобы при диспуте свернуть можно было куда угодно (то есть истолковать произведение в желательном смысле. – А.Т.). А вот я читал книгу Бебеля о женщине, он говорит: эти самые поэты раскрашивают женщину, что будто изумрудные у неё там зубы и что она для мужчины вроде самого драгоценного вещества, и что авторы пишут романы для натравливания мужчин на женщин. Вот вся эта мораль изложена и в «Двенадцати». Взять «Песнь о великом походе» Есенина. Там ты видишь, как генералы сжимали Петроград в кольцо, чувствуешь замашки холопов, там впечатление даётся на человека. А тут? Я прочёл с большой прилежностью, чтобы узнать, к чему даже все точки – и нашёл, что действительно поэма – сложное бряканье!. Как Доронин в «Земле подшефной» дуру пёрпёр – и ничем не заключил. Только обозлил читателей: хорошую девку сделал развратницей. Никакого политического смысла я не взял от Блока. Художество отделано в «Двенадцати» куда лучше, но оно никчёмнее. Конечно, Блок ученик был старых классиков.

БЛИНОВ Е.С. (нетерпеливо перебивая Шитикова). При чём тут классики? Они все революционнее Блока писали...

ШИТИКОВ Д.С. Но Блоку-то непростительно писать распутность в восемнадцатом году! Ведь у него всё равно, что у Есенина сказано: о сисястых, о грудастых, про мерина, про кобылу... Для разврату эта книга в народе читателя найдёт. Пример. Вот дай её нашим ученикам пятой группы, что они там найдут? Только они и найдут там выборку слов для нежности своего тела (? – А.Т.). Последние строчки «Двенадцати» не мог я ни к чему определить. То ли это бур-

жуазия убежала со Христом? Кто тут идёт державным шагом? Чёрт его знает, что такое! Конечно, выражение «снежной россыпью жемчужной» – это уж очень красивое выражение!! Жемчужина – драгоценнейшее вещество! А про Христа я не пойму философию. Дай это передовому человеку – и тот не растолкует...

БЛИНОВ Е.С. (смеётся). Значит, большевиков ведёт Христос?!

ШИТИКОВ Д.С. Я углублялся, хотел понять всякую нотацию, но ни черта! В деревне эта «Двенадцать» будет для посмешища...

БЛИНОВ Е.С. Не пойму, для чего она написана! Кричат о ней как о большом произведении, а о письме Демьяна Бедного красноармейцам никто не говорит. Оно было написано – не знаю когда, а в двадцатом году я его читал. На жёлтенькой бумажке, на газетной. Для воодушевления трудящегося человека надо дать ему прочесть про бал в ратуше Виктора Гюго и Демьяново письмо красноармейцам – вот тут-то у человека разгорится революционный пыл! У Гюго (в названном стихотворении. – А.Т.) бедняк стоит под окошком и видит, как богатые блестят в зале своими нарядами и как гремит у них оркестр, а он жалостно сказал: с ихней пуговики одной я мог бы надолго изменить свой рок... (Цитата сделана наизусть, вероятно, не точно. – А.Т.) Вот от таких-то стихов человеку перевоспитание! А с «Двенадцати» ни революционного, ни какого другого перевоспитания никто не возьмёт. Зря о ней шумят. Я бы советовал такие бесполезные вещи не писать и не шуметь о них. Никто из шумящих о ней никому не докажет, что в ней есть глубокие мысли.

ШИТИКОВ Д.С. (просит меня. – А.Т.). Напиши, что мы читали седьмое издание «Двенадцати». Это – чтобы знали, что мы читали её с точным убеждением. Я сначала при чтении «Двенадцати» горел, как самовар, а при втором чтении потух... Просто осел. «Двенадцать» как георгин – хороший, а пустой. Пчела летит на него и думает: «Наверное, тут мёду много». А подлетит – там пусто. Так и я пустым остался от «Двенадцати». А народные песни в поэме – известны. Везде они прошумели, протрубили.

БОЧАРОВ Ф.З. Захватил Блок что-то революционное, но сам аллах тут ничего не поймёт! Даже и те не поймут, кто революцию делал. Там никакой связи нет. Если бы революция шла так, как она описана, то её или же бы разбили, или до сих пор никакого порядка не было бы. Что к чему строится тут? «Трах-тах-тах-тах-тах!» А к чему? Неизвестно. Вот у Зазубрина «трах!» (в «Двух мирах». – А.Т.) сразу показано, к чему... «Двенадцать» вроде как из лоскутьев собрана из каких-то. Не за что в ней прицепиться. Затяжки нет никакой, чтобы можно было читать. Отрывки. Мелочи. Иное углубляет тебя при чтении, а тут – нет. Что там революционного дано?

Ничего. Я думаю, что её никто не читает, а просто говорят о ней, оттого что её Блок написал. Ни одного слова, которое задело бы за нутро! Эту читаешь, как всё равно баб слушаешь, когда они каждая свою «поэму» читают. Около них сидишь – и ни черта не понимаешь... До двенадцати никак ведь не доберёшься. Автор их что-то всё около Учредительного собрания крутил. Никакого революционно-го чувства в «Двенадцати», ни огня у самого Блока революционно-го не было, когда он писал её. Никогда она никого не тронет, хоть кому прочти! Хоть кто её хвали, хоть сам Луначарский – не соглашусь с ним никогда! Если она Луначарскому хороша, то пускай он её и читает! Если такими поэмами мы будем «поднимать» дух революционный, то нас всякая шпана разобьёт (раздумывает. – А.Т.).

ЗУБКОВ П.С. У крестьян есть загадка: две головы, один хвост, шесть ног, две задницы – что это? Так и эти двенадцать – неизвестно что.

БОЧАРОВ Ф.З. (рассматривает обложку поэмы). Стоит 25 копеек. Чёрт его знает! Раньше такие по три копейки ходили. (Продолжая рассматривать обложку.) Работа художника Замирайло... Какие-то колючки. (Ко мне. – А.Т.) Эта книжка принадлежит к барабанной музыке. Там и тут ничего не поймёшь. Если бы ты не сказал, что она (поэма. – А.Т.) революционная, да если бы в ней не было Учредительного собрания – и никто бы не подумал, что она революционная.

БОЧАРОВА П.Ф. Пустяки одни. Неохота слушать. Я поняла тут ково-то, но только дальше слушать не стала.

ЗУБКОВА В.Ф. Её читали ещё в прошлом году. И тогда, и теперь она мне не понравилась. Что там понравится-то? Я её так-то помню, но... сброд какой-то. Почему это революцию не понять, если она толком описана? А тут какая-то Катька с белыми зубами. Зачем она нам нужна?! Складу никакого. Как борона. Над чем тут волноваться. Никакого места не нахожу в стихе, чтобы там чувства какие-либо были или наука какая. Нисколько бабы деревенские не станут её читать. Совсем не нужна она.

ЗУБКОВ П.С. Я ничего не понимаю в «Двенадцати» (шутит, смеясь и глядя на меня. – А.Т.). Отсюда ты можешь заключить, что я гениален, как Блок. Если сказать, что я понял что-нибудь, то люди могут назвать меня дураком. Что же тут важного? Проститутки, что ли?!

БЛИНОВ Е.С. А буржуй на самом деле не как пёс паршивый. Он ещё поглаже нас.

ЗУБКОВ П.С. Нет, тут видишь, не в этом смысле сказано. Про душу буржуя говорится.

БЕРДОВ Н.П. Поэму «Двенадцать» считают первой. Я тоже смотрю так. Только в том случае, когда ей скомандуют «кругом!» (?! – А.Т.) Всё сбито в кучу: бог, чёрт, пёс шелудивый, Учредительное собрание, истинный революционер и проститутка. Никакой ясности. Я так и не понял, что автор хотел сказать в этой поэме. Если он её писал только для себя, то на кой чёрт отдавал в печать?! Если писал для народа (только не в кавычках), то нужно бы хоть маленько разделить всю эту братию... по их квалификации. Правда, есть довольно меткие сравнения, как то: пёс шелудивый оказался на одинаковых правах – по желудку и шкуре – с буржуем. Это – метко! А вот в заключение – откуда-то выполз Христос из белых роз! Прётся цел и невредим, даже пуля не берёт. К чему он там – чёрт его знает! Если он (автор. – А.Т.) хотел сравнить революцию с Христом, то опять не подходит. Революция вышла из боя порядочно помятой. Да и сравнений бы нашлось, сколько хочешь, кроме Христа, так это одно к другому не вяжется. Христос выдуман, а революция – действительность. Притом автор, по-видимому, хотел воспеть в лице двенадцати героев – революцию. В особенности Петруху. Парень идёт на битву с врагом пролетариата, не щадя своей жизни, а то сразу повесил нос, распустил сопли из-за какой-то Катюхи, которая была постельной принадлежностью всех кому не лень! Такие нюни, плачущие из-за девчат, тогда не воевали, а сидели на печи и считали последние дни жизни подыхающих с голоду тараканов.

ЛИХАЧЁВ С.П. Буржуи и в то время действительно прятались. Суматоха!!

СУСЛИКОВ Т.И. Нет, не на перекрёстках, а в углы они забивались.

ЛИХАЧЁВ С.П. (про песню солдат). Это – как в «Коньке-Горбунке». А вообще-то читать как-то неловко. Блок описывает двенадцать солдат. Они тогда были как хулиганы. Я говорил, что это хулиганы – так и есть... Может быть, этот стих – для учёных, а для меня он – голый. Лёгонькие в нём слова. Пустотой в нём пахнет. Блок, наверное, сам не видел революцию. Заразился Блок карандашом – и давай писать, что под руку попадёт, лишь бы время скоротать.

ХОРОХОРДИН П.А. (возражает Лихачёву). Нет, дружок, не от скуки он писал, а хотел революцию в конфуз вдарить. А потом – не мог как следует сообразить опровергнуть революцию – и написал что попало.

СУСЛИКОВ Т.А. (о разговоре Катюшки с Ванькой). Ревнует её Ванька к офицеру.

ХОРОХОРДИН П.А. (недоуменно). Значит, офицер Катюшку застрелил?!

СУСЛИКОВ Т.И. Неизвестно, кто убил Катюшку.

ЛИХАЧЁВ С.П. По-моему, хулиганы.

СУСЛИКОВ Т.И. Да кто это «трах-тах-тах-тах!!»-то делал?!

ХОРОХОРДИН П.А. Ванька! Он простонародье. Это его лихач, наверное, подстрелил. Насбирал лихач, значит, шайку – и на Ваньку! И убил эту Катьку. Они же (? – А.Т.) не войсковые ребята были! Деревенские и городские, чо ли? Неизвестно, из-за чего стреляли.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Нет, тут не Ванька застрелил... А удирали от кого? Чёрт его знает!

ХОРОХОРДИН П.А. Нет, Ваньке хорошего кота нагнали. Я так понимаю: собралась шайка – и давай Ваньку за Катьку бить, прижимать в тесном месте... Надо чёрт знает какую голову, чтобы её (поэму. – А.Т.) понять!

СУСЛИКОВ Т.И. Да и понимать-то нечего! Кто убил Катьку – и то узнаешь только в конце. Хорошо, что она (поэма. – А.Т.) недолгая, а то бы под конец забыл то, что непонятно было сначала.

ЛИХАЧЁВ С.П. Хороший человек думать о ней не будет.

ХОРОХОРДИН П.А. Как?! На что же она написана?! Надо таких субъектов (имеет в виду автора поэмы. – А.Т.) одёргивать, чтобы они писали понятное. Сначала Блок про революцию плохо писал, а потом, видно, его кто одёрнул: неладно, мол, так – он тогда стал описывать революцию мало-мало подходяще... С налёту-то её (поэму. – А.Т.) не сразу разберёшь. А взять бы её подержать бы с месяц – разбирать непонятные слова и описывать. И написал бы я целую книгу. Тут ведь без малого весь свет заведён...

БОЧАРОВ А.Я. А ни к чему не сведён.

ХОРОХОРДИН П.А. Есть пишут – хоть не разберёшь, но не переоскакивают во всякие стороны, а все идёт у них по дистанции. А Блок с бардака перебрался к сельскому хозяйству, потом на военную или революционную сторону. Вот и пойми тут!

ПУШКИНА А.Т. Двенадцать – это солдаты. Видать, идут. Винтовки у них складно описаны. Хорошо! Видать не так же просто революция досталась! Стих хоть не охваченный, а существительный. Есть фразы чудные, серьёзные и выразительные! По стиху видать – кипела революция!!! А старуха по-старушьи и судит: она флаги не понимает.

ТИТОВА А.С. Мне так мстит, что местами есть слова подходящие. Про старуху неверно. Хоть какая бы ни была старуха глупая, она не определила бы флаг на портянки, а определила бы на что-нибудь другое. Старые давшонские люди ситцевые портянки не ладят. Уж скорей рубаху или платок... Местами в стихе как будто и начнёт трогать тебя, а потом вывернется слово, которое и смешает тебя.

ХОРОХОРДИН П.А. Мнения эти слова перебивают.

ТИТОВА А.С. Всю революцию по этой книжке нельзя понять. Деревенские её не разберут: скажут, что кого-то из нас продёргивают... Слова есть ладные, а потом перевёрт пойдёт. А потом одно с другим смешается – и худо. Как хорошая пицца с плохой смешается. Помню, раз мы у Микиты Ивановича молотили. Сварили нам суп хороший!! Потом кашу подали, а она из нечищенной картошки. Весь аппетит и отпал! Отшибло!

ЛОСЕВ И.М. (к Титовой). Так ты книжку к этому применяешь?
ТИТОВА А.С. Ага.

ЛОСЕВА П.В. Этот стих – где тебя заденет, а где вдруг сразу отобьёт. У нас деревенская была революция – и то вспомнишь – страшно! А то в городе революция описана, а не чувствительно!

ХОРОХОРДИН П.А. Да, да! Городскую революцию не с деревенской сверстать.

БОЧАРОВ А.И. От этого стиха нельзя большого требовать. У него же объём очень маленький!

ХОРОХОРДИН П.А. (горячо возражает Бочарову). Объём маленький?! Но ведь есть стихи объёмом маленькие, а охвачено в них всё, как в кольцо, аккуратно.

БОЧАРОВ А.И. Это же тень революции набросана. Только...

ХОРОХОРДИН П.А. Но и тень должна быть ясная!

БОЧАРОВ А.И. набросок сделан ладно, но не добавлено зажигающего. Буржуй, пёс, Катька, поп – это всё заметки справедливые, но ядра военного нет! Духу! Мало взято в ней. Разве из буржуя, попа, старухи и двенадцати солдат состроишь всю революцию?! Это – очень маленькая картинка! Вроде как озерко среди тайги колыхается волнами, а силы в нём нет. Здесь – клочок революции. Не хватает у Блока того, чтобы внутри у читателя завязывалась язва.

ХОРОХОРДИН П.А. Можно с этим стихом разобраться, но в месяц. Списать слова, из тех слов ещё раз списать, чтобы им мозга хорошо придать, – и тогда, может быть, что-нибудь поймёшь. Блок описывал так: дескать, сначала революция под вид проституции была, а потом в дальнейшем повернул. Революция мало-мало подходящей стала. И писатель начал писать про боя. Но нет здесь полностью ни революции, ни проституции.

СУСЛИКОВ Т.И. (раздумывая). Главное дело, впереди с кровавым флагом... К чему этот кровавый флаг?! Ведь кровавый флаг – революция! И тут же Христос... Блок против революции... Запутанная вещь.

БОЧАРОВ А.И. Блок, по-видимому, изобразил революцию так. Иисус Христос переносил свои тяжести и карания, так и революция, дескать, под вид того кровавого течения.

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. (мне). Я во время чтения глядел на тебя и думал: тебе её неохота было читать. Почему? Потому что ты вроде как подходящий читальщик, а читал «Двенадцать» – и всё как-то она не клеилась. Я бы её до краю не дочитал. И никогда бы я до краю читать не стал. Течёт, как вода, и никакого следу не остаётся.

ХОРОХОРДИН П.А. (нетерпеливо перебивая Заугольникова). Нет, несправедливо! Она, как половодье, перевалами идёт.

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. Остаётся у меня в голове один лохматый пёс. Это подходит к буржую. Как «Инвалида» читали (стихотворение Андрея Хуторянина. – А.Т.), я всё понимал и думал про него. (Мечтательно. – А.Т.) «Басовая, шмелиная струна»... А про этот стих нигде не вспомнишь: ни в горе, ни в радости. Плохой стих я и критиковать не умею. К нему прицепиться не за что. За что ни возьмёшься – оно отрывается. Думаю, что едва ли кто из наших слушателей похвалит эти «Двенадцать».

БОЧАРОВ А.И. Убийство Катки прошло мимо, как старуха дряхлая. набросана картина хорошо, но потом военного зажигания не было. Стих погиб во вьюге...

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. (продолжая)... Я допризывник седьмого года. Я вот иду в Красную Армию. Этот стих ко мне должен бы быть подхож сейчас по чувству. Если бы стих этот был хорош, то мне бы думалось о службе: что будет там? Но... он не поражает меня. По теме стих должен бы быть ужасный, а ужаси в нём нет. Боязнь или жалость должна бы быть в нём, а тут вьюга одна.

ХОРОХОРДИН П.А. (в глубоком раздумье). Там (то есть в поэме. – А.Т.) есть барыня, которая поскользнулась. Нужно было тут так написать. При буржуазии барыне жилось хорошо, а при Советской власти ей стало плохо, скользко. Она и пала. Значит, буржуи промазали все. Вот так бы надо написать. А то непонятно: не то Блок защищает барыню, не то как?!

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. В стихе всё изображённое видно. Но нет того, чтобы тебя волновало, чтобы ты сам пошёл за революцию. А есть стихи и рассказы – от них сам бы встал и пошёл на то дело, какое описывается.

ЧУСОВИТИН В.М. (случайный гость). Если бы вы сами провели революцию, то стих вас взволновал бы. Я делал революцию на опыте, и меня стих волнует. Зачитали его, а я подумал: «А, вот оно! Так! Так!»

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Это так, но поджигательного нет... А что правда, то правда... Название вроде как неподходящее. Про двенадцать совсем мало сказано.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Если бы для нас этот стих читали первым, то он понравился бы лучше, а то уж их перечитали много и лучше этого... Не так чтобы гладко и сильно натяпал, но хорошо. Схвачено метко. Большого чувства нет. Всё же напоминание о революции есть.

СТЕКАЧЁВ И.А. С Катей – драма, а не чувствуешь её.

ЗАУГОЛЬНИКОВ Д.Ф. Можно бы и без Кати.

НОСОВ М.А. Всякое было: кто с Катей, а у кого из носа капит. Эта каша была наша. Дивиться надо! (? – А.Т.)

ТИТОВ П.И. У нас церковь жгли партизаны – так же было.

ЗУБКОВ П.С. Церковь жгли, всё тащили оттуда. Не верили в бога.

НОСОВ М.А. Нестериха – богомолка, и то стащила покрывало с престола.

АФОНИН Н.В. Написано в стихе всё сущее, но ничего трогательного у читателя не остаётся. Пожалуй, не расскажу её другому человеку. Забывается она на память... Катюха – это да!! Как её между солдатами-то водили и передавали! Это бывает. Я видал революцию на факте... Слушал я рассказ – видел рёв, а потом – с концом! Не рекомендую я её (поэму. – А.Т.) деревне по её (поэмы. – А.Т.) энергии сложности. Неувлекательная она. Кабы она постройней была, она бы пошла в деревне. Надо бы её сложить так, чтобы она увлекала. Вот мне приходилось читать, как восстание болгар против турок было. Ну, там интересно читать!. Мы сейчас работаем шесть человек плотников – и наутро после читки «Двенадцати» я ни одному не сказал о ней. И даже она на память мне утром не пришла! А про элементы (алименты. – А.Т.) мы поговорили и утром, и днём. (Говорит о рассказе С.П. Подъячева «Доходная статья». – А.Т.) Тот сложней как-то написан.

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Написано в стихе хоть не всё про революцию, а так, как бывало. Но антиресу к стиху у крестьян не будет: не занозливый он.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Ветер изображает революцию. Старушка убивается – это тоже имеет смысл. Попу – уж известно – плохо при революции. Как волк, он, крадучись, идёт. А «бац – растянулась барыня» – это уж я не понимаю. «Тяни, подымай!» Это не к революции. Проститутский смысл тоже приплетён так себе... Может быть, тогда всё так было заодно: проституция и Учредительное собрание. Тут всё как-то мешается: слово про революцию, а потом о проституции. Не сразу поймёшь, что к чему. Говорится: огни, огни, огни. Ну, во время революции огни тушили.

А кому это надо бубновый туз на спину?! То ли эти двенадцать вели каких арестованных, что ли?! Много раз поминается «без креста». Не могу понять, к чему это «без креста»... И Ванька с Катькой,

и революция – всё собрал Блок, что только видел. А этому «тра-та-та» я тоже смысла не могу придать. «Как пошли ребята»... – это скороговорка хорошая. «Господи, благослови!» – говорится солдатами впросмешку. Мы тоже много раз бога в шутку поминаем... Про Катюку надо бы раз помянуть, а она везде в стиху вклеена. То ли она кружилась по всей революции?! Не знаю я: хвалить ли автора за Катюку или нет? (Недоумевают.) Есть в «Двенадцати» кое-где подобные (то есть хорошие. – А.Т.) фразы: про старуху, буржуа, про плакат, про Учредительное собрание. (Долго раздумывает.) Может быть, автору нужно было всё перепутать? Но, думаю, «Двенадцать» многим не понравится. Тут и суп, и каша вместе. Что ещё о ней сказать? Нечего! Может быть, кто-нибудь и похвалит её.

ЗАЙЦЕВ А.А. Кабы так революция начиналась, как у Блока, так её бы раздавили. Отдельные люди из русских могут всё в себе соединять: убивать, развратничать и богу молиться. Всю гадость, ханжество и хулиганство эти люди могут делать. Только здесь хорошая сторона у Блока. «Впереди Иисус Христос» – это вот что значит: хулиган идёт убивать – и тоже Христу молится. Из-за этого же Христа он сотне человек глотки перервёт, и сам же этого Христа будет материть, как только может в голову прийти. Это может быть, но я против того, что так может действовать вся русская нация. Про отдельные личности это верно, а про весь народ – нет. Если бы весь народ был такой хулиган, то никакой революции не было бы и Россия жила бы в первобытном состоянии, как дикари.

В «Двенадцати» что-то непонятное, символическое такое. То Блок говорит про настоящего пса, а то о буржуазии, как о псе. Пёс, вообще, у него буржуазный мир. Но если я угадываю их смысл (смысл слов о буржуазии. – А.Т.), то слова эти хорошие! А лубочные слова угадывать трудно. У Блока идёт речь о каких-то двенадцати, которые бродят в потёмках. Этих двенадцать понимаю так. Вышел бы я на улицу и услышал крик: «Нас двенадцать!!» А по их голосам и шагам мне казалось, что их не двенадцать, а человека два или три. Не понимаю, кто они такие эти двенадцать! Бандиты? Хулиганы? Развратники? Пьяницы? А между прочим, они революционеры, строители новой жизни! Такие ничего не построят! Они способны только разрушать. Блок в своих «Двенадцати» не показал хорошего примера, не показал настоящего революционера, честного борца. А без него революции никогда не может быть...

Основательного в «Двенадцати» нет ничего. Грубые, барабанные, неотёсанные слова. Автор хотел описать революцию первых дней, восстание, да, видно, не хватило у него времени и места. Он и написал про пьяных погромщиков, разных проституток и хули-

ганов – и этим кончил, как будто бы без этой дряни и революции не могло быть! У Блока все участники революции – преступники и негодяи. Ни одной светлой личности!! У меня от этой книжки нутро выворачивает. Блок сначала как будто показал маленький кусочек революции, а когда за ним потянулись руки читателя, автор взял этот кусочек и бросил в отхожее место. Художества – никакого. Поэзии – тоже. Во время читки вместо приятного чувства – отвращение. Никакой пользы эта книжка не даёт, ничему не научит. Она – просто беспорядочный треск барабана. Ни одного порядочного слова! Только – про грабёж, разврат и про какую-то скуку. У нас это произведение понравится тому человеку, который часто ходит по деревне с бутылкой в одном кармане, с ножом – в другом и с гармошкой! В общем, Блок в революции выявил только плохую сторону и тех людей, которые с жадностью присоединяются к разным погромам. Про настоящую революцию, которая смела капиталистический гнёт и дала рабочим и крестьянам в руки вожжи управления, Блок не сказал ни слова!

НОСОВА А.С. Небольшое произведение. Писано стихом. Стих сам по себе читается очень тупо. В этом стихе слышится какая-то тягучесть и непонятность. Конечно, здесь писатель хотел сказать о революции. Но в стихе он не мог настояще выразить ни художества, ни драматизма. А всё как-то смешано и непонятно. Ярко описанных типов нет. Одна-единственная старуха, которую можно представить в уме, когда она говорит про плакат. И слова её описаны правдоподобно. Почему это произведение названо «Двенадцать»? Если из-за того, что в нём упомянуто про двенадцать человек, то они упомянуты очень мало и описаны в тусклом виде. Вот иногда в тумане чуть видно лес, как ровно тень в неясный день, – так и двенадцать человек в этом стихе. Стих сам по себе маленький, но прочитать его требуется времени много. Пока раз пять не прочитаешь – ничего не поймёшь. Сидишь, долбишь, долбишь – и пойдёшь не солоно хлебавши. Такой стих для деревни не нужен, потому что он не очень понятный и потом поучиться в нём нечему.

ШИТИКОВА М.Т. Когда я первый раз взяла почитать эту книжку, то я никак не могла понять смысл этого сочинения. Фразы как-то растрёпаны и не вяжутся между собой. И так я над ней уснула. Потом, когда у меня спросили: «Понравилось ли тебе это произведение?» – я совершенно не знала, что говорить. Потому что не имела о нём никакого представления. Я взялась прочесть второй раз. Читала со вниманием и, наконец, поняла, о чём писал Блок. Хотел он описать о революционном движении в России. Взял он много, но ничего у него не вышло.

Вспоминаются тут люди всякого сословия – буржуй, поп, барыня, старушка и другие. Все они – кто идёт, кто стоит – и никаких действий! Таких, чтобы соответствовали теме произведения, нету! Кому не известно, что все эти типы были и теперь они есть? Наверное, всем известно, что все эти люди ходили, стояли, садились, вставали? И разве можно все такие движения перечислить?! Мне кажется, что нет. А поэтому и читать их не связанными ни с каким делом и мыслью – совсем неинтересно. Взята какая-то Катька, какой-то Ванька, куда-то ехали. Всё это непонятно и неизвестно, для чего взято? И ни к чему не приведено. Заглавие «Двенадцать». Идут они, эти двенадцать, – и неизвестно, откуда и куда. Никакого дела от них также не видать, если не считать за дело их храбрую расправу над неизвестными Катькой и Ванькой. А под конец Блок совсем какую-то загадку загадал: впереди двенадцати красноармейцев с красным флагом идёт Иисус Христос. Это уж я так и не могла понять, к чему Христос?! Ведь было такое дело: когда-то давно Моисей вёл народ еврейский. Им, говорят, проводником был господь. Днём в виде облачного столба, а ночью в виде огненного столба. Но ведь это было, наверное, несколько тысяч лет тому назад, когда всякие чудеса были допустимы. Теперь же, когда в самой глухой деревне какой-нибудь религиозной старухе не всегда какие-либо чудеса допустимы, – вдруг большевикам-безбожникам оказался проводником Иисус Христос! Это прямо-таки ставит в тупик! Вообще, всё сочинение, по-моему, никудышное, и никак оно не нужно... Слова у Блока налётные, чужие...

П р и м е ч а н и е. Спустя два дня после читки поэмы Блока слушатели забывали её содержание и вследствие этого затруднялись давать критику. Я вынужден был повторять чтение «Двенадцати» различным по величине группам коммунаров, чтобы всё-таки получить их оценку поэмы. Неплохо помнили немногие крестьяне самые скабрёзные или парадоксальные места, вроде описаний распутства Катьки и шествия Христа.

Как-то раньше я читал коммунарам «Двенадцать». Поэма прошла мимо внимания аудитории. Я думал, что мои слушатели не доросли до Блока и поэтому не стал записывать их мнения об его выдающемся произведении на революционную тему. Но и теперь «Двенадцать» осталось для крестьян непреодолимой трудностью.

Как видно из записей, поэма нашла себе немного защитников и поклонников.

Г. Вяткин*

СКАЗ О ЕРМАКОВОМ ПОХОДЕ

(Читано 11 июня 1927 г.)

ЗУБКОВ М.А. Как правда всё равно! Я памятник Ермаку видел в Тобольске. Баско написано. Колет в сердце.

БОЧАРОВ Ф.З. Все слова запомнились. Чувствие тут хорошее. Таких стихов редко где встретишь. Есть поэты-балагуры, в руки нечего взять, а тут ёмкие слова.

СТЕКАЧЁВ И.А. Местами схоже со старым стихом о Ермаке «Ревела буря, дождь шумел». Я раньше читывал о Ермаке, тут мало написано, но грузнее, ядрёнше. Слова – чистое зерно! Понятны, ни одного ломаного нету. Всё залегло в память.

ТИТОВ П.И. Только не могу понять я Ермака: бежал от Грозного ради вольницы, а сам татар начал завоёвывать. Не понимаю! А так описано, как есть! Связывать этот писатель может, не как прочие. Всё помнится мне, особенно как труп Ермака выплыл в тяжёлой кольчуге и в тине. Как мёд от редьки отличается, так и этот стих от многих нынешних стихов.

ЗУБКОВ М.А. Этого Ермака хоть кто поймёт; хоть и не знал его, а поймёт по стиху.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Написано тут – не к прочим применить. Ни одного слова зря нету. Не бахает абы как. Тут как будто сокращено даже маленько, но слова меткие. Одно слово стоит многих. Все сцены – вот они. Хоть ту, хоть эту возьми. Нажимает под ложечкой, и шибко жалостная болезнь является к Ермаку.

* Вяткин Г.А. (1885 – 1938) – русский советский писатель, поэт, литератор. Репрессирован в 1938 году, реабилитирован посмертно в 1956 году.

БЛИНОВ Е.С. Иван Грозный – стервец, ехиден! «Порой и смерд и вор царю, вишь, пригодится». Как Ермак стоял с копьём на берегу – эх! Легко составлено. Слова – масло! Только с головой человек может так написать. Штука сильная. Можно подогнуть этого писателя не к средним, а к самым высшим поэтам. Разымает он тебя до кости... Длинного ничего! Выбрасывать нечего. Думку твою берёт.

ШУЛЬГИН Т.И. Всякая война на чувствах отзывается. Так и тут. Описано твёрдо, задеёт. Ишь, как шли по дебрям, казаки на себе лодки тащили по полям, по горам. Чтение меня шибко нутрит. Много надо раздумываться над этим стихом. С утра начни и до вечера хватит.

БЛИНОВ И.Е. У Вяткина всё так толково и правдишно. Под нутро зажимает, воротит, вздох подымает. У этого я сразу могу всё рассказать. Во лбу всё цело, что слышал. Начну и всё кончу, не запнусь. Склад речи у него шибко здоровенный. Всё охота слушать.

ЗУБКОВ П.С. Всё изображено на ять. Нравится мне: «Тяжёлый дар тяжёлого царя». Это, брат, сразу изображает Грозного, что он за чучело был! А потом хорошо проставлено, как Кольцо к Грозному пришёл. А попы-то, сволочи-то эти: «Воспоть за нас». Ах, гады! Всю их подноготную вскрывает одна эта фраза... Историческое событие описывается в этом стихе. Хорошо это. Казачий люд – ядрён! И вольницу любили и воевать охота. Правильно это. Старинные казаки. Как у Гоголя они: с попами шли, и за веру и за свободу шли. Грузные, тяжёлые они были, не телом, а мыслями.

КРЮКОВ М.Ф. Написано просто. Против языка писателя ничего не скажешь. Волнуют меня думки Ермака: «Крыльями орлиными в разлёте ходят брови». Тип Ермака выведен хорошо. Особенно – его думка на башне сторожевой представляется мне. Вижу я и казацкий сбор в отправку, вижу всё как на ладонке, вижу лес сибирский замороженный. «Птицы стряхивают иней серебристый, розовеют поля, синее лес...» Чутко это!

САШИН Ф.М. Весь дух мой поднимается. И как только Ермак длинные переходы переходил и не опадал духом! Всё у писателя точно сделано. Речь его дюже западливая. Мало таких ятных сочинений на белом свете...

Кольцо тоже мне по душе. Самые последние минуты Ермака – страшные. Уж тонет он, а всё прёт по-своему. Лишку в этом сказу – ничуть, и ложного ничего не нашёл я. Запину на словах нету. Аккуратно всё. У другого писателя – с пятого на десятое скок идёт

в речи, а тут как по гладкой ранней осенней дороге идёшь!. Книга эта в деревне очень даже нужна. Про свою сторону сибирские люди будут знать всякое давнишнее обсказание. Хоть ребёнку эту штуку про Ермака читай – и тот поймёт.

СТЕКАЧЁВ М.И. Если объяснить историю завоевания Сибири, то всякому поэт будет понятен.

ГЛАДКИХ А.И. Видно прямо сразу: Ермак идёт через Урал, спят все дружинники, Ермак на страже один, с копьём в руках; Ермак, утонувший в тине, пир московский, гундосые попы, Грозный – чёрт! Вообще – ловко!

А Ермак – здоровенный! Жалость берёт, когда ждёшь Ермака из воды. Я так и думал, что Ермак переплывёт Иртыш. А кривые сабли-то татарские?! Ночь... Татарва ползёт. Скуластые!

БЛИНОВ И.Е. И слово-то подходит: «татарва». Напиши он «татары», не так бы вышло, а то «татарва». Слово скажет этот писатель – и тип готов. Как у Форда на заводе: раз-раз – и колесо или шина готова.

НОСОВА М.М. Мне кажется, всё тут – благодать! Ловишь слова, боишься пропускать их. Мужичкий сказ: как бахнет – сразу всё поймёшь. Недоуменного ничего нет, и всё сочинитель заметил как надо.

СТЕКАЧЁВА Е.И. «Татарва покорна, как ковыль» – ц-ц!! Не уронишь тут словечушка. Представление это никогда не забуду.

ШУЛЬГИНА А.Т. Лучше всякой живой картины. Ермак стоит вот, как все, ровно здесь на сцене у нас, а мы смотрим на него.

БЕЛЬСКИЙ В.И. Увесистыми словами сказано. Сравнения все подходящие. В этом сказу рот не откроешь без нужды. Всё внимание к книжке.

ТИТОВА А.С. Писатель брал простые слова, натурастые, невыдуманные, и жалобно у него получается. Стих берёт за внутренность. Воображаешь перед собой всё описание: как в пене Ермак и в тине лежал.

КОНЦЕВАЯ М.П. Татарва ползёт к Ермаку. Так и вижу я её!

ТИТОВ В.П. Я эту штуку всё время читал бы без останову. Эх, кабы она подольше была! До старости лет не вытряхивается она у меня из головы.

ТИТОВА А.Н. Лучше бы татарва пропала, чем Ермак!

БЛИНОВА К.Е. Боюсь аж, как Ермак захлёбывался.

СОШИНА М.Е. Сибирь шибко картинистая в этом стихе. Метель, как могилы, занесла избушки, звёзды лохматые, на окнах застыли бычьи пузыри, срубы блестят на солнце, Ермак любит ими вечерами – как правдишное всё тут.

ЗУБКОВА Е.Я. Слова хорошие, ровно как на карточке, и в глазах всё мельтешится. Так бы и слушал, и слушал, и слушал этот сказ. Не уходил бы из школы.

НОСОВА А.М. Любо мне в стихке описание. Ровно ещё бы к нему подбавку сделать надо: шибко слушать его охота.

ШУЛЬГИНА А.Т. Он писал и знал, куда что подложить, чтобы складу больше в стихе было.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. «Сказ о Ермаковом походе» крайне нужен деревне, как редкое художественное произведение, рассказывающее о походе Ермака в Сибирь.

Примечание. «Сказ о Ермаковом походе» я читал коммунарам три раза подряд, и они готовы были слушать его ещё тридцать раз! Они долго после читки вспоминали мельчайшие подробности и восторгались ими.

С. Есенин*

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

(Читано 13 февраля 1927 г.)

СТЕКАЧЁВ И.А. Ладный и замечательный стих. В нём историческое значение. Полезно прочитать такую песню любому и каждому.

НОСОВ М.А. Дюже правильное стихотворение. Уж за эту никак ты его (то есть автора. – А.Т.) не перебьёшь. Дюже правдоподобно описание идёт.

КОРЛЯКОВА Н.В. Эта крючком задеет за сердце. Ровно дьявол, этот царь Пётра!

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Одна эта штука лучше всего первого тома. Понятие и чувствительность в стихе агромадные.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Уж шибко хорошо подпевы прикрашены. А присказульки-то! Ну, сверх всякой цены они стоят! С многими прежними стихами Есенин в грязь загруз, а теперь этим стихом он вышел из грязи. Он покрыл им все свои дурные стихи.

ЗУБКОВА В.Ф. Изю всех стихов стих! За один этот стих можно отблагодарить так же, как за многие. Дороже целых книг он. Весь дух твой подхватывает навися.

БОЧАРОВА А.П. Чудесный какой стих! Унывность есть, а где как ровно чего испужаешься. Сердце задавит-задавит, а потом отходит.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Царь-то – чёрт чёртом! Его сейчас боишься, а ежели на живого поглядеть бы – пропал бы, поди, от страху!

БОЧАРОВА П.Ф. Всю меня проникнуло это чтение. Видно, мало эких книжек на свете печатают? Чо-то мало мне приходилось их слушать. Томится сердце от этого чтенья. Ну и радостное писанье есть кой-где. Всё хорошо. И так и эдак есть.

* Есенин С.А. (1895 – 1925) – выдающийся русский поэт.

ТИТОВА А.И. Даже сам Пётра-царь устрасился своего греха. Сколь он на своём веку люду рабочего погубил! И над всем чтением наша душа теперь так же устрасается. Видно, это дело-то Петрово и самого сочинителя растревожило.

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф. Бастей такого сочиненья и не найдёшь, поди. Слова все до одного к телу прилегают и забирают всю твою душевность... Шибко мне кержаков жалко!

ШУЛЬГИНА А.Г. Забирает рассказ здорово. Страсти много и смеха тоже. Надвое интерес к нему является. Заверченных слов вовсе нету. Напрямик писатель говорит. Ровно режет.

НОСОВ М.А. Вот Петру бы дать наших теперешних бюрократов, он бы им протёр бока-то! Научил бы, как в лаптях ходить. Эх, как он дьячка-то саданул, который против него агитацию вёл! Только ножками вверх брыкнул!

КРЮКОВ М.Ф. По-моему, этот «Поход» лучше всех сочинений Есенина. Вот такие его штуки надо для народа издавать. Остальные стишонки к чёрту выбросать.

ШИТИКОВ Д.С. Хвалю стихотворца за мысли, за складность и за всё, за всё! Разговор в чтении самый правильный. Всякий рязанский, курский, тамбовский и сибирский мужик поймёт его на полный вид.

ШУЛЬГИН Т.И. Толк в писании хороший. Так бы и дал я сейчас кержаку по зубам! Правильно, за дело царь Пётр дубасил их по мордасам! С ними, с чертями, так и надо. Никакого культурного дела они не понимали. Черти, чашники! Других людей они и за людей не считали. Противные самолюбы!

БОЧАРОВ А.И. За этот стих любая деревня ухватится обеими руками... Если такие не брать, дак тогда чо и надо? Про историю говорится... О прошедшем угнетении. И маленько про новое.

ПУШКИНА А.Т. Прочти этот стих хоть самому последнему человеку, он обязательно толк в нём найдёт и поймёт. Полная тебе прозорочистость. А прежде стихи Есенина – всё как-то с вилюлями да с ковылюлями... (Ко мне. – А.Т.). Ты бы и завтра ещё такую нам прочитал! Все бы пришли слушать. Шибко поглянулась она нам.

БЛИНОВА Т.П. Разумный стих. Даёт нам, тумакам, понять и про старое, и про новое. Будь ты хоть какой неписьменный, всё поймёшь.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Если бы Есенин все свои стихи писал так же, как написана «Песнь о великом походе», то поминать его имя наряду с именами бессмертных поэтов было бы не стыдно.

Примечание. Ещё задолго до разбора «Песни о великом походе» Есенин создал себе в коммуне славу плохого поэта, у которого «через пятое в десятое попадают и дельные стихи». Он был «врагом» у моей аудитории. Изощрилось у коммунаров чутьё к есенинскому строю мыслей и чувств и формам их выражения. Это я проверял много раз и на стихах самого Есенина и на произведениях других, подражающих ему авторов. Крестьяне его стихи в целом отождествляли с литературным озорством, чудачеством.

«Песнь о великом походе» сломила «врагов» Есенина. Коммунары пришли от неё в полнейший восторг. Озлобленность, накопившаяся у них против поэта, рассеялась совершенно при оценке «Песни». Крестьяне никогда не забудут её.

С. Есенин

КОБЫЛЫ КОРАБЛИ

(Читано 30 марта 1927 г.)

ТИТОВА А.И. Блажь пошла. Должно, перед смертью уж это он понёс.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Этот стих никак не могу обозначить. То ли бредни, то ли дурачил?

НОСОВ М.А. Значит, то-то не бредил, коли третий глаз на пупу у бабы приметил.

(Общее нехорошее ржанье.)

НОСОВ М.А. (продолжает в каламбурном стиле). Писал он про кобыл, а я прослушал и всё позабыл.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Насобираю всячины, а ничего не сказал. Куда ветерок, туда у него и умок.

ТИТОВА Л.Г. Писала писака, читать будет собака. Видно, ему доброго материалу не осталось. Хорошее, значит, другие перебрали.

НОСОВ А.М. Про пупы да про кусты, а слова у него пусты.

КРЮКОВ М.Ф. Нечего про эту дрянь и говорить. Не издавать бы её! А лучше другую бы издать добрую книгу.

БОЧАРОВА А.З. За третий глаз – по роже бы его раз!

ТИТОВ П.И. Самому бы ему за такие стихи на овце жениться. Сам он глуп, как бабий пуп.

СТЕКАЧЁВ И.А. Смешно над его глупостью. А так стишок ни к чему.

СОШИНА Е.И. «Сёстры-суки, а братья-кобели», а книгу хоть в руки не бери. Никудышна! Одна дурость.

ШИТИКОВА М.Т. Вихрем голова у него крутилась. Что в глаза лезло, то и плёл: бабы, кусты, пупы, овцы, поэты, кобели, суки – все-все...

БЛИНОВ Е.С. Пустым-пусто!

БЛИНОВА Т.П. От экой срамоти только люду вреда одна.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стихи не нужны деревне.

П р и м е ч а н и е. Был в публике хохот, но грубый, дурашливый, в тон стиху. Некоторых слушателей стих настроил на каламбурный лад, а некоторых – на протестующий. Порнографический душок содержания стиха был почувствован и отмечен дурными откликами.

С. Есенин

СОРОКОУСТ

- Про ляжки-то он не забывает. Даже у дороги их приметил. Какой!
- Пососать у мерина, говорит... Нехай сам этим пользуется! Страмник!
- Как это всыпать нам в задницу окровавленный веник?! Мелет ерунду!

(Всеобщий и нехороший хохот).

- Есть тут слова ЗАБОЛЬШНЫ (хорошие. – А.Т.). Но как-то они к делу не произвёл. Ровно вёрсты они друг от дружки.
- Только и петь бы тебе, Есенин, «аллилуйя».
- Всё собрал: аллилуй с самогонкой, с конским мясом, с кожей... НЕПРИСТАТНЫЕ слова какие-то. Как их совместно свести – и не придумашь!
- Слов много НЕКЛЕЙКИХ: у старой мельницы – уши, бык мозг на телёнка пролил – как это?! Супротив ума человеческого это идёть! (Иронически). Пуцай умники такие стишки читают, а нам они не по нутру.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стих деревне не нужен.

П р и м е ч а н и е 1-е. «Сорокоуст» признан самой бесстыдной похабщиной, никому и нигде не нужной, а в деревне – прямо вредной вследствие его хулиганского содержания. Безалаберна композиция стихотворения, гнусный смысл его и нечистота образов – всё вызывало негодование моих слушателей... Они удивлялись, почему и кто такую дрянь печатает.

Примечание 2-е. Высказывания коммунаров о «Сорокоусте» впервые (и единственный раз. – И.Топоров) были опубликованы в №121 газеты «Звезда Алтая» (г. Бийск) от 29 мая 1927 года. Копия их у меня не сохранилась.

12 марта 1966 года, т.е. почти через 39 лет, я получил её из Бийского городского госархива. Но почему-то фамилии критиков заменены чёрточками, чего я никогда не делал. Не помня теперь эти фамилии, я оставил на их местах чёрточки, как в присланной архивной копии...

Дата читки «Сорокуста» в копии тоже почему-то опущена... Восстановить её я, разумеется, не могу...

С. Есенин

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ. ОТВЕТ

(Читано 4 апреля 1927 г.)

БЛИНОВ Е.С. Тут он благородно расчувствовался. А многие стихи он пишет совсем без чувства. Что взбредёт, то и гнёт.

БОЧАРОВ Ф.З. Шибко чувствительное материнское письмо!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Горестно написано. Хорошо!

ЗУБКОВА В.Ф. Ясно и всякому западёт вовнутрь.

ШИТИКОВА М.Т. Материнское письмо сердечнее. Не так он, как раньше, пишет. Вот сколько читали – всё слова да слова непутёвые, разбродные. А тут у него чутко, обдумчиво.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Связность в словах прозористая. Написано разымчиво. Человечество у него явилось. А то, бывало, сброд несёт в некоторых...

БЛИНОВ И.Е. Стараешься эту не пропускать. А раньше – спишь. Только и очнёшься, как подойдёт «господи, отелись». Тут у него всё ровно идёт.

ШИТИКОВ Д.С. Через двадцать лет будут помнить эти стихи. Уютные они какие-то.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стихи нужны деревне в первую очередь.

П р и м е ч а н и е. Эти стихотворения навеяли на аудиторию нежную грусть. Слушатели после них не торопились покидать школу, а долго сидели на местах, перебирали подробности стихов, вздыхая, и сочувствовали матери и «блудному сыну». Тут Есенин властно овладел сердцем крестьян. Они долго говорили меж собой. Некоторые слушатели не хотели высказывать своих оценок, оберегая интимность переживаний, возбуждённых стихами.

С. Есенин

ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ

(Читано 9 июня 1927 г.)

БЛИНОВ Е.Е. Что же, перевод-то на русский язык есть или нет? С неизвестного языка? С немецкого, французского переводят, а с этим чо делать? Куда его? На ура писал.

ТИТОВА А.И. Помянет чо-то, ровно настоящее, а доказать не может. Слова во весь рот, а толку нет.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Борона какая-то! Школдыхает, ровно на плохо вспаханной целине.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Ни черта я не понял! Ни слова не скажу.

ТИТОВ П.И. Как худой музыкант – не глядит, настроена музыка или нет, а всё дует. По пьяной лавочке всегда так бывает.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Хочь чепуху, видно, Есенин напишет, всё берут печатать: «А, Есенин! Давай!»

ТИТОВА Л.Е. Хотел он старинным языком написать, а вышло у него по-своему, худо.

БОЧАРОВ Ф.З. Сложения у него в речи тут нетути. Как колесо разбитое, шебарчит. Иное сочинение, хоть старинное, но в нём сложенье есть: хоть ты как его перевероти, в нём сомышленье понятное, а тут горох рассыпанный. У татар лучше поймёшь.

ТИТОВ Н.И. Поди, в историю глядел Есенин, когда писал эту штуку, а ничо не обозначил резонно. Как это он в тучу упёрся – ну, я уж и ждал, что ничего доброго не будет. Пьяный, должно, он был всё время, от сочинитель.

БЛИНОВ И.Е. Как сначала: «Уррр!» – так примечаешь, что Есенин и что ничо тут не выйдет. «Великий поход» ровно и не его. У Есенина всё такое трескучее! Много ещё в этой книжке стихов нам осталось читать? (Я сообщил: «Два». – А.Т.) Надоели уж!

ТИТОВ П.И. Вырви, брось! Раньше у нас в деревне Трошка Куклин всем мужикам надоедал. Так и этот сочинитель теперь нам надоел. От Трошки мужики на защёлку запирались, так и мы от писателя этого... Стих не только деревне, но и никому-то не нужен.

СТЕКАЧЁВ И.А. Всё Рязань свою хвалит. Хотел историческое обсказать, а вышло «пшик». Там поймёшь, а тут нет.

ШИТИКОВ Д.С. Вот есть стих «Бородино». Там всё по-человечьи обрисовано, понять можно, как и что было. Рассказ тебе там даётся правдишный. Да там и без истории всё видать. Ещё лучше исторического описания, а тут шурум-бурум. Как-то «воззвахом» написано, по-апостольски. Он и про татар этаким манером катает. Не так бы надо про татар.

НОСОВ М.А. Хотел-то он написать по-былинному, да духу не хватило про него. Вышло как-то по-кобылиному. Не русская, не хохлацкая вещь получилась. В старину деда лучше говорили.

ГЛАДКИХ А.И. Таких языков, как в стиху, нет на свете. Все тут языки смешаны, перекручены по-есенинскому.

БЛИНОВ И.Е. У Алексея Толстого «Василий Шибанов» – тоже из истории взят и по старинке написан, а стих читаешь, ровно по воде плывёшь. А тут язык ровно по согре, по кочкам тебя термыжит, трясёт. Я только одну «Московию» заметил и запомнил.

СТЕКАЧЁВА Н.Т. Весь старинный язык исковеркан. Мы читали «Микулу Селяновича», там всё в лад идёт, а тут в словах запутаешься и не знаешь, как что обдумывать.

КОНЦЕВАЯ М.П. Слова похожи на китайские имена. Рот надо ломать, чтоб выговорить их. Картин мало. Что-то болтается у меня от стиха в голове, а поймать не могу. Собрать понятие в кучку нельзя.

БЛИНОВ Е.С. Тысячелетнего старика надо откуда-то выкапывать и просить его разъяснить эти изломистые слова, а так до них здравому уму не добраться. Хана! Начнёт Есенин всегда почти ух как громко! А сойдёт на нет, в одну точку.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Замысел в стихе большой, а выполнение его скверное. Древние слова без меры «отяжеляют» всю «песнь» и делают усвоение её совершенно невозможным. В деревне она никогда, пожалуй, не найдёт себе читателей.

П р и м е ч а н и е. «Песнь о Евпатии Коловрате» прочитана мной была после продолжительной «отставки» есенинских вещей. Тем не менее, как только я прочёл одну строфу этого стихотворения, аудитория как-то дурно захохотала, заволновалась:

- Он!
- Колоброд!
- Чуем, что он!
- Есенин!
- Да ну его к чёрту!

Не могу не упомянуть здесь о маленьком курьёзе, характеризующем отношение коммунаров к Есенину. В настоящее время они установили за мной любопытную слежку. Происходит вот что.

Я усаживаюсь за стол для очередного чтения. Они пристально устремляют ищейские взоры на книжку, которую я держу в руках. Это – попытка узнать, не собираюсь ли я опять читать Есенина, который набил им оскомину дурными стихами и мало радовал хорошими.

Если же крестьяне безошибочно угадывают в моих руках белую, маленькую по формату, но толстую книжку с берёзкой на обложке, они корчат физиономии и тоскливо роняют:

- Опять, поди, про рязанскую кобылу?
- Али про то, как луну обос!
- И когда только конец будет этому Есенину?

Иногда я белую книжку с берёзкой на обложке просто старательно прячу от «любопытных». Читаю из неё, как из шпаргалки. И это неизбежно.

Коммунары готовы расстаться с Есениным когда угодно. Возможность найти у него прекрасные стихи не обольщает моих слушателей настолько, чтобы они набрались мужества побороть уйму дребедени.

Мне неоднократно приходилось раньше читать коммунарам былины и художественные произведения наших классиков, написанные древним стилем. Я видел, что крестьяне их понимают и усваивают с удовольствием и без натуги. Не то случилось с образцом былинного стиля С. Есенина.

Исторический факт, послуживший поэту основой для «Песни», мной был разъяснён публике с достаточной полнотой.

В. Итин*

ПОХОРОНЫ МОЕЙ ДЕВОЧКИ

(Читано 6 августа 1928 г.)

ШИТИКОВ Д.С. Жалоба человека изображена первостепенно. До «дикарей» все хорошо шло. (Имеет в виду слова: «А рядом с вами дикари едят кутью, не плача воют...» – А.Т.). Там, на конце надо бы ещё жалче. Кабы автор дошёл до «дикарей» и бросил, то стих был бы лучше.

БЛИНОВ Е.С. (торопливо и испуганно кричит, обращаясь ко мне). Не пиши этой глупости! Скажут: «Митрий чепуху прёт!» Стих вон какой! Автор был в глуши. Померла девочка... Настоящая смертная тоска. Печаль. И все слова образные, тонкие и пронизательные. Выбирать нечего: слова все – одно к одному. Одна мысль к ряду шла и правильно выражена. Этой печали не сможет понять только балахрыст, который горя не видал, дядюшкины деньги прожирал. Стиху этому – всюду место. Пусть он будет везде! Оно, конечно, с высокой точки зрения смерть девочки – и небольшое событие, но тоска, прискорбие шибко тревожно обсказаны! Чувствую, что это отец писал.

ЛОМАКИН Т.Н. Все слова одушевлённые, задевательные за сердце. А о «дикарях» – самая печальная фраза. Живой стих, подъёмчиватый! У кого есть своя печаль, то будет плакать от него.

НОСОВА А.С. Стих объяснять надо, но немного. Географию про небо знать надо. Я поняла, к чему слова: метеорит и орбиты. Это – глаза и веки.

* Итин В.А. (1894 – 1938) – русский советский писатель и общественный деятель, один из зачинателей советской научно-фантастической литературы. Репрессирован в 1938 году, посмертно реабилитирован в 1956 году.

БЛИНОВ Е.С. И без объяснений всё ясно.

НОСОВА А.С. Дочку жалко. Должно, она у отца единственная была. А может быть, и сама мать писала стих. Близкий человек писал это.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. Всё настроение печальное. Сравнения хороши: глаз с метеоритом, а веки с орбитами! Ох, хорошо! И как будто, говорит, летит мёртвая девочка. Верней некуда!

НОСОВА А.С. Это воображение у писателя такое, значит, было распалённое.

НОСОВА М.А. И негде под стих подрыв сделать.

ТИТОВА Л.Е. Это писала мать. Со стороны так не написать. Либо отец, либо мать, либо близкий человек писал.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Печаль тут небольшая, по размеру события. Но старый умрёт – не так жалко, как маленького. Маленький умрёт – у него почти всегда глаза открыты бывают. Описано, как есть. С жива взято это описание. Я только «дикарей» маленько не определил. Сразу немного заблудился. Ни к чему они тут не припаяны как-то.

БЛИНОВ Е.С. Чо ж тебе, историю, чо ли, писать про них?

ЛОМАКИН Т.Н. Стих в двенадцать строчек, а всё выяснено.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф. А дикари русские в нём разумеются.

ЛОМАКИН Т.Н. Форменные дикари в Журавлихе и сейчас есть. Они также – не плача, воют на похоронах. Им не больно, а они воют. А на свадьбах – без веселья веселятся.

ТИТОВ С.П. По-моему, эти «дикари» усиливают впечатление стиха. Да как же? Умерла девочка, и так грустно, а тут ещё «дикари» воют, а не сочувствуют, без толку режут. Не с кем человеку было горем поделиться... Слова: «застывший вдруг метеорит сдавили синие орбиты...» дают весь образ умершей девочки. Ловко! Метко! И по сердцу бьёт. Метеорит вливается во весь стих и оживляет его. В стихе сказано мало, но строчки эти волнуют, говорят многое-много. Мне всё в них без объяснений тоже понятно. А с маленькими объяснениями стих поймут всюду. На первое место его! Смерть – важный момент. Выполнение стиха очень превосходное. Чтобы произвести впечатление, автор взял две стороны. Одна искренне горюет, а другая просто по обычаю ревет. Автор подобрал к горю самые подходящие слова. Смотрите-ка, как уныло: «Как странно голова горит, какая пустота порою...».

БЛИНОВ Е.С. Это и бабки поймут. Два слова неважны. (Разумеет слова: «метеорит» и «орбиты». – А.Т.)

ТИТОВ С.П. Здесь бесслёзная скорбь.

СТЕКАЧЁВ М.И. Она сильнее слёзной.

ТИТОВ С.П. Разнюнишься – это меньшее горе.

СОШИНА К.Е. Стих маленький, но очень образный. Особенно образны слова про орбиты. Но если люди не поймут слов «метеорит» и «орбиты», то не поймут и весь стих. Эти два слова в нём много значат... Горько было родителю! Есть так в жизни. Говорят – «дикарей» не надо. Непременно надо. Они здесь очень нужны. Без них стих поветшает.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Ещё бы стих был впечатленней, если бы дикарей выбросить, а заменить их матерью или старшей няней.

ШИТИКОВ Д.С. Мне стихи про живых интересней. «Колыбельная» – и то лучше. Ты – работаешь и гудёшь. А то про мёртвых! Тут что? Умерла девочка? Только и слёз, что со двора снёс. Но я не хаю стих, а тему не люблю похоронную эту... Тимофей Васильича дело – мать бы сюда на конец поставить. За конец стиха не хвалю. А начало не корю: оно очень хорошее. Говорю прямо, не модничаю.

САШИН Ф.М. Без меня много уж наговорили. Стих – не скажешь худого.

ШИТИКОВ Д.С. Подожди, я кончу. Мой отец умирал – у меня слёзы текли. А понесли его на погост – у меня радость была. Не знаю, отчего это? А вот когда трактор везёт тяжёлое, мне жалко его силу. Аж плёнки на глаза навёртываются.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Всё-таки не для первой очереди стих.

ТУБОЛЬЦЕВ А.И. Для первой очереди он лёгок: событие незначительное, хотя мастерство стиха огромное.

ЗАЙЦЕВ А.А. Автор требует сочувствие от дикарей, то есть от публики. Какое он имеет право? А сам-то он сочувствует горю других? Не только автор, а большинство людей в состоянии ли это делать? Делают ли это даже люди культурные? Если бы сам автор сочувствовал другим, то он не обижал бы дикарей. Я скажу яснее: не хотел я сказать это автору одному, а про всех людей говорю.

ТИТОВ С.П. (вступая в спор с А.А. Зайцевым). Ничего тут не сказано, что автор сочувствует или не сочувствует другим людям. Пример – картина. На ней особенно выделяется один светлый тон, но если его окружить чёрным тоном, то он будет выделяться ещё ярче, чем раньше. Так и автор стиха взял дикарей для выделения своей грусти.

ЗАЙЦЕВ А.А. Сетует автор о том, что не понимают его люди, «дикари». Чувствую я в стихе эгоизм. А если бы автор не упрекнул «дикарей», тогда стих был бы кругом отличный.

ТИТОВ С.П. Не слышен тут эгоизм. Совсем его здесь мало. Просто смерть любимого человека – и только.

ЗАЙЦЕВ А.А. Автор дал точное настроение похорон. Общее настроение такое, какое бывает при покойнике в доме. Но слишком слышны личные заботы и хлопоты. Это немного роняет стих. Горячо в душе принимает автор смерть девочки.

ТИТОВ С.П. Стих этот напоминает мне стихи Александра Пиотровского (сибирский поэт. – А.Т.). Так же он сжат, а сказано что нужно. Нет словесного половодья. Плач матери и няни не дали такого впечатления о смерти, как одна собственная тоска автора. Здесь дано всё чёткое и волнующее. Как только зачитали стих, так я и подумал: это – Пиотровский.

ШИТИКОВ Д.С. Ещё дополнительно поговорю. Поэт горюет большим впечатлением, а сам выставляется таким египетским философом и людей называет «дикарями». Обижен я на него за этих «дикарей». Ведь он выражал самые плакующие мысли на смерть единственного своего дитя. Надо бы это выразить так, чтобы только стали стих читать – и слёзы. А он хочет показать: я такой учёный философ. Орбит в метеорите (?! – А.Т.) застыл! Загнул философию! Мог бы выразить соболезнавание простыми и вон какими словами. Здесь такая политика: дескать, я могу загибать загогулины. Это написано специально для интеллигента. Определённо: автор мог бы написать лучше, если бы захотел. В «Двух мирах» (роман В. Зазубрина. – А.Т.) белый офицер проламывает головочку своему ребёнку револьвером. И описано там это с топора, и не так чтобы гладко, а хоть кого проймёт. К тем детям сожаление до слёз берёт. И не только с буржуазной точки, но и с пролетарской. Всяк над теми детьми сжалится. У Итина смерть девочки описана тонко, чисто, подбористо, но для понятия интеллигентского. Над этим стихом не заплачет даже интеллигент. А которые «дикари» – те и совсем не заплачут. Значит, никакого в стихе нет потрясительного выражения. Максим Горький про такие стихи говорит: обыденные они... Лучше бы нам было переносить, если бы автор задние фразы перенёс наперёд, а передние – назад. Сначала он стих разжёт, а потом притушил.

БОЧАРОВА А.П. Кутья неправильно проведена. Её едят, когда придут с кладбища после похорон. А ежели мертвец лежит ещё дома и суета идёт, то кутью не едят. Не видал, должно, писатель, как похороны и поминки проводятся. Сначала стих – ну, на воздуха подымается, прошибает тебя морозом, а при конце – нико-во! Как оторвался. Осёл – да и ни в какие стороны. В нём краю не разберёшь. То всё шло до сердца, скарябало, я плакать собиралась, а на конец дела – всё село на мель. Ежели б этот стих рассказать протяжённее, то слёз сколь было бы! Воистину сказано, что

от пустоты после смерти своего человека голова закручинится. В избе тогда никто нигде не звенит. Это всё по правилу сказано. Стих очень печальный. Обратный до сердца! Но надо бы добавить – которые вещи к слезам существуют. А то основательности конца нету.

ЛОМАКИН И.Н. Стих прилагается, видать, к своему человеку. Слова некоторые писатель с неба взял... Колыбающая такая штука. А когда сироты остаются после смерти родителей, то жалчей бывает. Этот стих меня не шибко затрагивает. Он не очень задачливый. А вот бы так написать его: у детей помер отец, осталась мать с сиротами. Тогда было печальнее. А тут чо? Ну, детёнок помер, дак чо?! У меня их девять, чо ли, померло. Ну, думаю, и хорошо! Правда, стих русский, понятный. Но ежели бы мне не объяснили «орбита», я бы его не понял. Я подумал бы: «орбит» – наверное, какой-нибудь металл. (К словам: «Конец последний не обманет». – А.Т.) Раз померла, какой же может быть обман?

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т. Жалостный стих. Само по себе дело показывает, что вроде будто мать обсказывает про смерть... Воротит (в смысле – трогает. – А.Т.) моё сердце от стиха, а про мать этой девочки и говорить нечего. Иссохла, поди, она. Ей думается о дочке... Слова в писании мягкие, а не какие-нибудь серьёзные; не дурность ведь здесь описывается, но всё житейское всего народа. «Орбиты» – это веки. Так и слышится в стихе, что все люди вокруг мёртвой девочки нахлопились, как потерянные, и глаза у них опухли. Кутью лопают и у нас на похоронах. Есть такие стрелки. Они ничего не понимают, а только жрут и глядят, как бы ещё кто их позвал на похороны... Стих нужен деревне для приятных чувств. Чувства в стихе и печальные, но приятные и интересные.

ЗУБКОВА А.З. Как умрёт кто да глядит глазком, говорят – покойничка ещё выглядывает... Вся жизнь этим покрывается! (смертью. – А.Т.) Умрёт ребёночек, глазок затвердеет. Нажмёшь вечку – она защурится, а потом опять глядит. Всё так и бывает при смерти детей, как говорится в стихе. Трепещется сердце от стиха. Наверно, материно горе говорится здесь. По себе сужу. Как хозяйина у меня первого убили – я сама не в себе была. Чуть разрыв сердца не получился. Сама третья осталась, ково же тут? По писанию – как видно, что ребёночек лежит. Гансова (Ганс Зириг – бывший агроном коммуны «Майское утро». – А.Т.) дочка помирала, мать взяла её на руки (показывает, как взяла. – А.Т.) и говорит: «Ангел мой, ребёночек, коли б ты оздоровила, я бы и не знала, что бы сделала тебе!» Запомню я это чтение всё. Ишь, как умер ребёночек! Ишь, ишь, как стрепеталась мать! Ишь, как всё зазнобно!

Это чтение можно нам понять. Летит, говорит, девочка, как птица. Это она вроде как уснула. Когда уж дух кончался, – вот глаза враз и застыли. Так говорится в книжке. Слово это «застыли» я шибко нравлю!

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Мы немного знаем Итина. Из прочитанных нам его произведений «Похороны» – самое народное и трогательное. В этом стихотворении заложено всё людское горе, способное «перелиться» во всех людей и взволновать их.

П р и м е ч а н и е. Кое-что из Итина мы читывали раньше. Крестьяне встречали его недружелюбно. Иногда и ругали. Может быть, это случилось потому, что я, не имея под руками всех произведений В. Итина, предлагал вниманию коммунаров самые «аристократические» его вещи.

Лишний раз повторяю, что для меня было и остаётся основным критерием оценки художественных произведений – их нужность, полезность и общедоступность миллионам трудящихся. Разбирая прочитанные произведения В. Итина, крестьяне подходили к ним именно с этим мерилom и убеждались, что они (произведения) – не для деревни, что душа их автора живёт в плену у красивых, «учёных» и чуждых простолюдинам слов. Против Итина у наших коммунаров создалось предубеждение:

– Барин! Не хочет писать для пролетариев и крестьян.

Оно усиливалось сознанием, что Итин мог бы войти в деревню близким человеком, если бы писал «от души» и для всех, а не только мастерил «для избранных» читателей.

В целях устранения возможного влияния этого предубеждения на критику «Похорон» я перед их читкой утаил от коммунаров имя автора. («Секрет» был раскрыт после критики стихотворения.)

Стихотворение, по требованию публики, было прочитано мной шесть раз. Так оно понравилось коммунарам! Особенно женщинам-матерям. Читке было предпослано моё объяснение двух слов: «метеорит» и «орбиты».

Вопреки обычаю, в отзыве крестьян о «Похоронах» внесено многократное повторение мысли, что стихотворение написано близким изображённой в нём умершей девочки человеком. Многие слушатели говорили:

– Стих составлен матерью покойницы!

И эту уверенность они высказывали независимо друг от друга, так как я записывал их мнение в разных местах, на другой и на третий день после общей читки стихотворения.

Помимо того, я намеренно выкидывал из заголовка «Похорон» слово «моей», дабы коммунарам не была очевидна принадлежность перу родителей описанной в нём девочки.

Всеми этими «хитростями» я имел в виду выяснить два положения. Во-первых, смогут ли крестьяне ощутить исключительную остроту родительской тоски по умершему ребёнку – этот чистейший экстракт человеческой души, преподнесённый им высококультурным мастером интимной лирики. Во-вторых, если смогут, то тем самым показать В. Итину и родственным ему авторам, что всё идущее от неподдельных переживаний поэта будет непременно пережито и «дикарями эстетики» – крестьянами. Пусть судит читатель, насколько удовлетворительно удалось мне разрешить поставленные задачи.

В толках о нужности «Похорон» в деревне коммунары разошлись. Семь человек стояли за вторую очередь, а вся остальная аудитория – за первую.

Это – знак первой крупной победы Вивиана Итина над деревенским читателем.

П. Орешин*

БЕССОННИЦА

(Читано 15 марта 1928 г.)

ТИТОВ Н.И. Как только зачался стих, так уж чутко было, к чему дело идёт.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Это не то, что «стеклянная грязь» (из стиха Веры Инбер «Конец года». – А.Т.)

ТИТОВ П.И. Человеколюбивый стих. Этот поэт пришёл к человеку с чистой душой и вплотную приблизился. Стих, как электрический ток, соединился с тобой.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Против многих этот стих пошевеливает. Дорогое слово подарил нам поэт: жить надо. Вино, жизнь – ложь, канитель. Плохо это. Но опять же, говорит, жить можно по природе-то. В человечестве жизнь – сказка, сон. А природа хороша! Жить можно!

НОСОВА М.М. Вот этот поэт теребнул нас! Скорбь о людях!

СТЕКАЧЁВ И.А. Автор здесь мечтает о великом.

ШИТИКОВ Д.С. Далёкое впечатление от стиха даётся! Видать, что писатель всех любит горячо, всех жалеет. Конечно, не буржуазия только.

ТИТОВА Л.Г. Вся людская жизнь тут описана. Это писал-то не кто-нибудь, а Орешин. Он по-настоящему повсегда пишет.

БОЧАРОВ А.И. Когда хорошо написано, то не станешь хаять. Короток стишок, а мил.

ЗУБКОВ М.А. С краю стих начат дюже хорошо, а дальше всё лучше и лучше.

ТИТОВА А.И. Глубокие здесь мысли, большие. Всю горечь человеческую изложил писатель. И учит он: хорошо или плохо тебе живётся – жить надо. Хочешь или не хочешь, а всё люби. Про теперешнюю жизнь пишет писатель.

НОСОВ М.А. Ведь вот, понимаешь, стишок небольшой, а писатель в нём всё, как есть, о человеке вывел. Как ты тут его поставишь

* Орешин П.В. (1887 – 1938) – советский поэт и прозаик, друг С.А. Есенина. Репрессирован в 1938 году, посмертно реабилитирован.

в последнюю очередь, коли всё при нём? Никак невозможно! Всего в нём хватает. В Курской губернии есть голуби буркутские. Как начнёт такой голубь буркувать – слушать его охота! И за это хозяева берегут этих голубей в хатах. Поэт Орешин – дорогой буркут!

БЛИНОВА Т.П. Все слова милые-милые и примощены друг ко дружке, как братья родные!

СТЕКАЧЁВА М.Е. В стихе говорится про уваженье людей друг ко другу.

БОЧАРОВА А.П. Писано так, что страсть как хочется слушать!

ШИТИКОВ Д.С. Нынешние лягавые поэты и писатели не пишут, а тарабанят, как черти. Надо им писать, как Орешин. Надо им забирать себе его науку.

ТИТОВ Н.И. Мысль, понятность и нежность, и всё вскоре явилось в стихе. При этом чтении чувство образуется, и человек делается живой. Всё в стихе одно к одному приливается. Как пшеницу хорошую гребёшь из сусеку – оно катится зерно к зерну, так и эти слова сливаются одно с другим...

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. За «болезное» сочувствие страдающим людям, за ласковые слова, за призыв к жизни принимаем этот стих с «превеликою» благодарностью его автору.

П р и м е ч а н и е. В зале бурно спорили по какому-то политическому вопросу, всплывающему из читки газет. В таких случаях мои попытки прекратить споры всегда бывали безрезультатны. В этот раз я и не старался утихомирить спорщиков. Подождал-подождал конца их схватки, вижу – дело безнадежное, и принялся читать. Вот прочитано первое четверостишие «Бессонницы». Зал стих. Обсёкся спор. «Враги», позабыв друг друга, стоя застыли в позах поглощённого внимания, повернув головы в мою сторону. На пальцах рук у некоторых коммунаров остались недоверченные сигарки. Вот прозвучала последняя строфа стиха. Тишина. Раздумье. Вздохи. Потом просьба ко мне:

– Прочти ещё!

– Хоть разок!

– Ну!

И я читал и читал. Все, кто слышал «Бессонницу», жалел тех коммунаров, которые ушли домой сейчас же, после читки газет: я не объявил о своём намерении читать и художественную литературу. На следующий вечер я исправил свою ошибку: опять читал «Бессонницу».

– Её хоть завсегда читай – не приестся.

– Душа от неё тает.

Таковы были последние слова коммунаров о «Бессоннице».

Б. Пастернак*

СПЕКТОРСКИЙ (отрывок из романа)

(Читано 12 марта 1928 г.)

НОСОВ М.А. Ещё один Есенин проявился! Радуйтесь!

ТИТОВА Л.Е. Ни то ни се.

БОЧАРОВА А.П. Этот писатель раскомашил стихом!

ТИТОВ Н.И. Кто-то пошто-то в калину залез?

ТИТОВА Л.Г. Не дала я этому стиху ума. Калина-малина, куричье говно, а боле ничо не сказано.

ТИТОВ Н.И. Ничо нет понятного. Ничо к толку не произведено. Весь стих как стриженная курица – страшная! Не писать бы ему такие.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Лучше бы он написал какую-нибудь песню!

ТУБОЛЬЦЕВА Х.Т. После куста малины ровно провалилось всё!

ШИТИКОВ Д.С. Тут и написано-то всего кол да перетька.

Пастернак этим стихом казну ограбил.

СТЕКАЧЁВ И.А. Книгу замарали этим стихом. Что хотел сказать автор – не понял я.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Я его критиковать не желаю. Он (стих.– А.Т.) мне так опротивел, что говорить о нём тошно. Отдельно слова понятны, а вместе – нет.

ЗУБКОВ М.А. Слова русские, понятные, но в них нет материалу.

ТИТОВ Н.И. Как-то на днях я челнок бабам сделал. Плохой вышел! Но люди догадались, что это челнок. А про этакой стих ничо не догадаешься.

* Пастернак Б.Л. (1890 – 1960) – русский писатель, один из величайших поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).

ТИТОВА А.И. Связанных слов нисколько нетути. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его, ещё скажет, опять свяжет. Передние, средние и задние – всё завяжет в одно. А в этом стиху слова, как сквозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки.

БОЧАРОВА А.П. Так-то ребяташки делают. Сложут басенку: «скручен, связан, по хате скачет» – нескладно у них получается, а им хорошо... Не стих это, а намётка. Да вся путаная! Длинный стих. Плохие стихи повсегда длинные... Сборный стих.

КОРЛЯКОВА Н.В. Писатель одно слово скажет понятное, а другое долго ждѣшь. Слова, как мухи, над ухом летят: ж-ж-ж! – а ни одно к душе не льнѣт.

БОЧАРОВА П.Ф. Много насобирано! Сумасшедшая буря какая-то. То ли дурак он, который писал этот стих? Так простой человек не выдумает!

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Хоть бы одно слово меня к себе помануло!

ТУБОЛЬЦЕВА Х.Т. Ково-то выдержули, потом в калину полезли, а потом вовсе никово.

БЛИНОВ И.Е. Ветром из головы выдуло всё, что слышал.

ТИТОВА Л.Е. Как Гришка слободской (отсталый ученик из коммуны «Свобода», перешедший в нашу школу. – А.Т.) пишет. Он по первости писал: «корва» – точка, «ела» – точка, «сено» – точка.

СТЕКАЧЁВ Т.В. По многим дорогам автор шѣл, никуда не пришѣл.

ШИТИКОВ Д.С. Вот плетень, так плетень! Сплетена небылица в лицах и в грязных тряпицах!

СТЕКАЧЁВА М.Е. Ох, и ума же надо, чтобы такую пустяковину собрать!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Ума не надо, чтобы такие стихи писать. Как клубок ниток напутал – и ладно!

НОСОВ М.А. Анна Ивановна (коммунарка А.И. Титова. – А.Т.) в столярной мастерской сновала и переметы не туда наклала. Она их распутала, а мы стих – нет. (К словам: «Грядущей жизни делает прививку». – А.Т.) А за эту прививку всадить бы писателю в руки вилку и назѣм ковырять.

ШИТИКОВ Д.С. Всадить бы не в руки, а в с...у! (Возмущѣнно.) Крестьяне платят налог вот за такую дрянь. На что и кому эти стихи? Это издевательство над народом!

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Я прямо остервился. Покою нету! Такой азарт у меня от раздражения, что сейчас бы задушил автора собственными руками. Наш брат целое лето ворочает за один хлеб, а поэт черкнѣт – и на сотни рублей! Эти стихи – расхищение государственного достояния. Вот что они значат!

СТЕКАЧЁВ И.А. Ни в какие ворота стих не лезет.

НОСОВ М. А. Взыскать с автора в пользу государства все, что он получил за эти стихи!

ШИТИКОВ Д.С. (кипятится больше прежнего). Конфисковать у него имущество! Да как же? Свинья гряде изроет, и то соседи ругаются, а тут вон какой капитал гибнет!

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стихи «на мотив» «Спекторского» есть особый вид казнокрадства, которое нужно немедленно уничтожить. Ченуха!

П р и м е ч а н и е. Из всей напечатанной в №1 «Красной нови» за 1928 год части «Спекторского» коммунары победили лишь первые восемь строчек. Да и то едва-едва, с потугами. Стремясь превозмочь многочисленные словесные «туманности», публика много раз останавливала меня и просила перечитать «крутые места». Но повторения ничего не уясняли, и коммунары, смеясь и чертыхаясь, слушали чтение дальше. Смех и ругань пылали грубой злобой. Добродушной иронии, которой коммунары уснащают оценки безобидных поэтических благоглупостей, в речах о «Спекторском» не слышалось. А два слушателя – Д.С. Шитиков и И.И. Тубольцев – от злобы на стихи оревом ревели! Они поносили «Спекторского» и несколько недель после читки его.

К моему стыду, я сам Спекторского не осилил и не смог бы вкратце передать его содержание. Несколько раз перед читкой и после читки «Спекторского» коммунарам я читал его целой фаланге сибирских поэтов, педагогов, агрономов, врачей и просто интеллигентных людей. Одни из них отказывались его слушать и понимать, другие, из любви к ребусам, разгадывали его, как «Апокалипсис», и в конце концов сознавались в непреодолимости пастернаковского сооружения.

Жду замечания: отрывок нельзя понять, не прочитав всего произведения. Но неужели так-таки и ничего нельзя было понять в «отрывке», растянувшемся на несколько печатных страниц? Ведь другие-то добрые отрывки коммунары понимали!

И. Сельвинский*

РЫСЬ

(Читано 15 марта 1928 г.)

ШИТИКОВ Д.С. «Округлый запах кислил воспалённо...» – это чёрт знает что такое! Формы не имеет.

НОСОВ М.А. «Зелёный клык луны...» – ого!

СТЕКАЧЁВ И.А. Поэт – брат Есенину!

ТИТОВ Н.И. «Пересветились волки из низов и паром задымили подле клёна» – это хорошо, статно. Только этот стих понять надо.

САШИН Ф.М. Большая в нём завируха!

СТЕКАЧЁВ Т.В. «Глухая глушь...» И во всей поэме глушь. А автор скажет: учёный я!

НОСОВ М.А. Иногда смешно, только не знаешь, над чем.

БЛИНОВ Е.С. «А уму вороны – над ним сиянье мутное короны» – не понять никак. «Снег облетел краснухой» – ладно и понятие есть. «Конька-горбунка» два раза прочтёшь – он весь наизусть идёт, а это чо? Никогда не запомнишь её, хоть умри!

ШИТИКОВ Д.С. Вепрь – славянское слово.

ТИТОВ П.И. Не задушевный стих, мало поэзии.

БЛИНОВ Е.С. (по поводу слов: «И бедный рыжик, лог распорошив, печально слёг лизать свои парши, и под хвостом, где жёлчь, и где солёно»). Сам бы автор полизал там. Советую. (К словам: «И прыгнул обалделый недорысок на зубы, и зубы, и зубы лисьи»). Трое зубов. Они нужны были автору, а не читателю, – за всё ведь автор получит деньги. Помяни он зубы раз, столько-то

* Сельвинский И.Л. (1899 – 1968) – русский советский поэт, прозаик и драматург крымчакского происхождения.

платы, а помянул три раза – в три раза получит больше. К этому всё и шло. Больше тройные зубы здесь ни при чём.

ШИТИКОВ Д.С. С одной рыси здесь весь Ноев ковчег записан. Стихи написаны не по-русски, а по-гречески. В басне одного писателя говорится про волка и кота. Волк спасается от собак. Спрашивает у кота, у какого бы ему мужика спрятаться. Тот советует к тому и к этому. А волк говорит, что всем этим мужикам он напрокудил. Поэма «Рысь», как тот волк, всем нам надоела, всех нас огорчила. Жалко, зачем хорошие книги гадят такими стихами. Такого писателя, как Сельвинский, ругать не стоит, а бить надо... Снег, говорит, пах арбузом... Ну и сравнил.

ЗУБКОВА В.Ф. Всё пособирал писатель: и свиней, и зверей!

БЛИНОВ Е.С. Автор пишет, что тигр под шкурою лопатками заляскал. Враки! Пусть-ка автор попробует, лопатками поляскает.

СТЕКАЧЁВ И.А. Не продумаешь одно – другое налетает. Не уловишь стиха. Всё думать и думать надо. Не лезет стих в тебя.

БЛИНОВ И.Е. Этот пишет ещё хитрее Есенина.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Этот стих надо слушать профессору.

ШИТИКОВ Д.С. Не будет он слушать такую дрянь.

ТИТОВ П.И. «Рыси» этой надо сталинскую метлу.

НОСОВ М.А. Али Дзержинского покойника.

СТЕКАЧЁВ И.А. Просто мужицкую метлу.

ТИТОВ П.И. Моя четырехлетняя девочка Пейка кулябкает речь лучше, чем этот автор. У нас в деревне была Марьяна, дурочка художника. Подойдёт, бывало, к тебе и: «Ба-тю-тю-тэ, мэй, а-мэ, лэн-тэ, у-тэн-ди...».

ЗУБКОВА А.З. Всё почти слова в стихе изломаны. Приятности от стиха нету.

НОСОВ М.А. И никакой смысловости. Насквозь ерунда идёт.

СТЕКАЧЁВА П.Ф. Дырдаком скачет. Как по избитой дороге. Трясёт всё.

БОЧАРОВ А.И. Так ещё, ровно, никто не писал. Почему в центре такую дрянь творят, да ещё печатают? Сумасшедший, что ли, писал это?

БЛИНОВ Е.С. Марьяну природа изуродовала, так уж и быть, а этот писатель сам себя уродует. Подлец!

КОНЦЕВАЯ М.П. (в конце семнадцатого звена поэмы вскрикнула). Вот только когда понятно, к чему рассказ! И то малость.

ТИТОВА А.И. Ну, да! Через сто вёрст выскочило понятное слово!

ШИТИКОВА М.Т. Стих почти весь непонятный. Рифма – как борона.

БОЧАРОВА П.Ф. Сама ни за что этот стих не буду читать.

БЛИНОВ Е.С. (мне. – А.Т.) Сам ты, вижу, не можешь строчек добром выговорить – трудно тебе. Над словом подолгу сидишь.

СОШИНА Е.И. Самому писателю, видно, надоело собирать абы чо, вот и конец пришёл стиху. А кабы не надоело, он бы ещё плёл.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Теперь, может, мода на непонятные сочинения?

ШИТИКОВ Д.С. Тут сверху моды на вершок хвачено!

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Автор хотел изобразить в своём стихе всю звериную жизнь в лесной глуши, но стих этот перекручен такими хитрыми словами и фразами, которых не одолевает наша мысль. Редко-редко в поэме появляются понятные строчки, да и те тонут в море непонятных. В «Рыси» нет ничего полезного для нашей жизни и работы, а потому она и не нужна деревне. Деньги и труд, затраченные на выпуск этой поэмы, пошли прахом. Мы уверены, что Сельвинский мог бы быть весьма ценным поэтом, если бы «не дурил», а писал «по-людски». И в «Рыси» есть немного стихов, написанных замечательно живописным, здоровым, общепонятным языком.

П р и м е ч а н и е. Поэма «Рысь» – не юмористическое произведение, а крестьяне хохотали над ней изо всей, что называется, утробушки. Вернее, не хохотали, а «грохотали», как «грохочут» они над взрослым чудаком, совершающим детские глупости.

Но как они ни ругали Сельвинского, а бесталанным его не называли. Они полагают, что автора «Рыси» отталкивает от трудящихся его сознательное, напускное нежелание писать на нормальном человеческом языке.

Н. Тихонов*

ЗА ГОРОДОМ

(Читано 6 марта 1928 г.)

ЗУБКОВА В.Ф. Шибко я его не хаманю, но только беспонятный стих.

ТИТОВА А.И. Слова ровно ударяют, а звуку от них мало.

ШИТИКОВ Д.С. Чёрт знает, к чему автор написал эту материю?

БОЧАРОВ Г.З. Как про стих сказать? Громоздистые слова, а разобрать их никак невозможно.

БЛИНОВ И.Е. Никово в стихе нету. Надо поэту ещё долго учиться писать.

БОЧАРОВ А.И. Взял верблюда, а съехал на свинью.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Говорят, это поэт тоже знаменитый. Знаменитые ныне почти всегда плохо пишут. Большие думают: «О, мы и так вон какие! Что ни напишем – всё напечатают!»

ЗУБКОВА В.Ф. Больше двадцати лет назад я учила «У дядюшки Якова», а и теперь могу продекларировать. Этот же стих никто наизусть не прочитает.

КОРЛЯКОВА И.Ф. Напоминает старый стих, как он там?. Ну, ехал всадник там на берегу Невы-реки... Но только тот простой и хороший, а этот плохой и трудный.

НОСОВ М.А. Стих навроде Володи, а на манер Кузьмы, а нам не родня.

СТЕКАЧЁВ И.А. Есенин про Ленинград лучше написал. «Песнь о великом походе-то!» Куда тут!

ШИТИКОВА М.Т. Как будто я стиха и не слышала.

* Тихонов Н.С. (1896 – 1979) – русский советский поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Сталинской премий.

БОЧАРОВА А.П. Тяжело написано. А как будто что-то есть. Мелькают дети, трава, море, костры, паруса...

БОЧАРОВА А.Н. Город не ходит. Город уходит – можно представить.

КОРЛЯКОВ И.Ф. Поэт-то, вероятно, знал, о чём писал.

СТЕКАЧЁВ Т.В. Я уже забыл стих. Он похож на песню дикарей. Они поют про то, что увидят: про ворону, про сосну, про гору и тому подобное.

БЛИНОВ И.Е. (тянет, подражая калмыкам). «Бе-рё-за мо-я-а-а-а, су-чья бо-го-вы-ы-ы...» Вот так и поют. Подходя к стиху Тихонова.

ТИТОВ П.И. Корявые, ковырные слова! Мне стих напомнил вот что. Был хороший луг. На нём – цветы. Красота! Пришили свиньи и всё расковыряли, изуродовали.

СТЕКАЧЁВ И.А. «Здесь будет город заложен на зло надменному соседу...» Эти слова чужие.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е. Стихом можно подавиться. Нашему крестьянству он «не родня». Не нужен.

Примечание. Я наперёд был уверен, что «За городом» с одной читки не будет понят коммунарами. Так и вышло. Поэтому я зачитал его вторично, но публика прервала меня:

– Всё равно не поймём!

– Хоть сто раз читай!

– Зря стараешься!

И как я потом ни «оаживал» коммунаров, чтобы ещё раз выслушали стихотворение, они не поддались на мою «удочку» и отрезали:

– Не будем слушать!

– Пропади он пропадом!

А я замышлял привлечь их к построчному толкованию «За городом», чтобы осилить его смысл и настроение. План потерпел крах. Что ж? Насильно мил не будешь!

И. УТКИН*

ДВАДЦАТЫЙ

(Читано 11 марта 1928 г.)

ТИТОВА А.И. Сначала будто простое дело началось, а потом вон куда кинулось.

ШИТИКОВ Д.С. Люди – шпалы. Это крупно сказано.

БОЧАРОВ А.И. С самовару началось, а вон до чего воспламенилось!

БЛИНОВА Т.П. Сердце ажно ноет и мозжит. Шибко грустное есть выражение в словах.

ТИТОВА А.И. О солдате плакать хочется.

НОСОВ М.А. Эта песня своим воспоминанием за живое рвёт.

СТЕКАЧЁВ И.А. И под песню слышна страшная драма солдата. Солдат умирает.

ТИТОВА А.И. И солдат, и его песня – как восковые свечи тают.

БЛИНОВ И.Е. Объяснить и похвалить стих не могу. Уж очень он хорош!

САШИН Ф.М. И тревожен и беспокоен. И песня в стихе такая, что... самая народная, самая бабья, сокрушительная.

ШИТИКОВ Д.С. «Партизаны» Всеволода Иванова плохо обдуманы. Пили-пили самогонку, потом – хлоп! – партизаны стали! У Уткина подходчивей сделано. А от его стиха у меня по ногам игла лезет. На что уж хороша «Казачья колыбельная песня», а эта, кажись, ещё лучше отточена! Вовсе нетрудно заучить наизусть.

ТУБОЛЬЦЕВ И.И. Пилит меня этот стих, разнимает всего. Солнце, самовар, песня и смерть! Здесь все чувства и все картины собраны в одно место.

* Уткин И.П. (1903 – 1944) – знаменитый русский советский поэт и журналист. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Погиб в авиационной катастрофе.

СТЕКАЧЁВ И.А. В словах: «Кто лёг, как шпалы, под наш железный путь» – картины нет, а чувства они дают большие. И советскую линию дают этим чувствам.

ТИТОВ Н.И. «Принеси, – просит сын у матери, – гитару старую мою, песню спою», а сам уж умирает. От этих слов букашки по мне полезли! По ногам и по всему телу.

БОЧАРОВ А.И. Самые главные революционные мысли уложены в этот стих: люди погибли за революцию, борцов положили под железный путь революции. И мы идём теперь по этому пути к коммунизму. Вот тут к чему слова идут. Пронзительное понятие обдуманно в стихе!

СТЕКАЧЁВ Т.В. Про великое говорится, а как просто сказано!

ШИТИКОВ Д.С. Этот стих – не стих, а просто гимн революции и революционерам. Героическая песня.

БОЧАРОВА П.Ф. (обращаясь ко мне. – А.Т.). Кто его сочинил-то? (Я назвал Уткина. – А.Т.)

НОСОВ М.А. (шутя). Вот это крякнула утка! Будет от неё далеко чутко!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. «Двадцатый» калит всю душу слушателя. Он действительно – гимн революции и всему трудовому народу, совершившему её. В деревенских халупах его будут слушать и с горем, и с радостью, и со слезами на глазах...

П р и м е ч а н и е. Крестьяне относят «Двадцатый» к категории тех счастливых исключений из современного поэтического творчества, которые воспитывают трудовые массы в желательном для Советской страны духе.

Одна из реплик в разборе «Двадцатого» выражает интерес к фамилии автора поэмы. Это не лишено некоторого значения. Если какое-либо художественное произведение выходит из ряда вон по своим достоинствам, то крестьяне не раз и не два спрашивают у меня фамилию его автора, которую они потом старательно запоминают.

Когда-то я проработал с коммунарами стихотворение Уткина «Мудрость». Это стихотворение получило от публики заслуженную отповедь. Самые памятливые мои слушатели теперь припомнили «Мудрость» и сравнивали её с «Двадцатым». Сравнение кончилось беспокойными вопросами.

– В одной голове рождается глупая «Мудрость» и «Двадцатый» – как так?!

– И пошто это печатается в одном и том же журнале?

– Разделять бы. А то чо же мешать добро с пакостью?

Характеристики коммунаров, участвовавших в обсуждении художественной литературы*

БЛИНОВ Е.С., 40 лет. Из крестьян-середняков. До коммуны значился передовым человеком, «политиком» в селе Верх-Жилинском. Начальной школы не окончил. Много читал. Особенно любил классиков. Во время империалистической войны был шофёром. Один из организаторов коммуны. Ценный работник. Управляет тракторной колонной. Крепкий, самородный и независимый ум. Убеждён: наследственность – основной фактор в формировании человеческой природы. Добирается изучить сочинения Дарвина. В коммуне читает много.

БЛИНОВА Т.П., 40 лет. Едва-едва прошла в коммуне ликпункт. Расписывается, но только карандашом. Рядовая коммунарка. Не раз бывала в должности экономки. Умна, хотя о себе самого низкого мнения. Чуткая, сострадательная женщина.

БОЧАРОВ Ф.З., 35 лет. Происходит из крестьян-бедняков. На русско-германской войне «видал виды». В 1919 году партизанил. Один из руководящего ядра коммуны. Член партии. Начальной школы в детстве не прошёл. Широкая, откровенная «русская натура». Искренен, грубо-прямолинеен. Пламенный враг местного кулачества. Занимает в коммуне пост заведующего образцовым свиначником. Дело своё знает отлично.

БОЧАРОВА Ф.П., 34 года. В коммуне кое-как научилась читать по складам и немного писать. Способности имеет. Рядовая коммунарка. Скромна, робка, умна. Думает, что она – самый глупый человек на свете.

* Перепечатаны из первого издания книги (1930 г.). Характеристики остальных участников обсуждения уничтожены фашистами вместе со вторым и третьим томами труда А.М. Топорова. – *И. Топоров*.

БОЧАРОВА М.Т., 23 года. Дочь беднейшего крестьянина, отца большой семьи. Окончила начальную железнодорожную школу. В коммуне живёт года три. Теперь состоит в должности коммунальной экономки. Член совета коммуны. Грамотна в вопросах животноводства. Любит много читать. Умна, исполнительна, принципиальна.

БОЧАРОВ Г.З., 25 лет. До коммуны – беднейший крестьянин. Тих как ягнёнок. Работает в качестве сапожника. Крайне застенчив. Окончил ликпункт. Никому ни в чём не возражает. Вдумчив. Понять его может только очень тонкий и внимательный человек. Необыкновенно честен.

БОЧАРОВА П.И., 25 лет. Из середняков. Была в «Майском утре» ещё в 1923 году, не понравилось – ушла. И мужа соблазнила уйти. Года два назад вернулась в коммуну. Школу начальную не закончила. Училась в коммунарской школе малограмотных. Рядовая коммунарка. Раздражительная и самомнительная женщина. Скрытна.

БОЧАРОВА А.П., 43 года. Давнишняя переселенка из Курской губернии. Беднячка. В коммуне живёт со дня организации. В грамоте не пошла дальше умения расписаться. Рядовая коммунарка. Больше домоседит, нянчит внучат. Любит коммуну, победила в себе собственнические инстинкты. Горит верой в коммунизм. Глубокая, непосредственная, поэтическая натура. Ходячий фольклор.

ДЖЕКАЙЛО У.Н., 26 лет. Вышла из середняцкой семьи. Сначала была членом коммуны «Свобода». Вышла замуж в нашу коммуну. Читать научилась здесь. Чуть-чуть и пишет. Работает дояркой.

ДЖЕКАЙЛО Ф.Ф., 25 лет. Белорус-беженец. Окончил начальную школу. Прослушал местные и окружные зоотехнические курсы. Выписывает «Заочные курсы животноводства». Заведует молочным животноводством коммуны. Исполнитель.

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т.Ф., 31 год. До вступления в коммуну много странствовала по свету – жила на заводах, в батрачках. В «Майском утре» с 1923 года. Здесь же обучена грамоте. Доярка. Правдива, до щепетильности честна. Режет правду в глаза. Бесстрашный обличитель всех коммунальных беспорядков. Остра на глаз и на язык.

ЗУБКОВ П.С., 35 лет. Сын крестьянина-середняка. Окончил церковно-приходскую школу. В 1920 году – один из организаторов «Майского утра». До 1929 года – почти бессменный её руководитель. Член партии. Редкий самородок. Талантлив во многих отношениях. Незаурядный организатор.

ЗУБКОВА В.Ф. Воспиталась в бедной крестьянской семье. Родители – религиозные фанатики. Суровое религиозное воспита-

ние наложило мрачную печать на весь характер. В.Ф. вспоминает молодость как сплошной кошмар. Была в секте иоаннитов. Грамоте была обучена ради понимания «священного писания». В коммуне училась в школе малограмотных. Состоит дояркой. Ум самобытный и немалый. Горой состоит за науку, за школу.

ЗУБКОВ М.А., 38 лет. Был крестьянином-бедняком. Тёр ляжку на царской службе. Там как-то удалось маленько прикоснуться к букварю. По строкам едва бродит. Занимает пост свинаря. Служит на нём бессменно. Шутник. Всем доволен. Совершенно не понимает людей, недовольных положением в коммуне.

ЗУБКОВА А.З., 40 лет. До революции – горемычная вдова-беднячка. Ожила в коммуне. Работает со вторым мужем в коммунальном свинарнике. После долгих мук еле-еле одолела букварь. Часто сумрачно настроена: дети не совсем удачны. В личной жизни – строгой нравственности человек.

ЗАЙЦЕВ А.А., 53 года. Герой двух войн: русско-японской и русско-германской, из середняков. При царизме представлял в селе Верх-Жилинское оппозицию попу. По-крестьянски начитан. Несёт обязанности ночного коммунального сторожа. Самозабвенно любит всякое искусство, литературу в особенности. Человек кристальной честности. Вдумчив. Романтик.

ЗАЙЦЕВА П.И., 43 года. Вышла из крестьянской религиозной среды. Была в коммуне с 1920 по 1924 год. Не вынесла попреков за то, что много было детей нерабочего возраста, и ушла из коммуны. В 1928 году вернулась. С религией порвала давно, ещё в единоличном состоянии. Мягкий, сердечный человек, склонный к раздумью и мечтательности. Рядовая коммунарка. Дала название коммуне «Майское утро».

КРЮКОВ М.Ф., 31 год. Сын городского пролетария. Попал в деревню к родственникам на воспитание. От них – в коммуну. Начальной школы не прошёл, но грамотен. Ведёт коммунальную контору. Член партии. Обладает способностями к самым разнообразным ремёслам. Страстный поклонник театра. Любимые книги выписывает на собственные средства и читает их по многу раз.

КРЮКОВА И.А., 27 лет. Из бедноты. В коммуне – со дня её организации. Грамоте немного училась дома, а потом и в коммуне, на ликпункте. Рядовая коммунарка. Кроткая и добрая женщина. Трудно представить, чтобы она на кого-нибудь обозлилась. В домашнем обиходе образцовая хозяйка.

КОРЛЯКОВ И.Ф., 45 лет. Крестьянин-середняк. Служил в царском морском флоте. Грамотен. Лет семь кряду был секретарём комячейки при коммуне.

КОРЛЯКОВА Н.В., 35 лет. В прошлом – самая типичная деревенская женщина-среднячка. Грамотна. Произведения искусства чувствует глубоко.

ЛИХАЧЁВ С.П., 30 лет. Новый коммунар, вышедший из бедняков села Лосихи. Бывалый человек: партизанил, служил в Красной Армии. Образование – школа первой ступени. Политически развит. Умён. Талантлив. Терпеть не может бюрократизма.

ЛИХАЧЁВА М.А., 22 года. Только берётся за букварь. В одиночном состоянии не пришлось обучаться: бедна была. Рядовая коммунарка. Весёлая женщина. На мозоль себе наступить не даст.

ЛОСЕВ И.М., 25 лет. Он ещё только год живёт в коммуне. Прошёл три группы начальной школы. Работает на тракторе. Парень смекалистый. Работает от всей души.

ЛОСЕВА П.В., 23 года. Среднячка. Когда-то хорошо закончила курс обучения в школе первой ступени. К 1929 году знания вылетели из головы. Пришлось подновлять их. Теперь служит в амбулатории. Годна на любую коммунальную работу. Всегда жизнерадостна, трудолюбива. Никто, как говорится, про неё дурного слова не скажет. Коммунальную жизнь любит, дорожит репутацией своего колхоза. Со всеми членами организации живёт в ладу.

ЛОМАКИН И.Н., 48 лет. Пришёл в «Майское утро» из деревни Глушинка. Был крепким хозяином, но далеко не кулаком. В грамоте совсем слаб. Знает цифры, но не умеет читать. Кузнец. Покладистый мужик, ровный. К работе прилежен. Книг не читал сам, но любит, когда дети-ученики читают ему. Одобряет классиков.

ЛОМАКИН Н.А., 68 лет. Из «новообращённых» коммунаров. Из Глушинки. Работяга. Один из тех, про которых говорят, что они каждый гвоздь берегут, как свой глаз. В коммуне он числится «внештатным главнокомандующим» по хозяйственному двору. Дедка всегда знает, кому и какую работу надо сегодня выполнять. В прошлую посевную он был в поле главкашеваром. Всякую работу исполняет точно и раньше срока. Находит её по собственной инициативе. Здоровый, милый старик. Неграмотен.

ЛОМАКИН П.И., 21 год. Сын зажиточного крестьянина. Молодой коммунар. В деревне Глушинка обучался в начальной школе. Культурное развитие в зачаточном состоянии. Сметлив. Работа из рук не валится. Тракторист.

МОШКИН Д.И., 25 лет. Новый коммунар. Пришёл сюда из села Верх-Жилинского. Учился в начальной школе. Не окончил. Бедняк. За сметливость попал нынче в трактористы, чем весьма горд. От одиночного быта ещё не отвык и часто ездил «в деревню» выпить. А так – мужик работящий, славный. Немножко самовлюблён.

МОШКИНА М.И., 27 лет. Тоже новая коммунарка. Начала изучать букварь. Жадно хочет научиться грамоте. Работает рядовой коммунаркой. Аккуратная хозяйка. Уживчива. Простодушна. Не любит лукавства.

НОСОВ М.А., 53 года. Был до коммуны крестьянин-бедняк. Жил в селе Верх-Жилинском неприписным. Нёс много нужды. В коммуне воскрес. Грамоту знает недурно. По должности – овчар. Партизанил. Суров. Насмешлив. Балагур. Остроязык. К врагам беспощаден.

НОСОВА П.Д., 52 года. Жена М.А. Носова, помогает мужу по «овечьей отрасли». Внешне – воды не замутит. Добродушно шутлива.

НОСОВ И.А., 33 года. Бывший батрак. Учился только в первой группе начальной школы. Военная служба «пообтесала». Начитался. Повидал свет. При свержении колчаковщины был одним из начальников партизанских отрядов в нашей местности. В коммуне – активист. Член партии. Много раз был избираем на различные общественные и советские посты. Года два назад состоял членом правления Барнаульской окружной колхозсекции. В настоящий момент работает в качестве руководителя коммуны. Дипломат. Тактичен. Корректен. Мыслит самостоятельно.

НОСОВА А.С., 24 года. Жена И.А. Носова. Отец – сельский писарь, вышедший из середняцкой семьи. Окончила курсы красных учителей школы первой ступени. Училась в пятилетке (раньше – двухклассное училище). Жила два года в Барнауле, «образовалась». Прошла курсы кройки и шитья. В коммуне – активистка. Член партии. Пробует стать селькором. Заведует библиотекой. Простая и симпатичная женщина.

САШИН Ф.М., 36 лет. Бедняк. Коммунар-старожил. В 1932 году кое-как осилил букварь. Считает плохо. Больше – наизусть. Отличный конюх. Примерный работник, хозяйственник. Любознателен, услужлив, вежлив.

САШИНА А.Б., 34 года. До коммуны – беднячка. К 1928 году с трудом одолела букварь. Способности ослаблены болезненным состоянием организма. Замкнутая личность. Редко когда бывает весела. По-видимому, таит в себе какое-то тяжёлое горе. Рядовая коммунарка.

СОШИН Е.Г., 44 года. Вступил в коммуну в 1920 году. До этого бился в нужде: была большая семья. Мельник. Может записать только доходы мельницы. Больной. Всегда угрюм. Молчалив. «Никогда не смеётся» – так охарактеризовала его дочь, ученица. Трудно узнать, о чем он думает и грустит.

СОШИНА Е.И., 44 года. Жена Егора. Жила в горе. В коммуне оживилась. В 1925 году обучена грамоте. Работала экономкой

в прежние годы. За образцовую работу была премирована. Умна и даровита. Настойчива.

СТЕКАЧЁВ И.А., 38 лет. Прежде – многосемейный бедняк. Самоучкой дошёл до хорошей степени грамотности. Однако бедности своей в единоличном состоянии не мог поправить. Стал на ноги в коммуне. Не раз занимал пост завхоза. Теперь – столяр. Человек – на все руки. Благодушен, злиться не может. Никуда и никогда не торопится. Ничему не удивляется. Всегда держится ровно, спокойно. Добродушно-насмешлив. С ним всякому легко жить.

СТЕКАЧЁВА П.Ф., 36 лет. Жена И.А. Стекачёва. её прошлое с мужниным прошлым одинаково. В «науке» не продвинулась далеко, несмотря на хорошие природные способности. Но всё же после ликпункта (1925 год) разбирается в элементарной печатной строке. Старательная мать и коммунарка. Флегматична, но принимает живейшее участие в хороводах и в пляске. Имеет своё суждение о вещах. С толку сбить её не удаётся никому.

СТЕКАЧЁВА А.Н., 63 года. До коммуны беспросветная нужда была её спутницей. «Света не видела», то есть осталась неграмотной. Водится с коробом внучат. Смолоду была первая игрица на деревне и до сих пор сохранила девическую беззаботность. Часто охотно играет с молодёжью, шутит, поёт песни, говорит сказки, присказки, потешки и т.п. Не хочет умирать: коммуну жалко покидать. Жизнь и психологию крестьян знает как свои пять пальцев.

СТЕКАЧЁВ Т.В., 50 лет. Дореволюционное положение его было крайне захудалым. Недохватки в хозяйстве преследовали его неотступно. Исстари имел тягу к книге. Был религиозен, но благодаря чтению избавился вполне самостоятельно от религиозного дурмана. Вдумчив. В каждой книге ищет учёбу, полезную в жизни. Самый внимательный читатель газет в коммуне. Прекрасный семьянин и коммунар. Гордится успехами организации и собирается написать в газету о том, как он изменился в коммуне и насколько в ней жить лучше, чем в деревне. Сторожит школу. Разумен и честен. Принципиален, мягок и застенчив. Страдает за недостатки коммуны.

СТЕКАЧЁВА М.Е., 42 года. Судьба мало подарила ей светлых дней в молодости и высосала почти все силы. К вступлению в коммуну их осталось мало. Малограмотна. Но всё же М.Е. не пойдёт людей просить расписаться за неё. Прочтёт плакат, если он написан «хрушко». Как и А.П.Бочарова, хранит в своей памяти уйму фольклора. Смешница, которых любят в весёлых компаниях.

СУСЛИКОВ Т.И., 44 года. Пролетаризированный крестьянин. Служил на железной дороге. После революции бросил эту службу и опять стал крестьянствовать. Нужда заела. Кинулся в коммуну.

Хотя школы он никакой не прошёл, но читает и пишет недурно. Пчеловод. Гражданин в полном смысле этого слова. Сознателен, утончённо вежлив. Этим выделяется из ряда обыкновенных крестьян. Вежливость не переходит в подобострастие. Т.И. всегда сохраняет собственное достоинство.

ТИТОВ П.И. Отец его – из крепких крестьян. Сын унаследовал от отца пытливый ум, который не нашёл при царизме надлежащего развития. Физическое нездоровье размыкало заметную даровитость. Хороший по природе человек. Занимается в коммуне пчеловодством. Склонен к глубоким философским размышлениям.

ТИТОВА А.И., 40 лет. Из крестьян-бедняков. Окончила ликпункт в 1925 году. Изредка читает книги из библиотеки. Стремится стать активисткой. Рядовая коммунарка. Талантлива. Остроумна.

ТИТОВ Н.И., 59 лет. Когда-то в селе Верх-Жилинском начал хозяйственную карьеру с батрака. Дошёл до крепкого материального состояния. После колчаковщины вошёл в коммуну. С наступлением нэпа из коммуны вышел. Скоро понял, что нажить прежнее состояние не удастся, и вернулся в коммуну снова. На военной службе научился читать и писать. Но всё это дано ему в печальной дозе. Услужливость – доминирующая черта его характера. Покорен. Терпелив. Наружно кроток... Деревообделочник и «прочих дел мастер».

ТИТОВА Л.Г., 49 лет. Жена Н.И.Титова. Рядовая коммунарка. Работает до «желваков» на спине. Толковая хозяйка. Заботливая мать.

ТИТОВА Л.Е., В единоличном быту достаток её был невелик – ниже середняцкого. Муж с ранних лет бросил её, и она прожила свой бабий век почти вдовою. В коммуне поправилась и даже ликвидировала в 1925 году азбучную неграмотность. Больше выполняет рядовую хозяйственную работу. На вид смиренна.

ТИТОВ В.А., 44 года. Был крепким крестьянином. На военной службе (при царизме) и во время последней империалистической войны понял всю гниль капитализма. В 1919 году руководил сельским штабом повстанцев. Затем одним из первых стал в ряды организаторов коммуны «Майское утро». Был председателем её совета. В настоящее время – завхоз коммуны. Член партии. Отличный, предусмотрительный хозяин. Недурно владеет письмом и читает. Рассудителен, деликатен, точен в исполнении обязанностей. Пользуется авторитетом в коммуне и в окружающих сёлах.

ТИТОВА А.С., 44 года. Будучи солдаткой во время русско-германской войны, выучилась читать и писать ещё в 1915 году – в воскресной школе села Верх-Жилинского. В коммуне неоднократно вела самые ответственные работы, где и применяла грамоту. Несмотря на свой почтенный возраст, принимает живейшее учас-

тие в культработе коммуны. Любительница играть на сцене. В этом отношении и теперь ещё «затыкает за пояс» многих молодых коммунарок. О своём крепком былом хозяйстве уже давно забыла. В коммуне работает дояркой. Энергичная, бесхитростная женщина. Незаменяемая работница. Прекрасный товарищ.

ТУБОЛЬЦЕВ Н.Т., 36 лет. Со своим середняцким хозяйством расстался только в 1928 году. Вошёл в коммуну с полным убеждением, что единоличная жизнь к добру крестьян не приведёт. плотник. Давно когда-то домашним образом обучился чтению. Письмом не владеет. Любит слушать чтение и сам часто читает. Добродушнейшее существо. Всегда улыбается наивной, солнечной, детской улыбкой. Никто не заметил в нём ни одной отрицательной черты.

ШИТИКОВ Д.С., 30 лет. Происходит из курской «рвани». Питался кусочками, которые мать добывала, ходя по миру. До десяти лет не знал штанов. На рождество и пасху «разговлялся» отрубями на воде. Всю молодость провёл в людях. Исколесил в поисках работы почти всю Россию. Был в партизанах. После гражданской войны его прибило в коммуну, где работает сейчас столяром. Член партии. Читает. Пишет плохо. Страстно, пламенно любит науку, искусство и технику. Чертовски внимателен. Упрям. Лоб расшибёт, а на своём поставит. Глотает книги, как галушки. В каждой из них выискивает очень многое и старается найденные знания как-нибудь приложить на практике. Готов «произойти» все науки. Пристаёт к коммунальному доктору с просьбой разъяснить ему «Рефлексологию» Павлова! Организатор кружка безбожников. Знает прорву народных сказок. Владеет ядрёным, но неповоротливым языком, который не в силах бывает выразить целые лавины беспорядочной, но важной мысли.

ШИТИКОВА М.Т., 25 лет. Как и её муж (Д.С.Шитиков), выросла в бедности. Отец служил на железной дороге. Дал ей образование: окончила начальную школу. Работает на молоканке. Активистка. Незаурядный ум. Талантлива. Пытается писать стихи. Тонко чувствует поэзию. Часто выступает с докладами на общественно-политические и антирелигиозные темы. Феноменально внимательна: цитирует из книг целые абзацы и главы. Говорит редко, но всегда толково. Много думает. В общечитии – безупречный человек.

ШУЛЬГИН Т.И., 36 лет. Крестьянин-середняк. В коммуне с 1920 года. Мельник. Малограмотен. Ядовито-насмешлив. Всё свободное время бродит по полям, лесам, логам и озёрам в поисках дичи.

ШУЛЬГИНА А.Г., 35 лет. Училась в школе малограмотных. Доярка. К науке относится строго утилитарно. Самолюбива. Горда. Не лишена многих способностей.

О первом опыте крестьянской критики художественных произведений

До Октябрьской революции русские писатели и критики были отделены от трудящихся масс китайской стеной. Писатели писали, литературные критики критиковали, а рабочие и крестьяне, за исключением отдельных единиц, ничего об этом не ведали. Это было неизбежно в условиях самодержавного строя.

Октябрь призвал широчайшие массы к строительству коммунизма. Приобщение трудящихся к науке, технике и искусству стало у нас повсеместным. Многие отрасли общественно полезной деятельности постоянно подвергаются контролю трудящихся масс, и мы всюду находим бесчисленные доказательства благотворности этого контроля...

Художественная литература – самая доступная трудовому народу ветвь искусства. Она является наиболее действенным и популярным средством социального воспитания.

А существовала ли у нас рабоче-крестьянская критика этой литературы?

Все большие писатели, понимавшие своё творчество как ответственную общественную деятельность, всегда тосковали о рабоче-крестьянской критике художественной литературы. А.М. Горький называл её «голосом народа», А. Серафимович не раз утверждал, что писателю положительно невозможно творить, не слыша оценки его произведений со стороны рабочих и крестьян...

Библиотечно-анкетная оценка художественной литературы – грубый суррогат настоящей массовой критики её. Порой читатели заполняют анкеты о книгах только для того, чтобы отвязаться от библиотечкарей. Во многих библиотеках до сих пор можно увидеть стенгазеты и красивые альбомы, в которых печатаются на машинке отзывы читателей о книгах – сухие, трафаретные отписки. Я не

встречал в них ни одного задушевного слова! Недаром они никем и никогда не изучались. Из них не делали никаких выводов...

Не отражают мнения масс о книгах и проводимые иногда по-казённому читательские конференции, на которых выступающие «критики» читают заранее написанные изложения опубликованных в печати рецензий, проверенные, исправленные, сокращённые или дополненные библиотекарями. К тому же эти «чужие» речи охватывают ограниченный круг вопросов в критике произведений.

А на так называемых встречах читателей с писателями – последних чаще всего преувеличенно славословят. В ответ они, как люди благовоспитанные, рассыпаются благодарностями. Тут уж, конечно, не всяк отважится говорить в глаза авторам неприятную правду об их сочинениях.

Повсеместная организация массовой критики художественной литературы и публикация народных отзывов о книгах будут содействовать и пропаганде лучших произведений и широкому, активному приобщению рабочих и крестьян к культуре.

Одна профессиональная критика этих задач не решит.

В наших газетах и журналах читаем немало возмущённых статей о том, что на крупных книжных базах гниют миллионы народных рублей в виде изданной, но никому не нужной макулатуры. Убытки издательств намного сократились бы, если бы у нас была надлежащим образом поставлена массовая критика художественной литературы.

Мы живём в эпоху строительства коммунизма. Народу надо многому учиться. Ему некогда терять силы, ум и время на разгадывание языковых ребусов. Значит, писатели должны говорить с народом на общепонятном языке, а не пугать его словесными курбетами.

Советская художественная литература не «великая и прекрасная бесполезность», не игра в изысканные словосплетения, а могучее средство организации масс и воспитания их в духе коммунизма.

В очень многих произведениях советской литературы крестьяне и рабочие берутся объектом изображения. Так пусть же они скажут сами, верно или фальшиво рисуют их наши художники слова.

Величайшие творения мировой классической художественной литературы всегда находили у моих слушателей самое разумное толкование и доставляли им незабываемое эстетическое наслаждение...

Сельские культработники худо воспитывают в народе любовь к художественной литературе. По-видимому, они ещё не осознали

той простой и великой истины, что в силу своей образности и эмоциональности художественное слово – лучший и радостный путь общего, политического, морального и эстетического воспитания людей.

Я неискоренимо убеждён, что одной из лучших форм работы с художественной книгой среди рабочих и крестьян является громкая публичная читка её с попутным и последующим критическим разбором. При этой форме работы мысль каждого слушателя обогащается не только писателем, но и всеми участниками читок.

За всю свою многолетнюю культурно-просветительную работу в деревне я не помню случая, когда бы крестьяне не пришли на объявленную читку художественного произведения. Уж что-что, а художественную литературу (конечно, добрую) крестьяне охотно слушали.

К сожалению, теперь громкие публичные читки художественных произведений совершенно не значатся в планах работ большинства наших культурно-просветительных учреждений и организаций.

Постоянная, повсеместная рабоче-крестьянская критика художественной литературы, публикуемая в печати, захлопнет ход к трудящимся дурной книге и, наоборот, широкой тропой поведёт туда книгу нужную, доброкачественную.

Книгу, получившую на громкой читке общее одобрение, человек сам купит и другому посоветует сделать то же. А от покупки «отвергнутой» книги он сам воздержится и предостережёт своих знакомых. И тогда плохая книга умрёт естественной смертью. Все участники устной критики хорошей книги обязательно будут её активными пропагандистами.

В районе моей былой работы роман В.Я. Зазубрина «Два мира» и поэма П. Петрова «Партизаны» известны были как произведения, горячо одобренные коммунарами «Майского утра». Благодаря этому упомянутые произведения раскупались очень быстро.

В феврале 1928 года при коммуне «Майское утро» проводились межрайонные зоотехнические курсы. Наши коммунары так расхваливали роман В.Я. Зазубрина, что «гости» ежедневно предъявляли мне три-четыре требования:

- Дайте, пожалуйста, «Два мира»!
- Где его можно купить? Скажите!
- Ваши говорят: «Ох, хороша книга!»

В то время романа уже не было в продаже. А будь он у меня под руками или в районном магазине, его тогда расхватили бы. И это – в глухом углу!

Крестьянская критика художественной литературы в длительном опыте создаст кадры массовых ценителей живого слова. Они придут на помощь профессиональным критикам.

Ведя культработу в течение многих лет, я постоянно слышал меткие, верные, остроумные крестьянские оценки художественных произведений. Эти оценки казались мне более основательными, чем многие печатные рецензии о тех же произведениях. Записывать мнения крестьян о литературе я не решался, полагая, по своей узкой осведомлённости, что другие наблюдатели народных аудиторий давно и хорошо это сделали. Но – увы! – до сих пор я не нашёл книг, содержащих буквальные крестьянские отзывы о художественных сочинениях современных авторов...

Сорок два года тому назад я в качестве учителя начальной школы получил возможность осесть на одном месте и поставить задуманный опыт крестьянской критики художественных произведений.

Кратко расскажу его историю.

Я учительствовал тогда в коммуне «Майское утро» Барнаульского округа Западно-Сибирского (ныне Алтайского) края, на родине космонавта-2 Г.С. Титова. Коммунары любили художественную литературу и вечерами собирались в школу на чтения. За двенадцать лет работы в коммуне я прочёл её членам огромное количество литературы, в том числе – сотни художественных произведений классиков (русских и зарубежных) и советских писателей. Признаюсь: умная, искренняя критика, выражавшая непосредственные впечатления от прочитанного, удивляла меня глубиной мысли, оригинальностью и живописностью языка. Я решил придать своей работе по собиранию крестьянских отзывов систематический характер.

В откровенной беседе я самыми простыми словами рассказал коммунарам о своём замысле и обосновал его теми же доводами, которые приведены выше. Коммунары, сознавая общественное значение опыта крестьянской критики художественных произведений, радостно согласились высказывать о них свои свободные мнения. Ни я от коммунаров, ни они от меня ни в какой зависимости не находились. Никто из авторов разобранных в нашей аудитории произведений мне и моим слушателям не враг и не друг. Полная объективность критики в моих записях поэтому была обеспечена. Я просил коммунаров, чтобы они ничуть не смущались своим «небаским» языком. Я предупреждал, что высказывания их будут тем дороже, чем непринуждённое и самостоятельное они будут по языку.

– Говорите, как придумается, только чтобы по совести, – советовал я коммунарам.

Впрочем, в этом долго не пришлось убеждать их: они не стеснялись в высказываниях, потому что дело происходило в своей среде.

Моя аудитория отличалась постоянностью состава. Это позволяло мне подвергать оценке прочитанное при совершенно одинаковых условиях. Лучше иметь состав слушателей меньший, да твёрдый, чем большой, но текучий.

По каждому прочитанному сочинению у нас бывало от восьми до сорока, а то и больше выступлений. Уже в этом количестве отзывов встречались повторения и вариации одних и тех же суждений.

Крестьянская критика художественной литературы – дело новое. Методика его совершенно не разработана. Начиная опыт, я чувствовал себя одиноким воином на новом поле.

На первых порах меня обуревали страхи и сомнения. Пугало сознание, что крестьянской аудитории невозможно прочесть любого нового писателя полностью, а без знакомства со всеми его сочинениями трудно критиковать и понимать отдельные его вещи.

Я попытался разобрать в крестьянской аудитории или лучшие сочинения некоторых писателей или характерные для них и создавшие своим творцам славу. В крайнем случае я читал те вещи, которые были в школьной или моей личной библиотеке.

В успехе опыта я сомневался ещё и потому, что мои слушатели, да и я, плохо разбирались в тонкостях литературно-художественного творчества. Мне казалось, что я звал крестьян исследовать тончайшее строение золотистой пыльцы мотылька, пользуясь при этом топором.

Эта мысль преследовала и терзала меня, пока следующее размышление не выклинило её из моей головы.

Великое в художественной литературе потому и великое, что оно действует на большинство людей. Действует незримо, как внешняя вода под пластом снега. Люди ощущают больше, чем могут выразить. Этот положение особенно верно в отношении крестьян. Художественное творение воздействует прежде всего на воображение и эмоции человека. Через возбуждение их оно преобразует и ум. Если произведение искусства не зажигает воображения, не волнует, не тянет к себе внешними формами, то оно никчёмно.

Бледная немочь языка заставляет каждого из нас закрыть самую великую по идейному содержанию книгу, и, быть может, мы делаем это как раз в тот момент, когда остаётся одна страница до такого места, которое увлекло бы нас на дальнейшее чтение.

Лучший писатель – тот, который счастливо сочетает в своих произведениях глубину мысли и чувства с заражающей формой изложения.

Работа с крестьянами над художественной книгой показала, что их в первую очередь интересует острый сюжет и язык, потом уже – её идейное содержание.

Крестьянское определение наилучшего произведения тождественно с общепризнанному в литературе. «Ревизор», «Власть тьмы», «Скупой рыцарь», «Недоросль», «Тартюф», «На дне», «Горе от ума», «Одиссея», «Господа Головлёвы», «Потонувший колокол», «Горькая судьбина», «Бранд», «Мёртвые души», «Слепой музыкант», «Иуда Искариот», «Три сестры», «Деревня», «Кому на Руси жить хорошо?» и многие другие произведения выслушивались крестьянами с затаённым дыханием. Коммунары давали этим шедеврам умные и самобытные толкования.

Как видите, перечисленные сочинения изображают разные времена, нации, классы; написаны они авторами разных народов, мировоззрений, литературных школ и методов творчества, и, несмотря на все это, крестьяне понимали и чувствовали их. В самом деле, не льком же они шиты! Им свойственно понимание и чувство гения, так почему же они не могут судить и о писателях нашего времени! Могут и должны!

Не мудрствуя лукаво, я и мои слушатели взяли за правило считать лучшими те произведения, в которых слиты правдоподобие содержания (разумеется, к сказкам это не относится), занимательный сюжет, глубокие идеи, живые образы, сильные чувства и полезная для советского человека направленность. Вот и весь наш критерий. Мои слушатели не затруднялись давать так или иначе обоснованную критику прочитанного. Своим особым языком они оценивали все его элементы...

Необходимо подчеркнуть, что коммунары «Майского утра» понимали крестьянскую критику художественной литературы как дополнение к критике профессиональной, а не как противопоставление ей.

Организуя первый опыт крестьянской критики художественной литературы, я ставил себе следующие главные цели:

1. Узнать из уст самих крестьян, что из новейшей художественной литературы они принимают, что отмечают как негодь и чего ждут от современных писателей.

2. Опровергнуть дикое мнение, будто крестьяне не способны понять и правильно оценить тонкие произведения художественного слова.

3. Дать первые примеры искренней, общепонятной, нелицеприятной, свободной от групповых тенденций критики художественной литературы.

4. Перекинуть живой мостик между крестьянами и писателями.

5. Привить труженикам полей любовь к живописному слову.

6. Посильно помочь издательствам в деле отбора художественной литературы для деревни.

7. Начать воспитание низовых критиков литературы.

* * *

Так как я вёл культурно-просветительную работу в «Майском утре» с первого дня возникновения коммуны и много учил крестьян культуре поведения, то моя аудитория была достаточно подготовлена к слушанию художественных произведений. Курения, щелкания семечек, разговоров и хождения по залу во время чтения и обсуждения прочитанного никогда не было. Чтение обычно длилось два часа. Увеличение этой нормы времени я допускал лишь по настойчивому требованию публики, когда шла особенно захватывающая вещь...

С самого раннего детства я любил художественную литературу. Став учителем в 1908 году, я ежедневно читал её в школе ученикам, а на сельской сборне – крестьянам. Так было до революции.

А в «Майском утре» коммунары создали мне самые благоприятные условия для школьной и внешкольной просветительной работы...

В молодости моим самообразованием руководил революционер-народоволец Л.П. Ешин, человек энциклопедической эрудиции и многогранного дарования. Он внушил мне мысль, что каждый народный учитель и в классе и в аудитории взрослых – публичный оратор; поэтому он должен уметь выразительно говорить и читать. Сам Л.П. Ешин владел блестящим красноречием.

Я долго жил в его квартире в городе Барнауле. Там часто собирались артисты, режиссёры, адвокаты, литераторы, либеральные педагоги, композиторы, музыканты, художники и политические ссыльные. Общение с ними было для меня настоящим «университетом на дому». Под руководством Л.П. Ешина я читал первоклассную научную и художественную литературу. Особенно усердно штудировал книги Озаровской и Сапожникова по выразительному чтению и речи корифеев ораторского искусства – Плевако, князя Урусова, Кони, Карапчевского, Андриевского, Спасовича, Тесленко и многих других.

Таким образом, я был неплохо вооружён и для постановки в «Майском утре» опыта крестьянской критики художественной литературы. Своё чтецкое уменье продолжал улучшать в коммуне, изучая труды великого артиста и педагога К.С. Станиславского.

Слов нет, я не был настоящим мастером художественного слова, но скажу без ложной скромности, что с моих читок публика никогда не уходила из аудитории. Теперь мне и грустно и смешно вспоминать, как в 1930 году один ультралевый критик-зоил бичевал меня в печати за то, что я «читал, как артист», и потому-де мог по корыстному желанию бездарную вещь вывезти, а талантливую утопить (?!).

Опыт, подобный моему, нельзя вести, если руководитель не может читать с некоторой долей артистизма.

Задумав новую форму массовой просветительной работы, я много раз предварительно беседовал с коммунарами о значении художественной литературы в жизни людей. С этой целью подбирал яркие факты из истории человечества, на которых выяснял образовательную, воспитательную и социально-организующую роль художественного слова. Такими фактами были, например: значение стихотворений Демьяна Бедного в поддержании героического духа Красной Армии в борьбе с белыми; влияние песен Тиртея Хромого на храбрость спартанцев во Второй Мессенской войне; помощь, оказанная произведениями Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, Тургенева, Григоровича, Некрасова, Степняка-Кравчинского, А.М. Горького и др. русскому освободительному движению; переворот в педагогике, вызванный «Эмилем» Жан Жака Руссо и т.д. Неоднократно толковал я коммунарам о задачах массовой критики художественной литературы и об их ответственности за эту работу.

К слушанию больших сочинений моя аудитория подготавливалась на таких коротких и острых рассказах, как «Красный цветок» Гаршина, «Метель» Пушкина, «Лес шумит» Короленко, «Унтер Пришибеев» Чехова, «Спектакль в селе Огрызове» Шишкова, «Рассказ про попа» Зощенко, «Зимний вечер» Успенского и пр. Они сразу пробуждали интерес к художественной литературе.

Самой трудной для меня задачей было – вызвать слушателей на полную искренность их суждений о прочитанном, ибо в противном случае вся моя затея не стоила бы и гроша. Я убеждал и просил коммунаров быть честными в высказываниях, ни у кого не занимать мыслей, ничего не утаивать.

Как и почти все крестьяне, мои слушатели страдали вредным самовнушением. Они говорили:

– Не нам судить о книгах. Мы не учёные... Не умеем говорить по-учёному... Над нашими словами будут смеяться...

На это я отвечал:

– Всякий человек по-своему думает о литературе. Учёные пусть думают о ней по-учёному, а мы будем думать по-простому. Учёную критику люди слушали века. Теперь Советская власть хочет знать о вас самих, нравятся ли вам те книги, которые в городах издаются для деревни и на которые расходуются крупные народные деньги, или не нравятся. Какие нравятся и какие не нравятся? И почему? Сильная, меткая, хотя и грубоватая, рабочая и крестьянская речь бывает дороже всякой гладкой речи. В критике она – самое дорогое зёрнышко. И когда вы будете критиковать книги, – говорите своею речью, а не тужьтесь похвастаться «учёными словечками». Я их всё равно записывать не буду: они слабее ваших слов. Критикуйте по совести, от чистого сердца. Ловите свои думки и чувства на читке и выкладывайте их при оценке произведений. Я знаю: вы часто скрываете умные, дельные мысли, считая их никудышными. Бросьте это и будьте откровенны в критике, как в разговорах дома.

И всё же чересчур осторожные коммунары некоторое время боялись записи их мнений о книгах. Они думали, «как бы чего не вышло», раз в «книжку заводят» их слова. Но эта боязнь исчезла, когда я прочёл им из газет и журналов первые публикации их высказываний.

А когда в коммуну стали приходиться похвальные и благодарственные письма и книги от писателей и издателей, мои слушатели увидели реальные доказательства общественной полезности нашего опыта.

Как руководитель массовой критики художественной литературы в коммуне «Майское утро», я имел ориентировочную исследовательскую схему и придерживался её при разборе прочитанных сочинений, но она не была окостенелой в однажды данной форме. Её изменения и дополнения были неизбежны и прямо зависели от содержания разбираемых произведений. За чрезмерной детализацией схемы нечего было гнаться, так как наша литературная критика в те годы создала довольно туманную, путаную терминологию и разноязычие. Я стремился к простоте и клал в основу разбора следующий вопросник:

1. Правдоподобно ли содержание произведения?
2. Достаточно ли полно оно охватывает то, что хотел изобразить автор?
3. Что в сочинении лишнее*?

* Три первых вопроса к сказкам не относятся.

4. Яркие ли описания лиц, событий, природы и бытовых картин?
5. Правильно ли автор объясняет поступки героев их душевным состоянием?
6. Как он относится к своим героям?
7. А как вы относитесь к ним?
8. Богато ли сочинение глубокими мыслями?
9. Берёт ли оно за сердце?
10. Характерна ли речь героев?
11. Метки и понятны ли образы и сравнения?
12. Не труден ли для понимания язык всего произведения?
13. Что вам особенно понравилось и не понравилось в сочинении?
14. Не путано и не вяло ли ведётся в нём рассказ?
15. Складно ли связаны его части?
16. С какими подобными сочинениями можно сравнить его?
17. Какие мысли и чувства вызвало оно у вас?
18. Доставило ли вам удовольствие чтение этого произведения?
19. Нет ли в нём чего-нибудь вредного для советских людей?
20. Нужно ли оно в сельских библиотеках?
21. Если нужно, то для чего?

Ко многим произведениям я не применял всю эту схему. Конечно, безрассудно было бы по всей приведённой анкете разбирать такие миниатюры, как «Бездельник Эдуард» Катаева, «Хреновинка» Шишкова, «Драка» Зоценко и т.п. А «Любовь Яровая» Тренёва, «Соль» Бабеля, «Ухабы» Новикова-Прибоя потребовали значительных дополнений к исследовательской схеме. Чуткий человек найдёт их без особого труда. Толкач, как говорится, муку покажет. Моя схема была своего рода формулой, которую я каждый раз конкретизировал. Например, пункт четвёртый в разборе повести Н. Ляшко «В разлом» потребовал таких частных вопросов к аудитории: 1) Какой вы представляете себе жену доктора Крымова Аделаиду Аполлоновну по наружности: высокой, низкой, толстой, тонкой, чернявой, белокурой? Какие у неё глаза, волосы, нос, одежда? Какой голос? 2) Стоит ли перед вашими глазами картина ледохода на Волге? Расскажите её. 3) Какова по внешности Шурка? 4) Каковы стены ярославской тюрьмы? 5) Как Костя во время пения на пиру у буржуев держал гитару? Какая сцена в повести написана наиболее живо?

Приблизительно такое развёртывание схемы сумеет сделать всякий рядовой культработник, пожелавший заняться организацией массовой критики литературы.

Я не учил коммунаров приёмам критики, но предупредомлял их, что они вольны отзываться о книгах в какой угодно форме. Я говорил:

– Можете ругать, но пристойно; можете восторгаться, острить, шутить, высмеивать, каламбурить, вспоминать, сравнивать, возмущаться, вздыхать, плакать, хохотать, недоумевать, возражать и т.д. Полный простор вашим мыслям и чувствам!

Но никакого озорства, ничего неприличного, а тем более – политически предосудительного в нашей аудитории никогда не было...

Серьёзной помехой моей работе в первые годы жизни коммуны был весьма ограниченный выбор литературы. В далёкие сибирские углы доходили тогда единицы хороших книг. Это обстоятельство вынудило меня отказаться от тематического подбора сочинений для читок и обсуждения, хотя я хорошо понимал его преимущество перед выбором случайным. Но это не остановило меня. Я упорно добивался первой, очень важной цели – влюбить крестьян в художественное слово. А для достижения её считал верным средством имевшиеся в коммуне добрые произведения русских и зарубежных классиков. Позже я нашёл подтверждение моей правоты в указаниях В.И. Ленина:

«Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осуждённые всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т.п.»*

Вся моя просветительная работа в коммуне «Майское утро» и, разумеется, атеистическая, была последовательным применением ленинского совета – подходить к массам «и так и эдак», чтобы «встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами».

Читал я коммунарам и лучшую беллетристику из «Красной нови», «Сибирских огней» и других толстых журналов 20-х годов.

* В.И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 33, стр. 204.

Наряду с сочинениями маститых писателей коммунарам были прочитаны и вещи малоизвестных и даже забытых авторов. Этого требовала элементарная справедливость...

Методисты культпросвета правильно рекомендуют: перед обычной читкой художественного произведения знакомить слушателей с краткой биографией его автора.

На читках же, имеющих целью критику литературы, я поступал наоборот: знакомил слушателей с автором после разбора его сочинений. Я замечал в своей аудитории влияние биографии писателя на отзывы о его книгах. Если биография была «жалостная», писателя щадили, прощали ему серьёзные грехи.

Перед читкой вещи мои слушатели в «Майском утре» ничего не знали и об отношении к ней литературной критики, которая может одних искушить на шествие «за тётушкиным хвостом», а у других – поддразнить беса противоречия. Таковы уроки опыта...

Чтобы не разбивать у слушателей целостного впечатления от читки, я перед нею объяснял непонятные слова и выражения, которые встречаются в книге. Коротко рассказывал о событиях и фактах, послуживших канвой для этой книги.

В коммуне никто, никогда и никого не заставлял посещать читки: люди сами шли их слушать. А когда мне по делам службы приходилось уезжать в район, округ и крайцентр, коммунары сучали по читкам.

У меня со слушателями был заключён неписанный договор, по которому они вольны были прерывать чтение, если оно казалось им нестерпимо скучным. Предложения об «отставке» вещи давались в мотивированной форме.

Аудитория обсуждала их, а затем голосовала. Голосование показывало, что делать: продолжать читку или прекратить её. В примечании к записям отзывов я непременно указывал, когда, на какой главе и странице поступило предложение о прекращении чтения и какие прения развернулись в связи с этим. Когда меньшинство слушателей, настаивавших на дальнейшем чтении, было всё же изрядным, читку продолжали. Я не противился ни минуты, если вся аудитория категорически требовала «закрывать книжку».

Искусный чтец выручает и посредственное сочинение, а неумелый оказывает медвежью услугу и классической книге. Работа публичного чтеца сложнее и труднее работы актёра на сцене: актёр отвечает за одно лицо в произведении, а чтец – за всех его героев.

Эти соображения обязывали меня тщательно готовиться к читке: думать об идеологии, образах, сюжете и композиции вещи; расставлять в трудных словах ударения грамматические, а во фразах –

логические; разучивать интонации описаний, монологов, диалогов, массовых сцен, ремарок; находить нужные мимику и жесты; тренироваться в дикции.

На громкие публичные чтения нельзя смотреть как на слишком простое дело и вести его по правилу тят-ляп. Долголетняя практика подсказала: чем более отсталой является аудитория, тем артистичнее должно быть всякое чтение перед нею.

Массовые культработники хорошо знают, что мастерское чтение художественных произведений – магическое средство приобщения крестьян к культуре. Жаль, что наши учебные заведения – культпросветшколы, педучилища и пединституты – слабо культивируют искусство живого слова. За это упущение мы тяжело расплачиваемся...

Когда читка эмоционально сильно действовала на моих слушателей, они энергично отвечали на это выкриками. Я не запрещал их. Записывал, потому что в них заключались интересные, остроумные мысли и горячие чувства. Читая, не выпускал из рук карандаша.

В процессе чтения успевал записывать на полях книги или в блокноте возникшие мысли, вопросы слушателям.

Когда работали над большой книгой, избегали длительных перерывов между читками.

Я внимательно составлял подробные вопросники для разбора таких книг, чтобы избежать повторений и сделать критику обстоятельной.

Нужен ли вопросник? Да, нужен. До сих пор ни одно массовое обследование не обходится без анкет. Пока не выдуман способ их замены.

Составленный вопросник я каждый раз оглашал аудитории, предлагал ей продумать его, дополнить, изменить. А на самом разборе произведений просил слушателей высказываться совершенно свободно, без помощи моих вопросов. Когда же свободное высказывание приходило к концу, задавал вопросы: развитому слушателю потруднее, а слабому – полегче. Вопросы задавались в простейшей форме. Без вопросов невозможно было обойтись. Особенно – на первых порах. Мне известно множество случаев, когда умные крестьяне без вопросов терялись и не знали, что говорить. Вопросы выводили их из тупика, и «безнадёжные» критики давали отличные отзывы. Вопросы приучают «молчальников» и к публичной речи.

Но я не терял чувства меры, не приставал к слушателю, когда он отвечал на вопросы неохотно. Задавая их, строго следил за собою, чтобы ни жестом, ни мимикой, ни интонацией не подсказать слушателю моего личного отношения к прочитанному.

Обсуждению пространной книги приходилось посвящать вечеров семь-десять, а то и больше. Разумеется, вечера в коммуне не целиком отдавались читке и критике литературы. В течение одного вечера записывались отзывы трех-пяти человек. А как же было с остальными слушателями? Желающие присутствовали на критике, а некоторые уходили домой или читали в школе книги, газеты, журналы. Минусом этого порядка надо признать большой интервал между читками. Выгоден же он был тем, что последующее произведение не разрушало у слушателей впечатлений, полученных от предыдущей читки.

Делал я и так. Накануне спрашивал слушателей: кто желает завтра давать критику? Охотники находились. Назавтра пораньше вечером они приходили в школу. А потом, когда собиралась вся аудитория, проводилась плановая культработа. После – очередная читка.

На разборе маленьких сочинений присутствовали все слушатели. Но маленькое по числу строк и страниц произведение иной раз бывало ёмким по содержанию и нуждалось в продолжительном обсуждении. Например, «Соль» Бабеля, «Партбилет» Безыменского, «Боа» Н. Чёртовой.

Для ускорения разбора хорошо грамотным коммунарам задавались вопросы в письменном виде. Ответы были тоже письменные. Но это случалось очень редко и по желанию слушателей. Крестьяне не любили возни с бумагой. Мнение, высказанное устно и публично в аудитории, дороже отзыва в письменном виде. Первое возбуждает всю аудиторию и рождается порой под влиянием её суждений, второе остаётся только достоянием его автора.

Отзывы коммунаров о больших сочинениях были многочисленны и пространны. Трудно было записать их в школе. Я записывал их всюду: в народном доме, на квартирах у себя и у коммунаров, на улице, в дороге, во время отдыха в поле и в мастерских и т.д.

Как в любом большом коллективе, среди коммунаров «Майского утра» было немало «тихоней», то есть весьма застенчивых и молчаливых людей. Они долго не осмеливались высказывать свои впечатления от читок. Я и не трогал их, терпеливо ожидая, когда они вслед за «смелыми» товарищами развяжут языки. С течением времени из них вышли толковые, активные критики, например, П.И. Титов (дед космонавта-2), Н.И. Титов, Т.В. Стекачёв, А.П. Бочарова, В.Ф. Зубкова, Н.В. Корлякова, Т.П. Блинова и др.

Попытки «смелых» слушателей вышутить чью-нибудь неудачную критику немедленно пресекались. Однако мы не дела-

ли из каждой читки великопостной вечерни. Во время речи одного слушателя не запрещались беглые шутки, остроты, каламбуры, замечания и добавления из зала, если они были добродушны и не обижали оратора. Реплики из аудитории – это брызги живой, работающей мысли. Я ими очень дорожил.

Завязавшиеся при обсуждении диспуты терпеливо выслушивал и брал из них на заметку всё ценное. Если спор уводил от полезной линии – подходящими вопросами возвращал на неё увлечшихся спорщиков.

Случалось, что коммунары, критикуя, сосредотачивали своё внимание только на некоторых сторонах произведения. Критика получалась однобокой. Тогда я соответственными вопросами направлял слушателей.

Я чутко ловил тот перекрёстный вполголоса разговор между слушателями, который завязывался между ними сейчас же по окончании каждой читки. В нём содержались драгоценные крупницы мыслей, которые не всегда можно было услышать в громких публичных выступлениях.

Все записанные отзывы непременно проверялись их авторами. Дополнения и изменения принимались беспрекословно.

Заключения после записей критики формулировал я, но по предложениям коммунаров.

В мои примечания заносились все те мелкие, но характерные показатели отношения слушателей к произведению, которые выражались поведением публики во время чтения: много ли было споров, вздохов, слёз и ругани; сколько человек ушло и з школы от скуки, сколько зевало, дремало.

Понятно, что о прерванной читке отзывы не записывались. Но если об «отказанном» сочинении разгорались длинные споры и разговоры, то записям придавалась обычная форма...

В начале 20-х годов среди методических пособий и руководств по массовой культурно-просветительной работе я не знал такого, где бы заключены были формы записи народной критики художественной литературы. Возможно, та форма записи, которая дана мною в этой книге, далеко не лучшая.

* * *

Крестьяне заметили, что многие писатели 20-х годов одержимы были страстью перегружать свои сочинения трудными образами, которые отшибают читателей, доставляют им не удовольствие, а муку, не облегчают, а затрудняют усвоение содержания. Гомер, Лев

Толстой, Шекспир, Пушкин. Шелли, Грибоедов, Лермонтов, Тургенев и другие классики оказались ближе к крестьянству по языку, чем Пастернак, Сельвинский, Соболев, Антокольский, Вера Инбер, Всеволод Иванов, Пильняк, Аросев, Голодный, Обрадович и многие другие советские авторы...

Я убедился, что крестьяне ждут от литературы, чтобы она учила их лучше жить и помогала разбираться во всех жизненных вопросах. Кроме того, им не чуждо и бескорыстное желание отдохнуть за книгой, «облиться слезой над вымыслом поэта», получить эстетическое удовольствие.

Всякую форму литературно-художественных произведений крестьяне понимали и чувствовали, если эти произведения действительно талантливы. Трогательны и совершенно очищены от словесной шелухи и вычурности: «Гамлет» Шекспира, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Старосветские помещики» Гоголя, «Гартиуф» Мольера, «Господа Головлёвы» Щедрина, басни Эзопа, Крылова и Демьяна Бедного, «Как хороши, как свежи были розы» Тургенева, «На посадку тополя» Ерошина, «Лучинушка» (народная песня), «Бедные люди» Достоевского, «Разбойники» Шиллера, «Размышления у парадного подъезда» Некрасова, «Эдинбургская обедня» Демьяна Бедного, «25 октября 1917 года» Маяковского, «Первые люди на луне» Уэллса, трилогия А. Толстого, «Уклон» Ив. Никитина, «Баллада о Ленине и Ли-Чане» Исбаха, экспромты Пушкина и Лермонтова, «Дневник Кости Рябцева» Огнева, «Чёрное золото» А. Коптелова, «Марш Будённого» (песня), «Конармия» Бабеля, «Красиво, как в кино» Михаила Кольцова, «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида, «Покойнишний вой о Ленине», записанный Хандзинским...

Всё безусловно лучшее и общепризнанное в старой и послереволюционной русской литературе и иностранной художественной литературе крестьяне почитали за лучшее: «Борис Годунов» Пушкина, «Ревизор» Гоголя, «Скупой» Мольера, «Чайка» Чехова, «Братья Карамазовы» Достоевского, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Оливер Твист» Диккенса, «Собор Парижской богородицы» Гюго, «Обломов» Гончарова, «Робинзон Крузо» Дефо, «Мытарства» Подъячева, «В разлом» Ляшко, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Русские женщины» Некрасова, «Что делать» Чернышевского, «Смерть Пазухина» Щедрина, «Князь Серебряный» А.К. Толстого, «Суходол» Бунина, «Поединок» Куприна, «Морские рассказы» Станюковича, «Живая тюрьма» Серафимовича, «Унтиловск» Леонова, «Капкан» Пермитина, «Повольники» Яковлева и др.

Высшую похвалу крестьян заслужили те художественные произведения, в которых счастливо сочетаются острые положения героев, краткие, точные и ясные описания, определения и сравнения, лепные образы, меткий, характерный язык, прозрачная, хотя и сложная, психологическая ткань: «Тарас Бульба» Гоголя, «Дубровский» Пушкина, «Человек, который смеётся» Гюго, «Дни нашей жизни» Андреева, «На дне» Горького, «Власть тьмы» Л. Толстого, «Неделя» Либединского, «Две души» Новикова-Прибоя, «Любовь Яровая» Тренёва, «Страх» Афиногенова...

Запутанным тягучим романам, драмам, трагедиям, комедиям и повестям мои слушатели предпочитали сжатые экспрессивные рассказы: «Пари» Чехова, «Обида» Куприна, «Дикой» Яковлева, «История моей голубятни» Бабеля, «Счастье» Дорохова, «Мадемуазель Фифи» Мопассана...

Из советских произведений, прочитанных в «Майском утре», властителями дум были: «Ташкент – город хлебный» Неверова, «Два мира» Зазубрина, «Растратчики» Катаева, «Разлад» и «Среди рабочих» Подъячева, «Правонарушители» Сейфуллиной, «Любовь Яровая» Тренёва, «Неделя» Либединского, «Бессонница» Орешина, «Песнь о великом походе» Есенина, «Сказ о Ермаковом походе» Вяткина, «Сибирский сказ» Скуратова, «Двадцатый» Уткина, «Партбилет №224322» Безыменского, «Партизаны» Петрова, «Ухабы» Новикова-Прибоя и др.

О них в коммуне шли долгие разговоры, споры и воспоминания...

Истинно талантливые сочинения крестьяне слушали до полной усталости чтеца. А не закончишь, бывало, вещь сегодня, – завтра они приходили на читку рано. А после читки – шумный, долгий разговор. Людям не хотелось уходить из школы. Сидели, смаковали прочитанное.

«Птенцы последнего гнезда» Писемского, «Живой труп» Л. Толстого, «Вадим» Лермонтова, «Чёрный монах» Чехова, «Макар Чудра» Горького, «Бедность не порок» и «Лес» Островского, «Октава» Скитальца, «Король Лир» Шекспира, «Возвращение Гелы» Лидина, «У староверов» Подъячева, «Живодёр» Никитина, «День Петра» А. Толстого, «Растратчики» Катаева, «Железный поток» Серафимовича...

После читки этих произведений я замечал прилив публики в моей аудитории. Масса выражений из этих сочинений вошла в обиходный крестьянский язык, а имена типов стали нарицательными. Коммунары так определяли воздействие на них упомянутых произведений:

- И сами-то они баски, и на другие книги затягивают тебя...
- Бурует под сердцем от этих книг.
- Думка бродит в голове...

Состав аудитории – всегда чуткий показатель достоинства книги. Если я читал кряду три-четыре посредственных произведения, то моя аудитория усыхала. Начинал читать хорошие вещи – аудитория снова наполнялась. И так всегда...

Небрежные создания писателей безошибочно угадывались коммунарами. К категории вещей, состряпанных спешно, коммунары отнесли: «Над кем смеётесь?» Зощенко, «Материалы к роману» Пильняка, «Плодородие» Вс. Иванова, «Русь» Сельвинского, почти все прочитанные в коммуне фельетоны и рассказы из журналов «Крокодил» и «Лапоть».

Автор, угодивший крестьянам одним своим произведением, не может рассчитывать на их снисходительность, если потом напишет плохую вещь. Каждому произведению одного и того же автора коммунары воздавали должное по заслугам. За «Растратчиков» Катаев получил от них высшую похвалу, а за «Бездельника Эдуарда» – крепкую ругань, «Партизан» Вс. Иванова они разнесли в пух и прах, а «Бога Матвея» одобрили. «Срамные» стихи Есенина возмущали крестьян, а «Песнь о великом походе» показалась им настолько большим произведением, что его одного – полагали они – хватит для искупления всех грехов замечательного поэта. «Плоды просвещения» Л. Толстого вызвали у моей аудитории восторг, а «Хозяин и работник» – недоверие и протест...

На разборах заумных, выкрутасных сочинений крестьяне, негодуя, доходили до «белого каления»:

– Пиши советскому правительству от нашего лица, замулевать эти сочинения к чёртовой матери, чтобы они не гадили нашу литературу!

– Скажи, что пакостные книги нельзя пускать за границу, а то там подумают, что все мы тут оболтусы. Дескать, дурные читаем и не можем выбросить вон!

Вещь занимательную, хотя и неглубокую по идее, крестьяне слушали с удовольствием. Книгу же умную, но скучную – браковали. Рассказы «Любовь» Зощенко, «Хреновинка» и «Спектакль в селе Огрызове» Шишкова, «Критик» Подъячева, «Роман с контрабасом» Чехова и т.п. – пустячки, но от них крестьян трудно было оторвать.

И наоборот. Хорошая повесть «В горах» Савича нудностью и тяжеловесностью фраз на первых страницах вгоняла слушателей в «девятую тоску».

Вялое, ублаживающее развитие сюжета «Ноева ковчега» вынудило всех моих слушателей отложить эту повесть Сейфуллиной на «неопределённое время». «Смерть Миколы Бунчука» Мугуева коммунары тоже бросили слушать: скучен.

Нервировали крестьян безмерно и без нужды запутанные сюжеты. Яркий пример: «Большие пожары» – роман двадцати пяти авторов. Про такие литературные «клубки» коммунары злобно судачили:

– Сидишь, слушаешь – и всё корёжишь мозга свои, чтобы петли распутлять и понять, чо к чему.

– Зря они голову натружают людям.

– А сласти тебе никакой от чтения.

– Редко который писатель в «Больших пожарах» на ясну поляну выводит, а то все больше по пням да по корявым кустам, да по ярам за нос нас водят...

Из всего коллективного романа коммунарам понравились главы, написанные Новиковым-Прибоем, Лидиным, Березовским, Никулиным, Аросевым, Зозулей, Яковлевым, Лавренёвым и Кольцовым. Резкий след в памяти моих слушателей оставил Новиков-Прибой...

Сочинения, перегруженные научной терминологией, как «Гиперболоид» А. Толстого, «Открытие Риэля» Итина коммунары слушали с большим трудом, почти не усваивали их содержание, а запоминали лишь яркие образы и сцены. От таких книг мои слушатели отказывались:

– Шибко они учёные... для интеллигенции.

И вслед за тем прибавляли:

– Давай-ка которую попроче да получше...

Громоздкие литературные эпопеи вроде «Степана Разина» Чапыгина давили крестьян непонятной им стилизованной древней речью. Из этой эпопеи коммунары выслушивали лишь самые колоритные главы, сцены, которых в ней, правда, очень много.

Высоко расценивали коммунары произведения с умеренной, талантливой и понятной стилизацией языка: «Василий Шибанов» А.К. Толстого, «Хирургия» Чехова, «Любовь Яровая» Тренёва, «В лесах» Мельникова-Печерского, «Капкан» Пермитина, многие стихи Демьяна Бедного.

Совершенно ошибочным оказалось утверждение, что крестьяне любят и понимают больше те художественные сочинения, содержание которых взято из деревенской жизни. Нет! Они любят все, что талантливо, действительно, поучительно, прекрасно и просто по форме. Им одинаково любя: «Орлеанская дева» Шил-

лера, «Воскресение» Л. Толстого, «Приведения» Ибсена, «Ипохондрик» Писемского, «Жорж Данден» Мольера, «Потонувший колокол» Гауптмана, «Вешние воды» Тургенева, «Из деревенского дневника» Успенского, «Соборяне» Лескова, «Дым» Тургенева, «Жизнь Василия Фавейского» Л. Андреева, «Мужики» Чехова, «Гранатовый браслет» Куприна, «Фауст» Гёте, «На пороге к делу» А. Островского, «Очерки бурсы» Помяловского, «Огненный камень» Gladкова, «Дело Артамоновых» Горького, «Не стало Ленина» Безыменского, «Четыре дня» Гаршина, «Шпинаты» Подъячева, «Лукреция Борджиа» Гюго, «Очерки о русско-японской войне» Вересаева и т.п.

В крайнее раздражение приводило моих слушателей непоследовательное и скомканное развёртывание сюжета: «Алые сугробы» Шишкова, «Уважаемые граждане» Зошенко (во многих рассказах), «Пугачёв» и «Анна Снегина» Есенина, «Живодёр» Ив. Никитина. В лучшем произведении Сейфуллиной – «Правонарушителях» крестьяне нашли скомканность конца. Им хотелось видеть, как Мартынов повёл бы детскую колонию в лихую годину голода и разрухи... Даже сам Ибсен не удовлетворил коммунаров концом «Кукольного дома».

Безгранично восхищение крестьян теми произведениями, в коих налицо революционное содержание и блестящая художественная форма: «Сон Макара» Короленко, «Побеждает? Победит!» Молчанова, «Буревестник» Горького, «Британия» Ерошина, «На баррикаде, кровью залитой» Гюго, «Ткачи» Гауптмана, «Песня о рубашке» Гуда, «Дубровский» Пушкина, «Молодой король» Уайльда, «Боевая ленинская» Безыменского, стихи на революционно-политические темы Демьяна Бедного, Лебедева-Кумача, Жарова, Алтаузена и проч.

Возможно, кому-нибудь покажется смешным включение «Молодого короля» в группу произведений с революционной идеологией, а между тем эта сказка имела на коммунаров огромное революционизирующее действие, о котором слесарь Е.С. Блинов сказал:

– Во время переворота я в городах и на фронтах слышал всяких первоклассных ораторов, но никто из них не ударил по моей голове революционными мыслями так сильно, как «Молодой король» Уайльда...

Назойливую и голую тенденцию, хотя бы и ультрасоветскую, но облечённую в слабые художественные формы, крестьяне отмечают.

Трудно «провести» крестьян произведениями с реакционной идеологией. Они угадывали её немедленно, каким бы красивым флёром она ни была прикрыта: «Орлёнок» Ростана, «От неё все

качества» Л. Толстого, «Ганнеле» Гауптмана, «Живые мощи» Тургенева, «Жидовская кувырколлегия» Лескова.

Художественных качеств этих произведений оспаривать никто не решался. Но коммунары с сожалением говорили:

– Хороши они, но не наши, чужие...

– Не советские, вредные.

– «Орлёнок» за монархию стоит. В советской деревне он не нужен.

– «Живые мощи» и «Ганнеле» – больно исусистые.

– «От неё все качества» – тоже «святой боже».

– В «Жидовской кувырколлегии» автор, может быть, и жалел евреев, а вышло так, что он над ними насмехается. А смеяться над нациями у нас теперь не положено.

Приключенческая и мемуарная литература, носящая печать художественности, составляла для крестьян занимательнейшее чтение: «Жизнь и приключения Максима Горького» Груздева, «Автобиография» Шаляпина, «Дуэль и смерть Пушкина» Вересаева, отрывки из книги «Колчак, директория, интервенты» Болдырева, «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, «О трёх львах» Хаггарда, «Семь скандалов» Антона Сорокина, очерки из журнала «Былое», записки революционеров о Шлиссельбургской крепости и её узниках и проч.

Помню, на чтении книги Вересаева «Дуэль и смерть Пушкина» коммунары лили горькие слёзы. А «Жизнь и приключения Максима Горького» и «Автобиография» Шаляпина захватили слушателей так, как захватывали их классические художественные произведения.

Озорная, оскорбляющая человеческое достоинство литература с презрением отвергалась коммунарами. Они твёрдо верили, что настоящий писатель – высоконравственный человек, бунтарь против пошлости.

В очень неловкое положение ставили крестьян: «Москва кабацкая», «Исповедь хулигана» Есенина, «Баба-змея» Калиникова. На них крестьяне были готовы плевать:

– С бабами вместе совестно их слушать.

– Дома в семье, при отце-матери, при братьях и сёстрах читать их никак невозможно.

– К чему нам эта гадость?!

Сексуальные мотивы звучат и в рассказах: «Задача» Глеба Успенского, «Морская болезнь» Куприна, «Дьявол» Л. Толстого, «Грамматика любви» Бунина, «Лизар» Вересаева, но «жеребятина» из них не выпирает и не огорчает слушателей.

Не выносили крестьяне скачкообразного, ребусного, слишком «динамического» изложения: «Когда цветёт вишня» Соболя, «Старый сыр» Пильняка, «Пушторг» Сельвинского, «Спекторский» Пастернака.

Сельвинскому и Пастернаку принадлежит пальма первенства в искусстве задавать языковые загадки, которых не могли разгадать не только крестьяне, но и сельские интеллигенты – врачи, агрономы, учителя, техники, бухгалтеры. Я неоднократно производил опыты по толкованию только что названных сочинений Сельвинского и Пастернака в кружках сельской интеллигенции. Результаты получались плачевные. Интеллигенты, как и крестьяне, жаловались:

– Подобными произведениями можно успешно не просвещать, а засорять мозги.

По мнению крестьян, отточенный, отшлифованный, вылизанный стиль – не первостепенная ценность в художественном произведении. Он дорог при глубине содержания, силе образов и чувств.

Ничего не давали коммунарам сочинения, пропитанные туманной философией и «утончёнными» эмоциями.

Мутный психологизм злил и морил крестьян скукой: «Полынья» и «Ночь» Вс. Иванова, «Два конца» Кравкова. Такие сочинения убивали у коммунаров охоту ходить на читки.

Мои слушатели разбирались в ясном, хотя и сложном психологическом узоре таких глубокомысленных сочинений, как «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, «Саломея» Уайльда, «Иуда Искариот» Л. Андреева, «Чёрный человек» Есенина, «Палата №6» Чехова, «На Пресне» Серафимовича.

Фельетоны Демьяна Бедного, Мих. Кольцова, Л. Сосновского, А. Зорича, часто поднимавшиеся до степени высокой художественной сатиры, были для моих слушателей хлебом насущным. Как только, бывало, получишь свежие номера «Правды», «Огонька», «Прожектора», «Известий», сейчас же публика подавала голос:

– Смотри, там Демьян!

– А ну-ка, нет ли там Кольцова, Сосновского или Зорича?

Этих авторов коммунары любили больше, чем очень многих «чистых» беллетристов.

Говорят: крестьяне любят дешёвый юмор. Неправда! Мне чуть не каждый день приходилось стыдиться за тогдашние журналы «Крокодил», «Лапоть» и «Смехач»: большая половина их содержания была набита юмористической вермишелью, совсем не смешной, написанной на скорую руку. И крестьяне редко смеялись здоровым смехом над фельетонами из названных журналов. Вот обычные отзывы коммунаров о них:

– Так... Чепушичка...

– Не лезет смех.

– Хуже стали эти журналы, чем были раньше.

Чтение «Крокодила», «Лаптя» и «Смехача» нередко обрывалось:

– Брось это мелево!

– Давай дельной!

– Эти обрыдли!

И чтобы посмешить публику, я обращался к юмористам-«старичкам»: Чехову, Лескову, Шишкову, Гоголю, Щедрину...

Журнал «Безбожник» пользовался в коммуне любовью за популярность его научных и антирелигиозных статей и фельетонов.

И в театре и в читальне крестьяне тянулись к серьёзной пьесе. На своей сцене мы ставили пьесы классического репертуара: «На дне» Горького, «Лес», «Бедность – не порок», «Свои люди – сочтёмся» Островского, «Бывые соколы» Писемского, «Дядя Ваня» Чехова, «Безденежье» Тургенева, «Ревизор» Гоголя, «Пурсоньяк» Мольера и др.

Ставили и превосходные советские драматические произведения: «Любовь Яровую» Тренёва, «Ржавчину» Киршона и Успенского, «Штиль» Билль-Белоцерковского, «Квадратуру круга» Катаева и др.

Из пьесы Тренёва мы ставили отдельные сцены. Коммунары играли, вероятно, слабо, однако наш зрительный зал не мог вместить всех желающих посмотреть спектакль. В коммуну на спектакль собирались зрители из многих соседних сёл. Выезжали наши артисты и на «гастроли» по району...

В театральной работе коммунары «Майского утра» следовали правилу: лучше плохо сыграть умную пьесу, чем глупую – хорошо.

Плоских, бездарных пьес-агиток коммунары не терпели.

Как известно, крестьяне – истые любители сказок. В этом причина «всероссийского» распространения антихудожественного лубка в дореволюционной деревне. Зная это, я задумал проверить, какие же сказки и легенды больше понравятся крестьянам – художественные или лубочные. Я читал коммунарам «Бову», «Милорда», «Гуака», «Полкан-Полканыча», а затем русские сказки Афанасьева, «Калевалу», «Аленький цветочек» Аксакова, «Конька-Горбунка» Ершова, «Конька-Скакунка» Верхоянцева, «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина, «Рустема и Зораба» – перевод Жуковского из книги «Шах-Намэ», «Олесю» Куприна, «Элчан-Кайя» Житкова, «Сказки народов Востока о Ленине» Соловьёва, «Голь перекадную» Соколова-Микитова и др.

И что же? Художественные сказки неизменно затмевали лубок. К лубку коммунары обращались, когда не было сказок художественных.

Философская, политическая, сатирическая мудрость народных сказок доступна моим слушателям в полной мере.

И в школах и в аудиториях взрослых я десятки раз пробовал «морочить» слушателей, читая им художественные и лубочные сказки и предлагая после чток определить, какие красивее и умнее. Художественные сказки при этом сравнении всегда выигрывали...

В стихах крестьянам «глянулись» те же качества, что и в художественной прозе. Когда я читал коммунарам плохие стихи современных поэтов, то хорошо грамотные слушатели к месту припомнили подходящие стихи из классиков и декламировали их. Выйдет из-за парты, бывало, какой-нибудь кузнец да и начнёт сокрушаться:

– Э, нет, паря, не тот товар! Вон у Пушкина-то: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» Картина!!! Скоблит тя по коже! И всё как есть правдивое... А слова-то! Вот они! Ровно наших! За кузнецом не утерпит ещё кто-нибудь:

– Али взять Никитина: «Вырыта заступом яма глубокая...» Во, брат! Занурит тя от этого стиха! Всю жисть будешь держать в памяти!

Охотников вспоминать поэтов-классиков бывало так много, что я искусственно обрывал их увлечение...

На стихи безукоризненные по форме, но пустые по содержанию крестьяне смотрели как на безделушки и отвечали на них улыбкой добродушия и безразличия.

Стихи лирические, психологические, сатирические, философские, пейзажные – всё различали, всё понимали, всё переживали крестьяне, если поэты говорили с ними трогательными общепонятными образами.

Интересная история вышла у нас со знаменитым стихотворением Фета «Шёпот. Робкое дыханье...». Разбор его был для коммунаров самым трудным испытанием их способности ощущать утончённую, «эфирную» поэзию. Моя уверенность в провале «Шёпота» была тверда. Но представьте: Фет заморозил «грубые» крестьянские сердца!

– Тут всё – человеческое!

– А природа-то как нежно описана!

– И луна, и соловей, ну, всё при ночи! Ровно у нас в мае месяце, вон там, за баней, над рекой...

– Речка-то! Ишь, серебрится... Живая картиночка!

– По себе понимаешь всё написанное в стихах.

– Мал золотник, да дорог.

– Ноне так уж не пишут стихов. Пошто это так?!

В последние годы моей жизни в коммуне читки посещались крестьянами из окружающих сёл. Случайные посетители принимали живейшее участие в разборах сочинений и при этом рассуждали о них не хуже наших коммунаров. В этом факте я вижу одно из доказательств того, что крестьянскую критику художественной литературы можно было вести где угодно.

Критика художественных произведений заметно повысила общее развитие коммунаров «Майского утра», развязала язык самых отсталых женщин, пробудила у них стремление к просвещению, приучила анализировать литературные и жизненные вопросы.

– В понятие берёшь, когда по мозгам перетуря пойдёт... Люди судят, про что читали, и сам, глядишь, воткнёшься в разговор... – говорили мне коммунары в начале опыта.

– Без перебору чтение из головы вылетает, а так-то нет.

А один коммунар так сказал о культурном росте своей жены после читок и разборов художественной литературы:

– Моя баба стала рассуждать про всякое. Прежде – пень пнём была, а вчера, смотрю, за обедом она начинает рассуждать про книги, про сельскохозяйственную кооперацию. Сроду я от неё таких слов не слыхал. Вижу теперь, баба в ум входит. И сама она говорит, что от критики это у неё появилось...

Сличите высказывания одних и тех же лиц во всех стадиях моего опыта – и картина умственного развития коммунаров под влиянием критики художественных произведений будет для вас очевидной...

* * *

Как это ни удивительно, а опыт крестьянской критики художественной литературы, проведённый в коммуне «Майское утро», был и остаётся первым и единственным.

Я начал его в сибирской глуши сорок шесть лет назад, закончил в 1932 году.

Странно, что за последние три десятилетия никто и нигде не продолжил и не улучшил этого нового, чрезвычайно важного дела. И ещё более странно то, что голос рабочих и крестьян о художественной литературе ни в какой форме до сих пор не звучит систематически со страниц нашей печати.

После выхода в свет первого издания книги «Крестьяне о писателях» истекло почти сорок лет. За это время произошло великое преобразование Советской страны. И вот теперь-то и следовало бы

повсюду развивать рабоче-крестьянскую критику художественной литературы, которая показала бы разительный культурный рост всех советских людей.

40 – 35 – 30 лет тому назад я был одиноким пионером крестьянской критики художественной литературы и вёл её в маленькой школе, похожей на избушку на курьих ножках. А ныне в советских городах и сёлах клубы и школы – роскошные, богато обставленные дворцы! И работают в них не одиночки, а целые армии высокообразованных людей. Какие необозримые возможности открылись для всех видов массовой просветительной деятельности! Организовать критику художественной литературы при этих благодарнейших условиях – так просто и легко. Нужен только энтузиазм культработников, их любовь к народу и литературе...

Что я считаю в переиздаваемой книге «Крестьяне о писателях» заслуживающим внимания и ныне? Прежде всего – живой самоцветный народный язык, имеющий непреходящее значение.

Да и сама крестьянская критика сохраняет значение, как в большинстве своём верная реакция на те произведения, которые вошли в золотой и просто – в ценный фонд советской художественной литературы.

Думаю, что из метода работы с художественной книгой в крестьянской аудитории, а также из моих наблюдений нынешние культработники извлекут полезные крупницы...

Время и место проведения моего опыта, несомненно, отразились и на подборе литературы, которая была прочитана коммунарам, и на методе работы, и на содержании крестьянских высказываний. И хотя ныне литература, обсуждённая коммунарами, в некоторой своей части канула в Лету, записи эти, надеюсь, будут небезынтересны для писателей и читателей наших дней.

Я трезво сознаю, что во всех частях моего давнего опыта найдётся много ошибок: ведь у меня не было ни живых наставников, ни книжных руководств.

И потому с чистой совестью говорю: я сделал, что умел; кто может, пусть сделает лучше...

А. Топоров

**ПИСЬМА
ПИСАТЕЛЕЙ
А. ТОПОРОВУ**

Г.А. ВЯТКИН

Новосибирск, 8 июля 1927 года

Уважаемый тов. Топоров, – простите, не знаю Вашего имени-отчества, – Ваш опыт по выявлению отношения крестьянства к художественной литературе представляется мне чрезвычайно ценным и, конечно, Вы должны его продолжать. Но мне кажется, что тут существенно важен выбор вещей и что надо брать вещи, вполне понятные крестьянству, а не Пильняка и т.п., хотя бы и очень талантливых писателей. Ведь читать крестьянам Блока или Пильняка, или футуристов – это всё равно что малограмотному рабочему дать вместо элементарной политграммы «Капитал» Маркса или полемику Ленина с народниками и меньшевиками.

А вот Есенина, мне думается, уже можно попробовать (в его лучших вещах). Следует также Сейфуллину, Неверова, Подъячева – тех, что ближе к толстовской простоте и реалистичнее.

Не забудьте сибиряков.

Начните с превосходного рассказа Наумова «Умалишённый», возьмите кое-что у Гребенщикова, Шишкова, Новосёлова, Гольдберга, Урманова, Пушкарёва. Если хотите, меня, попытайтесь узнать крестьянское восприятие моего «Сказа о Ермаковом походе», напечатанного в №3 «Сиб[ирских] огней».

Необходимо заглянуть в классиков. Толстой, Некрасов, частично Чехов будут, несомненно, приняты. А вот «дойдёт ли» пушкинский «Анчар», характерная лирика Лермонтова, Тютчева?

Думаю, например, что Демьян Бедный воспримется сильнее Некрасова, Подъячев сильнее Толстого. Любопытно!

О Ваших опытах знаю только по «Звезде Алтая», но там очень кратко, надо бы поподробнее.

И конечно, опыты необходимо расширить. Найдите себе помощников и ведите работу одновременно в ряде мест.

Привет.

Г. Вяткин

14 августа 1927 года

Многоуважаемый Адриан Митрофанович,
отвечаю на Ваше письмо с некоторым запозданием, т.к. только вчера вернулся из Семипалатинска (реферировал для «Известий» ЦИК процесс Анненкова).

Конечно, я высказывал своё мнение о Вашей работе на основании случайных отрывков из неё, которые попадались в газете. Я и не подозревал, что у Вас столь обширный репертуар – от Гомера до Метерлинка. Само собою разумеется, что тогда не страшны и Пильняк, и Блок.

Пришлите рукопись – заказной бандеролью. Очень хочется почитать. Кстати, скоро придёт Зазубрин.

Если, паче чаяния, рукопись не подойдёт для «С[ибирских] огней» (от нелепостей никто не застрахован), то месяцем-двумя позднее она всё равно увидит свет – думаю, что такую оригинальную работу с удовольствием возьмёт и Москва.

Отзывом крестьян о «Ермаке» Вы меня очень обрадовали. Спасибо Вам за инициативу.

Ну, пока всего доброго.

Будем ждать рукопись. Перепечатали ли Вы её в нескольких экз[емплярах]? Подобную работу нельзя иметь в одном экземпляре.

Крепко жму руку.

Г. Вяткин

Новосибирск, 8 сентября 1929 года

Уважаемый Адриан Митрофанович,

Одновременно с этой книжкой посылаю Вам свою детскую книжку «Приключения китайского болванчика», недавно поступившую в продажу.

Не откажите прочесть её ребятам среднего и старшего возраста. Очень хотел бы узнать их мнение.

С уважением и приветом

Г. Вяткин

В.Я. ЗАЗУБРИН

8 ноября 1927 года

Уважаемый Адриан Митрофанович,
я только на праздниках смог как следует посмотреть Вашу работу.

Конечно, она необычайно ценна. Читал я её, как самую увлекательную повесть или роман. Мы её поместим в двух номерах «Сиб[ирских] огн[ей]». В №6 и 1-м. Сокращать отрицательные отзывы мы не будем. Оценки крестьян имеют настолько большое общественное значение, настолько они порой глубоки, метки и мудры, что никакая редакторская рука на них не поднимется....Мне очень хочется услышать отзывы крестьян о моих работах. Это страшно освежает и взбадривает. Пусть меня разругают, но в такой ругани можно много почерпнуть и многому научиться. Поэтому я посылаю Вам «Два мира», «Бледную правду», «Неезженными дорогами». «Общежитие» Вы ведь имеете? «Два мира» у меня единственный экземпляр. Поэтому прошу Вас, А.М., по прочтении его мне вернуть....После того как работа пройдёт в «Огнях», будем думать об отдельном её издании. Надо заполучить от Вас отзывы на классиков. Это было бы чудесно. Ваша книга имела бы не меньшее значение, чем записи Софьи Федорченко – «Народ на войне». К январю хотелось бы иметь отзывы на мои вещи, на «Золотой ключ» Караваевой, на «Перегнутой» Сейфуллиной, на «Путь, не отмеченный на карте» Гольдберга, на стихи Ерошина, Мартынова, Изонги, Маркова и т.д. Сообщите свои соображения на этот счёт....Жму руку.

В. Зазубрин

P.S. Передайте привет Вашим коммунарам. Скажите, что лучших критиков я не встречал.

Новосибирск, 24 июня 1929 года

Дорогой Адриан Митрофанович,
в №10 «Молодой гвардии» о Вас пишут как о «герое советской коммуны». В этом журнале помещён очень хороший отзыв о выходящей на днях книге Вашей. Вам только остаётся вырезать эту рецензию, вырезать фельетон Аграновского, приложить всё это к своей книге (скоро Вы её получите) и отправить Максиму Горькому с сообщением, что в дальнейшем Вы лишены возможности

заниматься этой читкой, т.к. Вам запрещают и т.д. Напишите, что некоторые газеты отказались напечатать отзывы Ваших коммунаров как чересчур грамотные.

Максим Горький очень тепло отозвался о Вашей работе, и он несомненно в это дело вступится... Горький проживёт в СССР до глубокой осени. Успеете... Говорят, что А.М. Горький собирается в Сибирь. Если приедет в Новосибирск – уговорю его съездить к Вам и послушать читку... Черкните, как живёте? Коптелов говорил, что Вас «жмали и опять хотят жмать или уже жмут».

Всего доброго. Крепко жму руку. «Два мира» только выпустили. Авторских ещё не получил. Как получу, вышлю Вам и коммунарам.

В. Зазубрин

Москва, 21 ноября 1933 года

Дорогой Адриан Митрофанович, не вините почту, вините меня. Кое-что я сделал. А именно – доложил о Вас Алек[сею] М[аксимовичу]. Он считает, что Вас надо издать. Он вернётся из Крыма в январе, и тогда я ему вручу книгу, мною подобранную.

Второе – жду книгу по истории коммуны. Вот и всё. Как выйдут «Горы» – пришлю Вам.

Привет.

В. Зазубрин

Москва, 27 января 1934 года

Дорогой Адриан Митрофанович, о Вашей книге я разговаривал с Алек[сеем] М[аксимовичем] дважды. В первый раз он одобрил идею её издания вообще, во второй раз подошёл к делу более конкретно. Он требует, чтобы книга не только давала диалектологический материал, но и говорила о широте кругозора коммунаров. Он говорит, что 2-я книга будет им поддержана, если в неё Вы включите материалы по разбору Толстого Льва, Гёте, Гейне, Ибсена и русских классиков, надо, конечно, и самого его включить. Если имеете, то присылайте мне эти материалы, и книга пойдёт.

В №12 «Нового мира» прочтите окончание первой книги «Гор». Там вы без труда узнаете себя под именем Митрофана Ивановича. Я вас увековечил. Во 2-й книге Вы будете (тоже) фигурировать. Жду материал. Еду на 3 недели на Алтай.

Жму руку.

В. Зазубрин

Свердловск, 22 февраля 1934 года

Дорогой Адр. Митр., пишу проездом. Забыл Ваш домашний адрес. Может быть, дойдёт. В день отъезда узнал, что Максим Горький выдвигает Вас одним из редакторов лит.-худ. журнала для колхозников. На днях получите предложение – приехать в Москву для переговоров. Советую принять это предложение. Алек[сей] М[аксимович] очень Вас ценит и хочет с Вами познакомиться, чтоб Вам дать более широкое поле для продолжения Ваших занятий.

Еду на Алтай на месяц.

В. Зазубрин

В.А. ИТИН

12 января 1928 года

Сегодня вышел №6 «Сибирских огней».

Я получил Ваше письмо. Благодарю.

Пока что в Вашей статье прочёл о себе следующее: «Холодная философия, смоченная водичкой ультраинтеллигентского «сверхчеловеческого» эстетизма и выраженная заумными вывертами речи, претит крестьянам. Они говорят о полной ненужности её в деревне и совершенно отказываются понимать, зачем печатают такую дворянщину в советских книгах? Пример: «Открытие Риэля» – В. Итина».

Я Вам писал, что, разумеется, ни в коем случае я не мог бы ожидать от деревни положительной оценки; но дело в том, что «пока что» эта оценка Ваша, если бы Вы знали, на какую сволочную мельницу Вы льёте воду!

В общем же – Ваша работа замечательна. Она должна быть издана отдельной книгой. Я, к сожалению, собираюсь уехать из Новосибирска; но, если Ваша работа продлится до осени и не будет издана, я переговорю о ней в Госиздате (если Вы согласитесь, конечно).

Жму руку.

В. Итин

Е.Н. ПЕРМИТИН

Новосибирск, 24 мая 1930 года

Уважаемый А.М.!

Вчера на книжном базаре встретил и купил Вашу книгу «Крестьяне о писателях» – книгу прочёл в ночь.

Прекрасная, нужная книга. Полезная писателю, присяжным критикам и огромной армии культработников, работающих в деревне с книгой.

Несомненно, книга вызовет большую шумиху. Найдётся (и очень хорошо) много подражателей, которые расширят и углубят Ваш опыт. Но ценно то, что уже сделано, начато. И это начато Вами.

Несомненно, что писатели завалят Вас литературой и просьбами узнать нелицеприятную оценку своих работ от аудитории, далёкой от политиканства, критического подхалимства и т.д.

Лично я посылаю Вам мою первую большую лит. работу. Очень прошу помочь мне разбором первой книги, чтобы создавать в дальнейшем нужные для крестьянства книги. Сам я – крестьянин, один из организаторов в Сибири отдела ВОКП (Всерос. Объединение Крестьянских Писателей).

Глубоко убеждён, что подлинный «паспорт» книге, конечно, будет выдан только самим читателем, а не верховной критикой, о которой я держусь особого мнения.

Роман в ближайшем будущем выходит массовым изданием в из[дательств]ве «Федерация».

Обязете многим, если напишете мне о мыслях и впечатлении, которые вызовет у колхозников мой роман.

Роман о колхозе, роман, правда, незаконченный (вторую книгу я пишу). Проблема основная: освобождение из капкана мелкобуржуазно-индивидуалистических инстинктов и выработка новой психологии коллективиста. Показ процессов коллективного труда. Чем углубленней, жёстче, хлеще будет критика, тем будет полезнее. Стерплю всё. Хорошо то, что о книге нет ещё отзывов, только что вышла в свет.

Уваж. Вас Е. Пермитин

Москва, 2 декабря 1958 года

Дорогой Адриан Митрофанович!

Обрадован Вашим письмом. И весьма обрадован. Вашу работу в коммуне «Майское утро», Вашу книгу «Крестьяне о писателях» я считал и считаю замечательными и, пожалуй, беспримерными в истории мировой лит-ры.

Не подумайте, что это «земляческое» преувеличение... Народ – лучший и справедливейший критик. Вы это блестяще доказали в своей книге «Крестьяне о писателях».

Экз[емпляр] этой книги я переплёл и бережно храню и всегда с наслаждением перечитываю её: языковые россыпи там богатейшие.

Хотелось бы, чтоб Вы почаще писали нам в газету «Литература и жизнь». Неплохо, если бы припомнили работу в «Майском утре»: драгоценный Ваш опыт должен найти достойных подражателей и продолжателей не оценённого Вашего опыта.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш Е. Пермитин

Н.А. РУБАКИН*

Лозанна, 26 июня. 1930.

Глубокоуважаемый и дорогой Адриан Митрофанович!... Ваша замечательная книга особенно ценна её внутренней честностью. Потому она и особенно поучительна. Она откроет глаза многим и многим на настоящую роль и значение и на социальное назначение литературы... Изучив все три Ваши такие превосходные, вдумчивые статьи в отделе «Крестьяне о писателях», я не могу не подписаться под каждым словом их. Вашими устами говорит там сама жизнь... Очень жалею, что не могу прислать Вам мой последний труд «Психология читателя и книги»... Посылаю вместо него третье издание моей книги «Письма к читателям о самообразовании» и несколько моих книжек, написанных на основании изучения читательской психологии (в связи с социологией) трудящихся классов (1889 – 1929). Я был бы вам очень признателен, если бы смогли... подвергнуть посылаемые мною книги перекрёстному огню мнений со стороны Ваших друзей-читателей, которых и я не могу не считать моими друзьями и единомышленниками тоже.

С каждой страницы Вашей книги так и прёт, так и сияет Ваша любовь к человеку, к читателю, да и их любовь и доверие к Вам просто-таки очаровывают.

От всей души желаю Вам дальнейших успехов в том прекрасном и важном деле, какое Вы так честно делаете. Всегда буду рад помогать Вам в этом чем только могу.

Крепко жму руку и шлю Вам товарищеский привет и поклон.

Искренне уважающий Н. Рубакин.

* Рубакин Н.А. (1862 – 1946) – русский книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель.

Ф.А. БЕРЕЗОВСКИЙ*

Москва, 14 октября 1930 года

Уважаемый Адриан Митрофанович!

В виде отклика на Ваше обращение, напечатанное в книге «Крестьяне о писателях», я послал сегодня в коммуну «Майское утро» два экземпляра романа «Бабы тропы»; один экземпляр Вам лично, второй – тем коммунарам, которые участвовали в разборе творчества современных писателей.

Я лично давно был убеждён, что подлинный, нелицеприятный, народный критик придёт в литературу из низов, из рабочих и крестьянских масс. Эти мысли я высказывал в печати. Даже неполный просмотр Вашей книги убедил меня в том, что я не ошибался. Сейчас создаются на фабриках и заводах литературные кружки не только поэтов и беллетристов, но и критиков. Логика «событий» приведёт к массовому возникновению критических кружков и в деревне. На фабрике застрельщиками в этом деле являются передовые, классово выдержанные рабочие, а в деревне начнут это дело передовые крестьяне, «принявшие» классовую борьбу и идеологию пролетариата. Ваш кружок в этом деле – первая прекрасная ласточка. Очень жаль, что Ваш замечательный опыт стал известен очень поздно. Его следовало бы давно и широко популяризировать. Я совершенно согласен с Вами, что крестьяне (не искушённые в литературных спорах) всё же являются «тщательными и серьёзными критиками». На основании личного опыта, почерпнутого из работы в литературных рабочих кружках, я могу сказать то же самое о рабочих. Разница здесь лишь в том, что Ваши критики пока что только устно высказывают свои критические замечания, а рабочие-критики начинают уже выступать в печати. Глубоко убеждён, что выступление в печати крестьян-критиков не за горами. Логика классовой борьбы вынудит и рабочих, и крестьян выдвинуть свои авангарды и на этот участок... Передайте мой горячий привет товарищам коммунарам и моё горячее пожелание им такой же смелой и нелицеприятной перетряски в дальнейшем, какую они задали нашей литературе и литераторам на вечерах, отмеченных в Вашей интересной и ценной книге.

В заключение личная просьба.

Я в третий раз переделал роман «Бабы тропы». А так как в романе речь идёт о сибирских крестьянах и о Сибири, то Вы поймёте моё

* Березовский Ф.А. (1877 – 1952) – русский советский прозаик, революционер, партийный деятель.

желание услышать мнение об этом романе самих сибирских крестьян. Я сам сибиряк. В своё время немало чертомелил на «чужого дядю» в городе и деревне. Думаю, что я хорошо знаю рабочего и крестьянина. Ибо сам из той же породы. И всё-таки мнение товарищей крестьян для меня драгоценно. Ведь они уж если обругают, то обругают от чистого сердца, а не от лукавства. И если обругают, значит, заслужил того писатель; значит, что-то у него неладно сделано в книге. Вот мне хочется знать: что же у меня неладно в романе? Нужен ли он деревне? Особенно интересуюсь: нужен ли он в последней редакции? (5-е дешёвое изд.). Прошу прочесть и разобрать по косточкам.

Читали ли коммунары мою «Мать»? Если читали, то каково их мнение о ней?

Крепко жму Вашу руку и желаю всем успехов.

Ф. Березовский

Москва, 6 ноября 1930 года

Уважаемый тов. Топоров!

Большое спасибо за присылку отзывов на мою повесть «Мать». Должен Вам сказать, что в отношении природных способностей рабочих и крестьян я – большой оптимист. И всё-таки то, что я прочёл в Вашей книге и в отзывах на мою повесть «Мать», меня поразило. Не то поразило, что ту или иную книгу крестьяне хвалят или бранят, а поразила та тонкость художественного вкуса, которую показали Ваши слушатели при разборе наших книг, и та идеологическая чёткость, с которой Ваши слушатели подходили к книге; причём часто идеологические требования, которые крестьяне предъявляли к автору той или иной книги, были чисто пролетарские, материалистические, классово-революционные. Это меня поразило и ещё лишний раз подтвердило, что идеология пролетариата соответствует желаниям и стремлениям всех трудящихся и что в будущем эта идеология станет общечеловеческой и из неё вырастет идеология будущего бесклассового коммунистического общества. Вот эта сторона крестьянских суждений доставила мне огромное удовлетворение. Очень понравилось мне и то, что, увлекаясь книгой почти до самозабвения, слушатели ни на минуту не забывают утилитарно-революционной значимости книги. Тут, по-видимому, сказался природный материалистический подход крестьянина ко всем вещам и явлениям мира. Всего

этого нашим присяжным критикам-болтунам не понять... Очень сожалею, что Вы прочли уж часть «Бабьих троп». Я ведь многое переработал и дополнил в этом романе, в том числе и в первых частях его. Мнение крестьян для меня драгоценно – о всей книге в последней редакции.

Собираюсь ехать на Урал и в Сибирь. Очень хотел бы побывать у Вас, но не знаю, удастся ли. Далеко в стороне ваша коммуна от Новосибирска, в котором я предполагаю обосноваться на полтора-два месяца. Если время и дела позволят, обязательно побываю у Вас. А пока жму Вашу руку и прошу передать мой сердечный привет товарищам коммунарам и коммунаркам.

Ф. Березовский

P.S. Ваша книга гуляет у нас по дому и вызывает восхищение. Её читают вслух. Я никак не могу получить её, чтобы дочитать...

Ф. Березовский

В.В. ВЕРЕСАЕВ*
Москва, май 1932 года

Многоуважаемый Адриан Митрофанович!
Очень буду рад Вас видеть и познакомиться с Вашей замечательной работой. Когда будете в Москве, позвоните по телефону.

Сговоримся, когда встретиться.
С приветом.

В. Вересаев

А.К. ЮГОВ**
23 марта 1966 года

Здравствуйте, Адриан Митрофанович, дорогой и глубоко-чтимый!

Я целый месяц был тяжело болен (воспаление лёгких), и вот почему такое запоздание с ответом.

Сведения о том, что готовится новое издание Вашей удивительной книги «Крестьяне о писателях», дошли и до меня, и сердце моё исполнилось радости.

Книга Ваша, поистине, хлеб насущный: не только для писателей, а для всех тех, для всех, кто сердцем своим живёт с народом, для кого слово русское не только святыня, но и величайшее орудие в созидании светлого всечеловеческого чертога, краеугольные камни которого заложены рукою великого Ленина!

«Крестьяне о писателях» и у меня одна из настольных книг.

Учусь и удивляюсь благодарно!

Душевно –

Алексей Югов

* Вересаев (Смидович) В.В. (1867 – 1945) – русский советский писатель, переводчик, литературовед, пушкинист. Лауреат Сталинской премии.

** Югов А.К. (1902 – 1979) – русский советский писатель, литературовед, переводчик.

**ЛИТЕРАТОРЫ,
КОММУНАРЫ
И ЧИТАТЕЛИ
О ТОПОРОВЕ А.М.**

ВЕРЕСАЕВ В.В., писатель

Дело небывалое и любопытное. Я, по крайней мере, не знаю подобного эксперимента во всей русской и зарубежной литературе... Непременно продолжайте.

Это настоящий неліцеприятный суд над нашим братом...

Весьма, весьма оригинально! И как сильно говорят! Вот уж доподлинно: проглоти перо – так не скажешь!

ИСАКОВСКИЙ М.В., поэт

Имя Ваше знакомо мне давно – ещё с первой половины 30-х годов, когда я переехал в Москву. Читал я и Вашу книжку, хотя это было тоже давно...

Книгу Вашу я знаю давно... Не буду Вам говорить насколько интересна и полезна Ваше книга, насколько велика та работа, которую Вы вели в «Майском утре», – не буду говорить обо всём этом по той простой причине, что тут много хорошего уже было сказано, и я лишь могу присоединиться к сказанному. Конечно, очень жаль, что никто не продолжает работы, начатой Вами... Продолжать то, что Вы начали, продолжать пусть в несколько иной форме, но всё же продолжать, по-моему, совершенно необходимо. И я надеюсь, что продолжатели найдутся...

КОРНИЕНКО, Н.В., член-корреспондент РАН, автор статей о литературе XX века

Сокрушительный удар по идеологии «писательско-читательской смычки» и наркомпросовских каталогов был нанесён читателями-героями уникальной книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях», статьи из которой публиковались с 1927 года на страницах журнала «Сибирские огни». Крестьяне коммуны «Майское утро» не ведали о том, что можно им, отнесённым к категории «малосознательных» читателей, читать, и прочли и обсудили («разобрали»): из русской классики XIX века – Толстого, Тургенева, Леско-

ва, Гоголя, Щедрина, Пушкина, Чехова, Островского, Лермонтова, Писемского, Помяловского; из русской литературы начала века – Бунина, Андреева, Блока, Чирикова, Короленко, Горького; из зарубежной литературы – Мольера, Ибсена, Гюго, Гауптмана, Мопассана, Метерлинка; из современной литературы – Есенина, Бабеля, Катаева, Сейфуллину, Бедного, Безыменского, Вс. Иванова, Новикова-Прибоя, Леонова, Уткина...

Развернувшаяся в 1928–1929 годах тотальная критика книги А.М. Топорова «Крестьяне о писателях» свидетельствовала о том, что массовый читатель был оценён по достоинству как один из реальных участников литературного процесса. «По достоинству» была оценена в 1929 году и «топоровщина» – как одно из неподконтрольных явлений, сформировавшихся в традициях народничества и просветительства 900-х годов.

ЛУНАЧАРСКИЙ А.В.

Когда, например, известный учитель Топоров производит свои интересные эксперименты с крестьянской аудиторией, мы часто удивляемся правильности и глубине суждений крестьян и многое должны принять во внимание при этом.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ А.С., советский писатель

А дело ваше новое и очень любопытное. Мужики – толковый народ! Знаю. Они не стесняются в критике. Садят, как обухом! И толк в их речах бывает большой...

СЕРГИЕНКО Р.П., кинорежиссёр, ученик А. Довженко, автор фильма «Майское утро» (1988)

Я в цей час працював на ЦСДФ над документальним фільмом «Травневий ранок» про комуну, яка в 20-30-х роках організувалася в глухому алтайському селі. Народжувалося багато комун з дуже поетичними назвами. Люди думали, що нарешті можна об'єднатися і зробити справді нормальне життя. І комунa «Травневий ранок» за кілька років стала заможним, процвітаючим господарством, найкращим у Західному Сибіру. Вони забезпечували всіх членів сімей усім, що було потрібно. А потрібно було небагато. Хазяйство було дуже заможне. Коли в 29-му році почалася колективізація, їх знищили. Кількох керівників розстріляли, кількох посадили, а решта приєдналася до сусідніх колгоспів, і всё стало, як і скрізь. Так загинула комунa, прекрасна комунa. Сільський вчитель приєднався до цієї комуни і займався тим, що кожного вечора влаштовував читання літератури. Комунари після читання обго-

ворювали, а він записував усё, що там якась Матрьона Іванівна скаже. Вийшла дуже цікава книжка А.М. Топорова «Селяни про письменників».

СУХОМЛИНСКИЙ В., педагог, писатель

Я хорошо помню книгу А.М. Топорова ещё по довоенному изданию. Всё, о чём он рассказал в своей книге и что делал в своём селе, всегда казалось мне изумительным, необычным... Когда читаешь высказывания крестьян о величайших художниках, чувствуется прикосновение к правде, к жизни... Настоящая сельская школа всегда была и есть очагом мысли, культуры. Учитель никогда не может ограничиваться уроком. Подлинный педагог является искрой, зажигающей в человеческих сердцах любовь к прекрасному.

ФИЛЬБЕРТ В.А., поэт и художник (г. Владимир)

БАЛЛАДА О ТОПОРОВЕ

Алтайские степи,
Целинные степи...
Подвеска хрустальная
Гаснет и светит.
Коммуна не спит.
Собрались к огоньку.
Свет
Выхватил лица
Со лба
И до скул;
Свет
Руки тяжёлые
Выбрал из тьмы...
Учитель читает.
И внемлют умы.
Свинцовые годы.
Деникин, Шкуро...
Взводился и щёлкал
В атаках
Курок.
Враги предавали, клянясь и любя...
Правдивая книга
В гостях
У тебя!

ШЕВАРОВ Д.Г., литератор:

Русские подвижники... Если бы вышла в свет энциклопедия с таким названием, то она не могла бы обойтись без имени Адриана Митрофановича Топорова.

* * *

...Не один миллион советских граждан – молодых писателей, учителей, библиотекарей, студентов, учащихся старших классов средних школ и все те, кто ознакомится с книгой (она найдёт путь к сердцам читателей), скажут большое спасибо автору.

В своё время я читал книгу Адриана Митрофановича Топорова в отрывках, публиковавшихся в журналах, в 1930 году – приобрёл книгу, прочитал её залпом, но, к сожалению, не сумел сохранить. На самой ходовой полке моей скромной библиотеки приготовлено место для книги А.М. Топорова, которой восхищаюсь я и восхищаются мои друзья.

*П. Лобанов
Ст. Красный Яр
Иркутской области*

...В 1920 г., постом, наши мужики решили создать коммуну между сёлами Глушинка и В.-Жилино. Мы, бабы, сначала не хотели идти, боялись, ну ничего не сделаешь – пошли за мужьями.

Сначала там был только один густой лес, даже пешком было трудно пройти. Стали вырубать лес, корчевать пни и строить первые дома, а сами жили за 3 км в В.-Жилино. Ходили работать оттуда.

Весна, надо строить, пахать, сеять, а народу всего 20 семей.

Работали с ранней зари и до поздней ночи. А тут ещё нас пугала банда, грозили всех убить, так что ночью приходилось ещё и караулить.

Потом, когда построили несколько домов, то переехали с семьями. Жили по 3 семьи вместе, в столовой, и там же кормили ребятшек. Построили школу, и учителем стал работать Топоров Адриан Митрофанович.

Нам он всем очень понравился. Днём учил детей, а вечером стал учить нас, мы все почти были неграмотные.

Вот теперь мне уже 70 лет, а я всё же могу расписаться и прочитать буквы, спасибо ему.

Вечерами часто читал нам книги, все ходили, очень интересно было слушать его. Топоров читал так хорошо, понятно, так все, даже

старые, ходили, а потом, когда прочитает книгу, то много говорили о ней и о поэте, кто её писал.

Ещё он вёл музыкальный кружок, много было поставлено силами коммунаров пьес. Он тут же сумел подойти к людям и научить играть на сцене. В общем, никому скучать не давал.

А у дома у кого увидит мусор, так получишь выговор от него же.

Везде он видел и знал, очень уж был живой человек (говорят Титовы, что он ещё и теперь такой же, хотя уже стар).

Мы жили дружно все, работали вместе и отдыхали вместе, весело было, хотя работы было очень много.

Да, каких детей учил А.М. Топоров, то почти все стали работать хорошо, честно, на ответственных постах.

У меня учил троих, и все вышли, как говорят, в люди.

Ещё раз ему спасибо за его труды! Теперь всё.

*П.Ф. Стекачёва,
бывшая коммунарка коммуны «Майское утро»
Ст. Овчинниково,
4 июля 1962 г.*

...Я жила и училась в школе в коммуне «Майское утро», у сельского учителя Адриана Митрофановича Топорова, автора книги «Крестьяне о писателях».

Это были первые годы Советской власти, это была её весна, это было майское утро. Понимать жизнь, в которую мы вступали, формировать наши характеры по-новому, по-коммунистически помогал дружный коллектив коммунаров, который и сам вершил свою новую судьбу.

Помню, часто, а зимою почти каждый вечер, в зале школы собирались коммунары слушать громкие читки литературных произведений, а потом обсуждали прочитанное. Эти вечера читки и критики не были официальными и скучными, нет.

Это были вечера отдыха и развлечения, а впоследствии они превращались в необходимость.

Я тогда была ещё ученицей, и сейчас в памяти не сохранились конкретные выражения о том или другом произведении, но помню, что беседы проходили живо и интересно, они были свободны и вольны. Я тоже как-то высказала своё мнение, и оно помещено в книге «Крестьяне о писателях». Только жаль, что я не смогла в библиотеках своего города найти эту книгу, чтобы восстановить в памяти критические высказывания коммунаров.

Эту книгу я считаю нужным снова издать. Она послужит примером для проведения читательских конференций.

Не могу не рассказать об одной читательской конференции по роману «Братья Ершовы» В. Кочетова, на которую я была приглашена библиотекой как читатель. Я с большим желанием готовилась к ней, хотела выступить с критикой и послушать выступления других, но ничего интересного на конференции не получилось, даже выступить было невозможно. Докладчик охарактеризовал роман и предложил слово для выступления на заданные темы специально подготовленным трём товарищам. Выступающие не излагали свободно свои мысли, а читали по бумажке написанное заранее. Одна девушка пришла к концу доклада, прочла своё выступление и снова куда-то побежала из зала. После этого докладчик сделал заключение по роману, и конференция была закрыта. Нас, читателей, не спросили ни о чём и не пригласили взять слово для выступления. В нашем мнении не нуждались, преподнесли нам готовое и сделали выводы. Это было унижительно и неприятно, зато мероприятие по плану было выполнено. Мне стало ясно, почему на конференцию пришли только двенадцать человек, хотя конференция широко афишировалась.

Какое сравнение могут иметь с этой конференцией обсуждения и разборы прочитанных книг в коммуне «Майское утро»?

Надо возобновить опыт массовой критики художественной литературы читателями, которые в настоящее время стали богаче духовно, грамотнее и требовательнее, чем тридцать лет назад.

В заключение напишу немного о себе. Я работаю кредитным инспектором в Бийском отделении Госбанка. Имею среднее специально-банковское образование. Для меня А.М. Топоров был не только учитель (я училась у него до 7-го класса), но и человек с большой, широкой душой, которому я обязана отчасти за своё образование.

Когда-то я после окончания четырёх классов была отдана в няньки, и дальнейшая учёба была уже невозможна. Мой учитель узнал об этом и взял меня к себе на лето в коммуну «Майское утро» под предлогом, что ему нужно помогать переписывать статьи для отправки в газеты. Я по два или три часа в день переписывала его статьи, а остальное время ходила в лес по ягоды и играла с коммунарскими детьми. Писанину мою он, конечно, никуда не посылал, так как я ещё совсем плохо писала, но мне платил за каждую неделю деньги, на которые для меня покупалась необходимая одежда, чтобы с наступлением учебного года продолжать учёбу дальше.

А потом я уже сама писала в краевую газету.

Так мне помогал выходить «в люди» Адриан Митрофанович.

*М. Зверева
г. Бийск Алтайского края*

...Когда я узнал, что решено переиздать уникальную в своём роде книжку «Крестьяне о писателях», я очень обрадовался и сказал: правильно, давно пора! У меня была эта зелёная книжечка, с портретами коммунаров на обложке, но в годы войны затерялась.

Её автора – учителя из бывшей коммуны «Майское утро» Адриана Митрофановича Топорова я хорошо тогда знал. Часто бывал в коммуне, смотрел спектакли, слушал концерты. Человек незаурядных дарований и кипучей энергии, он будоражил всех. Адриан Митрофанович был тогда подлинным борцом на фронте культурной революции...

Невольно вспоминаются некоторые картинки из жизни коммунаров. ...На школьной сцене в углу стоит невысокий пожилой человек и усердно поёт какую-то арию. Может быть, это была ария Сусанина из одноимённой оперы М.И. Глинки, может быть, романс Чайковского, теперь я не помню. А рядом с певцом за фисгармонией сидит молодой черноволосый мужчина и тихо аккомпанирует солисту. Это коммунар Алексей Абрамович Зайцев и Адриан Митрофанович Топоров.

Они по несколько раз повторяют трудные места. Адриан Митрофанович осторожно поправляет неопытного солиста, а при удачах весело кивает головой.

Будучи широко одарённым, он в каждом искал искорки таланта. И если находил, то радовался этому от всего сердца.

Вспоминается и другое. Большой зал народного дома села Верх-Жилинского набит до отказа. Крестьяне-единоличники стоят без шапок в невероятной тесноте, час и полтора, не спуская глаз с коренастой, крепкой фигуры оратора в коломянковой паре. Слушают человека в очках, вытянув шеи, и те, кто стоит на крыльце. В дверь врываются клубы пара, потому что на дворе почти сорокаградусный мороз. Но этого никто не замечает...

Лекции-импровизации Адриана Митрофановича (он никогда не читал по бумаге) на любую тему крестьяне из окрестных сёл всегда слушали с громадным интересом. Рассказывал ли он им о Чехове или Горьком, о Пушкине или Толстом, о событиях в нашей стране или за рубежом – слушали его, затаив дыхание. У скромного сельского учителя был удивительный талант оратора.

Как только разносилась по селу молва: «Майские приехали! Топоров будет говорить!» – многие бросали свои дела и шли в народный дом.

Таким мы помним Адриана Митрофановича – его ученики и современники. То на сцене перед оркестром, со скрипкой в руках, то на трибуне многолюдного собрания или митинга, то в школе сре-

ди учеников, то в суфлёрской будке, то в кругу коммунаров за чтением художественной литературы. Везде и всюду он отдавал свои знания, свой талант народу. И недаром теперь ещё старые коммунары, его бывшие ученики, поминают добрым словом своего учителя и пишут ему сердечные письма.

*Г. Блинов
с. Косиха Алтайского края
25 июля 1962 г.*

...Когда мы организовались и проживали в коммуне «Майское утро», с 20 года учитель Адриан Митрофанович уже находился с нами. Учил детей и в то же время помогал коммунарам в работе.

Ездили в сёла с постановками, с оркестром, встречали майских везде и всегда с таким почётом и уважением. Ездили и к нам из окружающих сёл: то какая-то конференция, то слёт и специально на спектакли. Корыстный ли наш посёлок был, а зимой на конях молодёжь приезжала и танцевали, смотрели. Зал у нас был большой, всех привечали.

И всё во главе он – А.М. Топоров. Он не считался со временем своим, и где он только доставал хорошие пьесы и книги – было чего посмотреть и послушать.

Вообще, он знал и умел ценить писателей и людей. Критиковал писателей и нашего брата, и никто не сердился. Любил подмечать всякие недостатки в быту нашей жизни.

Адриан Митрофанович всегда был с народом. Куда бы он ни ездил, приезжает домой, обязательно всё расскажет. Кушал Адриан Митрофанович из одного котла с нами, наравне носил костюм самодельский, изо льну напыренный и вытканый, какие мы носили, прямо суровые, нисколько не беленные. Смешно сейчас, никто не носит пестрядинную одежду.

Как лето, кончит учить, на экскурсию везёт школьников в город. Да и я была уже взрослая себе, ездила с ними. Бывало, пристанешь ходить. Где только он не водил! Я помню, в музей, в типографию, по всем заводам ходили, была охота и интересно смотреть. Счастливые те ученики, которые при нём учились, и все те ученики сейчас на хорошей службе, каких я знаю. Степан Павлович самый основной его ученик, сейчас отец Германа-космонавта, Крюков Толя стал секретарём райкома, Валерий Пушкин, сын мой, офицером, Шульгин Андрей на паровозе управляет, – много их разъехалось повсюду.

Много, наверное, уже ему лет, так бы ему ещё подставил бы годов и продолжил его жизнь. Если же его работу не ценить, кого тогда

считать и кто столь работает, как Адриан Митрофанович. Было слышно, устранён был. Жалко и обидно! Как же можно было таких людей бросить в грязь лицом?

Создать бы ему условия, учесть всю его работу и пожилые года, пусть он под старость почувствует и поживёт. Для таких людей, как Топоров, ничего не жалко.

Как он любил народ и много делал людям! Я помню, мой отец, Тимофей Васильевич, уже был старенький, придёт в школу, он обязательно будет играть ему песню, какую он любит – «Коробочку».

Много, много песен я его не забыла, вот, например, песня:

В тумане моря вижу я
Горит далёкая заря.
Мой путь далёк, мой путь тернист,
Но я иду как коммунист.

Просто жалею я этого учителя, как во сне мы с ним пожили, так мне помнится. Кажется, я ещё бы пела и на сцене играла и под оркестр танцевала. Страшно я любила музыку и его выходки живые с людьми. Больше с того времени, сколь мы живём, этого уже нет, такой живой жизни. Теперь слушаем готовое радио, сами ничего не производим. Стариться только будем. Жизнь досталась нам самая тяжёлая по сравнению, как сейчас живут, а кто создавал эту жизнь? Подумаешь, в чём мы одевались, в шабуры тканые, самодельские. Сидели, на себя пряли и носили.

Дорогая редакция, можно, нет вам пригласить А.М. Топорова по радио, чтобы он что-либо говорил или как. Вы знаете, с каким бы мы восторгом послушали!

На этом пока кончу всё.

До свидания.

*Пушкина А.Т.,
бывшая коммунарка «Майского утра»
Село Глушинка Косихинского района
Алтайского края*

... Я бывшая ученица А.М. Топорова. Когда писалась книга «Крестьяне о писателях», я была ещё подростком и поэтому не могла принять участие в её создании. Но я очень хорошо помню, как эту книгу создавали и писали, хорошо знаю кипучую жизнь и неутомимый труд Топорова Адриана Митрофановича. Я хорошо помню всех своих соучеников по школе, к которым относятся и родители космонавта-2 Германа Титова.

Окончив учительские курсы, я стала работать в родной школе, с отцом Германа Степаном Павловичем. Мне пришлось быть и первой учительницей будущего героя. Я его учила в первом классе.

В коммуну «Майское утро» мы приехали в 1927 году. По сравнению с нашей деревней коммуна «Майское утро» показалась мне другим, прекрасным миром, и люди в этом мире совсем другими: все дети летом были аккуратно одеты и обуты, во всём чувствовалась воспитанность, они играли в незнакомые мне игры (мячи, городки, шашки, шахматы). Взрослые также отличались опрятностью, культурой речи и своими занятиями. После работы все спешили в школу.

В первый же вечер старшая сестра (она раньше приехала в коммуну) повела меня в школу. То, что я там увидела, окончательно поразило мой детский ум. В школе собрались все взрослые коммунарки, мужчины и женщины, молодые и старые. Адриан Митрофанович читал им газеты, что-то рассказывал, а потом на сцену вышли ученики, они заняли половину сцены, и Адриан Митрофанович уже со скрипкой в руках руководил ими. Когда хор запел под скрипку, я поняла, что ничего подобного до сих пор не слыхала. Затем были декламации и выступал оркестр.

Вернувшись домой, я с тоской подумала, что никогда не смогу быть такой, какие здешние дети, никогда не научусь всему, что знают и умеют они.

На второй день Адриан Митрофанович увидел меня и, прочитав в моих глазах страстное желание учиться всему, позвонил к себе, познакомился со мною и поставил на сцене вместе со всеми. С этого вечера я влилась в школьный коллектив и с жадностью закружилась в кипучем водовороте его жизни.

Только впоследствии, ставши учительницей, я поняла, сколько нужно было иметь мастерства, энергии и трудолюбия, чтобы заниматься только в школе с шестью классами, не считая всей остальной работы. Я должна ещё сказать, что все ученики Топорова отличались высокой грамотностью, умением составить любую деловую бумагу, твёрдыми знаниями математики и других наук, и что очень ценно – всегда умели свои знания применить на практике.

Например, после окончания шестого класса нас, учеников, взяли в полевые бригады учётчиками, и мы без всякой посторонней помощи с первых же дней образцово справились с этой работой: замеряли поля, высчитывали площади полей любой формы, начисляли трудодни и пр.

Как блестящий организатор, Топоров умел создать активы среди учащихся и взрослых, которые ему во всём помогали.

Одним из умелых, активных помощников во всём был любимый и одарённый ученик Адриана Митрофановича Стёпа Титов. Он занимался с младшими детьми музыкой, был организатором и руководителем учащихся при выполнении любой работы.

Старшие ученики, окончив школу, не порывали с нею связи, даже ставши взрослыми. Особенно шумно и весело становилось в школе в дни каникул, когда приезжали студенты и учащиеся 7-9-х классов, учащиеся в селе Косиха. Всё своё время они проводили в школе: участвовали в оркестре, в хоре, в постановках, в оформлении сцены, в подготовке декораций и костюмов. А в летние каникулы все, начиная с 3-го класса и кончая студентами-старшекурсниками, работали в поле, на огороде. Всем находилась работа по силе и способности.

Коммуна «Майское утро» была светляком, к которому тянулись все, кто стремился к свету и знаниям.

*П.Т. Никонова
г. Лисичанск Луганской области,
23 июля 1962 г.*

Дорогие товарищи!

Мы узнали от друзей о том, что решено переиздать книгу учителя Адриана Митрофановича Топорова «Крестьяне о писателях». Об этом мы читали и в газетах. Мы знали и видели всю работу А.М. Топорова в коммуне. Мы работали вместе с ним многие годы. Поэтому хотим сказать наше слово о нашем бывшем учителе А.М. Топорове. Как бы хотелось иметь эту книгу! С каким волнением читаем мы в газетах, слушаем по радио и смотрим по телевизору о том, что касается бывшей коммуны, её главного зачинателя учителя Топорова.

Как не волноваться, когда перед глазами вновь встаёт вся прожитая жизнь коммуны, огромная и трудная, богатая и интересная. Теперь эта жизнь стала историей, а люди, строившие её, разлетелись по свету. Только лишь письма передают мысли и мечты друзей. Великая сила дружбы, многие годы совместной жизни сохранили до сих пор эту связь. Как и многие коммунары, мы были заядлыми любителями и слушателями, а также критиками художественной литературы, которую читал А.М. Топоров. В то время Топоров был молодой, красивый, в расцвете творческих сил. Поэтому хочется сказать, дорогие товарищи, каков человек этот Топоров и что он сделал для Родины.

Адриан Митрофанович Топоров жил и трудился в коммуне «Майское утро» с первого дня её организации, т.е. с 1920 г. Это

большой души человек, неиссякаемой энергии, творческого труда. Какой великой способностью организатора обладал он! И за весь этот огромный труд Топоров не требовал оплаты. Высокое сознание дела руководило им. Не так уже много было таких людей. Днём, когда коммунары строили, Топоров учил детей (с 1-го по 4-й кл.). Он не только учил их грамоте, но и воспитывал на живых примерах мужество, правдивость, любовь к труду и Родине.

Вечером снова учёба. И за партами сидят не маленькие дети, а матери и отцы этих детей. Все, кто не знал или мало знал, были охвачены учёбой (наша семья вся училась). И опять тот же Адриан Митрофанович стоит у доски, объясняет и спрашивает, учит неустанно, терпеливо.

Невозможно в письме рассказать подробно о большой жизни Топорова.

Самое главное было – это чтение и критика художественной литературы.

Казалось бы, утомлённые дневным трудом 120 душ коммунаров должны спать мертвецким сном. Но нет. Топоров умел подбодрить, развеселить людей. С каким высоким мастерством он читал Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. Топоров был истинный актёр. Слова и мысли писателей через художественные образы глубоко проникали в душу людей, будоражили их сердца и в удивительно короткий срок из тёмных крестьян Топоров «делал» передовых людей. Коммунары совершенно отказались от религии.

Недаром, когда началась коллективизация, коммунары были первыми организаторами колхозов в 1929-1930 гг., а коммуна – живым примером коллективной жизни.

Топоров был и остаётся в сердцах бывших коммунаров живым памятником всего лучшего, яркой и богатой жизни, содержательной и многогранной.

Он, как маяк коммунизма, показывал людям дорогу в светлое будущее, вёл их вперёд. Прошло 30 лет с тех пор, как мы расстались с Топоровыми, но мы оставались и остаёмся прежними друзьями. Прошлого не отнять и не изменить.

Кажется, он по-прежнему неутомим и без промедления согласился бы лететь в космос со своим духовным внуком Германом. Только у такого деда мог быть такой внук!

*С приветом, семья Бочаровых
Анна Прохорова, Аким Иванович,
Марина Тимофеевна, Таисия Ивановна
Курская область, Рыльский район,
санаторий «Марьино»*

СОДЕРЖАНИЕ

И. Топоров. Легендарная книга.....	5
С. Залыгин. Второе рождение необыкновенной книги.....	7
А. Аграновский. Генрих Гейне и Глафира.....	10
С. Титов. Мой первый учитель.....	15

КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ

О Пушкине.....	24
----------------	----

О ПРОЗАИКАХ И ДРАМАТУРГАХ

И. Бабель. Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча.....	46
И. Бабель. Соль.....	56
В. Зазубрин. Два мира.....	67
М. Зощенко. Уважаемые граждане.....	90
М. Зощенко. Над кем смеётесь?.....	94
А. Коптелов. Чёрное золото.....	97
А. Курс. Американский костюм.....	100
А. Неверов. Ташкент – город хлебный.....	110
А. Новиков-Прибой. Ухабы.....	113
Ю. Олеша. Зависть.....	116
Ф. Панферов. Бруски.....	127
Е. Пермитин. Капкан, кн.1.....	144
Л. Сейфуллина. Вириная.....	150
А. Серафимович. Железный поток.....	152
К. Тренёв. Любовь Яровая.....	172

О ПОЭТАХ

А. Блок. «Лишь заискрится бархат небесный».....	186
А. Блок. Двенадцать.....	188
Г. Вяткин. Сказ о Ермаковом походе.....	203
С. Есенин. Песнь о великом походе.....	207
С. Есенин. Кобыльи корабли.....	210
С. Есенин. Сорокоуст.....	212
С. Есенин. Письмо от матери. Ответ.....	214
С. Есенин. Песнь о Евпатии Коловрате.....	215
В. Итин. Похороны моей девочки.....	218
П. Орешин. Бессонница.....	225
Б. Пастернак. Спекторский.....	227

И. Сельвинский. Рысь.....	230
Н. Тихонов. За городом.....	233
И. Уткин. Двадцатый.....	235

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНАРОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В ОБСУЖДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	237
--	-----

О ПЕРВОМ ОПЫТЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРИТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	245
--	-----

ПИСЬМА ПИСАТЕЛЕЙ А. ТОПОРОВУ

Письма Г. Вяткина, В. Зазубрина, В. Итина, Е. Пермитина, Н. Рубакина, Ф. Березовского, В. Вересаева, А. Югова.....	272
---	-----

ЛИТЕРАТОРЫ, КОММУНАРЫ И ЧИТАТЕЛИ О ТОПОРОВЕ А.М.

Письма и воспоминания П. Лобанова, П. Стекачёвой, М. Зверевой, Г. Блинова, А. Пушкиной, П. Никоновой, Бочаровых и др.	286
---	-----

Топоров Адриан Митрофанович

**КРЕСТЬЯНЕ
О
ПИСАТЕЛЯХ**

Издание шестое.

Переработанное и дополненное

Тех. редактор **Г.В. Сытник**

Корректор **Е.С. Степанова**

Подписано в печать 23.04.2015.

Формат 70x100 1/16. Объём 18,75 п.л. Гарнитура Petersburg.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 1500 экз. Заказ 17117.

Издательство «КОНСТАНТА»

308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6

Отпечатано в типографии «КОНСТАНТА»

г. Белгород, ул. Менделеева, 6. Тел./факс (4722) 300-720